П. С. Рейфман

ЦЕНЗУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Курс лекций

П. С. Рейфман

ЦЕНЗУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В двух томах

П. С. Рейфман

ЦЕНЗУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Том 1 Цензура в дореволюционной России

> Выпуск 3 1855–1917 гг.

УДК [351.751.5 + 070.13] (470+571) (09) ББК 76.02 я73 + 76.103(2) Р 35

Научный редактор Е. С. Сонина Библиографический редактор Н. В. Градобоева

Рейфман П. С.

Р 35 Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855—1917 гг. / науч. ред. Е. С. Сонина; библиогр. ред. Н. В. Градобоева; предисл. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2017. 305 с.

ISBN 978-5-98604-621-1

Третий выпуск первого тома исследования П. С. Рейфмана (1923–2012) посвящен роли цензуры в культурной жизни России 1855–1917 гг. В основу книги лег спецкурс, прочитанный профессором Рейфманом в 2001–2003 гг. в Тартуском университете (Эстония). В центре внимания автора — не столько история цензурного ведомства, сколько история взаимоотношений власти и общества, увиденная сквозь призму запретов, налагаемых правительством на общественную жизнь.

Для настоящего издания были проведены научная и библиографическая редактуры текста, составлены именной указатель, указатель периодических изданий и список литературы.

Книга будет полезна историкам, филологам, культурологам, а также всем, кого интересует история России.

УДК [351.751.5 + 070.13] (470+571) (09) ББК 76.02 я73 + 76.103(2)

ISBN 978-5-98604-462-0 Т. 1. Вып. 3: 1855-1917 гг. ISBN 978-5-98604-621-1

[©] Рейфман П. С. (наследники), 2017

[©] Парсамов В. С., предисловие, 2017

[©] Пильщиков И. А., предисловие, 2017

Предисловие

Жнига профессора Тартуского университета Павла Семеновича Рейфмана (1923—2012) о цензуре выходит в свет уже после смерти автора. В ее основе лежит курс лекций, читавшийся магистрантам и докторантам отделения славянской филологии в начале 2000-х гг.

Вузовских преподавателей иногда делят на ученых и педагогов. Для первых научная деятельность важнее преподавания; для вторых, наоборот, живое общение со студенческой аудиторией оттесняет на второй план скрупулезные архивные разыскания и построение научных концепций. Разумеется, идеальный вузовский профессор должен сочетать в себе то и другое. Но, как правило, присутствует крен в ту или другую сторону. Трудно сказать, что для Павла Семеновича было важнее. В его лице ученый и педагог органично дополняли друг друга.

В 1940 г. Рейфман, закончив с отличием среднюю школу, поступил вне конкурса на филологический факультет Ленинградского университета, но летнюю сессию сдать не успел... Началась война. И хотя у него был «белый билет» по зрению, да и до призыва его сверстников оставалось полгода, он добровольцем в 18 лет ушел в народное ополчение и провоевал почти всю войну на Волховском фронте под Тихвином. В начале 1945 г. дивизию перебросили в Румынию, где Рейфман и встретил конец войны. Был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За оборону Ленинграда», выданную после прорыва блокады в 1943 г. После войны первым желанием было скорее демобилизоваться и продолжить учебу.

Окончание университета совпало с разгаром антисемитской кампании, и найти работу в Ленинграде у Рейфмана шансов не было, хотя диплом был с отличием. Пришлось переехать в Псков, где удалось устроиться на работу в пединституте, а затем в Тарту, где и прошла вся оставшаяся жизнь. Сферу научных интересов Рейфмана в основном составляла русская журналистика середины XIX в. Кандидатская диссертация, посвященная «Отечественным запискам» 1840-х гг., была защищена в 1953 г. в Ленинградском университете, а докторская «Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов» — в Тартуском университете в 1972 г.

Результаты исследовательской работы находили отражение в течение многих лет в общих и специальных курсах по истории русской литературы и литературной критики. При этом чтение лекций, руководство курсовыми и дипломными работами постоянно стимулировали все новые и новые научные разыскания.

Лекции Павла Семеновича, как и его исследования, не отличались внешними эффектами. Нам, тогдашним студентам, они поначалу казались монотонными и даже скучноватыми, а сам он — педантом с классической профессорской внешностью: очки, седоватая борода, лысина, корректная и сдержанно ироническая манера в общении со студентами. Но стоило только внимательно вслушаться в то, что говорил профессор, как перед аудиторией яркими красками начинала играть эпоха. Сдержанность позволяла оттенять многогранность излагаемого материала.

Эпоху можно изучать с разных точек зрения. Можно реконструировать бытовые и общественные отношения на основе мемуаров, дневников и писем. Можно исследовать официальные акты, законы, указы, распоряжения. Можно изучать отражение эпохи в художественной литературе. Рейфман исследовал эпоху через периодику. Это формировало совершенно особый взгляд. В журналах и тем более в газетах публикуется то, что завтра уже станет ненужным и неинтересным, а послезавтра прочно забытым. Гениальные творения, даже если они и появляются впервые в периодике, составляют ничтожное меньшинство журнальной продукции. Но именно здесь «отлагается» время с его насущными интересами, сиюминутными проблемами, спорами и борьбой непримиримых позиций, различия между которыми через пару десятилетий покажутся несущественными. В контексте журнального потока произведения, появившиеся полтора века назад и продолжающие жить сегодня, несут совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывают в них потомки. Классические тексты Тургенева, Некрасова или Салтыкова-Щедрина Рейфман извлекал из журналов, в которых они впервые были опубликованы, и перед его слушателями оживали многие давно затихнувшие обертоны этих текстов.

Но если информация, попадающая в источники личного происхождения, искажается из-за несовершенства памяти человека или ограниченности его кругозора, то информация, публикуемая в периодике, деформируется прежде всего цензурой. Поразительным образом история цензуры относится к разряду наименее изученных окололитературных явлений в русской культуре. Посвященные этому вопросу обобщающие труды — такие, как «Очерки истории русской цензуры» А. М. Скабичевского (1892), «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» М. К. Лемке (1904), «Драматическая цензура двух эпох» Н. В. Дризена (1917) или «Сквозь "умственные плотины"» В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона (1972) — исчисляются единицами. Изучение цензурных документов не поощрялось до либерализации общественной жизни на рубеже XIX-XX столетий, и это понятно. Менее понятно, почему после революции 1917 г. исследование царской цензуры довольно быстро заглохло, а в послевоенное время и вовсе сошло на нет. Только с середины 1990-х гг. началось планомерное междисциплинарное изучение истории русской и советской цензуры¹. По этим вопросам

¹ Наиболее значительными исследованиями по истории цензуры XX в. являются: Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры,

Предисловие 7

проводятся регулярные конференции и семинары, с 2001 г. выходят сборники «Цензура в России: история и современность». Все это делает книгу П. С. Рейфмана крайне актуальной и, надеемся, востребованной. Уже сейчас, выложенная в интернете, она вызывает большой интерес читателей, о чем, в частности, свидетельствует ее включение в краткий библиографический список к статье «Цензура в Российской империи» в Википедии.

Разумеется, не следует преувеличивать воздействие цензуры на историко-литературный процесс. Рейфман и не преувеличивает. Его книга не совсем о цензуре в узком смысле этого слова, это не история цензурного ведомства в России. Это история взаимоотношений власти и общества, увиденная сквозь призму запретов, налагаемых на общественную жизнь. Цензура таким образом становилась одним из мощнейших инструментов лжи и манипулирования обществом в руках правительства.

Рейфман это хорошо понял, работая с журналами XIX в. и при этом оставаясь вдумчивым наблюдателем современных ему социальных процессов. Он принадлежал к числу тех редких в советское время ученых и преподавателей, чьи исследования и лекции не были подвержены воздействию современной конъюнктуры. Он мог казаться порой несколько старомодным, но в хорошем смысле этого слова, как человек старой научной школы, в его случае — историко-культурной. Русскую литературу и литературную критику Рейфман рассматривал как часть русского освободительного движения, но без идеологического угодничества. В его лекциях Белинский, Чернышевский, Добролюбов занимали значительное место, но представали они перед слушателями как люди своей эпохи, со своими сильными и слабыми сторонами.

Во второй части книги П. С. Рейфмана, где речь идет о советской и послесоветской цензуре, многое дается сквозь призму его личного жизненного опыта, но и здесь преобладает исследовательский момент. Советская власть, отменив царскую цензуру, ввела свою, еще более изощренную. В книге хорошо показан тотальный характер советской цензуры, когда цензурированию подвергались не только все виды искусства и научного творчества, но и спорт. Особое внимание уделялось шахматам, неоспоримые успехи в этой области шахматистов СССР как бы доказывали интеллектуальное превосходство советских людей. Власти требовали повышенной бдительности: цензура здесь подчас приобретала нелепо-комическую форму. По свидетельству международного гроссмейстера Ларисы Вольперт, в одном из шахматных изданий при публикации заключительной таблицы Амстердамского турнира 1976 г. была оставлена «белая строка» вместо «строки» Виктора Корчного. Этим самым советские власти пытались скрыть успех шахматиста, занявшего на том турнире первое место, но при этом не пожелавшего возвращаться на родину. Еще более абсурдный случай произошел с гроссмейстером Львом Альбур-

^{1917—1929.} СПб., 1994; *Он же.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929—1953. СПб., 2000; *Он же.* Как это делалось в Λ енинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953—1991. СПб., 2005.

том. После турнира в Киеве (1978 г.), где он успешно сыграл, готовилась к выпуску книга «Киевский международный» (Киев: Здоров'я, 1980). Весть о том, что Альбурт стал «невозвращенцем», заставила перебрать набор, и впервые в истории шахмат вышла книга без таблицы результатов, с изъятием имени одного из участников.

Все, что имело общественное значение и было способно привлекать внимание масс, могло быть запрещено. Для того чтобы быть запрещенным, достаточно было показаться просто непонятным. Невзыскательные в эстетическом отношении чиновники чувствовали крамолу везде, где они переставали что-либо понимать. Музыкальные произведения и живопись запрещались в таких случаях за «формализм» и «антинародность». Специфическим видом цензуры было и глушение западных радиостанций.

В дореволюционной России цензоры в основном рекрутировались из общества, из числа университетских профессоров и литераторов. Цензорами были, например, С. Т. Аксаков, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров. Правительство относилось к ним с известной долей недоверия и в случае необходимости наказывало. Подмахнул как-то цензор А. В. Болдырев, сидя за картами, первое философическое письмо Чаадаева к печати, и остался в результате без пенсии, так как высочайшее распоряжение велело «отставить за нерадение от службы». Советские власти уже не были столь легкомысленны и не доверяли серьезное дело цензурирования культуры «кому попало». Этим стали заниматься партийные бюрократы. Конечно, вербовка среди деятелей культуры велась, но в целом водораздел между властью и обществом стал более глубоким.

Из этого, конечно же, не следует, что советская цензура ничему не научилась у царской, а постсоветская у советской. Преемственность налицо, и Рейфман хорошо показывает это в своей книге. Хотя он неоднократно подчеркивает, что не пишет исчерпывающую и всестороннюю историю цензуры, а лишь излагает отдельные эпизоды из ее истории, это изложение настолько продуманно и концептуально, что у читателя создается целостное представление о роли цензуры в общественной истории России. В этом отношении исследование Рейфмана продолжает традицию обобщающих трудов по истории русской цензуры, начатую исследователями рубежа XIX—XX вв., о чем шла речь выше.

Работа Павла Семеновича убедительно показывает, что цензура — безусловное зло, служащее ограничению мысли, сокрытию правды и распространению лжи. Поэтому ведущиеся время от времени разговоры о ее необходимости как якобы эффективном препятствии пропаганде насилия, порнографии и т. п. выявляют глубокое непонимание сущности самого явления цензуры. Безответственность современных средств массовой информации ни в коем случае не следует считать результатом отсутствия цензуры. Книга Рейфмана показывает, что цензура никуда не делась. Но из некоторых сфер она действительно ушла, как это случалось и раньше при смене

Предисловие 9

режимов. Там, где ее не стало, сохранились результаты ее разрушительного воздействия на передачу информации. Авторы разучились быть ответственными, и научить их отвечать за свои слова — задача общества, а не правительства.

Рейфман, начав с петровской эпохи и дойдя до наших дней, неоднократно хотел поставить точку в своем исследовании, но этого ему не удавалось. Сама жизнь подбрасывала неутомимому ученому все новые и новые сюжеты. Цензура жива, и повествование о ней можно прервать, но не прекратить. Формально книга завершена. Читатель найдет в ней и вступление, и заключение, но работа П. С. Рейфмана наверняка будет продолжена новыми поколениями специалистов.

В. С. Парсамов, доктор исторических наук И. А. Пильщиков, доктор филологических наук

От редакции

Жнига профессора П. С. Рейфмана «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России» выходит в свет по инициативе его вдовы, профессора Л. И. Вольперт, и при участии многочисленных коллег, друзей и учеников Павла Семеновича и Ларисы Ильиничны. Редакция выражает искреннюю признательность Ларисе Ильиничне Вольперт за профессиональную помощь и поддержку, которые она оказывала в течение всей работы.

В основе книги — спецкурс, прочитанный профессором Рейфманом в 2001–2003 гг. для магистрантов и докторантов Тартуского университета и затем опубликованный им в интернете (reifman.ru).

Книга состоит из двух томов и охватывает период с допетровской эпохи до начала XXI в. Третий выпуск первого тома посвящен периоду 1855— 1917 гг. Для его подготовки к печати было проведено научное и библиографическое редактирование. Текст снабжен именным указателем, указателем периодических изданий и списком литературы.

Редакция продолжает работу над подготовкой к печати остальной части книги.

Благодарность Ларисы Ильиничны Вольперт

История отечественной цензуры привлекала П. С. Рейфмана на протяжении всей его научной жизни, которая началась в 1940-х гг., когда он был студентом начальных курсов Ленинградского государственного университета. Предложение прочесть спецкурс на эту тему для аспирантов и докторантов Тартуского университета (2001–2003) он расценил как редкую удачу, а представившуюся вскоре возможность опубликовать его в интернете — как истинный подарок Судьбы. Последние десять лет Павел Семенович был тяжело болен (перенес два инфаркта), но работал, не щадя себя. Я хочу взять на себя смелость выразить от его имени глубокую признательность нашим ученикам (теперь — коллегам) и друзьям дома: Нази Арутюнян, Людмиле Зайонц, Мае Халтуриной, Габриэлю Суперфину и Владимиру Литвинову, откликнувшимся на мою просьбу превратить главный труд жизни Павла

Семеновича в печатное издание и взявшимся за это нелегкое дело. Преодолевая многие сложности, они все-таки сумели воплотить казавшийся несбыточной мечтой замысел.

Выражаю глубокую благодарность научному редактору этого выпуска Елене Сониной и библиографическому редактору Наталии Градобоевой.

От всего сердца благодарю $\mathit{щедрыx}$ дарителей, без дружеского участия и деятельной помощи которых наш проект никогда не смог бы осуществиться:

Алексея Аксакова

Асю Аксёнову

Елену Артёмову

Дмитрия Бальзака

Людмилу Белавенец и иеромонаха Никона

Светлану Белову

Стеллу Белявскую

Евгения Берштейна

Дмитрия Болотова

Марию Боровикову

Янну Вайсборд

Ирину и Сергея Валиулиных

Алексея Вдовина

Яшу Веткина

Ирину Владышевскую

Романа Войтеховича

Александра Вольперта

Ирину Воробьёву

Татьяну Воробьёву

Марию Гаврину

Бориса Гаспарова

Владу Гехтман и Михаила Казбекова

Анастасию Гореву

Евгения Горного

Римму Гороховскую

Наталию Градобоеву

Елену Грачёву и Алексея Вострикова

Михаила Гринберга

Инну Гришакову

Людмилу Губианури и Фонд музея М. Булгакова (Киев)

Тимура Гузаирова

Карину Гукасян и Ланца Ханта

Александра Данилевского

Илью Денкса

Екатерину Дмитриеву

Сергея Долгова

Сергея Доценко

Светлану Евстратову

Элину Елишевич

Юлию и Кирилла Жуковых

Анатолия Жураковского

Татьяну Зубареву

Игоря Карловского

Любовь Киселёву

и кафедру русской литературы Тартуского университета

Игоря Корчного

Елизавету Костанди

Елену и Шауля Котлярских

Зою Кузнецову

Татьяну и Дмитрия Кузовкиных

Ирину Кюльмоя

Олесю Лагашину

Романа Лейбова

Аллу и Кирилла Лейбовых

Алексея Лотмана

Ренату фон Майдель и Михаила Безродного

Машу Новикову

Ольгу Ноландт и Александра Мирлина

Инну Оренштейн

Варвару Пааль

Оксану Паликову

Галину Пастур

Наталью Патрушеву

Катю Петровскую

Леа Пильд

Катю Питель

Елену Погосян

Галину Пономарёву

Вячеслава Попова

Ольгу Попову

Анджелу и Александра Пятецких

Марину Раудар и Виктора Денкса

Татьяну Раутиан

Александра Рейфмана

Павла Рейфмана-младшего

Татьяну Рогозовскую

Игоря Розенфельда

Сильви Салупере

Татьяну Сигалову

Татьяну Степанищеву

Криса Таля

Елену Тальберг и Евгения Жукова

Грету Тальвет

Яну Тоом

Ольгу Тюгай и Семена Левина

Елену Уссар

Александра и Татьяну Фельдберг

Тимура Фишеля

Зою и Ольгу Халтуриных

Олега Швайковского

Ирину Шевеленко

Виктора Шендеровича

Ярославу Шепель

Анну Шибарову

Алексея Шипулина

Татьяну Шор

Екатерину Шрагу и Владимира Давиденко

Тараса Шумейко

Елену Яборову

Наталию Яковлеву и Геннадия Обатнина

и всех, кто по разным причинам решил не раскрывать своего имени.

 Λ арисе Вольперт — любимой, другу, жене, с которой мы вместе с 1948 года, посвящаю

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»

Часть первая

(Шаг вперед,.. но...)

Три друга обнялись при встрече, Входя в какой-то магазин. «Теперь пойдут иные речи!» — Заметил весело один. «Теперь нас ждут простор и слава!» — Другой восторженно сказал, А третий посмотрел лукаво И головою покачал!

Н. А. Некрасов. Литераторы. Из цикла «Песни о свободном слове»

Оправдаться есть возможность, Да не спросят — вот беда! Осторожность! осторожность! Осторожность, господа!...

> Н. А. Некрасов. Осторожность. Из цикла «Песни о свободном слове»

Смерть Николая І. Начало царствования его сына, Александра ІІ. Всеобщее ощущение тупика, необходимости реформ. Записка Тютчева о цензуре. Сотрудничество Никитенко и министра просвещения Норова, подготовка ими цензурных изменений. «Дума русского» Валуева. Новые периодические издания. Сборник стихотворений Некрасова и рецензия на него Чернышевского. Колебания царя в вопросе о расширении свободы слова. Борьба против такого расширения консервативной части правительства. Начало работы Комитета по пересмотру цензурного устава. Студенческие беспорядки. Отставка Норова. Назначение министром просвещения Ковалевского. Появление изданий Вольной русской типографии в Лондоне. Борьба правительства с распространением изданий Герцена. Разрешение гласной полемики с Герценом. Брошюры Шедо-Ферроти. Выступления Каткова против Герцена. Другие органы русской бесиен-

зурной печати. Планы правительства нравственно влиять на печать. Начало разговоров о правительственной газете. «Комитет по делам книгопечатания». Попытки создать министерство цензуры. Отставка Ковалевского. Назначение Валуева министром внутренних дел, планы передачи цензуры в его ведомство. Назначение министром просвещения Путятина, затем Головнина. Записки Берте и Фукса о цензуре. Доклад Головнина Совету министров о цензурной реформе. Комиссия Оболенского по подготовке нового цензурного устава. Предложение высказывать в печати мнения о необходимых цензурных изменениях. Записки по этому вопросу. Сборник «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры». Обсуждение в изданиях разного направления цензурных преобразований.

Жазвание главы и эпиграфы к ней взяты из цикла Некрасова, посвященного цензурной реформе 1865 г. Мы остановимся довольно подробно на этой реформе, на ее подготовке и результатах. Эти цитаты Некрасова хорошо раскрывают и общую сущность эпохи Великих реформ, связанных с именем Александра II, «царя-освободителя».

18 февраля 1855 г. Николай I умирает. На престоле оказывается его сын, Александр II. К этому времени определилось поражение России в Крымской войне. Воевавшие против России союзники — Англия, Франция, Сардиния и Турция — одерживают победы; одной из наиболее впечатляющих стала осада и падение Севастополя. 18 (30) марта 1856 г. в Париже был подписан договор о мире. В России же крайне тяжелое внутреннее положение. В свете военных поражений все яснее становится потребность в существенных изменениях. Актуализируется крестьянский вопрос, необходимость уничтожения крепостного права. С этим связан ряд проблем, касающихся земельной собственности: освобождения крестьян с землей или без земли, выкупа земли, статуса помещиков и пр. Надо решать проблемы земства — местного самоуправления. Ставятся вопросы о новом судоустройстве, суде присяжных; об официальном православии, церковной реформе, раскольниках. Среди существенных изменений, которые нужно проводить, как один из важнейших вырисовывается и вопрос о преобразовании цензуры. Надо было везде менять, и так менять, чтобы как-то выбираться из тупика, в котором оказалась страна.

В 1857 г. Ф. И. Тютчев подает А. М. Горчакову (министру иностранных дел) письмо «О цензуре в России» 1. Цензором Тютчев был давно, с февраля 1848 г. После возвращения из-за границы, в самые трудные времена, высочайшим указом он назначен чиновником особых поручений и стар-

 $^{^1}$ Впервые опубликовано: О цензуре в России: письмо Ф. И. Тютчева к одному из членов Гос. совета // Русский архив. 1873. № 4. Стб. 607—632. В подлиннике (на французском языке) см.: Lettre sur la censure en Russie // *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений. 8-е изд. / под ред. П. В. Быкова. Пг., [1914]. С. 583—594.

шим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных дел. Оставался он цензором и при Александре II, причем с повышением. В апреле 1858 г. последовало распоряжение о назначении Тютчева председателем Комитета цензуры иностранной; в этой должности он прослужил до 1873 г. (до самой смерти). Вероятно, в последнем назначении сыграла роль и записка «О цензуре в России»¹.

В записке Тютчев утверждал: «я даже не испытываю особой враждебности к цензуре, хотя она в последние годы тяготила Россию как истинное общественное бедствие». Но российский опыт последних лет доказал, что «нельзя чересчур долго и безусловно стеснять и угнетать умы без значительного ущерба для всего общественного организма»; «прямодушие и благосклонная натура царствующего Императора позволили понять необходимость ослабления чрезмерной строгости предшествующего правления и дарования умам недостающего им воздуха». Рассуждая об отношениях власти и литературы, которые не сводятся лишь к цензуре, Тютчев высказывает мнение, что власть должна руководить общественным мнением, вести его за собой, и в то же время прислушиваться к нему, учитывать его, поэтому «необходимо не только не стеснять свободу прений, но, напротив, делать их настолько серьезными и открытыми, насколько позволяют складывающиеся в стране обстоятельства». Надо ли, спрашивает Тютчев, «в тысячный раз настаивать на факте, очевидность которого бросается в глаза: в наши дни везде, где свободы прений нет в достаточной мере, нельзя, совсем невозможно достичь чего-либо ни в нравственном, ни в умственном отношении»². Еще в 1855 г. (вскоре после смерти Николая I) Тютчев назвал наступивший период либерализации «оттепелью»³.

Надежды появляются и у цензора А. В. Никитенко. Он доказывает министру просвещения А. С. Норову, что надо заняться цензурой. Норов просил Никитенко составить новую инструкцию для цензоров. Никитенко полон самых радужных надежд: «Настает пора положить предел этому страшному гонению мысли, этому произволу невежд, которые делали из цензуры съезжую и обращаются с мыслями как с ворами и с пьяницами» 4. Норов в восторге от проделанной Никитенко работы. Решили подать царю сначала вступительную записку о необходимости изменений в цен-

 $^{^1}$ См.: Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»: три ипостаси Ф. И. Тютчева // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура / под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2000. С. 100-158.

 $^{^2}$ Цит. по: *Тютчев Ф. И.* Письмо о цензуре в России // Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М., 2007. С. 97–104.

 $^{^3}$ По словам В. С. Аксаковой (запись в ее дневнике от 10 апреля 1855 г.) и И. С. Аксакова (письмо родным). См.: Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»... С 113

⁴ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 611.

зуре, а уж потом проект инструкции цензорам. Сразу возникла проблема: нынешние цензоры, привыкшие к старым порядкам, не смогут следовать правилам, предложенным Никитенко. Норов согласился с предложением Никитенко, что цензоров нужно менять. 6 апреля 1855 г. Никитенко вручает Норову «Записку о цензуре», но тот колеблется, тянет с подачей ее царю¹.

13 апреля 1855 г. Никитенко с грустью отмечает в дневнике, что у Норова был личный доклад царю, и там, вместо прочтения записки, министр на словах передал ее содержание. Вышло не то, что следовало. Царь согласился со многим, о чем говорилось в записке по поводу Комитета 2-го апреля, но «не выразил оснований его зловредности», которую Никитенко подчеркивал. Александр сказал, что Норов теперь сам вошел в состав Комитета 2-го апреля, который уже поэтому не может быть столь вредным². Никитенко начинает опасаться, что дело может быть испорчено, но все же в мае проект инструкции цензорам готов и передан на утверждение в Главное управление цензуры. По уговору с министром проект не мог быть изменен без согласования с Никитенко. Тем не менее Никитенко уже не слишком полагается на Норова; к тому же он заметил, что царь к Норову не очень расположен. Однако 6 декабря 1855 г. Комитет 2-го апреля был упразднен, что знаменовало окончание эпохи цензурного террора.

Задачи, стоящие перед новым царем, были трудными, но решение их облегчалось ощущением неизбежности перемен. Современники вспоминают об этом времени как о всеобщем подъеме. Об этом рассказывал в мемуарах один из деятелей демократического лагеря Н. В. Шелгунов: «Россия точно проснулась от летаргического сна <...> после Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение <...> Все — вот секрет того времени и секрет успеха всех реформ»³. То же примерно пишет Н. Ф. Анненский, публицист и статистик, сотрудник народнического «Русского богатства», отмечая всеобщее огромное оживление и жажду деятельности. О всеобщем подъеме идет речь и в ряде других воспоминаний. Мемуаристы вспоминают, что в конце 1850-х начале 1860-х гг. в России не было охранительной печати; вся она, от Каткова до Чернышевского, была выдержана в духе, оппозиционном существующему порядку⁴. Размежевание произошло позже. В действительности дело обстояло не совсем так, но рациональное зерно в подобных утверждениях было.

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 613–616.

² Там же. С. 616.

 $^{^3}$ Цит. по: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 17–18.

 $^{^4}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. б.

В 1858 г. граф А. А. Закревский, московский генерал-губернатор, подал в III Отделение (В. А. Долгорукову) «Записку о разных неблагоприятных толках и разных неблагонамеренных людях». В ней перечислялось то, что, по мнению Закревского, ярого сторонника крепостного права, должно вызывать подозрение и пресекаться начальством. В списке — журналы «Русский вестник» и «Атеней», газета «Московские ведомости» (везде указаны редактор и цензор), другие издания самых разных направлений. Говорится, что артист М. С. Щепкин предлагал авторам писать пьесы на сюжеты из сочинений Герцена и давать эти пьесы для бенефиса бедным актерам. Здесь же шла речь о распространении сочинений Герцена. Еще любопытнее список подозрительных лиц, перечисленных в «Записке» Закревского. В нем и славянофилы (К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, А. С. Хомяков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин), и М. Н. Катков, и откупщик В. А. Кокорев («западник, демократ и возмутитель, желающий беспорядков»), и М. П. Погодин («корреспондент Герцена, литератор, стремящийся к возмущению»), и цензор Н. Ф. фон Крузе («приятель всех западников и славянофилов», корреспондент Герцена, «готовый на все и желающий переворотов»), и артист Щепкин с сыном, и писатель Н. Ф. Павлов, и многие другие, всего 30 фамилий¹. Нас интересует не то, что в «Записке...» много абсурдного, что она — плод больного воображения Закревского, а то, что перечисленные лица в тот момент действительно недовольны прошлым, превращаются в противников старого уклада; не различают, вероятно, разницы, потенциально существующей уже тогда между ними. Будущих радикалов в списке не было лишь потому, что речь шла о Москве.

В числе сторонников реформ значится и А. В. Головнин, вскоре ставший министром народного просвещения. В середине 1860 г. в письме он замечает, что цивилизация движется вперед, необходимость просвещения дает о себе знать и известные идеи расходятся в обществе, «несмотря на все полиции и все цензуры»².

По рукам в списках ходит «Дума русского», написанная курляндским губернатором П. А. Валуевым, будущим министром внутренних дел. Великий князь Константин называл ее «весьма замечательной запиской». Многие опасались, что она приведет к отставке Валуева, видели в «Думе русского» вопль человека, болеющего за судьбу родины. Только немногие, наиболее прозорливые, понимали, что это начало карьеры царедворца, умеющего точно рассчитывать шансы и, под видом протеста, обильно льстящего великому князю Константину. Но в какой-то степени это и веяние времени, отражение общего направления умов.

В «Думе русского» идет речь об единодушной ненависти всей Европы к России. В чем ее причина? Эту ненависть, по словам Валуева, нельзя

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 7–9.

 $^{^2}$ Цит. по: Λ емке M. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов... C. 10.

объяснить только величием России, завистью к ней. Да и величия нет, как нет военной славы, силы. Где они? События показали, что нет и Божьего покровительства, о котором столь много твердили. Вопрос о причинах этих неудач — в сердце каждого русского. Вынесет ли Россия урок из нынешних испытаний? В прошлом в Европе были волнения, а Россия наслаждалась нерушимым покоем. Но внутренние и внешние силы, духовные и вещественные, развивались в России, по мнению Валуева, весьма медленно. Возникает вопрос: «благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее устройство разных отраслей нашего государственного управления?» Валуев считает, что нет: «Отличительные черты его (управления. — Π . P.) заключаются в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и в пренебрежении ко всему другому»¹. Постоянная, всеобщая официальная ложь; в годовых отчетах разных ведомств желаемое выдается за действительное. «Сверху блеск; внизу гниль», — подводит итог Валуев. Он говорит о стремлении везде сеять добро силой, о нелюбви, враждебности к мысли, движущейся без особого на то приказания. Повсюду противопоставление правительства народу, официального — частному, пренебрежение к человеческой личности. Нужны изменения, в том числе цензурные. В дневнике от 20 октября 1855 г. Валуев, определяя, «что у нас теперь прежде всего желательно», первым пунктом ставит: «преобразование цензуры» 2 .

Именно вопрос о цензуре — одна из основных перечисленных выше проблем. Он приобретает несколько иной акцент, чем в николаевское время. Речь идет о контроле не над художественной литературой (хотя и эта задача сохранялась), а над периодикой. Возникала дилемма: сообщать ли обществу правду о происходящем или скрывать ее. Первое, по мнению властей, вело к подрыву основ государственного порядка, самодержавного правления, православной церкви. Думающая же часть общества была против второго варианта. Она считала, что далее лгать нельзя, что коренные изменения цензурного законодательства необходимы и неизбежны. К такому выводу приходят даже крупные сановники: А. С. Норов, Д. Н. Блудов, великий князь Константин и другие. Барон М. А. Корф, чутко реагировавший на обстановку, предугадывая намерения нового царя, сам подает ему доклад о необходимости уничтожения Комитета 2-го апреля. Корф признает пользу Комитета в прошлом и утверждает, что распространение рукописной литературы гораздо опаснее, чем печатной, так как против нелегальной бессильны полицейские меры. По его мнению, никогда не прилагалось столько стараний сохранить бди-

 $^{^1}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 305.

 $^{^2}$ Цит. по: Зайончковский П. А. П. А. Валуев (биографический очерк) // Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1: 1861–1864. М., 1961. С. 21.

тельный надзор над литературой, как в последние годы николаевского правления, но все приводило к противоположным результатам¹. Позже, в 1864 г., он объяснял это так: появились новые условия, «везде бывшие смертным приговором цензуры». Возникла всеобщая потребность свободных высказываний, и правительству невозможно противодействовать этой потребности².

Новая атмосфера вызвала новые веяния. Цензура почувствовала их, несколько ослабив нажим. Резко увеличилось количество выходящих периодических изданий. Если в 1845–1854 гг. выходило шесть газет и 19 журналов, то в 1855–1864 гг. уже печаталось 66 газет и 156 журналов, почти все с политическими отделами³. Но до подлинной свободы слова было далеко. Лемке оценивает обстановку так: полуотворились двери душного каземата; были ожидания, что они отворятся полностью, однако не прошло и 6–7 лет, как «общество убедилось в полной невозможности ожидать свободы слова»⁴. Это стало ясно позднее. Пока же царило всеобщее ликование. Первое десятилетие царствования Александра II завершилось законом 6 апреля 1865 г., «по непонятной, ни на чем не основанной и непростительной исторической ошибке все еще называемом звеном "эпохи великих реформ"»⁵.

Начало царствования Александра II отличалось от «дней Александровых прекрасного начала» не в лучшую сторону. Цензурные гонения продолжались. В октябре 1856 г. вышел сборник стихотворений Н. А. Некрасова⁶. По слухам, Норов, подстрекаемый «добровольцами», вызвал Некрасова и отчитал его. Тот не остался в долгу. В итоге Норов извинился. Но на другой день Норову внушили, что извинился он напрасно, и стихи действительно вредны. Вторично пригласив Некрасова, Норов накричал на него, затем послал председателю петербургского цензурного комитета бумагу о сборнике Некрасова. В ней говорилось, что цензор не должен пропускать все, что «публика может толковать в дурную сторону» (такое требование, как нам уже известно, противоречило цензурному уставу). Указывался ряд стихотворений, в которых, хотя «не явно и не буквально, выражены мнения и сочувствия неблагонаме-

 $^{^1}$ $\Lambda \mathit{emke}$ М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 306—308.

² Цит. по: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 11.

³ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 5–6.

 $^{^4}$ Λ емке M. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 308.

⁵ Там же. С. 311−312.

⁶ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М., 1936. С. 99–100.

 $^{^7}$ Цит. по: Λ емке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 312. Курсив в цитате, как отмечает Λ емке, является курсивом подлинника.

ренные», среди них выделялось стихотворение «Поэт и гражданин». По словам Норова, «можно придать этому стихотворению смысл и значение самые превратные»¹. Отмечалась неуместность перепечатки некоторых из этих стихотворений, за которые прежде пропустившие их цензоры подверглись выговору. Давалось распоряжение о наказании цензора В. Н. Бекетова; редактору «Современника» И. И. Панаеву поручено передать, что первая же «подобная выходка подвергнет его журнал совершенному прекращению»². Петербургскому цензурному комитету приказано не разрешать нового издания стихотворений Некрасова, а также какихлибо статей о вышедшей книге и выписок из нее. Распоряжение об этом отдано и по всему цензурному ведомству.

Шум поднялся даже не столько из-за самого сборника, сколько из-за рецензии на него в «Современнике», в № 11 которого, в отделе «Библиография», на первом месте, была помещена статья Чернышевского «Стихотворения Н. Некрасова. Москва, 1856»³. Она-то и обратила внимание цензурного комитета на стихотворения. Начинается статья с краткого вступления: читатели, конечно, не могут ожидать, что «Современник» может высказать подробное суждение о стихотворениях одного из своих редакторов, и потому приводится только список стихотворений, вошедших в сборник (23 строки печатного текста). Основная же часть рецензии состояла из цитирования некрасовских «Поэта и гражданина», «Забытой деревни», «Отрывков из путевых записок графа Гаранского». Последние, напечатанные впервые, давались с купюрами, замененными точками. И более ничего, никаких комментариев, никакого окончания. Текст говорил сам за себя. В сборнике он несколько растворялся, терялся среди других стихотворений. В рецензии он был сконцентрирован, и потому она вызвала бурю.

Все обратили внимание на сборник и быстро его раскупили. Об этом говорится в письме Тургенева Некрасову из Парижа и ответном письме Некрасова из Рима. Некрасов, опасаясь последствий, осуждает Панаева (которому «надо было похрабриться») за публикацию рецензии⁴. В письме он спрашивает Тургенева: «Напиши — не знаешь ли ты — откуда вышла буря: от министерства или докладывалось выше? А может, и так пронесет. Мы видывали цензурные бури и пострашней — при — [Нико-

 $^{^1}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 312–313.

² Там же.

³ Современник. 1856. № 11. С. 1–12.

 $^{^4}$ *Некрасов Н. А.* Письмо И. С. Тургеневу от 6 (18) декабря 1856 г. // *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14. Кн. 2: Письма, 1856—1862. СПб., 1999. С. 41.

лае [?]¹, да пережили. Я так думаю, что со стороны цензуры "Современник" от этого не потерпит, — к прежней дичи все же нельзя вернуться»². В августе 1857 г. о цензурной буре сообщалось в «Колоколе»: на стихотворения Некрасова «пошли жаловаться воры и укрыватели воров большой руки — аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы <...> дали волю цензурной орде с ее баскаками»³. Исследователь творчества Некрасова В. Е. Евгеньев-Максимов писал о реакции властей на сборник: «инициатива преследований на этот раз шла <...> даже не от главы цензурного ведомства — Норова, а от сфереще более высоких, заручившихся, как вполне возможно предположить, поддержкой самого царя»⁴. Ходили слухи, будто Некрасова хотели после возвращения арестовать (воспоминания Е. Я. Колбасина⁵). Шум действительно получился большой, но рассказ Никитенко о двух вызовах Некрасова к Норову не может считаться верным. Некрасов и до, и после «бури» долго находился за границей, и его просто невозможно было вызвать.

Борьба консервативной части правительства с требованиями о расширении гласности связана и с вопросом о судах. В середине 1857 г. в журналах «Русский вестник» и «Морской сборник» появляются статьи о безусловной необходимости ввести гласность в судопроизводство (совершенно запретную до того область). Министр юстиции граф В. Н. Панин растерялся от такого «радикализма», добился от царя повеления о недозволенности подобных статей, которое и было объявлено 2 ноября 1857 г. Никитенко убедил Норова выступить в защиту обвиненных изданий («Морскому сборнику» покровительствовал великий князь Константин). Доклад Норова царю заканчивался словами, защищающими право публиковать статьи о судопроизводстве. Речь шла о защите весьма умеренной (предлагалось разрешить помещать материалы о суде только в журналах, имеющих отделы наук; цензура должна была относиться к таким публикациям с особенным тактом и т. п.).

В докладе Норов писал: «Никак не должно смешивать благородное желание улучшений с mенденциямu6 к политическим преобразованиям <...>

 $^{^1}$ Примечание редактора тома Б. В. Мельгунова (см.: *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14. Кн. 2: Письма, 1856—1862. СПб., 1999. С. 44).

 $^{^2\,}$ Некрасов Н. А. Письмо И. С. Тургеневу от 18 (30) декабря 1856 г. // Там же. С. 44.

³ Цит. по: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М., 1936. С. 101.

⁴ Там же. С. 102.

 $^{^5}$ *Колбасин Е. Я.* Тени старого «Современника»: из воспоминаний о Н. А. Некрасове // Современник. 1911. № 8. С. 221–240.

⁶ Выделенное курсивом слово подчеркнуто царем и рядом написано: «Да, но они иногда весьма тесно связаны и часто появляются под видом улучшений». См.: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 315.

великодушная милость, дарованная Вашим Величеством со вступлением на престол, чрез дозволение ученому и литературному сословию выражать с умеренною свободою, в границах, начертанных законами, мысли, относящиеся часто до важных государственных предметов, без порицания настоящего порядка, принесла уже обильные плоды и нельзя сомневаться, чтобы такая литературная деятельность¹, следуя указанному Вашим Императорским Величеством путем, не принесла еще вящей пользы2, но что, напротив того, запретительная система <...> была бы несогласна с высокими царственными целями Вашего Императорского Величества и вызвала бы только размножение тайных рукописей и ввозимых из-за границы враждебных России сочинений, и породила бы может быть тайные общества»³. Норов предлагает: если министры и высшие сановники чем-либо недовольны в печати, то прежде, чем жаловаться царю, они сперва должны обращаться в Министерство просвещения за разъяснениями. Если недовольны последними, тогда жаловаться царю, сопровождая свои жалобы уточнениями Министерства просвещения. Царь не согласился с предложениями Норова. В его резолюции на докладе сказано: подобные суждения, «весьма часто несогласные с моими мыслями <...> могут нас весьма далеко повести». Поэтому император приказывает обязать и министра просвещения, и других министров «все подобные статьи <...> чтобы они доносили прямо мне», а он сам мог бы судить о них и останавливать вредные⁴.

На основании высочайшего решения 14 ноября 1857 г. было составлено секретное распоряжение Норова: «не смешивать благородные желания улучшений с *тенденциями* к политическим преобразованиям», ввиду чего цензоры обязаны, «покровительствуя науке, не давать хода вредным умозрениям»⁵. Таким образом, молодой царь, реформатор, сторонник изменений оказывается консервативнее министра. Он тормозит, а не стимулирует цензурные изменения, относится к ним с большой осторожностью и опасениями.

И все же во второй половине 1850-х гг. становится ясно, что с цензурой необходимо что-то делать. С конца 1856 г. Александр II все более интересуется ею. Повелением от 15 декабря 1856 г. царь требует доводить до его сведения главные упущения по цензуре. В марте 1857 г. министр Норов делает царю доклад с обзором современной литературы, кото-

 $^{^1}$ Подчеркнуто царем и на полях написано: «желал бы иметь это убеждение» (см.: Λ емке M. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 316).

² Подчеркнуто царем и на полях написано: «весьма в том сомневаюсь» (там же, с. 316).

³ Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... C. 315–316.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же.

рый был написан под воздействием Никитенко. В докладе предлагалось упростить действия цензуры с некоторыми изменениями и дополнениями устава 1828 г. Царь повелел: «заняться этим безотлагательно и при составлении нового цензурного устава взять за основание, что разумная бдительность со стороны цензуры необходима»¹. Позже Никитенко записывает: «Был у нового министра². Речь о цензуре. Государь сильно озабочен ею. В нем поколебали расположение к литературе и склонили его не в пользу ее. Теперь он требует со стороны цензуры ограничений, хотя и не желает стеснить мысль»³.

Литературой, журналистикой недовольны и разные ведомства. Много разногласий, споров. Никитенко пишет, что значительной части администрации не нравится вмешательство журналистики в дела их ведомств. Они находят это вредным, вызывающим неуважение к правительству. Особенно граф В. Н. Панин, министр юстиции, но он не одинок в своем усердии. Граф — ярый сторонник дореформенного строя; напыщенный, грубый, не терпящий возражений владелец огромного состояния. Вокруг него группируются обскуранты, имеющие большое влияние. Даже великий князь Константин часто не имел успеха в борьбе с партией Панина. Позднее Панин был отправлен в отставку из-за несогласия с Государственным советом по вопросу об отмене телесных наказаний: Панин стоял за их сохранение. Он не был невеждой: в прошлом получил хорошее классическое образование, много читал, когда-то учился в Йене под руководством Гёте, но все это не помешало ему позднее пылать «ненавистью к просвещению и литературе». Он «беспрестанно предлагает какие-нибудь новые, стеснительные цензурные меры»; он считает необходимым за всякие упущения немедленно подвергать цензоров взысканиям, а уж потом разбираться, насколько взыскания заслужены. Панин и его единомышленники, по словам Никитенко, «помешались на том, что все революции на свете бывают от литературы»⁴. В записке Панина, поданной в недавно образованный Совет министров, говорилось об «опасном» направлении литературы; там же содержалось предложение давать субсидии благонамеренным авторам. Совет министров пришел к единогласному убеждению, что необходимо противодействовать тому направлению, которое начала принимать литература⁵.

В январе 1858 г., после рассмотрения записки Панина в Совете министров, было издано распоряжение о необходимости запрещения

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 314.

² Евграфа Петровича Ковалевского, министра народного просвещения в 1858–1861 гг.

³ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 62.

⁴ Там же. С. 54-56, 95.

 $^{^5}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 319-321.

статей, где обсуждаются и осуждаются действия правительства. К печати могут допускаться только те статьи, где подобные вопросы рассматриваются в плане чисто ученом, теоретическом, историческом, если они соответствуют цензурным правилам. Требуется, «чтобы обращено было особое внимание на дух и благонамеренность сочинения»; «статьи, писанные в духе правительства, допускать к печатанию во всех журналах»¹. Это был уже прогресс: какие-то статьи могут публиковаться, хотя бы и только выдержанные в благонамеренном тоне.

В Петербургский цензурный комитет было решено ввести доверенных чиновников от основных министерств, управления военно-учебных заведений, III Отделения и пр. Цензоры должны были передавать им сочинения, касающиеся их ведомств, доверенные чиновники — возвращать тексты со своими отзывами. При необходимости цензорам следовало обращаться к начальству ведомств, которое тоже готовит отзывы. Все отзывы «принимаются цензурою за главное <...> при окончательном рассмотрении сочинений»; при каких-либо сомнениях следует делать запрос в Главное Управление цензуры. Если возникает разногласие между ним и ведомствами, оба заключения поступают на рассмотрение царя². Отнюдь не либеральная инструкция, скорее, в духе николаевской эпохи, совсем не похожая на то, о чем мечтал Никитенко, подчиняющая даже саму цензуру полному административному контролю.

Надежды Норова, что такое распоряжение как-то урегулирует отношения литературы и цензуры, не оправдались. Уже после отставки Норова комиссия, учрежденная для разбирательства создавшегося положения, высказала мнение, что представительство разных ведомств в цензуре «не достигло вполне своей цели, и дальнейшее существование оного не обещает никакой пользы»³.

С февраля 1858 г. начинает работу Комитет для пересмотра цензурного устава. Там прочитал свою записку о состоянии и направлении современной литературы князь П. А. Вяземский (товарищ министра просвещения). Записка испещрена пометками царя, в которых, по словам Никитенко, «проглядывало как бы нерасположение к литературе и сомнение в ее благонамеренности»⁴.

В начале 1858 г. вспыхнули студенческие беспорядки, вызвавшие сильное недовольство Александра II. В связи с ними 16 марта 1858 г. Норов уходит в отставку (одновременно с Вяземским). На место Норова

 $^{^1}$ Цит. по: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 317.

 $^{^{2}}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 317.

³ Там же. С. 318.

 $^{^4}$ Цит. по: $\Lambda emke\,M.$ Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 319.

сразу назначен попечитель московского учебного округа Е. П. Ковалевский. Он, как и Норов, относительно либерален, даже более терпим в отношении к литературе, чем его предшественник, но тоже не имеет влияния, нередко поддается нажиму партии Панина. И. С. Аксаков писал, что Ковалевский — «кисель, допустивший в свое министерство вмешательство жандармов, графа Панина, всякого встречного и поперечного»¹. Все же Ковалевский, человек умный и недюжинный, старался вести дело тихо и мирно, с умеренностью, которая казалась неприятной консерваторам, но не представляла ничего особенно прогрессивного. Правда, при существовавших условиях, при отношении царя к литературе, мало что можно было сделать. По Тютчеву, задача была поставлена невыполнимая («это все равно, что заставить исполнять ораторию Гайдна людей глухих и не имеющих понятия о музыке»)².

Ковалевский поручил продолжение работы по подготовке цензурного устава тому же Никитенко, все более сомневающемуся в ее полезности. Никитенко пишет, что поколеблено расположение царя к литературе, что он склоняется не в пользу ее³. Царь недоволен даже словом прогресс, употребленным Ковалевским: «Что за прогресс!!! прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах»⁴. В ходе работ посланник в Берлине барон А. Ф. Будберг осенью 1858 г. присылает в Петербург проект об учреждении в России, по примеру Франции, наблюдательно-последова*тельной* цензуры. Создан Комитет по рассмотрению этого проекта, в который входит и Тютчев — председатель Комитета цензуры иностранной. Он — противник проекта, предлагающего двойную цензуру: и предварительную, и карательную⁵. Сам Ковалевский колеблется, не занимает четкой позиции. Тютчев жалуется Никитенко, что министр «на словах решит одно, а на бумаге другое». «Да, это опять норовщина», — заключает Никитенко⁶. Проходит спор в присутствии царя между Горчаковым (министром иностранных дел) и К. В. Чевкиным (панинцем, министром путей сообщения). Горчаков относительно либерален, за содействие гласности; считает цензуру балластом, который пора выбросить; Чевкин резко против. Царь скорее на стороне Горчакова, дружески пожимает ему руку, и в то же время колеблется и опасается. Характерен и разговор царя

 $^{^1}$ Цит. по: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 321.

 $^{^2}$ *Тютичев Ф. И.* Письмо [к жене Эрнестине от 17 сентября 1858 г.] // *Тютичев Ф. И.* Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене, урожд.[енной] бар.[онессе] Пфеффель, 1854—1858. Пг., 1915. С. 143.

³ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 158.

 $^{^4}$ Λ емке M. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 323.

⁵ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 86.

⁶ Там же. С. 85.

с московским попечителем учебного округа Н. В. Исаковым. Тот заявляет: «Я убежден, что гласность необходима». Царь отвечает: «И я тоже, только у нас дурное направление»¹.

8 мая 1859 г. проект цензурного устава передан в Государственный совет. В основе проекта общие начала цензурного устава 1828 г. с элементами «чугунного» устава 1826 г. (предусмотрено обращать внимание не только на явную, но и на тайную цель текста)². Д. Н. Блудов, видный сановник, очень влиятельный, относительно либеральный, выступил против проекта нового устава, считая, что пока старый лучше не трогать. Обсуждение перенесли на осень 1859 г., а затем отложили («впредь до высочайшего повеления»)³.

И все-таки атмосфера начинает меняться. Впервые в истории России возникает бесцензурная вольная печать. Правда, издают ее за границей, и связана она, в первую очередь, с именем Герцена. Влияние его огромно. В 1853 г. Герцен основывает в Лондоне «Вольную русскую типографию», с 1855 г. выходит «Полярная звезда», с 1857 по 1867 г. — «Колокол» (в 1868—1869 гг. «Колокол» выходил в ином виде, на французском языке с русскими прибавлениями). Сам успех изданий Герцена определялся изменением атмосферы в России. Герцен пишет о том, что несколько лет, с образования Вольной русской типографии, все напечатанное им совсем не расходилось⁴. С началом перемен все мгновенно было раскуплено. В мае 1856 г. вышла вторая книга «Полярной звезды». Она быстро разошлась, увлекая за собой оставшиеся запасы. К началу 1857 г. в типографии ничего не осталось, пришлось печатать вторые издания⁵.

В этом же году начинается борьба с распространением изданий Герцена. Она ведется и в России, и за границей. В декабре 1857 г. III Отделение имело точные сведения о зарубежных книгопродавцах, связанных с Герценом (в Лондоне, Гамбурге, Вене, Берлине, Бреславле, Познани, Лейпциге, Брюсселе, Париже). Были слухи об открытии лавки в Дрездене: ее запретили, но открылась другая, там же. Сведения III Отделения оказались неполными: торговля шла и в тех пунктах, которые не были отмечены в списке у жандармов. Много книг поступало в Афины, Константинополь, оттуда в Одессу. Есть сведения, что их переправляли и через Китай, Кяхту в самом различном обличии: под видом каталогов

 $^{^1}$ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 108; То же: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 326.

 $^{^2}$ $\Lambda emke\,M.$ Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... C. 360.

³ Там же. С. 361–363.

⁴ См.: Базилева З. П. «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М., 1949. С. 53–59.

⁵ В 1857–1862 гг. тираж «Колокола» доходит до 2500–3000 экземпляров; спрос превышает издательские возможности (см. там же, с. 71).

(они не подлежали досмотру), басен Лафонтена¹. Никитенко, со слов князя Н. Б. Юсупова, рассказывает о предложениях доставки «Колокола» в России прямо на дом². Царю докладывали об изданиях Герцена. Продумывались разные способы борьбы с ними: попытки действовать через дипломатов, временные запреты продажи «Колокола» в Лондоне, Франкфурте, Неаполе и др.; запрещения в ряде земель Германии; были даже мысли об устранении Герцена. Герцен пишет об этом в статье «Бруты и Кассии III Отделения (Письмо к русскому послу в Лондоне)». В то время, когда правительство строже всего преследовало лондонские издания, они, по словам М. А. Корфа, «расходились по России в тысячах экземпляров, и их можно было найти едва не в каждом доме, чтобы не сказать в каждом кармане»³. Успеха такие запретительные меры не имели, они лишь повышали спрос.

О попытках борьбы с его изданиями Герцен пишет в «Былом и думах»⁴. Там речь идет о России до и после смерти Николая І. С последним периодом Герцен связывает успех «Полярной звезды» и «Колокола»: весной 1856 г. в Лондон приехал Огарёв, а 1 июля 1857 г. вышел первый лист «Колокола» как ответ «на потребность органа, не искаженного цензурой»⁵. Его читали во дворце, в том числе сам царь. В. П. Бутков, государственный секретарь, заявлявший, что он ничего не боится, говорил: «жалуйтесь государю, делайте, что хотите, — пожалуй, пишите себе в "Колокол", мне все равно»⁶. «Колокол» был более страшной угрозой, чем жалоба царю. Государственный совет, император думали, «как бы унять "Колокол"». «Бескорыстный Муравьёв, — пишет Герцен, — советовал подкупить меня; жираф в андреевской ленте, Панин, предпочитал сманить на службу. Горчаков, игравший между этими "мертвыми душами" роль Мижуева, усомнился в моей продажности и спросил Панина:

- Какое же место вы предложите ему?
- Помощника статс-секретаря.
- Ну, в помощники статс-секретаря он не пойдет, отвечал Горчаков, и судьбы "Колокола" были предоставлены воле божьей»⁷.

¹ Базилева З. П. «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М., 1949. С. 154–155.

² *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 370.

 $^{^3}$ Отзыв ... барона Корфа, от 7 февраля 1864 года за № 93 // Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 1: Законодательные работы с 1864 по 1870 г. СПб., 1870. С. 100.

⁴ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 7: [Вольная русская типография и «Колокол»] // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 295–328.

⁵ Там же. С. 301−302.

⁶ Там же. С. 301.

⁷ Там же. С. 301–302.

Как ни парадоксально, влияние «Колокола», необходимость борьбы с ним привели к некоторому расширению свободы печати в России. Сторонники преобразования цензуры отмечали не раз, что появление русской заграничной печати — результат цензурных ограничений. Некоторые льготы для печати, предлагаемые Головниным, имели целью ослабить влияние изданий Герцена. Е. В. Путятин, потом Валуев предпочитали борьбу с ними. Но любой способ оградить общество от «вредных» идей, проникающих из-за границы, современники сравнивали с попыткой «защитить свой сад от птиц, заперев ворота»¹. Не существовало ни одного запрещенного издания, которого нельзя было бы в России купить или получить для чтения². Министр внутренних дел С. С. Ланской в 1855 и 1857 гг. распорядился изымать и посылать к нему «прямо в собственные руки» издания Герцена³.

В числе мер, направленных против воздействия «Колокола», впервые предлагается, вначале теоретически, вместо замалчивания и всяческих запретов, печатная полемика. О ней, в связи с изданиями Герцена, писал в записке «О цензуре в России» Тютчев.

По его мнению, для того, чтобы бороться с влиянием Герцена, необходимо понять, в чем его сила, причины влияния на читателей. По Тютчеву, сила не в «социалистических утопиях и революционных происках» Герцена. Настоящие «его сила и влияние определяются в нашем представлении свободными прениями <...> достаточно свободных <...> для включения в состязание и других мнений, более продуманных и умеренных, а отчасти и вовсе разумных»⁴. В интересах правительства — дать простор выражению таких суждений в России. Противопоставить влиянию Герцена, по мнению Тютчева, можно только газету, выпускаемую в таких же бесцензурных условиях, столь же свободную и независимую⁵. Это было чисто утопической идеей, но связанной с мыслью о газете, опровергающей мнения Герцена.

Позднее, с 1862 г., начала выходить официальная газета «Северная почта». Но она была совсем не тем, о чем писал Тютчев.

Несколько иные советы давал князь В. Ф. Одоевский. Он предлагал для борьбы с заграничными изданиями выпускать аналогичные русские, опро-

¹ Выражение М. А. Корфа, повторяющее образ из «Ареопагитики» Джона Мильтона.

 $^{^{2}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 138.

 $^{^3}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 327.

 $^{^4}$ Цит. по: *Тютчев Ф. И.* Письмо о цензуре в России // *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад. М., 2007. С. 103.

 $^{^5}$ Там же. С. 103—104; *Жирков Г. В.* «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»: три ипостаси Ф. И. Тютчева // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура / под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2000. С. 115—116.

вергающие заграничные, с публикацией биографий Герцена, Н. П. Огарёва и др., чтобы снять с них ореол таинственности. Для этого нужно разрешить говорить о зарубежных изданиях, давать им отпор. Чтобы осуществить такой замысел, необходимы талантливые люди. Одоевский предлагал поручить дело высшим чиновникам, академикам, профессорам, благонамеренным писателям; в некоторых случаях материально поддерживать авторов, выдавать денежные пособия¹. И эти предложения в какой-то степени были в дальнейшем использованы властями.

Позже по поводу борьбы с «Колоколом» проводились конфиденциальные переговоры А. В. Головнина с шефом жандармов и министром финансов (о них рассказывается в «Былом и думах»²). Головнин советовался и с председателем Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ. Тот предлагал бороться силой печатного слова, советовал разрешить возражения на статьи «Колокола». В общем смысле Цеэ повторял рекомендации Одоевского. И в том и в другом случае речь шла о гласной полемике с Герценом.

Такая полемика, по сути, уже началась. В апреле 1858 г. отдельными листами распространялась под псевдонимом «Ижицын» басня «Ороскоп Кота» с подзаголовком «акростих». Она — первое дозволенное цензурой упоминание об изданиях Герцена. Из первых букв каждой строки составлялась фраза: «Колокольщику петля готова ИЧСН» (и Чернышевскому с Некрасовым?). Стряпня Фёдорова представляла грубую ругань в духе лубочной литературы, не рассчитанную на образованного читателя. Но она начала открытую полемику с Герценом и тем самым сделала сведения о его изданиях достоянием гласности.

Более серьезными печатными изданиями, инспирированными правительством и направленными против Герцена, стали две брошюры Ше-до-Ферроти (D. K. Schédo-Ferroti — псевдоним барона Ф. И. Фиркса, русского агента Министерства финансов в Бельгии), которые продавались во всех книжных магазинах⁴. Первая из них на французском языке, вторая — на французском и русском. Шедо-Ферроти еще ранее опубликовал шесть этюдов о будущем России (на французском языке), где развивал идею важности сохранения самодержавного начала, но не возражал

¹ *Одоевский В. Ф.* К истории русской цензуры. О мерах против заграничной русской печати. Заметки, наброски, афоризмы // Русский архив. 1874. № 2. С. 11–54.

 $^{^2}$ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 7: [Вольная русская типография и «Колокол»] // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 301.

³ Борис Фёдоров, о котором А. А. Дельвиг написал эпиграмму, а С. А. Соболевский ее переделал: «Фёдорова Борьки | Мадригалы горьки, | Эпиграммы сладки, | А доносы гадки». См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 246–249.

 $^{^4}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 142—143.

и против реформ. Его воспринимали как клеврета Головнина. На самом деле воззрениями Головнина содержание этюдов не ограничивалось.

Первая брошюра, «Lettre à monsieur Herzen» (1861 г.), давала общую характеристику Герцена. Брошюра вроде бы не осуждала публициста. Наоборот, речь шла об огромном таланте Герцена, который, по словам Шедо-Ферроти, барон с удовольствием увидел бы примененным к черновой русской работе. Критиковалось даже не содержание статей лондонского типографа, а их форма, резкость тона. Шедо-Ферроти предлагает умерить тон, тогда Герцену, с его красноречием и талантом, успех обеспечен: имея ценные сведения из провинции, талантливых сотрудников, можно многое сказать о неурядицах в России, но «серьезно и без озлобления»¹. Тогда все прислушаются к такому авторитетному голосу и оценят Герцена. При двух условиях: 1) его идеи должны быть такими, чтобы их возможно было осуществить при нынешнем положении вещей; 2) идеи необходимо изложить так, чтобы они не задевали никого из тех, кто может провести их в жизнь. Личные нападки мешают этому: надо нападать на учреждения, а не на личности. По мнению Шедо-Ферроти, в России следует изменить все законы, оставив неприкосновенным лишь монархический принцип. Существующие сейчас административные формы, по Шедо-Ферроти, не соответствуют нуждам страны; их нужно менять, но для этого недостаточно сменить людей2. С точки зрения автора брошюры, даже близкие Герцену лица утверждают, что его произведения станут доступны по своему содержанию только следующим поколениям. Шедо-Ферроти же полагает, что следует работать не для них, а для настоящего. Барон Фиркс сомневается, что социализм окажется благом для человечества, и утверждает, что массы просто не поймут Герцена; ориентироваться на них бесполезно; гораздо полезнее, если тот обратится к людям просвещенным и, наконец, к правительству, которое полно благих намерений. Не полезнее ли для русских, если бы Герцен, вместо разработки кодексов будущего государства, занялся исследованием и разработкой законов для нынешнего правительства, существование которого все же нельзя отрицать?³ Речь в брошюре идет и о том, что Герцен теряет авторитет: теперь никто не смотрит на «Колокол» серьезно; настоящие ученые, люди, желающие блага родины, его больше не читают; никто не интересуется сейчас взглядами Герцена на общество, на политический строй. «Колокол» потерял и прелесть тайны: его читала молодежь, пока он был запрещенным; ныне «Колокол» читают лишь чиновники, которые ищут в нем сообщений о скандалах, брани на тех, перед кем сами пресмыкаются; но ведь такие читатели не посмеют провести в жизнь ни одной из идей Герцена⁴.

¹ Цит. по: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 143–144.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 146–147.

В доводах, направленных против утопического социализма Герцена, содержалось немало правды (особенно ясной в свете дальнейшего опыта). Но и путь, предлагаемый Шедо-Ферроти, не менее утопичный: правительство вовсе не собиралось проводить тех существенных реформ, о которых шла речь в его брошюре. Выбора, предлагаемого им, на самом деле не существовало. Был другой: отказаться от протеста, встать на сторону власти, превратиться в ее защитника. Главная же цель Шедо-Ферроти была иной: подорвать влияние «Колокола», авторитет Герцена. Тем не менее появление брошюры весьма знаменательно: вместо запрещения, полного замалчивания правительством враждебных идей оно переходит к попыткам гласной полемики с ними.

В декабре 1861 г. выходит вторая брошюра Шедо-Ферроти «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне, с ответом и некоторыми примечаниями Шедо-Ферроти»¹ (имеется в виду ответ Герцена русскому послу в Лондоне, барону Ф. И. Бруннову «Бруты и Кассии III Отделения»²). Тон второй брошюры совсем иной. 29 октября 1861 г. Шедо-Ферроти написал небольшое письмо, обличая Герцена в тщеславии и самохвальстве, и послал его в «Колокол». Герцен ответил, что у него нет никакого желания печатать письмо; пускай автор, если хочет, публикует его сам. Шедо-Ферроти так и сделал, опубликовав письмо с текстом на французском и русском языках (что значительно расширяло круг читателей), присоединив к нему текст писем Герцена и свои длинные возражения. Здесь уже нет безусловного признания масштабности и таланта Герцена, зато есть много резкостей, отзвуков личной обиды. Хотя в брошюре и говорилось об уме Герцена, его значении, об искренности и бесстрашии, которые нельзя не уважать, но все похвалы тонули в общем тексте, на этот раз резко обличительном.

Естественно, власти содействовали публикации второй брошюры. В 1862 г. выходит четыре ее издания. 14-летнее молчание русской печати о Герцене было прервано (сам Шедо-Ферроти говорил, что до него одно упоминание имени Герцена, даже написанное без сочувствия, вело к безусловному запрету сочинения³).

¹ Lettre de Mr. Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres, avec une réplique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti. Berlin: Librairie B. Behr (E. Bock), 1862.

² Письмо Герцена написано 11 октября 1861 г. Напечатано в: Колокол. 1861. Л. 109. 15 окт. С. 909. Вслед за публикацией в «Колоколе» было издано Вольной русской типографией в Лондоне отдельным листом во французском переводе. Выдержки из письма или отклики на него были помещены в парижской газете «L'Opinion Nationale», брюссельском «Le Nord», в газете «Echo de Bruxelles» от 22 октября, в итальянской «Perseveranza» от 21 октября и в других изданиях.

³ Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне, с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти. 2-е изд. Berlin, 1862. С. 38.

Прав был Д. И. Писарев, поставив в прокламации о Шедо-Ферроти автора брошюр в один ряд с самыми ярыми защитниками существующего порядка, выполняющими заказ правительства: «Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себе вовсе не заслуживает внимания, но из-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживает в нем и патриотический жар, и литературный талант». По словам Писарева, брошюры любопытны «как маневр нашего правительства», когда все стараются казаться либералами при крайне реакционных действиях. Шедо-Ферроти — «наемный памфлетист», «умственный пигмей», «адвокат III Отделения» — свидетельство и того, «что правительство не умеет выбирать себе умных палачей, сыщиков, доносчиков, клеветников», что ему не из кого выбирать: «в рядах его приверженцев остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по-человечески мыслить и чувствовать». Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть; «их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»¹. Крайне эмоционально, хотя не во всем соответствовало действительности. Писарев признавался во время следствия, что эмоции слишком увлекли его.

Следующий шаг, направленный против Герцена, — появление полемических статей в русских периодических подцензурных изданиях. 18 апреля 1862 г. в «Современной летописи» Н. М. Пановский в статье «Что делается в Москве?» мимоходом упомянул о полемике Герцена и Шедо-Ферроти как о свидетельстве того, что правительство убеждено в пользе широкой гласности; он увидел в этом задаток давно ожидаемой свободы слова.

Затем 21 апреля 1862 г. в «Вятских губернских ведомостях» перепечатана (с небольшими комментариями) речь Герцена в 1837 г. при открытии вятской библиотеки, в которой утверждалось, что весь русский прогресс — дело рук правительства. Смысл публикации заключался в противопоставлении давней речи с нынешней позицией Герцена, хотя ничего прямо не говорилось. Заметка, явно направленная против Герцена, все же вновь напоминала о нем. «Северная пчела» 9 мая 1862 г. опубликовала без комментариев эту речь Герцена, расхваливая ее: в ней ни одной нечистой мысли, тон благородный и честный, слово сильное и убедительное. И здесь старая речь подспудно противопоставлялась современному Герцену. Но было и другое.

Как раз в это время происходит обострение отношений русских демократов и Герцена, которое началось ранее. Герцен помещает в «Ко-

¹ *Писарев Д. И.* [О брошюре Шедо-Ферроти] // *Писарев Д. И.* Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 120–126.

локоле» полемические статьи «Very dangerous!!!», «Лишние люди и желчевики»¹. В свою очередь русские демократы осуждают позицию Герцена. Идет спор о том, к чему звать Русь: к топору или метлам. Резкие выпады в адрес Герцена (и Тургенева), хотя имена прямо не называются, содержатся в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова», собранных Чернышевским: «теперь имею честь назвать вас тупоумными глупцами. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки «...» Вы смущены? Вижу, вижу, как вы пятитесь. Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши в моей воле и что с трудом удерживаю я себя от этого»². В такой обстановке речь, напечатанная в «Северной пчеле», противопоставлялась не только современному Герцену, но и радикальным прокламациям. Подобные публикации о Герцене поощрял министр просвещения Головнин³. Князь В. А. Долгоруков, шеф III Отделения, сперва испугался их, но потом признал правильным замысел Головнина.

В полемику все активней включается М. Н. Катков. Статью в «Современной летописи» (приложении к «Русскому вестнику»), посвященную выходу в отставку тверских мировых посредников, он завершает выпадами против Герцена, вообразившего себя Цезарем, Мессией, а своих противников Брутами и Кассиями. Катков пишет о прискорбии такого безумия⁴. О Герцене он обещает подробнее поговорить в будущем и выполняет свои обещания. Травля Герцена становится с лета 1862 г. одной из основных тем его изданий. В № 6 «Русского вестника» помещена статья против Герцена. Нападкам на него же посвящены редакционное выступление в № 23 «Современной летописи»⁵ и статья «Заметка для издателя "Колокола"» в № 39 «Русского вестника»⁶. В том же «Русском вестнике» напечатана статья Каткова «О нашем нигилизме»; программная, знаменующая его окончательный переход в консервативный лагерь⁷. Но особенно нападки на Герцена (связанные с сочувственным отношением того к польскому восстанию 1863 г.) были характерны для газеты «Мостопо стать и ката против польскому восстанию 1863 г.) были характерны для газеты «Мостопо стать по стать по стать по стать польскому восстанию 1863 г.) были характерны для газеты «Мостопо стать по стать по

 $^{^1}$ Обе статьи Герцена опубликованы за подписью «И-р» (Искандер). Very dangerous!!! // Колокол. 1859. Л. 44. 1 июня. С. 363–364; Лишние люди и желчевики // Колокол. 1860. Л. 83. 15 окт. С. 689–692.

² Чернышевский Н. Г. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. М., 1951. С. 36. Приводится цитата из дневника Н. А. Добролюбова.

 $^{^3}$ См.: *Громова Л. П.* А. И. Герцен и русская журналистика его времени. СПб., 1994. С. 96–98.

⁴ Современная летопись. 1862. 16 мая (№ 20). С. 11–13.

⁵ Современная летопись. 1862. 6 июня (№ 23). С. 11–13.

 $^{^6}$ [Катков М. Н.] Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. № 6 (июнь). С. 834—852.

 $^{^7}$ О нашем нигилизме: по поводу романа Тургенева [«Отцы и дети»] // Русский вестник. 1862. Т. 40. С. 402-426.

ковские ведомости», издававшейся с 1863 г. снова под редакцией Каткова¹. В передовой статье № 86 за этот год прямо упоминается о «русско-лондонских изданиях», о «выродках», которые «перешли открыто в лагерь врагов России», «всячески стараются пособлять польскому восстанию»². Сближает Катков Герцена и с происходившими пожарами, обвиняя его в создании общества поджигателей в одной из губерний России.

Аюбопытно, что Катков вступает в полемику и с Шедо-Ферроти, приписывая ему симпатии к полякам и к Герцену³. В передовой № 195 утверждается, что Шедо-Ферроти преувеличивает значение Герцена, отпускает ему комплименты, желая подладиться под настроения молодежи⁴. Катков решительно осуждает «изысканно-почтительные объяснения с г. Герценом», в которые якобы пускается Шедо-Ферроти, стараясь доказать, «какое важное значение имеет этот мыслитель и патриот, пребывающий в изгнании, и какие великие заслуги оказал он оттуда России, хотя он впоследствии и испортился»; «божество должно было остаться божеством для поклонников; нужно было только ущипнуть его, чтобы оно не забывалось». Катков сближает Шедо-Ферроти с Герценом и в передовой статье № 196⁵. По словам автора, они похожи друг на друга: второй действует «с грубым цинизмом», первый — «искусно и тонко», но цель у них одна: оба враждебны России, поддерживают ее врагов.

К этому времени отношение русского общества к Герцену меняется к худшему, о чем тот пишет в главе «Апогей и перигей»⁶. Меняется и общественная атмосфера, определявшая успех изданий Герцена. Далее популярность их так и не возобновилась.

 $^{^1}$ Подробнее об этом см.: *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 3–27. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 358).

² Московские ведомости. 1863. 22 апр. (№ 86).

³ В связи с брошюрой Шедо-Ферроти «Que fera-t-on de la Pologne?» [«Что будет с Польшей?»], опубликованной летом 1864 г. в Брюсселе. Брошюра, создание которой было поддержано министром народного просвещения А. В. Головниным, была направлена против Каткова. За некоторые статьи, появившиеся в ходе этой полемики, «Московские ведомости» были оштрафованы цензурным комитетом на значительную сумму (см.: *Катков М. Н.* Заметка по поводу штрафов, уплаченных «Московскими ведомостями» Цензурному комитету // Московские ведомости. 1864. 5 дек. (№ 267).

⁴ Московские ведомости. 1864. 5 сент. (№ 195).

 $^{^5}$ Московские ведомости. 1864. 6 сент. (№ 196). Окончание статьи было напечатано 29 сентября (№ 212). К полемике с Шедо-Ферроти Катков возвращается в статьях «Три знамения: мечты трех польских патриотов» и «Брошюра Шедо-Ферроти "О нигилизме в России"».

⁶ *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 7: [Вольная русская типография и «Колокол»]. [Гл. 1]: Апогей и перигей (1858–1862) // *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 311–312.

Были и другие заграничные издания на русском языке. В 1849 г. эмигрант И. Г. Головин в Париже выпускает сборник «Катехизис русского народа». Позднее выходят «Русский заграничный сборник» (1858–1866, издавали А. Франк и К'), журналы «Стрела» (1858–1859), «Благонамеренный» (1859–1862, издавал И. Г. Головин), «La Gazette du Nord» (1859–1860, издатели Г. И. Рюмин и Н. И. Сазонов), «Le Véridique» (1862–1863), «Будущность» (1860–1861), «Листок» (1862–1864, издавал П. В. Долгоруков), «Правдолюбивый» (1862–1863, издавал В. Гергард), «Весть» (1862), «Свободное слово» (1862), «Европеец» (1864, издавал Л. П. Блюммер), «La Cloche» (1862–1865, издавал Л. Фонтен). Они печатались в основном в Германии — в типографиях Берлина, Лейпцига, других немецких городов.

Издания были разные по значимости, направлению, степени радикальности. Но все они претендовали на оппозиционность. Герцен писал о них: «Русская литература за границей растет не по дням, а по часам — как ясное доказательство, что нам есть что сказать и что нам нельзя говорить дома»¹. Особое место принадлежит П. В. Долгорукову, влиятельному деятелю вольной русской печати². Одно время он занимал относительно радикальную позицию, в чем-то сближаясь с Герценом, симпатизируя ему; публиковал много материалов о декабристах. Затем взгляды Долгорукова изменились, он печатал нападки на нигилистов. Хорошо знал правящую среду, владел ценной информацией о ней. Выступал за конституционную монархию, но и за гласность, свободу слова. Его программа включала «отменение цензуры и свободу книгопечатания»³.

Чтобы за границей меньше издавалось неприятных для русского правительства органов печати, власть прибегала и к «нравственному воздействию» на отечественную литературу. К такому приему власти России прибегали с давних пор. Еще при Петре I правительство старалось создавать угодную литературу. Петр платил иностранным журналистам, писателям за публикацию положительных сведений о себе, о России⁴. Для

 $^{^2}$ Подробнее о его деятельности см.: Эйдельман Н. Я. Долгоруковские бумаги // Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. 2-е изд., испр. М., 1984. С. 254—300.

³ Программа, состоящая из 16 пунктов, опубликована в обращении «К читателю», в первом номере начатой Долгоруковым газеты «Правдивый» (27 марта 1862 г.). Всего вышло 9 номеров газеты; после вмешательства русского консула в Лейпциге в октябре 1862 г. выпуск газеты был прекращен. См.: *Громова Л. П.* Становление системы русской политической прессы XIX века в эмиграции // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2003. С. 54–58.

 $^{^4}$ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб., 1862. Т. 1.

хвалебных отзывов нанимали «десяток голодных журналистов и писателей, которые будут уверять европейскую публику, что в России происходит много примечательного по воле царя и вследствие распоряжений его министров, которые все без исключения отличнейшие и образованнейшие люди и т. д.» 1 .

И в относительно либеральном цензурном уставе 1804 г., и в «чугунном» уставе 1826 г. заметно стремление не только к запрещению, но и к какому-то влиянию на литературу. Такая тенденция сохранялась и позже. В 1833 г. видный сановник, деятель по крестьянскому вопросу, в 1836—1856 гг. управлявший ІІ Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, граф П. Д. Киселёв предлагал делать нечто подобное, ссылаясь на пример Петра І. Ему возражал граф К. В. Нессельроде, министр иностранных дел и государственный канцлер, считавший такие действия недостойными великого государства. Тем не менее, минуя его, через А. Х. Бенкендорфа, у которого за границей были особые агенты-писатели, в Европу посылают барона К. Швейцера, чтобы противодействовать революционному духу, опровергать неблагоприятные сведения о России и ее императоре.

В 1835-1836 гг. были и другие подобные действия. На одном из них можно остановиться подробнее. Герой этой истории — Я. Н. Толстой, участник «Зеленой лампы», позднее сотрудник «Московского телеграфа», «Сына Отечества». Оказавшись в эмиграции, в Париже, стремился восстановить в глазах царя репутацию верноподданного. Писал, в духе ярого патриотизма, отзывы на французском языке о книгах, содержащих неблагоприятные оценки России (Ансело, Манье²). Толстой выпустил брошюру по поводу призывов турок к полякам восстать против России, с похвалами Николаю I, псевдопатриотическими заявлениями. Русские власти ко всему этому относятся с одобрением, но денег не платят (а у Толстого долги более чем на 30 тысяч франков). Осенью 1835 г. брат Иван просит Толстого составить биографию фельдмаршала И. Ф. Паскевича (на французском языке). Написанная в течение двух месяцев, полная славословий, биография подавившего польское восстание Паскевича реабилитировала бывшего эмигранта в глазах русских властей. По приказу императора Бенкендорф приглашает Толстого в Петербург. В результате переговоров тот получает 10 тысяч рублей и становится литературным агентом русского правительства. 29 января 1837 г. (в день смерти Пуш-

 $^{^1}$ Адарюков В. Я. Книга гражданской печати в XVIII веке // Книга в России. Ч. 1: Русская книга от начала письменности до 1800 года / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. М., 2008. С. 150.

² Ancelot J. A. P. Fr. Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'epoque du couronnement de S. M. l'Empereur. Paris, 1827; Magnier V. Réponse aux Observations d'un officier d'état major russe sur la dernière campagne de Turquie. Paris, 1829; Magnier V. Réponse à M. Le Comte de Tolstoy. Paris, 1829.

кина) Бенкендорф уведомляет С. С. Уварова, что Толстой назначен парижским корреспондентом Министерства просвещения, с жалованием в 3800 рублей в год (числится Толстой, как и другие агенты, чиновником по особым поручениям III Отделения). Летом 1837 г. Толстой возвращается в Париж с задачей: защищать в журналах Россию и опровергать статьи, противные русским интересам¹.

Дальнейшее развитие идеи правительственного влияния на литературу относится уже к времени Александра II, к концу 1850-х гг. Возникает проект нового специального учреждения с программой нравственного воздействия на печать. Правительство журналистикой недовольно, но прежние запреты не достигают цели. Новый проект цензурного устава готовится медленно, среди причин — трудности составления, неясность, в каком духе он должен быть выдержан, тактические соображения, ожидания более благоприятного времени. Никитенко 12 октября 1858 г. записывает в дневнике: идет много разговоров о проекте учреждения бюро, «которое бы не административно, а нравственно занималось направлением литературы»². Никитенко и Ковалевский считают, что это химера. Через месяц — новый слух: правительство хочет издавать свой печатный орган. В декабре 1858 г. Совет министров обсуждает образование нового учреждения, задача которого — «служить орудием правительства для подготовления умов посредством журналов к предпринимаемым мерам; направлять по возможности *новые* периодические литературные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных»³. Цель — «обратить литературу на полезное поприще», указать литераторам на предметы, по которым правительство хочет подготовить общественное мнение. Перед новым учреждением ставилась задача не только воздействия на литературу, но и получение информации; при этом учреждение не должно было иметь официального вида. Совет министров единогласно признал большую пользу от подобного учреждения, указав, что такое дело можно поручить только особенно доверенным лицам, по непосредственному усмотрению царя.

Царь был согласен. По его мнению, подобные лица должны быть независимы от министров, но они должны знать направления, в которых государственные деятели намерены действовать. Кроме того, эти лица, общаясь с министрами, в то же время должны быть связаны с редакторами главнейших журналов, с видными писателями, «действуя на них

 $^{^1}$ *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература, 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 106—108.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 88.

 $^{^3}$ $\Lambda \mathit{eмкe}$ М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 329.

не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения и приобретая таким образом нравственное на них влияние». Этим лицам необходимо предоставить право поручать разным авторам составление статей в правительственных видах для публикации в периодических изданиях, и в таких случаях «испрашивать, если сочтут нужным, вознаграждение автору статьи за его литературный труд»¹.

Все это было высказано от имени царя, но инициатором считали А. М. Горчакова, министра иностранных дел, имевшего репутацию сторонника гласности. Сама идея была заимствована из Пруссии и Франции, где существовало особое правительственное «Bureau de la presse». Горчакову в осуществлении этой идеи помогал его друг Н. А. Муханов, товарищ министра просвещения. Проект одобряла и молодая императрица. Ковалевский, министр просвещения, выступал против замысла Горчакова, но, когда вернулся из недельной поездки в Москву, все уже было решено. Ковалевский хотел уйти в отставку, но оставался на своем посту до лета 1861 г. Позднее, в 1862 г., идею поддерживает новый министр просвещения Головнин. Он считает необходимым дать печати «желательное направление», предлагает поручить новому учреждению «доставлять полезные занятия даровитым писателям, которые иногда живут в бедности и, не имея возможности жить своим трудом, обращаются в лиц, враждебных правительству»². Предложения Головнина были приняты.

Вскоре такое учреждение, еще без названия, сформировано; позже оно было названо Комитетом по делам книгопечатания. О нем мало знают, часто приводят ошибочные сведения. Председателем был назначен граф А. В. Адлерберг 2-й (сын министра двора), членами — Н. А. Муханов (товарищ министра просвещения), А. Е. Тимашев (шеф жандармов, управляющий III Отделением). Позднее Никитенко назначен директором делопроизводства Комитета по делам печати с правом голоса (с чем согласились не сразу). Его дневник, пожалуй, наиболее верный фактический источник (не считая архивов), освещающий работу нового учреждения: «Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы»; им поручено руководить литературой, давать советы, а они «никогда ни о чем не рассуждали, ничего не читали и не читают! Смех и горе!»³. Князь А. Ф. Орлов, председатель Совета министров, говорил И. С. Тургеневу: «Они хотели присвоить себе контрольную власть над всеми министерствами, а литература служила так, предлогом»⁴.

 $^{^1}$ $\Lambda \mathit{eмкe}$ М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 330.

² Тамже

³ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 101.

⁴ Там же. С. 102.

Учреждение Комитета подписано царем 24 января 1859 г. Просуществовал Комитет ровно год (до января 1860 г.). Перед ним была поставлена задача неофициального надзора за литературой. Комитет не мог ограничивать или изменять существующие цензурные положения. Статьи, предназначенные министерствами для печати, поступали сначала в Комитет; статьи печатали по его распоряжению, под рубрикой «сообщено» (знак, что публикация официальная). Знак важен и для читателей, и для ориентировки цензоров. Публикация статей, подписанных кем-либо из членов Комитета, для редакторов была обязательна¹.

У Комитета было полуофициальное положение. Ходили слухи, что в него введут известных литераторов, которые будут писать статьи в духе правительства (Тютчев, Тургенев)², но слухи не оправдались. Предлагались в составе Комитета также консервативный историк и публицист П. К. Щебальский, бывший жандармский полковник, журналист, автор обличительных статей С. С. Громека. П. А. Плетнёв сообщал П. А. Вяземскому о поисках распорядителя канцелярии Комитета, на должность которого, «между прочим, приглашали и Гончарова; но все отказались»³. Никитенко оценивал Комитет так: «судя по людям, из которых он состоит, из него выйдет гласная и чудовищная нелепость»⁴.

Журналисты приняли подобные предложения без особого восторга. С критикой их выступил, в частности, Катков. В январском и февральском номерах «Русского вестника» за 1859 г. напечатаны статьи, весьма резкие и смелые (по мнению Лемке), о бесплодности таких мер в Германии и Франции⁵. В правительственных кругах нарастает неприятие выступлений Каткова; о них доведено до сведения царя. Распоряжением министра просвещения от 28 февраля 1859 г. вынесен выговор цензорам, пропустившим статьи в «Московских ведомостях»; а также предложено внушить Каткову, что подобные публикации непозволительны. Видимо, все это сделано по инициативе Комитета.

Становится все яснее, что Комитет из посредника между литературой и властью превращается в негласного надзирателя. Постепенно он все более входит во вкус, вызывая писателей и редакторов «для объяснений и замечаний» В дневнике Никитенко отражаются колебания, стоит ли ему оставаться в Комитете, ведь «снова гласность сводилась

 $^{^1}$ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 335.

 $^{^2}$ Плетнев П. А. Письмо П. А. Вяземскому от 14 (26) ноября 1858 г. // Плетнев П. А. Сочинения и переписка: [в 3 т.]. Т. 3. СПб., 1885. С. 467.

 $^{^3}$ Плетнев П. А. Письмо П. А. Вяземскому от 13 (25) февраля 1859 г. // Там же. С. 473.

⁴ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 111.

 $^{^5}$ $\Lambda emke$ M. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия... С. 341–343.

⁶ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 134.

к полной свободе молчания»¹. Члены Комитета заявили о его бесполезности; в дальнейшем Комитет будет слит с Главным управлением цензуры под руководством Министерства просвещения. Предполагалось, что на заседания Главного управления допускаются и цензоры, и литераторы (последние *по идее*). Замысел русского «Bureau de la presse» оказался несостоятельным. Не удалось быстро реализовать и замысел создания правительственной газеты.

С желанием как-то упорядочить цензурные дела связана кратковременная (всего один месяц) попытка выделить цензуру в самостоятельное ведомство, предпринятая в конце 1859 г. Главное управление цензуры пыталось отделиться от Министерства просвещения и стать самостоятельным, превратившись в отдельное министерство. Высочайшее повеление 12 ноября 1859 г. предписывало: 1) отделить Главное управление цензуры от Министерства просвещения; 2) Комитет по делам книгопечатания слить с Главным управлением цензуры; 3) министру народного просвещения взять обратно проект нового цензурного устава и передать его назначенному царем главе Главного управления, который должен подготовить подробные соображения об устройстве цензуры². Ковалевский, который вначале решительно возражал против отделения цензуры, резко меняет свою позицию (вероятно, осознав, что без цензуры ему будет гораздо спокойнее). 12 ноября на заседании Совета министров он выступает за немедленное отделение цензуры; затем это получает одобрение царя. Такое решение нравится В. Н. Панину, К. В. Чевкину и другим³. Через несколько дней начальником цензуры назначен барон М. А. Корф, давно жаждущий министерского поста. Быстро составлен проект указа, положение о главноуправляющем и совете Главного управления. Корф заявляет, что будет следовать либеральной системе, спешит отмежеваться от прежних цензурных учреждений и людей. Специально для нового ведомства куплен дом у Аничкова моста. На нужды Главного управления выделено 200 тысяч рублей в год, исключая жалованье Корфу, которое должен назначить царь. На траты не скупились, что вызвало раздражение Министерства финансов; и министр при докладе царю выразил недовольство тратами. Недовольны и Ковалевский, и Горчаков. Корф понял необходимость отказаться от идеи нарождавшегося министерства, царь не стал разубеждать его и, таким образом, 12 декабря 1859 г. Корф был освобожден от своих обязанностей. Все дела по цензуре вновь переданы министру просвещения. Идея о министерстве цензуры оставлена без применения: царь отказался от нее⁴.

 $^{^1}$ Цит. по: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 350.

² Там же. С. 15-16.

³ Там же. С. 16-17.

⁴ Там же. С. 25.

А. Г. Тройницкий, чиновник Министерства внутренних дел, которого Корф прочил главным помощником, отдавая должное Корфу как человеку замечательного ума и образованности, писал, что тот «слишком прыткий и слишком увлекающийся»¹. Н. А. Добролюбов же реагировал на события так: одни жалеют, что дело лопнуло, другие радуются, «но и то, и другое глупо. Корф ли, Ковалевский ли, все единственно: стеснения, придирки, проволочки, малодушие и раболепство на каждом шагу»².

События в Европе 1860–1861 гг. (укрепление империи Наполеона III во Франции, возвращение французских эмигрантов; революционное движение в Австро-Венгрии и др.) и России (демонстрации в Варшаве; брожение в Финляндии; студенческие беспорядки; отмена крепостного права) раскалывали мир. Общество, сохранявшее еще недавно видимость единства, все более разделяется на противостоящие друг другу группы. Происходят удивившие всех перемены: министром внутренних дел назначен Валуев; Панин и Чевкин (крайние консерваторы) награждены Андреевской лентой. Появляются бесцензурные издания — прокламации Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению», «Великорусс» В. А. Обручева³. Раскол усиливается, есть активные сторонники возврата к прошлому. Звучат обвинения демократов в том, что они вынудили правительство свертывать либеральные реформы. Погодин, Вяземский, Шевырёв говорят о «крайностях» радикалов, об их нападках на всё. Никитенко тоже отрицательно относится к демократам: «Они употребили во зло печатное слово, вместо того, чтобы воспользоваться им» 4 . В подобных оценках отразился поворот многих в сторону реакции, но есть в них и рациональное зерно.

Принимается ряд правительственных мер по «упорядочению» цензуры: 24 января 1860 г. реорганизовано Главное управление цензуры, с ним слит Комитет по делам книгопечатания. Цензура осталась в ведении Министерства просвещения. Главному управлению предоставлено право окончательного решения всех дел цензурного ведомства. Образован Совет Главного управления под руководством министра просвещения. При разногласиях предписывалось обращаться к царю. На Совет была возложена задача пересмотра дополнений к цензурному законодательству после 1828 г., но не общий пересмотр его. Рекомендовалось приглашать

¹ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 25–27.

 $^{^2}$ Добролюбов Н. А. Письмо к А. П. Златовратскому // Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861-1862 годах. Т. 1 / изд. К. Т. Солдатёнкова. М., 1890. С. 544.

 $^{^3}$ Тексты опубликованы в: Прокламации шестидесятых годов / ред., вступ. ст. Ф. Ф. Раскольникова. М.; Л., 1926. С. 41–58; 27–40.

 $^{^4}$ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 229. Об отрицательном отношении Никитенко к прокламациям «К молодому поколению» и «Великорусс» см.: *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 278–280.

на заседания Совета и цензоров, редакторов, литераторов. Вместо попечителей учебных округов для руководства цензурой на местах назначены председатели московского и петербургского цензурных комитетов. Три члена Совета должны прочитывать все, печатаемое в России, и сообщать в Главное управление о нарушениях. Большинство членов Совета — сторонники крайне жестких мер. Ковалевский, Делянов, Никитенко пытаются их сдерживать. Добролюбов пишет из Ниццы: «В России цензура свирепствует <...> Остальное сплетни» В это время из 50 просьб о разрешении новых периодических изданий было удовлетворено лишь 30°2.

Примечателен скандал с журналом «Русское слово». В нем впервые в печати приведены слова В. Г. Белинского о рабской готовности Н. В. Гоголя «подкурить через край царю Небесному и земному» (из письма Белинского Гоголю) 3 . Цензор был уволен, издателю «Русского слова» Г. А. Кушелёву-Безбородко сделан строжайший выговор. Сыграла роль реакция на статью царя: ему безразлично то, что говорится о нем, «но о царе Небесном нельзя так отзываться» 4 .

Историк Н. И. Костомаров пишет об убийственной суровости цензуры: по решению Особого комитета (министры внутренних дел, юстиции, просвещения и шефа жандармов), обнародованному 21 января 1861 г., было запрещено писать о царствующих особах после Петра I (при Николае I было можно до Екатерины II включительно) 5 .

В апреле 1861 г. царь вызывает Ковалевского и говорит ему, что студенческие беспорядки более нетерпимы. На заседании Совета министров высказываются упреки Ковалевскому в бездеятельности по поводу студенческих волнений. Его действия рассматривает комитет в составе В. Н. Панина, С. Г. Строганова, В. А. Долгорукова (шефа жандармов). Комитет не одобряет предложений Ковалевского по изменению устава университетов, его обвиняют в излишнем либерализме (по Ковалевскому, «никакие репрессивные меры, никакие строгости не приведут к добру, но что надобно усовершенствовать университеты в финансовом отношении и дать им возможность действовать в науке соответственно потребностям времени и успехам ее в Европе»⁶). Ковалевский подает в отставку. Никитенко в дневнике пишет, что Ковалевский не совсем прав: ему давно и серьезно следовало бы подумать об университетских беспорядках; он не обладает сильной волей, смелым обширным умом; но он умен, а глав-

 $^{^1\,}$ Цит. по: *Лемке М. Э*поха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 29.

 $^{^2}$ $\ensuremath{\textit{Лемке}}$ М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 29—30.

 $^{^3}$ *Р. Р.* [Благосветлов Г. Е.] О седьмом томе сочинений Белинского // Русское слово. 1860. Т. IX. Отд. II. С. 30.

 $^{^4}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов... С. 31.

 $^{^5}$ Цит. по: *Мордовцев Д. Л.* Исторические поминки по Н. И. Костомарову // Русская старина. 1885. Т. 46 (апр., май, июнь). С. 624.

⁶ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 254.

ное — честен, это уже много. «Прочие не так умны, а о добросовестности уже и говорить нечего. Каково, однако, положение государя: не иметь возможности положиться ни на ум, ни на честность окружающих его. Говорят, Строганову предложено было министерство: он отказался»¹. Никитенко рассказывает, что царь дал прочитать предложения Ковалевского приехавшему московскому попечителю Н. В. Исакову, тот сказал, что полностью разделяет их.

Впрочем, Лемке не согласен с мнением, что Ковалевский уволен за либеральные действия. Исследователь считал: министр ушел потому, что был отвергнут его проект цензурного устава (хотя проект отвергнут в конце 1859 г., а отставка в середине 1861 г.)².

В тот же день, в который Ковалевский подал в отставку (23 апреля 1861 г.), сменяется и министр внутренних дел. Вместо С. С. Ланского назначают П. А. Валуева, про которого в целом можно сказать, что для него были характерны либеральные слова без соответствующих поступков. Он вырос в атмосфере николаевского режима. В молодости входил в «кружок шестнадцати» (противников крепостничества), в 1838 г. — в кружок вольномыслящей университетской молодежи, гвардейских офицеров (к нему принадлежал и М. Ю. Лермонтов). Вскоре кружок распался; Лермонтов сослан на Кавказ, кто-то убит, другие разбрелись кто куда, Валуев же начал делать быструю карьеру. В 1853 г. он становится курляндским губернатором. В августе 1855 г. пишет «Думу русского» (о ней см. выше). Работая в редакционных комитетах, готовящих крестьянскую реформу, был противником коренного решения крестьянского вопроса и сторонником дворянской партии. Затем Валуев — директор департамента государственных имуществ, вхож в салон великого князя Константина и другие великосветские салоны, статс-секретарь императора. В начале 1861 г. он — управляющий делами Комитета министров. Хорошо образован, человек с внешним лоском, разговорчив, остроумен, почтителен, отличный танцор. Тем не менее завышенные надежды общества, связанные с ним, скоро развеялись, когда стало ясно, что Валуев — тщеславный бюрократ, администратор, противник коренных реформ. У него нет устойчивости в решениях, он флюгер, эквилибрист, стремящийся угодить всем высокопоставленным лицам. Его отличительная черта — двуличность; на его гербе можно бы было написать: «И нашим, и вашим»³. В сатирическом журнале «Искра» его изображали балансирующим между «да» и «нет», в виде модного тогда канатоходца Ж. Леотара. Западник, видимо, искренне сочувствующий либеральным идеям 1850-х гг., поставленный во главе министерства, никогда не решался на последовательные реформы,

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 254.

 $^{^{2}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 40.

³ *Шумахер А. Д.* Поздние воспоминания // Вестник Европы. 1899. Кн. 4. С. 711–715.

останавливаясь на полумерах. Валуеву было присуще отсутствие глубины, основной идеи, им владеет стремление все округлить и сгладить, он погряз в мелочах и частностях, — собирает его характеристики Лемке¹.

В «Московском сборнике» К. П. Победоносцева опубликован цикл очерков «Характеры», в первом из которых изображен некий Никандр, напоминающий Валуева²: он мастер общих фраз, внешне глубокомысленных, но совершенно бессодержательных, таких, как «всеми признано уже ныне», «новейшая цивилизация дошла до такого-то вывода», «статистические цифры доказывают», «никто уже нынче не спорит», «в науке признано». Речи Никандра (Валуева) и написанные им бумаги автор сравнивает с прекрасно сервированным завтраком, на котором нечего есть. Валуев является и прототипом Савелова, одного из весьма непривлекательных персонажей в романе Н. Г. Чернышевского «Пролог». Савелов тоже жонглирует либеральными фразами, но в решительный момент поддерживает крепостников.

Нижегородские дворяне как-то обратились к нему с жалобой на губернатора. Валуев принял их весьма любезно, всех очаровал; после встречи они пили за его здоровье и вдруг поняли, что Валуев им ничего об их деле не сказал.

Во «Сне статского советника Попова» А. К. Толстого на Валуева ориентирован образ министра, на словах либерального, в сущности же весьма консервативного и властолюбивого. Толстой прекрасно пародирует привычку Валуева произносить красиво звучащие, но бессодержательные слова:

Прошло у нас то время, господа, — Могу сказать: печальное то время — Когда наградой пота и труда Был произвол. Его мы свергли бремя. Народ воскрес — но не вполне — да, да! Ему вступить должны помочь мы в стремя, В известном смысле сгладить все следы И, так сказать, вручить ему бразды. Искать себе не будем идеала, Ни основных общественных начал В Америке. Америка отстала: В ней собственность царит и капитал. Британия строй жизни запятнала Законностью. А я уж доказал:

¹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 46–48.

 $^{^2}$ Победоносцев К. П. Характеры [очерк I] // Победоносцев К. П. Московский сборник. 2-е изд. М., 1896. С. 225—231.

Законность есть народное стесненье, Гнуснейшее меж всеми преступление! Нет, господа! России предстоит, Соединив прошедшее с грядущим, Создать, коль смею выразиться, вид, Который называется присущим Всем временам; и, став на свой гранит, Имущим, так сказать, и неимущим Открыть родник взаимного труда. Надеюсь, вам понятно, господа?1

Не сумел Валуев создать и партию своих единомышленников. Мало кто сочувствовал ему: консерваторы не любили его за англоманство, за симпатию к английскому парламенту, либералы — за поверхностность его либерализма, превращавшего свободу в красивую декорацию, радикалы говорили о нем как об остзейском феодале, славянофилы презирали за незнание народа и космополитизм. Все вместе считали Валуева «типичным петербургским бюрократом, делающим прежде всего карьеру»². Его двухтомный дневник посвящен деталям административной деятельности автора, не передает живой атмосферы эпохи, но содержит много фактов, отражающих характер Валуева, в целом мелкого, не масштабного деятеля. Типичные записки чиновника-бюрократа, взобравшегося довольно высоко по служебной лестнице.

Став министром просвещения, Валуев проявляет себя отнюдь не либералом. И. С. Аксаков рассказывал, как С. С. Громека (к этому времени работавший в Министерстве внутренних дел) просил о разрешении издавать газету. Валуев отказал: «у нас и без того слишком много газет и журналов», — формулировка в духе Николая І. При этом Валуев добавил, что литература наша поет минорным тоном, а он хочет заставить петь ее мажорным тоном, т. е. правительственным. Здесь же Аксаков говорил о стремлении Валуева перевести цензуру в ведомство департамента полиции: «не дай Бог, чтоб это случилось»³.

Валуев с самого начала министерского правления являлся сторонником такого перевода и успешно осуществлял его. При этом он ориентировался на французского министра внутренних дел В. де Персиньи,

 $^{^1}$ Впервые опубликовано отдельной брошюрой в Берлине (1878); в России — в журнале «Русская старина». 1882. № 12. Цит. по: *Толстой А. К.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1980. С. 295–296.

² Венгеров С. А. Валуев Петр Александрович // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): [в 6 т.]. Т. 4. Отд. 2. Материалы для критико-биографического словаря русских писателей и ученых. СПб., 1895. С. 54.

 $^{^3}$ Аксаков И. С. Письмо А. Д. Блудовой от 21 сентября 1861 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2, т. 4. СПб., 1896. С. 187-188.

друга Наполеона III, изобретателя «Bureau de la presse», поклонника инспирируемой правительством литературы. Его лавры не давали Валуеву покоя. Формально такой переход цензуры в Министерство внутренних дел имел основание: в 1811 г. вновь созданному Министерству полиции были переданы некоторые функции надзора за литературой (наблюдения за книжной торговлей, типографиями, объявлениями, афишами и пр.). Предшественники Валуева мало использовали их, так как этот надзор находился в компетенции главноуправляющего III Отделением. В 1856 г. главноуправляющим стал князь В. А. Долгоруков, почти не вникавший в цензурно-литературные дела, с удовольствием уступивший право контроля Валуеву¹. Проект передачи цензуры из Министерства просвещения в Министерство внутренних дел поступил на рассмотрение комитета из четырех чиновников (по два от каждого из министерств). Было решено в будущем образовать и Комитет для пересмотра всего цензурного законодательства. Лемке пишет, что единственный повод этого преобразования — «недовольство правительства увлечениями и необузданностью нашей литературы» (а вовсе не стремление к большей свободе печати, как считает историк цензуры А. М. Скабичевский²). В состав комитета назначены «чистые канцеляристы, покорно выполнявшие волю начальства»³.

Между тем 28 июня 1861 г. министром просвещения стал адмирал Е. В. Путятин. Герцен писал о причине его назначения: он не за что-либо, а против всего прогрессивного (воскресных школ, женского образования, светской науки и т. п.)4. Путятин зарекомендовал себя неплохим моряком, выполнял отдельные дипломатические поручения; командовал русской эскадрой, направленной в 1852 г. вокруг света к берегам Японии, заключил договор (в том числе о спорных ныне островах, которые по договору принадлежали Японии). О путешествии подробно рассказал сопровождавший Путятина И. А. Гончаров в путевых очерках «Фрегат "Паллада"». За успешное выполнение задания Путятин в 1855 г. получил титул графа. Но к просвещению он никакого отношения не имел, и продержался министром недолго, менее года. Уже в начале 1861 г. ходили слухи о назначении нового министра просвещения: называются имена Ф. П. Литке и М. А. Корфа. Затем становится известно, что новым министром назначен Путятин. Никитенко отмечает, что тот не произвел на него приятного впечатления за три минуты визита: «Какая-то сухая, холодная сдержанность с учтивостью тоже холодною, сухою»⁵.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 55.

 $^{^2}$ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.). СПб., 1892. С. 463–464.

 $^{^3}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов... С. 56.

⁴ [Герцен А. И.] За что Путятин? // Колокол. 1861. Л. 109. 15 окт. С. 915.

⁵ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 276.

Назначение Путятина вызывает у Никитенко опасения в устойчивости собственных монархических убеждений: неужели, спрашивает он, у избравшего его Александра II «так мало знания людей и знания государственных нужд, которым должны удовлетворять избираемые? Это непостижимо». И снова в адрес царя: «право, я боюсь, чтобы мне не перестать уважать его. Как можно делать министром таких людей, как граф Путятин? Ведь довольно поговорить с ним четверть часа, чтобы убедиться в его ограниченности»¹.

Никитенко передает рассказ Плетнёва о том, как был назначен Путятин министром: «Митрополит Филарет рекомендовал его как религиознейшего человека. Императрица, плененная рассказами о благочестии и набожности графа, забыла, что для министра необходимы еще и другие качества, и начала сильно настаивать у государя о назначении его на место Ковалевского. Разумеется, к этому присоединились и другие члены камарильи, которые, кроме угодничества двору, ничего не знают и знать не хотят. К сожалению, государь отдался этой интриге, — и вот Путятин сделан министром, к стыду правительства, ко вреду России и к своему собственному позору»².

12 сентября 1861 г. Путятин обращается к московскому митрополиту Филарету, его покровителю, с вопросом-просьбой: каким способом можно довести до царя, что положение крайне опасно и «нужна большая твердость и сильные меры»? К этому «весьма секретному» письму приложены и некоторые прокламации (второй номер «Великорусса»). Филарет, обычно активно вмешивавшийся в земные дела, на этот раз помочь Путятину отказался. Он пожелал, чтобы Господь наставлял и укреплял Путятина на поприще его борьбы. Но из круга своих обязанностей церковных дел митрополиту, по словам Филарета, не следует выходить. Соглашаясь, что существует потребность в благоразумных и твердых мерах, Филарет добавлял, что рассуждать о них «я не имею не только призвания, но и возможности»³.

В начале сентября 1861 г. Путятин настаивает на запрещении журнала «Русское слово», но дело ограничивается предостережением. Во всеподданнейшем докладе от 9 ноября 1861 г. Путятин пишет о беспрерывном уклонении литературы от цензурных правил, бессилии цензуры, неудобстве употребления крайних мер. Как средство наказания для периодической печати он предлагает установить денежные залоги. Путятин выска-

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 308.

² Там же. С. 310-311.

³ Письмо митрополита Филарета к графу Е. В. Путятину по поводу просьбы графа о предупреждении Императора Александра Николаевича о крайне опасном современном положении для государства и Императорской фамилии (1861 г. 21 сентября) // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 1. М., 1887. С. 137–139.

зывает мнение, что цензура не может оставаться более в Министерстве просвещения, предлагает передать ее в Министерство внутренних дел. Видимо, до этого Путятин вел переговоры с Валуевым и заручился его согласием. Может быть, тот сам подсказал Путятину такую меру. Валуев жаждал власти, влияния, а Путятин хотел избавиться от цензурной обузы¹. Так что желания их совпадали.

Никитенко рассказывает о посещении им Н. А. Муханова — сенатора, члена Государственного совета; в 1858–1861 гг. Муханов занимал пост товарища министра просвещения, в 1859 г. он член Комитета по делам книгопечатания, в 1861–1866 гг. товарищ министра иностранных дел, то есть человек весьма влиятельный и хорошо информированный. Говорили, в том числе, о Путятине, о неспособности того управлять министерством, о слухах по поводу скорой отставки Путятина и о замене его А. В. Головниным².

Слухи подтверждаются. В конце 1861 г. на место Путятина назначен А. В. Головнин, сторонник умеренного либерализма, ищущий популярности, с неодобрением встреченный правительственными сановниками. Никитенко к назначению Головнина относится вначале сочувственно. Он с одобрением пишет о первом заседании Главного управления цензуры под председательством Головнина, отмечает быстроту, с которой тот вел заседание, без прежней болтовни и пустых словопрений; в заключение министр сказал, что государю угодно, чтобы *«цензура усилила свою бдительность и строгость против периодической литературы»*; цензорам уже даны циркуляры. Но вскоре приходит разочарование: «Вот мое определение Головнина: сух, холоден, умен, изворотлив. Вот и все пока»³.

С назначением Валуева и Головнина быстро начала продвигаться вперед подготовка нового цензурного устава. Дело было не только в их личном отношении к делу, просто ко времени их назначения вопрос об уставе стал злободневным. В феврале 1862 г. комитет, созданный еще в 1861 г. для рассмотрения вопроса о передаче цензуры в Министерство внутренних дел, представил соображения двум новым министрам. Было составлено две записки.

Первая записка, А. А. Берте и П. И. Янкевича, от Министерства просвещения, не одобряла передачи полномочий в Министерство внутренних дел и уничтожения предварительной цензуры. Вторая, составленная В. Я. Фуксом (приближенным Валуева), ориентирована на цензуру карательную. И та и другая мотивировали доводы неблагополучным состоянием литературы, особенно журналистики, которые стали явно крамоль-

¹ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 53–54.

² *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 316–317.

³ Там же. С. 332.

ными, не боятся выражать сочувствие реформам и даже насильственным переворотам, в ущерб монархическому правлению. В публикациях превозносятся деятели революций, восхваляются представительные правления; другие формы обвиняются в выражениях, не сдерживаемых ни приличиями, ни уважением. Большая часть изданий, отрешившись от почвы, на которой они были основаны, «делаются неограниченными судьями политического мира, обсуждают и решают политические события и вопросы независимо и даже иногда в противность явным видам нашего правительства»¹. В записке отмечалось исчезновение изящной литературы, которая уступила место произведениям, имеющим только реальное (то есть материальное) значение. Все идеальное, эстетическое, возвышенное отвергается как устарелое. Иногда унижаются и отрицаются даже авторитеты веры и церкви. Журналистика взяла на себя роль верховного судьи, диктаторским тоном произносящего приговоры по таким предметам и над такими лицами, которые не подлежат литературной критике. Она прикасалась дерзкой рукой к авторитетам религии, церкви, верховной власти, правительства, судебных учреждений и других властей, колебля подобающее им уважение. Наблюдались попытки «подкопать неизменные основания нравственности и опоры семейной жизни»².

Оба проекта не столь уж отличались друг от друга. Один предлагал предварительную цензуру с элементами карательной, другой — карательную с элементами предварительной, оба — за соединение той и другой цензуры и за строгое обуздание литературы. И в том, и в другом проектах шла речь о вреде возвращения к режиму, обрекающему общество на полное молчание, но говорилось не об освобождении литературы, а о мерах, позволяющих более удобно держать ее в узде. В записке Берте высказано опасение, что полное стеснение может иметь дурные последствия (размножение нелегальных изданий, прокламаций и пр.). В то же время выражалась уверенность, что стеснение печати необходимо. Отличались записки главным образом в том, что первая из них была ориентирована на сохранение цензуры в Министерстве просвещения, а вторая — на передачу ее в Министерство внутренних дел.

Записки были переданы царю. Решено оставить неизменным круг обсуждаемых в 1862 г. вопросов, не расширяя и не сужая его.

В марте 1862 г. Головнин представил в Совет министров обширный доклад о бессилии мер строгости и цензурного террора. В нем, однако, речь шла и о том, что необходимо ясными правилами охранять истины веры, основные государственные законы, неприкосновенность верховной власти, особ императорской фамилии, нравственность³. Предлагалось под-

 $^{^{1}}$ Цит. по: Λ емке M. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 101—102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 127.

твердить цензорам, чтобы они внимательнее относились к своим обязанностям. Управляющему Министерством просвещения предписывалось находиться в личных отношениях с редакторами и цензорами. Он должен сообщить Совету министров о направлениях, которые он намеревается дать суждениям литературы по разным государственным вопросам. Ему поручено доставлять полезные занятия даровитым писателям, которые, живя в бедности, не имея возможности питаться своим трудом, превращаются в лиц, враждебных правительству. За нарушение правил предлагается лишать нарушителей права изданий, налагать на них денежные штрафы; нарушения должны рассматриваться служебным (то есть административным) порядком. Периодические издания должны вносить залоги, а их редакторы — подвергаться ответственности, независимо от цензоров, проверяющих их. Планировалось освободить от предварительной цензуры официальные, ученые и признанные благонадежными издания, но и им дано право представлять в цензуру печатаемые ими материалы. Предварительная цензура сохранялась для изданий, не освобожденных от нее. Министерству внутренних дел поручено наблюдать за исполнением статей закона, а Министерству просвещения — за направлением литературы. Нынешних членов Главного управления предполагалось причислить к Министерству внутренних дел, возложив временно обязанности Главного управления на Головнина. Специальных цензоров (от министерств и пр.) упразднить. Поручить всем ведомствам совершенствовать свои издания, чтобы общество получало оттуда верные сведения. Редакциям официальных изданий дать право печатать казенные и частные объявления (значительная статья дохода. — П. Р.). Составить в Министерстве иностранных дел предложения о цензуре политических статей¹.

Доклад Головнина как бы оформляет официальную позицию Министерства просвещения в подготовке и проведении цензурной реформы. В докладе использованы предложения обеих записок, Берте и Фукса, и в целом предусматривается введение карательной цензуры и передачи ее Министерству внутренних дел. Исследователь Лемке, излагая содержание доклада Совету министров, отмечает беззастенчивость и беспринципность его автора. Для «публики» Головнин говорит, что ему во многом понятны крайняя недоверчивость общества к власти, отвращение ко всякому сближению с правительством, что такие чувства являются результатом действий цензурных управлений, их желанием регламентировать прессу, подчинять ее и направлять. Он-де высоко ценит труд русской журналистики, понимает тяжесть ее незаслуженных и вредных страданий. На заседаниях же Совета министров, не публикующего своих журналов, он выступает в роли обвинителя литературы, предлагает суровые меры, направленные против нее².

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 128—129.

² Там же.

В процессе подготовки цензурной реформы, по заказу Головнина, П. К. Щебальским был составлен и выпущен для всеобщего знакомства сборник «Исторические сведения о цензуре в России». Там содержались весьма критические отзывы о предварительной цензуре, о том, что она вызывала много горечи, раздражения против правительства, о необходимости ее отменить, заменить карательной, о полной ее непригодности¹. И в это же время в докладе Головнина Совету министров говорилось совсем иное. Поэтому Совет с одобрением отнесся к докладу. Положительно оценил его и Валуев, радующийся скорому переходу цензуры в его руки.

Одновременно Головнин занялся подготовкой окончательного варианта нового цензурного устава, продолжая играть в либерализм и в то же время ориентируясь на правила, отнюдь не либеральные. Еще в феврале 1862 г. Головнин пригласил к себе непременного секретаря Академии наук К. С. Веселовского и много говорил ему о желании совершенно изменить основы существующего цензурного устава. Он предложил Веселовскому стать председателем в комиссии по составлению устава, которая должна быть не чиновничьей, а ученой. На самом деле «ученость» вскоре была признана не нужной. 8 марта 1862 г. царь одобрил состав комиссии. В нее входили статс-секретарь князь Д. А. Оболенский (председатель), В. А. Цеэ (председатель петербургского цензурного комитета), цензор Л. Л. Штюрмер и другие, в основном — чиновники, мало знакомые с потребностями современной литературы и с основными началами свободы печати, специалисты по обузданию, а не поощрению². Перед комиссией была поставлена сложная, трудновыполнимая задача, а срок дан весьма короткий.

Головнин передал членам комиссии инструкцию. В ней предлагалось заняться не только пересмотром устава 1828 г., но и всеми постановлениями и распоряжениями по цензуре, общими и частными. Надо было решить, какие книги и периодические издания можно освободить от предварительной цензуры; следует ли это сделать для всей периодики, чтобы редакторы сами выбирали: печататься без предварительной цензуры, взяв на себя всю ответственность, либо оставаться под цензурой, но не отвечать. Обсуждался вопрос о способах внесения залогов, о специальных судах для печати. Предлагалось составить правила «для полицейского предварения периодических изданий в случае замечаемого общего вредного направления оных» и надзора за типографиями³. При этом требовалось учитывать иностранный цензурный опыт. Все это должно было базироваться на некоторых обязательных основаниях, которые повторяются во

¹ [Щебальский П. К.] Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

 $^{^2}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 132—133.

³ Там же. С. 133.

всех документах о цензуре: охрана веры, православной церкви, уважения к церквям, к основным государственным законам; защита неприкосновенности верховной власти, особ императорской фамилии, нравственности, чести и домашней жизни каждого. В то же время предлагалось разрешать суждения о несовершенстве прочих законов, о злоупотреблениях и недостатках администрации, о местных нуждах, о недочетах, пороках и слабостях людских вообще. Речь шла и о понимании необходимости отличать чисто ученые статьи, печатающиеся в научных книгах и журналах, от статей в периодических изданиях, особенно в тех, которые читаются народом, привыкшим верить всему печатному. Председателю было дано право приглашать в комиссию литераторов и редакторов. В случае его желания разрешалось подвергнуть некоторые вопросы печатному обсуждению, но обратившись сначала к министру просвещения (за разрешением?).

Посылая эту инструкцию, Головнин прилагал к ней ряд сведений по цензуре, обзоров и других материалов, изданных министерством. Разобраться во всем этом оказалось нелегко. Царь, видимо, интересовался делами комиссии. Головнин просил Оболенского регулярно посылать краткие ежемесячные отчеты о ее работе, которая должна быть окончена в 1863 г.

В решение вопроса о цензуре впервые попыталась вмешаться общественность. Сами власти еще в начале 1861 г., до создания комиссии Оболенского, призвали писателей и редакторов разных оттенков высказать свое мнение о средствах улучшения положения литературы. Петербургская группа журналистов составила проект, переданный для обсуждения в Москву. Его привезли туда литераторы радикального толка Н. Г. Чернышевский и Г. З. Елисеев как уполномоченные Петербурга¹. Предложения петербуржцев москвичи сочли не совсем приемлемыми. Они поручили Каткову составить свою записку, что он и сделал. Как раз в это время министром просвещения был назначен Путятин. Возник вопрос о форме и поводе подачи московских предложений, и вновь обратились к Каткову. Тот передал записку Валуеву, который не обратил на нее внимания, переслав в комитет 1861 г., где, видимо, на нее тоже не отреагировали. Такова была судьба *первого* коллективного заявления русских литераторов².

Новая записка была составлена от имени основных петербургских и московских периодических изданий («Русский вестник», «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости», «Время» и др.)³. Она начиналась с утверждения, что литература —

 $^{^1}$ См.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848-1914. М., 2001. С. 70-71.

² Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 57–58.

 $^{^3}$ Текст записки приводится в: *Лемке М. Э*поха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 59—82.

существенная потребность образованного общества, которое не может быть равнодушным к положению печати. Ныне возникла необходимость привести дела литературы в правильное положение; само правительство озабочено этим, оно начинает понимать, что злоупотребления печати подлежат не административной расправе, а разбирательству правильно устроенного суда. По мнению авторов, Россия — страна, где свобода печати может быть допущена с полной безопасностью; такая свобода конечная цель; пока же возможно переходное улучшение положения печати уже при существующем порядке. Предлагается всю ответственность за напечатанное, которую делят цензор, редактор и автор, возложить на редакторов, дав им право, по их желанию, взять ее на себя или передать цензуре. Записка допускала возможность применения целой системы взысканий, вплоть до весьма строгих, до возврата издания под цензурный надзор при сильных отклонениях от закона, но выражала надежду, что крайних случаев, когда потребуются последние, будет мало. Возможность зажигательных прокламаций, возмутительных памфлетов не дает оснований стеснять предупредительными мерами литературу, находящуюся под контролем правительства, которое в честной литературе всегда находило поддержку и опору. Чем больше дать простора печати, тем менее окажется в ней путей для тайных, бесконтрольных действий. Осуждается стремление вообще скрыть существование цензуры, запретить всякие намеки на нее (нельзя даже сказать, что статья не напечатана из-за запрещения цензора; воспрещены многоточия). Правительство как бы стыдится своих собственных распоряжений; оно не доверяет самой цензуре, ставя цензуру над цензурой. Если высказываются мнения односторонние и ложные, они должны подвергаться критике, а не цензуре; их нужно опровергать, а не запрещать. В интересах России не стеснять печать, а напротив, давать ей возможные льготы, пока она остается в рамках, означенных правительством. Весьма желательно, чтобы по разным предметам высказывалось как можно больше разнообразных мнений. Заканчивалась записка рассуждением: если печать все же останется во власти административной расправы, желательно, чтобы решения Главного управления, по крайней мере, приняли в какой-то степени характер судебный; чтобы допускались доводы не только против, но и в пользу обвиняемого. В записке предлагалось, чтобы при разборе дел о литературе в Главном управлении присутствовали два-три выбранных представителя со стороны периодической печати, хотя бы только с совещательным, а не решающим голосом¹.

Предложения не были столь уж радикальными; речь шла не о противостоянии правительству, а о сотрудничестве с ним. К такому сотрудничеству стремилось большинство подписавших записку. Но все же пафос отрицания в ней весьма силен. Резкой критике подвергалось современное положение вещей в сфере цензуры. Предлагалась отмена цензуры пред-

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ Λ емке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 80—81.

варительной, замена административного произвола судебным разбирательством, участие в принятии решений представителей печати. Авторы записки, с оговорками, со сглаживанием острых углов, с подчеркиванием своей благонамеренности, все же предлагали довольно серьезные меры, которые должны были облегчить положение литературы, периодической печати. Подписавшие записку принадлежали к разным общественнолитературным лагерям. Одни далее предлагаемых в ней мер не шли. Для других она казалась слишком радикальной, подписывали ее с опаской. Для третьих записка являлась программой-минимум. Власть же не собиралась серьезно учитывать пожелания литераторов, журналистов. Записка не имела последствий, была просто подшита к делу, хотя некоторые ее положения частично отразились в дальнейших цензурных постановлениях.

Позже, в ходе подготовки к цензурным преобразованиям, литераторам и редакторам сообщили, что Министерство просвещения заинтересовано узнать их точку зрения. В январе 1862 г. министр просвещения Головнин обратился к редакциям газет и журналов с предложением предоставить ему особые письменные мнения о желаемых цензурных преобразованиях. В результате появился ряд записок, главным образом — петербургских литераторов. Москвичи на призыв к обсуждению не отозвались, считая, что высказались в записке, поданной в 1861 г. Валуеву. Кроме того, они не особенно доверяли Головнину и не хотели иметь с ним дела. И. С. Аксаков говорил, что Головнин просил прислать ему записку, но «не будет ему никакого содействия, потому что нет в него веры и нет ему сочувствия»¹.

В феврале 1862 г. была издана «для служебного пользования» довольно увесистая книга «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры». Половина книги — мнения цензоров, половина — редакторов и литераторов. Первые уже не возражали против замены предварительной цензуры карательной, что свидетельствовало и об усилении влияния Валуева, и о смене точки зрения Головнина. Все цензоры высказались в пользу такой замены, за упразднение ведомственных цензур, за свободу перепечатки материала, разрешенного цензурой прежде, за возможность печатать периодику без цензуры, под ответственность редакторов, за открытую публикацию всех распоряжений о цензуре (сами «Мнения...» нарушали последнее предложение, печатаясь «для служебного пользования»). В то же время цензоры предлагали установить усиленную цензуру произведений для простого народа. Мнения их настолько сходны, что, видимо, авторы предварительно познакомились с намерениями Головнина,

 $^{^1}$ Письмо И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой от 14/15 января 1862 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 2, ч. 4. СПб., 1898. С. 226.

получив соответствующую инструкцию. Читать их не интересно: они повторяют друг друга; Лемке все же приводит некоторые из них¹. Высказывания литераторов и редакторов интереснее. В «Мнениях...» помещены несколько коллективных записок. Одна из них от литераторов, не имевших в 1862 г. отчетливого «запаха "охранительных" начал», хотя и не радикальных (А. А. Краевский, С. С. Дудышкин от «Отечественных записок», Г. Е. Благосветлов от «Русского слова», братья Достоевские от «Времени», Н. Г. Писаревский от «Русского инвалида», И. В. Вернадский от «Экономиста» и др.). Эта записка наиболее интересная и последовательная. Другая записка 16-ти литераторов, имена которых трудно установить, не делегированных никакими журналами, не подписанная поименно. Еще одна записка, довольно бесцветная, Г. А. Кушелёва-Безбородко, издателя «Русского слова». Наконец, записка «Современника».

В большинстве поданных записок выражались надежды, что правительство действительно желает полезных советов, хочет приступить к изменению цензурных порядков.

Однако в первой записке — литераторов и редакторов — было и другое. Там высказывалась твердая уверенность, что в настоящее время существенные преобразования в области цензуры не входят в намерения правительства, которое будет действовать только частными, паллиативными средствами. Лемке, излагая содержание этой записки, подводит итог: время показало, что даже самые скромные надежды не оправдались. Но все же здесь имелась довольно сильная критическая часть. Ее авторы писали: «Как ни громки всеобщие жалобы на стеснения нашей литературы, как ни очевидны несообразности наших цензурных установлений, но едва ли кто-нибудь из правительственных лиц имеет приблизительное понятие хоть о сотой доле этих несообразностей»². Произвол и противоречия встречаются на каждом шагу; уставы, циркуляры, повеления ежедневно нарушаются самим правительством; никто не выполняет закона; официальные лица более всех стараются его обойти. Цензурные предписания, как заставы на пути всякого самостоятельного развития, вызывают раздражение, и каждое новое предписание увеличивает это раздражение своей неисполнимостью и несовместимостью с прошлыми распоряжениями. История человеческой мысли нигде, никогда не давала такого жалкого примера цензурных учреждений, как в настоящее время в России, где под внешней формой закона скрывается полное самоуправство. Все это оказывает пагубное влияние на литературу; для наиболее честных и талантливых людей литературный труд становится каторжной работой. В записке подробно и резко говорится о Министерстве просвещения, Главном управлении цензуры: бюрократы толкуют о пагубном влиянии

 $^{^1}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 110–112.

 $^{^2}$ Записка об изменении нынешних цензурных постановлений // Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. Февраль 1862. [СПб., 1862]. С. 58.

литературы; на самом деле опасна не она, а невежество. Облегчение цензурных ограничений непременно вызовет появление в среде литераторов защитников правительственных мер; если власти, преследуя литературу, исходили из каких-то временных соображений, то к какому результату приведет это позднее? Расширяется пропасть, отделяющая общество от правительства; будущее становится все страшнее; правительство вредит самому себе, стремясь остановить самостоятельное развитие мысли; сделать это все равно невозможно, можно лишь заставить общественную мысль искать тайных путей распространения; «сдавленная внутри, она перейдет в заграничную пропаганду и в подземную рукописную литературу» (то есть в прокламации. — Π . P.)¹.

К подобным же выводам приходила редакция «Современника», но выражены они были в более мягкой форме, обоснованы по-другому.

Большая часть записки «Современника» посвящена не обсуждаемой теме, а рассуждениям о том, что редакция всегда сообщала о правительственной инициативе в делах социального прогресса и старалась расположить общественное мнение в пользу реформ, проводимых властями. В записке также говорилось о полезности для правительства более либерального цензурного законодательства, преуменьшалось значение оппозиционных сил, якобы не опасных для существующего порядка. Авторы утверждали, что опасность литературы явно преувеличивают люди, не знакомые с либеральными и демократическими кругами. Не эти круги являются непримиримыми врагами существующего порядка. Большинство подозреваемых состоит из людей, не имеющих никакого направления, чуждых не только революционным, но и вообще политическим мыслям; они отличаются от безвредных светских болтунов только необходимостью зарабатывать себе на жизнь литературным трудом. Не они дают тон литературе. Есть «руководители литературы» — писатели, действительно имеющие твердые убеждения, серьезно занятые общественными вопросами; но и они не опасны. Зная лично их, авторы записки уверяют, что нельзя найти четырех, даже трех крупных литераторов, которые бы сходились в теоретических взглядах. Дело доходит до того, что они избегают даже знакомств друг с другом. Таким образом, «знакомство с настоящим состоянием нашего общества приводит серьезных писателей к полному убеждению, что только правительство в силах делать что-нибудь важное, и потому все они имеют очень сильную наклонность быть приверженцами правительства, действующего в прогрессивном духе»². В коллективной записке указывались необходимые меры — на длительный период и на ближайшее время, до осуществления реформ. По мнению авторов, необходимо следующее: 1) всякое преступление печати и наказание за

¹ Записка об изменении нынешних цензурных постановлений // Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. Февраль 1862. [СПб., 1862]. С. 66.

² Записка редакции журнала «Современник» // Там же. С. 88.

него должно быть ясно определено; 2) никто не может осуждаться без правильного суда, а обвинитель не должен являться судьей по делу, по которому обвиняет; 3) суд, определяющий степень виновности, должен начинать свои действия лишь тогда, «когда предварительное и беспристрастное следствие признало, что виновный подлежит суду»; 4) в самом суде обвиняемый должен иметь гарантии справедливого осуждения или оправдания его¹. В записке давалось обоснование каждого из этих пунктов, говорилось о необходимости замены предварительной цензуры карательной, в которой обвиняющие инстанции не должны иметь права судить. Речь шла и об учреждении специального суда по литературным проступкам, о немедленном введении прений сторон, защиты, о назначении особого посредника, стоящего между обвинением и судом, рассматривающего все жалобы на литературу. Предлагалось сформировать цензурно-следственный комитет, половина которого назначалась бы правительством, другая избиралась бы литераторами. Именно такой комитет мог бы стать посредником между литературой и властями: решения его не должны подлежать обжалованию и окончательны для обеих сторон². Записка представлена от имени «Современника», но вряд ли выражала мнение всей редакции. Кое-что в ней, видимо, помещалось из тактических соображений (о слабости оппозиционной мысли), ряд предложений насквозь утопичен, но и здесь высказано убеждение (не ясно, искреннее ли), что правительство заинтересовано в серьезных цензурных изменениях.

Было бы интересно и важно узнать имена составителей записки. Лемке не удалось сделать это, хотя он беседовал о записке с М. А. Антоновичем и с А. Н. Пыпиным, членами редакции журнала Некрасова.

Записка Кушелёва-Безбородко перекликалась с предыдущей, но в ней говорилось еще о том, что заседания цензурно-следственного комитета должны быть публичными (записка от имени редакций ограничивалась требованием публиковать в печати постановления комитета).

Более радикальной оказалась записка шестнадцати литераторов (так называемых «пессимистов»). Во вступлении к ней высказывалось мнение о малой вероятности существенных цензурных реформ, хотя действия жесткой цензуры все равно оказываются бесполезными и вредными: «есть предметы, о которых всякое рассуждение является чем-то странным, почти невозможным». К таким предметам относится вопрос о форме цензуры. Теория и практика, наука и жизнь доказали, что всякое запрещение известных мнений не только бесполезно, но и положительно вредно. Вредно, так как задерживает развитие просвещения; бесполезно, так как эти мысли и мнения все же не искоренить. Из простых сторонников из-

¹ Записка об изменении нынешних цензурных постановлений // Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. Февраль 1862. [СПб., 1862]. С. 67.

² Там же. С. 67–78.

вестного образа мыслей, готовых выслушать любое свободно высказанное возражение, запрет делает фанатиков, идущих на плаху. В записке предлагалось вообще уничтожить цензурные комитеты, Главное управление цензуры, заменив все это одним комитетом с равным количеством лиц, назначаемых правительством и избираемых литераторами. При расхождениях между ними решать все споры большинством голосов¹. На более существенные изменения авторы этой записки не надеялись, в добрую волю властей, в частности Головнина, несмотря на его либеральные речи, не верили. Высказывали лишь пожелание более активной и определенной подготовки цензурного устава. Вопрос о нем нужно решать в специальной комиссии, составленной также на паритетных началах; заключения следует обсуждать в печати; если же после утверждения нового устава появятся разные дополнения, разъяснения, предписания, инструкции, лучше не приниматься за трудное и хлопотливое дело пересмотра. И вывод таков: «Основательное и справедливое изменение в положении литературы невозможно без изменения всего характера нашего законодательства и наших учреждений. Результат этот очень неутешителен, но мы считаем себя обязанными прямо и без самообольщения заявить о нем»².

Любопытно, что среди авторов записки шестнадцати литераторов произошел раскол: пять человек высказали особое мнение, считая предложенные меры недостаточными, не облегчающими в должной мере положения литературы. Недостаточен, с их точки зрения, и призыв министра просвещения к редакторам и литераторам (просьба некоторым из них изложить свою точку зрения). Нужно другое: дозволение на определенный период гласного, печатного обсуждения вопроса о цензуре, без контроля материалов той же предварительной цензурой. Записка шестнадцати наиболее радикальна, но и в ней ощущается немало утопических надежд. Что же касалось революционных демократов, то они в опросе не участвовали, считая бесполезным такой конфиденциальный диалог с цензурными властями. И все же в целом обсуждение оказалось совсем не таким, каким оно было задумано Головниным и Валуевым, хотевшими «лечить» литературу паллиативными средствами. Несмотря на большую или меньшую ограниченность аргументов, на высказанное желание сотрудничать с властями, все, кто откликнулся на призыв Головнина, отмечали серьезные недостатки цензуры, необходимость ее существенного изменения. Не такого результата ожидали устроители опроса.

В конечном итоге Министерство просвещения, в связи с подготавливаемой цензурной реформой, отважилось все же на обсуждение в печати

¹ Записка о преобразованиях по части цензуры, составленная некоторыми литераторами на основании приглашения г. управляющего министерством народного просвещения // Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. Февраль 1862. [СПб., 1862]. С. 76–78.

² Там же. С. 76.

проблем цензуры, как говорилось и в присланных записках. В 1862 г. периодическим изданиям разрешили печатать статьи о цензурных преобразованиях, их направлении и сути. Правительство не только позволило такое обсуждение, решительно запрещаемое прежде, но и пригласило к нему. 10 марта 1862 г. был принят именной указ «О преобразовании цензурного управления и упразднении Канцелярии министра народного просвещения»¹.

На следующий день в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано официальное сообщение «Преобразование цензурного управления»². В нем сообщалось о намерении правительства провести цензурные реформы, об учреждении особой комиссии князя Д. А. Оболенского для подготовки их проекта. В № 64 (23 марта) той же газеты появилось известие о первом заседании комиссии, состоявшемся 19 марта, об ориентации комиссии на введение карательного цензурного законодательства и о том, что «комиссия приглашает литераторов и редакторов периодических изданий письменно сообщать ей свои мысли и соображения по вышеозначенным предметам». Комиссия выражала также желание, «чтобы литература наша несколько ближе ознакомила публику с вопросами, до законодательства о печати относящимися. Сравнительное изложение законодательств других образованных государств и теоретическая оценка их могла бы приготовить общественное мнение к правильному развитию силы и значения новой системы законодательства о книгопечатании»³.

Итак, приглашение правительства было получено. Журналы поспешили воспользоваться этим невиданным в истории России обращением. Обсуждение началось, но шло оно, как и в записках, далеко не всегда в направлении, которое предусматривалось комиссией, совсем не стремившейся к выяснению истины, к учету высказанных мнений, а просто желавшей подготовить благоприятное отношение общества к новым цензурным постановлениям. Подготовка являлась тем более необходимой, что об увеличении свободы слова речь не шла. Дело касалось лишь формы, методов цензурных ограничений, наиболее удобных для нового времени. И все же власти сочли необходимым обратиться к обществу, сделать вид, что хотят узнать его мнение, посоветоваться с ним, — обстоятельство для России совершенно невиданное.

¹ О преобразовании цензурного управления и упразднении Канцелярии министра народного просвещения: Именной [указ], данный Сенату, распубликованный 19 марта // ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. № 38040.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 13 марта (№ 51).

 $^{^3}$ Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 110–111.

Но печать не хотела ограничиваться предложенными ей рамками. В многочисленных откликах, появившихся в журналах и газетах, почти не встречалось защиты предварительной цензуры, существовавшей в России до 1860-х гг. Слишком уж она скомпрометировала себя. Следует не забывать и то, что в самом официальном приглашении к разговору отчетливо формулировалось намерение комиссии ориентироваться на цензуру карательную.

В статье, в сущности, отрицалась необходимость каких-либо цензурных изменений. Такая позиция противоречила и настроениям общества, и намерениям правительства².

С осуждением Мельгунова выступила «Современная летопись» Каткова, утверждая, что замены предварительной цензуры карательной не следует бояться³. В ответе Мельгунова, довольно резком по тону, признавалось, что никаких серьезных разногласий между ним и Катковым нет; что Мельгунов тоже сторонник новых цензурных постановлений, и речь идет просто о недоразумении⁴. Дело, вероятно, объяснялось и тем, что первая статья Мельгунова появилась до официальной публикации о направленности работы комиссии, а вторая — после (18 и 29 марта). Редакция же «Нашего времени», разобравшись в том, чего хотят власти, и, стараясь загладить свой промах, отмежевалась от Мельгунова,

 $^{^1}$ *Мельгунов Н.* По поводу последних распоряжений о цензуре // Наше время. 1862. 18 марта (№ 60).

 $^{^2}$ Подробнее см.: Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 111–112.

³ Современная летопись. 1862. № 12. С. 14–18.

⁴ *Мельгунов Н.* В пояснение недоразумений между «Современной летописью» и мною, по вопросу о цензуре // Наше время. 1862. 29 марта (№ 69).

объявив себя противницей предварительной цензуры. Но и при этом редакция продолжала повторять, что французские законы далеки от идеала, что карательные меры не должны оставаться в руках администрации, что наиболее приемлем суд присяжных, но в России он пока невозможен. Специальный же суд из чиновников не удовлетворит литераторов, а выборный суд не удовлетворит правительство. Поэтому литературные дела лучше вверить обыкновенным судам, особенно высшим их инстанциям, периодику же лучше пока оставить под предварительным контролем. Так, начав с необходимости устранения административного произвола, редакция «Нашего времени» приходит в конце к утверждению его в самом прямом виде¹.

Несколько иную позицию заняли издания Каткова, сразу выступившего ярым сторонником замены предварительной цензуры карательной. Он восторженно приветствовал готовящиеся новые постановления о печати, настойчиво популяризировал их, говоря о необходимости свободы слова. В изданиях Каткова публикуются статьи и заметки, осуждающие цензурные ограничения, восхваляющие свободу печати, которая даст возможность выразить общественное мнение. При этом неоднократно встречается осуждение французского законодательства о печати, не ограждающего литературу от произвола властей.

Французским законам, как положительный пример, противопоставляются английские и американские (Катков — известный англоман, что подчеркивалось даже в карикатурах на него). Свобода печати, по Каткову, — противоядие от нигилизма. Предварительная цензура только «утончает яд», дает ему средство беспрепятственно проникать повсюду; карательная же создаст возможность высказаться вредной идее, которая сама себя уничтожит своей откровенностью или вызовет общественный отпор². Даже под карательной цензурой французской печати было тяжело жить³, что уж тогда говорить о положении печати отечественной. «Если в самой сущности французской свободной печати лежит необходимость постоянно взламывать основы общества, мы уже не станем так удивляться разным вмешательствам», т. е. правительственным запретам⁴ (поводом послужила заметка из английской «Тimes», где осуждался В. Гюго, выступивший с защитой свободы слова). Не столь уж существенное отличие от «Нашего времени».

 $^{^1}$ См.: *Рейфман П. С.* Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 111-112.

² Русский вестник. 1862. № 10.

³ [В последнем нумере Современной Летописи...] // Современная летопись. 1862. № 12. С. 14–18.

 $^{^4}$ Times по поводу речи Виктора Гюго о свободе слова // Современная летопись. 1862. № 39. С. 17.

Примерно с таких же позиций выступала редакция «Отечественных записок», приветствуя направление, по которому движется комиссия: свобода слова лишь укрепит правительство и приведет к окончательному поражению его противников.

Нужно откликнуться на приглашение правительства, отказаться от непростительного равнодушия, высказать свое мнение о преобразовании цензурного законодательства. Но необходимо и понимать, что свобода слова не может обойтись без законов о печати; что эти законы составляют «основный камень истинной свободы»¹. Прежние законы оказались несостоятельными, правительство желает заменить их лучшими и обращается к самой литературе за указаниями. Высказывается то же мнение, что у Каткова: новые законы обезвредят яд нигилизма: «только свежий, здоровый воздух свободы <...> в состоянии вылечить эту философскигражданскую чахотку»; «только при существовании учреждения, карающего всякое нарушение свободы слова <...> возможна истинная свобода слова». Позиция «Отечественных записок» несколько меняется в конце 1862 – начале 1863 г., при усилении реакции. Редакция, не желая вступать в конфликт с властями и продолжая нападки на нигилистов, все же не хочет компрометировать себя перед читателями, терять их доверие. Поэтому высказывается мнение, что нынешнее время неблагоприятно для литературы, а правительство неблагосклонно к ней. Осуждается приостановка «Современника» и «Русского слова», осторожно говорится и о «Временных правилах», о том, что подобные действия правительства лишь укрепляют нигилизм, не достигая цели; они же не позволяют «честной литературе» (имеется в виду и собственное издание. — Π . P.) бороться с гонимым течением. Свобода же слова, по мнению редакции, приведет к падению нигилизма, как только тому дадут возможность высказаться 2 .

М. Е. Салтыков-Щедрин в возобновившемся после приостановки «Современнике» с иронией писал о позиции редакций «Русского вестника» Каткова и «Отечественных записок» Краевского: оба журнала считают успехи нигилизма чуть ли не результатом предварительной цензуры; с отменой ее нигилизм исчезнет: «Радуемся его (Каткова. — Π . P.) радости и будем ожидать»³.

 $^{^1}$ [*Громека С. С.*] [Еще о цензуре] // Отечественные записки. 1862. Т. 46, № 4 (апр.). С. 41.

 $^{^2}$ См. в разделе «Современная хроника России» // Отечественные записки. 1862. № 11; 1863. № 1/2. Подробнее: *Рейфман П. С.* Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 113-114.

 $^{^3}$ *Т-н* [*Салтыков-Щедрин М. Е.*]. Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год // Современник. 1863. № 1/2 (янв.-февр.). *С.* 2.

Несколько иная точка зрения высказывалась славянофильской редакцией газеты «День» в передовой статье, написанной И. С. Аксаковым¹. В ней говорилось, что мнение о пользе свободы слова и вреде цензуры стало общим местом; нет ни одного разумного человека, который объявил бы себя врагом такой свободы. Автор присоединялся к этому мнению, утверждая, что стеснения печати гибельны для самого государства; цензура — орудие стеснения слова — *опасное* для государства учреждение; она не может остановить мысль, но порождает в ней раздражение и противодействие. По словам Аксакова, во взаимных отношениях общества и государства свобода слова имеет большое значение; она — залог нормальной общественной деятельности. Всякое ограничение печати, стеснение ее — нарушение правильных отправлений общественного организма; возможные злоупотребления словом дела не меняют (ведь нельзя всем связать руки из-за того, что кто-то ими совершает преступления). Автор предлагает ввести в Свод законов пункт, где свобода печатного слова объявляется «неотъемлемым правом каждого подданного Российской империи, без различия звания и состояния» (выделено Аксаковым. — Π . P.). Он дает краткий проект постановления о печати, главные пункты которого следующие: признание права на свободу слова и ответственности за него; преступные действия печати подлежат единственно ведению судов; суд не мыслим без присяжных, которых пока не существует, такой суд необходимо создать; обвинения против печати выдвигают министры полиции или внутренних дел, а суд разбирает такие обвинения и выносит решения. Довольно смелые предложения, во всяком случае, искренние. В заключение Аксаков просит высказывать критические замечания на его предложения. И все же он тоже не выходит за рамки критики современной цензуры и проповеди ее улучшения правительством.

Примерно так же, даже с несколько большей оппозиционностью, цензура осуждается в журнале братьев Достоевских «Время».

В статьях, посвященных французским законам о печати, содержится их суровая критика: они сравниваются с веревкой удавленника, распущенной настолько, чтобы он не сразу задохнулся². На опыте французских законов о печати опровергается мысль, что общественное мнение можно истребить, подавить запретными мерами. Каждый опытный машинист мог бы объяснить Наполеону III неблагоразумие его действий: стенки парового котла выдерживают большое давление, но всему есть мера; если закрыть все предохранительные клапаны — произойдет взрыв. В России закон о свободе печати совершенно необходим. Всякий имеет право писать,

 $^{^1}$ Москва, 19 мая: По поводу проектируемых законов о книгопечатании // День. 1862. 19 мая (№ 32). С. 1–5.

 $^{^2}$ [Разин А. Е.] Законы о печати во Франции: (Исторический очерк). Статья первая // Время. 1862. № 5. С. 159–182; [Разин А. Е.] Законы о печати. Статья вторая // Время. 1862. № 6. С. 284–304.

печатать, издавать все, что хочет. Правительство может рассчитывать на здравый смысл своих подданных и не имеет повода опасаться ни за себя, ни за граждан. Более того, оно нуждается в проявлении общественного мнения, чтобы принимать меры и постановления, необходимые для общего блага. По мнению редакции, печать не руководит общественным мнением, она — при непременном условии свободы — его следствие; правительство представляет общественное мнение и поэтому должно находить в печати полезные для своего дела указания.

Но и здесь все же высказывалась надежда, что русское правительство не пойдет по пути французского, что ему можно будет доказать необходимость свободы печати, и оно даст такую свободу. Тем не менее Валуев был весьма недоволен сравнениями «Времени». Он сообщал Головнину, что такие суждения имеют целью вооружить публику против существующего в России порядка цензурного контроля, заранее настроить ее против готовящегося правительством нового цензурного устава¹. На самом же деле разница между высказываемыми в печати точками зрения, при всем отличии их, была не столь значительной. М. А. Антонович в «Современнике» отмечал непрактичность, нежизненность высказываемых во «Времени» иллюзий, которые пишутся лишь для собственного удовольствия сочинителей и развлечения читателей².

Подведем некоторые итоги: все перечисленные выше периодические издания, участвовавшие в обсуждении, в основном критиковали цензуру, требовали изменения ее, облегчения положения печати, иногда более или менее искренне, иногда демагогически, лицемерно, с замаскированным оправданием цензурных преследований. Прямо против свободы слова не выступал почти никто. Но одновременно все утверждали, что цензурная реформа приведет к укреплению существующих основ, что русское самодержавие хочет и может ввести законы, обеспечивающие свободу печати, что печать сама должна помочь правительству в обсуждении и подготовке таких законов.

¹ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 198.

 $^{^2}$ Современное обозрение // Современник. 1863. № 1/2. С. 238. См. также: $Peй\phi$ -ман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 116.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»

Часть вторая

(...И два шага назад)

Демократы о проектах преобразования цензуры. Статьи Писарева, Чернышевского. Пожары и прокламации; разные версии, объясняющие их. «Молодая Россия». Слухи о поджигателях; роль Каткова в политической окраске версий поджогов. Польское восстание 1863 года. Антипольская кампания Каткова. Разногласия Каткова с властями. Поворот к реакции — не только правительственный, но и общественный. Нигилисты превращаются в титулярных советников. Салтыков-Щедрин и Герцен об изменении общественной атмосферы. Проблема позиции демократов (слабые и сильные стороны). Вопрос о революционной ситуации в России 1860-х годов. Чернышевский и Нечаев. Цензурные репрессии: преследование славянофильских изданий, прекращение газеты «Современное слово». Воздействие правительства на общественное мнение через печать. Газеты «Северная почта», «Наше время». Передача цензуры в Министерство внутренних дел. Временные правила 1862 года. Проект цензурного устава, подготовленный комиссией Оболенского. Критика его Николаи. Отмежевание Головнина. Салтыков-Щедрин о проекте устава. Вторая комиссия Оболенского. Утверждение Временных правил о печати 6 апреля 1865 года (указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»). Обострение полемики между Катковым и бюрократическими кругами. Покушение Каракозова. Покровительство царя Каткову. Усиление реакции. Отставка Головнина, затем Валуева. Назначение министром просвещения Δ . Толстого — поклонника и единомышленника Каткова. Запрещение «Современника» и «Русского слова». Лишение В. Корша права издания «Санкт-Петербургских ведомостей». Запрещение газеты «Москва». Более поздние дополнения, ужесточающие закон 1865 года. Смена начальников Главного управления по делам печати (М. Шидловский, М. Лонгинов, В. Григорьев). 1 марта 1881 года народовольцы убивают Александра II.

Иная точка зрения высказывалась в демократических изданиях, особенно в «Русском слове» и «Современнике». Редакции двух последних журналов не хотели, да и не успели прояснить свою позицию, издание обоих было приостановлено. Они вообще не касались вопросов цензурного законодательства в России, останавливаясь только на французских законах о цензуре. Основная их мысль: свобода слова несовместима с авторитарными правительствами, а правительства такого рода в свою очередь несовместимы со свободой слова и могут существовать, лишь обуздывая ее. Обсуждение вопроса о цензурных законодательствах в разных странах не может воздействовать на проведение цензурной реформы в России, но может быть полезно для прояснения сути вопроса.

Центральная идея статьи Д. И. Писарева, напечатанной в «Русском слове», такова: человеческая мысль не зависит от наших личных капризов и внушений; она создает писателей, формирует вопросы и направления¹. Поэтому предупредительные законы едва ли могут изменить течение идей, сообщить им то или другое произвольное направление. Намек Писарева, что новый устав ничего не изменит, заканчивается выводом о неизбежной участи всевозможных цензур. Публицист дает обзор французских цензурных постановлений Наполеона III и его министра В. де Персиньи. По его словам, при сравнении предупредительной и карательной системы, без сомнения, предпочтение следует отдать последней. Но несостоятельна и французская карательная система. Если выбирать меньшее из зол, то следует остановиться на законе, по которому литература ответственна перед судом присяжных, без вмешательства администрации. Под такими высказываниями Писарева могли бы подписаться редакторы не только либеральных, но и консервативных изданий. Как говорилось выше, все они считали цензурные изменения необходимыми. Но главный смысл статьи Писарева к этому не сводился. В ней шла речь о несовместимости самодержавного неограниченного правления и свободы слова, о тщетности надежд на правительство, которое «ненавидит самую свободу мысли; его тревожит самое безвредное проявление этой свободы; оно боится простых выводов здравой логики, потому что его существование, его происхождение, его действия во всех отношениях противоречат этим простым выводам». Писарев относит свои доказательства к французскому правительству, но в первую очередь имеет в виду русское. Он связывает свои размышления с обсуждением в печати предстоящей цензурной реформы в России, но не разделяет надежд, что такое обсуждение сможет сыграть какую-либо положительную роль, повлиять на проводимую реформу: «Я очень хорошо знаю, что мой практический вывод на самом деле не может иметь никакого практического значения»².

 $^{^1}$ *Рагодин И. П.* [*Писарев Д. И.*] Очерки из истории печати во Франции // Русское слово. 1862. № 3. С. 1–16; № 4. С. 1–36; № 5. С. 1–32.

 $^{^2}$ *Писарев Д. И.* Очерки из истории печати во Франции // *Писарев Д. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. М., 2001. С. 104—163.

Подобные же взгляды высказывала редакция «Современника». В 1862 г. там было напечатано письмо Н. Л. Тиблена. Автор так отвечал на призыв председателя комиссии Д. А. Оболенского к обсуждению вопроса о цензуре: «По разным причинам надо сомневаться в возможности полезного участия литературы в этом деле»¹. Мнение мотивируется так: слишком велико различие взглядов сторон на цензуру вообще, в самом основании вопроса; в таком случае всякое обсуждение делается невозможным. Неизвестно, чего хочет комиссия, и если она пожелает ознакомиться с мнением одного только направления, тогда другому мнению нет надобности и заявлять о себе.

И как бы разъяснением позиции «другого мнения» в том же номере опубликована статья Н. Г. Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания». Здесь еще более акцентировалась мысль, сформулированная Писаревым, о несовместимости русского самодержавия и свободы печати. На первый взгляд, мнение Чернышевского значительно более консервативно, чем доводы, неоднократно выражаемые в либеральной и даже охранительной печати. Выводу, что властям не следует бояться свободы печати, Чернышевский противопоставляет диаметрально противоположный: у правительства есть все основания бояться проявления общественного мнения; оно правомерно принимает меры обуздания печати. Речь не идет о том, хорошо это или плохо, но ограничения, с точки зрения властей, необходимы (здесь Чернышевский как бы единомышленник правительства) и неразрывно связаны с самой основой правительственной политики: одно не может быть без другого. Если бы оказалось, что специальные законы «нужны у нас», то, признавая это, «мы вновь заслужили бы имя обскурантов, врагов прогресса, ненавистников свободы, панегиристов деспотизма». По словам Чернышевского, «добросовестное исследование привело бы нас к ответу: да, они нужны»².

Парадоксальная ситуация: либералы, даже консерваторы ратуют за свободу слова, а руководитель демократов приходит к выводу о необходимости обуздания печати. За это ухватился один из публицистов крайнего направления В. Д. Скарятин. Цитируя последние слова статьи Чернышевского, он комментировал их следующим образом: «Таков взгляд самого редактора журнала, который по странному смешению у нас слов и понятий слывет в публике либеральнейшим. Поздравляем русскую печать, если г. Чернышевский доберется когда-нибудь до министерского портфеля!» Становиться министром Чернышевский не собирался, а вот

 $^{^1}$ *Н-ен* [*Тиблен Н. Л.*]. По делу о преобразовании цензуры: (письмо в редакцию) // Современник. 1862. № 3 (март). *С.* 59-64.

 $^{^2}$ Чернышевский Н. Г. Французские законы по делам книгопечатания // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. М., 1951. С. 136–167.

 $^{^3}$ *Скарятин В. Д.* По поводу проекта г. Аксакова // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 3 июня (№ 118).

несостоятельность надежд на то, что правительство даст свободу слова, он хорошо понимал и разъяснял это своим читателям. Понимал он и другое: свободную мысль не задушить, и никакие меры, никакие цензурные преследования не спасут отжившего государственного устройства: «Нам кажется, что без достаточной причины не может произойти никакое потрясение или ниспровержение <...> если есть достаточные причины, то действие произойдет, как там не хлопотать об устранении способов и поводов произойти ему»¹. Чернышевский наивно верил, что условия для крушения деспотического порядка уже созрели. Утопичность такой веры, прочность «основ» демонстрировало, в частности, сохранение цензуры, без которой существующее общественное устройство обойтись не могло, какие бы формы это устройство ни принимало. Это не означало, что не может быть другого устройства. Но в близком будущем оно, вроде бы, в России не предвиделось.

Правительственным распоряжением 15 июня 1862 г. «Современник» был приостановлен на восемь месяцев²; приостановлено и «Русское слово» (похоже на иллюстрацию к работе комиссии Оболенского). После возобновления журналов в начале 1863 г. в девятом (последнем) номере «Свистка» (сатирическое приложение к «Современнику»)³ опубликован сатирический этюд Михаила Змиева-Младенцева (псевдоним М. Е. Салтыкова-Щедрина) «Цензор впопыхах (Лесть в виде грубости)». Цензор читает статью об обсуждении в печати какого-то проекта (может подразумеваться и проект о цензуре) и не знает, что с ней делать, разрешить или запретить. Содержание юморески — пародия на реальные обсуждения. «И потому, принимая в соображение, что, в существе вещей, общество привлекается к обсуждению сего предмета в размерах весьма благонадежных, мы думаем, что упомянутый выше проект представляет залоги преуспеяния весьма изрядного», — цензор так и не может разобраться в этой фразе, чтобы решить, то ли позволить публикацию, то ли нет. В конце жена рвет корректуру, а малолетний Коля, сын цензора, кричит: «Блаво, мамаса!»⁴

О планах цензурных преобразований иронически высказывались и другие сатирические издания. В первую очередь «Искра», но не только она. Например, «Гудок» сравнивал положение писателя в условиях

 $^{^1}$ Чернышевский Н. Г. Французские законы по делам книгопечатания // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. М., 1951. С. 138.

 $^{^2}$ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. А., 1936. С. 513–514. М. К. Лемке указывает другую дату: 19 июня. См.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 179.

 $^{^3}$ Свисток: Собрание литературных, журнальных и других заметок. 1863. № 9 (28 апр.). С. 12-19.

⁴ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М., 1966. С. 275–281.

предварительной цензуры с собакой в наморднике, а в условиях карательной — с медведем, которого водят по ярмаркам, с кольцом в носу и подпиленными зубами. «Которая цензура лучше, предоставляем делать вывод самому читателю, что же до нас, то, по нашему мнению — обе лучше» В «Искре» помещен рисунок с подписью «свобода тиснения» (т. е. печатания): народ *теснится* у входа в лавку — это единственная cbododa, ему доступная cbododa, ему доступная cbododa.

Но прервем рассказ о реформировании цензуры и остановимся на некоторых общих проблемах. Думается, что 1862 г. открывает новый период в истории русского общества, русской цензуры; он является важным рубежом. Еще проводятся реформы. В 1864 г. — судебная, вероятно, самая прогрессивная и существенная (не считая отмены крепостного права): введен суд присяжных, адвокатура, несменяемость судей. Оформляются земские учреждения; установлено местное самоуправление. Но все же с 1862 г., после пожаров и прокламаций, отчетливо заметен поворот к прошлому. Некоторые исследователи называют рубежом другие годы, 1863-й или 1864-й. Каждый из этих годов и на самом деле, по тем или другим событиям, был в какой-то степени поворотным, но началось, по нашему мнению, именно с 1862 г. Именно этот год называет поворотным Герцен в «Былом и думах». Так же оценивает его и Салтыков-Щедрин. Именно тогда начались аресты, процессы с суровыми приговорами, репрессии против наиболее прогрессивных изданий. «Да, я *обязан* быть веселым даже в то время, когда мне докладывают, что приятель мой М. исчез неизвестно куда из своей квартиры», — пишет Салтыков-Щедрин³. А дальше ситуация только осложняется: восстание 1863 г. в Польше; покушения Д. В. Каракозова (1866), А. И. Березовского (1867). Начинается многолетняя охота на императора, завершившаяся в 1881 г. убийством Александра II народовольцами. Разворачивается ряд покушений против крупных сановников и столь же длинный ряд правительственных мер, усиливающих реакцию. Проводятся громкие дела С. Г. Нечаева и другие политические процессы. Трудно даже сказать, где причина, где следствие: одно рождает другое, и наоборот.

Прокламации и пожары во многом определяли действия властей, изменение общественной атмосферы. Листовки появляются в основном с 1860 г., но особенно радикальные, резкие относятся как раз к 1862 г. В России в 1861 г. выходят прокламации «Великорусс»⁴. В 1862 г. за рас-

 $^{^1\,}$ Мнение «Гудка» о цензуре // Гудок. 1862. № 16. С. 126.

² Искра. 1862. № 28. С. 376.

 $^{^3}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 8.

⁴ Тексты прокламаций см.: Прокламации шестидесятых годов / ред., вступ. ст. Ф. Ф. Раскольникова. М.; Л., 1926. С. 27–40.

пространение этих листовок В. А. Обручев был приговорен к каторжным работам (после возвращения с каторги поступил на военную службу, дослужился до генерала). В 1861 г. появилась и прокламация «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова (Михайлов принял авторство на себя, был приговорен к шести годам каторги и умер в Сибири)¹.

Особенно напугала власти прокламация «Молодая Россия» (весна 1862 г.). Она связана с именами П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло. Ими была создана нелегальная литография в Москве для распространения запрещенной литературы. Заичневский, студент физико-математического факультета Московского университета, после ареста летом 1861 г. в заключении пишет «Молодую Россию» и передает ее на волю. Прокламацию напечатали в имении рязанского помещика и стали распространять в Москве, Петербурге, других городах. Авторов прокламации арестовали 22 июля 1861 г. Петр Заичневский провел около 20 лет на каторге, в тюрьмах и ссылке, был приговорен к вечному поселению в Сибири. Он остался верным радикальным взглядам и тогда, когда вернулся из ссылки, в 1895 г., незадолго до смерти. Его друг и единомышленник Перикл Аргиропуло, принимавший участие в создании и распространении «Молодой России», был приговорен к двум с половиной годам содержания в «смирительном доме» и умер вскоре после выхода из него.

Содержание знаменитой прокламации такое: Россия вступает в революционный период существования. Ее население делится на две части с диаметрально противоположными интересами; усиливается ропот народа, угнетаемого и ограбленного. Грабят все: помещики, чиновники, царь; они опираются на сотни тысяч штыков. Ограбленные и угнетенные — подавляющее большинство — это партия народа; ей противостоит небольшая кучка людей; во главе их — царь. В современном строе все ложно, нелепо, от религии до семьи. Остается один выход — революция кровавая и неумолимая, которая все изменит и погубит сторонников существующего порядка. «Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!». Ссылки, аресты, расстрелы только увеличивают ненависть и приближают революцию. «Больше же ссылок, больше казней! — раздражайте, усиливайте негодование»².

Далее в прокламации сообщалось, что Центральный революционный комитет (на самом деле такого не существовало: вновь цель оправдывает

¹ Текст прокламации см.: *Лемке М. К.* Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского: (по неизданным документам). СПб., 1907. С. 6–88.

 $^{^2}$ Цит. по: Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / докум. публ. под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997. С. 142–149.

средства. — Π . P.) 7 апреля решил начать издание журнала — органа революционной партии. Был сделан обзор оппозиционных изданий, которые по разным причинам не удовлетворяют революционный комитет. Начинается с Герцена: уважение к нему не мешает видеть, что он испугался, перестал верить в революции; влияние «Колокола» на молодежь уменьшилось. Герцен поверил в возможность нужных преобразований, которые может совершить Александр II или кто-либо другой из императорской фамилии. Ответ Герцена на письмо «Русского человека», который призывает бить в набат, к восстанию, а не либеральничать (симпатии автора «Молодой России» явно на стороне призывающего к топору), называется «близоруким»¹. О Герцене говорится относительно подробно, так что понятна реакция издателя «Колокола» на прокламацию (его как бы вызвали на полемику. — Π . P.). Более примирительно говорится о «Великоруссе»: он ошибочный и отсталый, но заслуживает уважения как протест против существующего порядка. С резким осуждением упоминаются другие русские заграничные издания.

«Молодая Россия» довольно развернуто формулирует программу необходимых мер: уничтожение современного деспотического правления; создание республиканско-федерального союза областей; переход власти в руки Национального и Областных собраний. Любая область состоит из земледельческих общин; земля остается общинной собственностью, но передается каждому члену общины на определенный срок. Судебная власть выбирается народом. Необходимо завести общественные фабрики с руководством, избранным народом, отчитывающимся перед ним. Требуется общественное воспитание и содержание детей; выплата жалования войску, постепенно заменяемому Национальной гвардией. Монастыри, мужские и женские, должны быть закрыты. Признается полная независимость Польши и Литвы.

Это развернутая, всесторонняя программа. Концовка такова: главные надежды возлагаются на молодежь (отсюда и название прокламации). «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком "Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!" двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случится, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случится, и это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя»; тогда мы издадим крик: «в топоры <...> бей на площадях <...> бей в домах <...> бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами»². А если вос-

 $^{^1}$ Русский человек [псевд.] Письмо из провинции / [предисл. подписано] И-р [т. е. Герцен А. И.] // Колокол. 1860. 1 марта Л. 64. С. 531–535.

 $^{^2}$ Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / докум. публ. под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997. С. 148–149.

стание не удастся, тогда мы пойдем на эшафот, смело и бесстрашно, кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим великий крик: « Δa здравствует социальная и демократическая республика Русская!» 1

Вероятно, я остановился на прокламации «Молодая Россия» слишком подробно, но она менее известна, чем листовки Чернышевского, Писарева, деятельность Герцена в «Колоколе». Вернее, известно то, что она призывала пролить реки крови, истребить тысячи во имя счастья миллионов. Оно почти и так, но не только к этому сводится ее содержание.

К 1862 г. была создана нелегальная организация «Земля и воля» (Н. А. Серно-Соловьевич, один из создателей, в 1864 г. сослан на вечное поселение в Сибирь). В этом же году появились прокламации Д. И. Писарева о Шедо-Ферроти и Н. Г. Чернышевского (авторство не доказано) «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»². Писарев отсидел в Петропавловской крепости с 1862 по 1866 г. Чернышевский провел 1864—1883 гг. на каторге и в ссылке. Такого массированного наплыва революционной нелегальной литературы в России ранее не бывало; как и таких расправ за создание и распространение ее.

А тут еще майские пожары 1862 г., которые в общественном мнении связывались с прокламациями (да и в правительстве это считалось возможным). Пожары начались с середины мая и продолжались почти три недели. Они произвели страшное впечатление, вызвали панику. Возникла напряженная обстановка, накаленная до предела.

О пожарах и слухах, связанных с ними, неоднократно упоминается в дневнике А. В. Никитенко. Очень рельефная картина: чуть ли не весь Петербург в дыму. Все толкуют о причинах пожарищ, говорят в основном о поджогах, выдвигают различные версии. Ходят слухи, что поджигают поляки, студенты, революционеры. Некоторые основания для подобных сближений были. За несколько дней до начала пожаров появилась очередная «возмутительная прокламация» от имени «Молодой России», разбросанная в разных местах города. Правительство и общество были сильно напуганы. Уже в это время зарождаются тенденции, которые позднее скажутся в нечаевщине, да и не только в ней, не только в XIX в. (на вооружение взят перефразированный лозунг иезуитов: «цель оправдывает средства»). Были и другие крайне радикальные прокламации, призывы к свержению существующего порядка, к революционным действиям. Но особенное впечатление произвела именно «Молодая Россия».

¹ Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / докум. публ. под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997. С. 149.

 $^{^2}$ Писарев Д. И. «Глупая книжонка Шедо-Ферроти...» // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. М., 2001. С. 270–275; Воззвание к барским крестьянам («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон») // Прокламации шестидесятых годов / ред., вступ. ст. Ф. Ф. Раскольникова. М.; Л., 1926. С. 70–79.

Герцен, сообщая о ней, полемизировал с ее авторами¹. Даже Чернышевский встретил ее холодно. Но охранительная печать (да и не только она) связала пожары, прокламации и демократическую идеологию воедино. Нельзя сказать, что такое связывание было всегда сознательной клеветой, намеренной фальсификацией. Многие искренне верили, что пожары — результат пропаганды студентов и революционеров. Ведь пришел же Достоевский в 1862 г. к мало знакомому ему Чернышевскому, моля распорядиться прекратить поджоги².

Позднее возникла версия, которая высказывалась и в советское время: поджоги были организованы правительством, чтобы натравить народ и общество на демократов. Версия сомнительная. Правительство на самом деле испугалось. Чрезвычайные меры, которые были приняты против «поджигателей», вряд ли были симуляцией, да и шутить с подобными слухами власть не любила, опасалась их (об этом пишет Никитенко). Тем не менее правительство, само перепуганное пожарами и прокламациями, сумело использовать их в борьбе с радикалами, нигилистами.

Среди версий была и такая, тоже сомнительная: поджигают крепостники, возненавидевшие царя за освобождение крестьян. Вернее всего, все эти версии были несостоятельны. Пожары возникли в обстановке послереформенной сумятицы. Много бывших крепостных, особенно дворовых, оказались «на воле», да и водка сильно подешевела в связи с отменой «откупов» (ее и называли «дешевка»³). Объяснение причин пожаров может оказаться похожим на размышления Л. Н. Толстого, писавшего в «Войне и мире» о пожаре Москвы во времена Наполеона (дело не в поджогах; в таких условиях Москва не могла не загореться).

Напуганы были не только обыватели. О Достоевском мы уже упоминали. Н. С. Лесков в «Северной пчеле» (№ 143 за 1862 г.), признавая связь между пожарами и нигилистами, призывал полицию «образумить молодежь». К. Д. Кавелин написал Герцену письмо с резким осуждением «поджигателей». И. С. Тургенев вспоминал, что, когда он вернулся в Петербург в день пожара Апраксина двора⁴, восклицание, вырвавшееся из уст первого встреченного знакомого, было: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают! жгут Петербург!» К этому времени слово «нигилист»

 $^{^1}$ *Искандер* [*Герцен А. И.*] Молодая и старая Россия // Колокол. 1862. Л. 139. 15 июля. С. 1149–1151.

 $^{^2}$ См.: *Чернышевский Н. Г.* Мои свидания с Ф. М. Достоевским // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. М., 1939. С. 777–779.

 $^{^3}$ См.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 41.

 $^{^4\,}$ Пожары Апраксина и Щукина рынков в Петербурге продолжались с 28 по 30 мая (по старому стилю) 1862 г.

⁵ Тургенев И. С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. 14. М.; Л., 1967. С. 98.

было подхвачено тысячами голосов и повторялось в связи с пожарами. Тютчев, имея в виду их, писал об оправдании самых решительных мер против поджигателей¹.

6 июня 1862 г. Катков пишет об организации поджогов политической партией². В статье содержатся нападки на «заграничных эмигрантов» (не названный Герцен и «несколько господ, которым нечего делать»). Они считают себя вправе распоряжаться судьбами народа, предписывать законы молодежи, избрав для своих экспериментов Россию), намеки на поджигателей (не прямые, но довольно отчетливые), похвалы спокойствию и твердости правительства, нравственному восприятию происходящего обществом. Катков вроде бы предостерегает против возвращения к реакции как ответу на поджоги. По его словам, «всего опаснее были бы такие меры, которые клонились бы к стеснению этой возбудившейся в обществе жизни». Наука, свобода, честная печать не виноваты в растлевающем влиянии тайных и заграничных типографий. Когда в России появится правильный суд присяжных, самые строгие, но справедливые приговоры не будут восприниматься как принесение в жертву; само понятие «жертвы» потеряет смысл. Катков ратует за продолжение правительственных реформ, но на самом деле целиком поддерживает наступление властей на прогрессивные силы, разжигает антинигилистическую травлю.

Подобные обвинения, ничем не доказанные, одобрялись правительством. Размышления Каткова понравились царю. 13 июня Головнин сообщил цензурным комитетам, что император обратил внимание на «Современную летопись» и сказал: «Весьма хорошая статья. Кем она написана?» 21 июня царю было доложено, что автор — Катков. 30 июня было отдано распоряжение цензорам не пропускать ничего, направленного против выступлений Каткова о Герцене, не показав предварительно этот материал председателю комитета. 18 июля в «Русском вестнике» напечатана (как ответ на письмо-вызов Герцена от 15 июля) «Заметка для издателя "Колокола"», выдержанная в грубом, неприличном тоне³. Герцен называется «недоноском на всех поприщах», «бойким остряком и кривлякой», «старой блудницей» и пр. Даже «Северная пчела» упрекнула Каткова за тон «Заметки», но тот возразил, что тон вполне уместный, и по неко-

 $^{^1}$ «Теперь ясно, что шайка негодяев, поощряемая безнаказанностью, решилась перейти от угроз к действиям. Надеюсь, что правительство последует этому примеру и скоро расправится с этими мерзавцами» (см.: *Тютчев Ф. И.* Письмо [к жене Эрнестине от 3 (15) июня 1862 г. // *Тютчев Ф. И.* Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене, урожд. бар.[онессе] Пфеффель, 1859-1867. Пг., 1916. С. 185).

 $^{^{2}}$ [Катков М. Н.] [Теперь только и речи что о пожарах в Петербурге] // Современная летопись. 1862. 6 июня (№ 23). С. 11-13.

 $^{^3}$ [Катков М. Н.] Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. № 6 (июнь). С. 834—852.

торым причинам писать иначе было бы нечестно¹. В восприятии «Заметки», одобренной царем и ставшей в связи с этим некой мерой оценки и для читателей и для цензурных инстанций, общество разделилось на несколько групп: одни выражали солидарность с автором (и таких, видимо, было большинство), другие не соглашались с тоном, третьи — люди демократических убеждений — рвут с Катковым, его имя превращается в ругательство, как в свое время имя Булгарина². Катков стал знаменитым — в том числе благодаря развернувшейся полемике, а его влияние намного выросло.

В целом даже в правительственных кругах многие понимали опасность сближения пожаров со студенческим движением, с демократическими идеями. 19 мая 1862 г. Головнин предписал Петербургскому цензурному комитету разрешать только те статьи, где обвинения или оправдания студентов даны в самых умеренных выражениях. Он же 28 мая сообщал, что царь вообще запретил печатать статьи на эту тему, которые возбуждают раздражение, не способствующее наведению порядка. Понимая, что разжигание страстей невыгодно для правительства, Головнин предложил напечатать объявление в «Северной почте», сообщающее, что обвинения студентов в поджогах ни на чем не основаны. Но Валуев отклонил предложение, формально опираясь на повеление царя не затрагивать тему. Вообще некоторая сдержанность сообщений о пожарах, об их причине соблюдалась лишь вначале, в мае. Позднее «пожарная тема» цензурным ограничениям не подвергалась. Ее, начатую Катковым, подхватили другие консервативные издания: «Наше время», «Сын Отечества», «Домашняя беседа». Их трактовка становилась официальной. Высказывать другие мнения, из-за распоряжения Головнина от 30 июня, было невозможно (ряд статей запрещен; редакторы, зная ситуацию, даже в цензуру ничего подобного не подавали). Получалась видимость того, что вся журналистика единодушна в одобрении Каткова. Но и таким ее направлением многие недовольны. Например, крупный чиновник цензуры А. А. Берте (о нем выше) обвинял Каткова (куда уж благонамереннее!) в том, что он недостаточно решителен в обличениях³.

Панику усиливала напряженная обстановка в Царстве Польском накануне восстания, которое началось в 1863 г. Резко изменяется общественная атмосфера, *общественный* климат, но не только под влиянием действий правительства и «разжигания страстей» в консервативной

 $^{^1}$ [Катков М. Н.] [Наша заметка для издателя Колокола (Русский вестник № 6) вызвала в Северной пчеле протестацию...] // Современная летопись. 1962. № 333. С. 18–21.

² *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 161–163.

³ Берте А. А. Записка председателя Комитета для пересмотра цензурного устава, действительного статского советника Берте, и члена сего Комитета, статского советника Янкевича. [СПб.], 1862. С. 11–12.

печати. Восстание вызвало новую волну благонамеренности и широко освещалось в русской печати, главным образом с позиций «официального патриотизма» В большинстве печатных откликов на польское восстание отношение к нему резко отрицательное; высказывается солидарность с правительственными мерами, направленными против бунтовщиков; идет грубая, прямолинейная критика поляков. Иногда встречается и более сложное освещение событий, с попытками теоретически осмыслить сущность отношений между Россией и Польшей (славянофильский «День», почвенническое «Время»). Такие статьи тоже были антипольскими, но они вызывали недовольство властей, казались излишним умничаньем, чуть не крамолой. Так, статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», напечатанная в журнале «Время», была воспринята цензурой как защита поляков; за публикацию этой статьи журнал 24 мая был закрыт².

В обстановке накала страстей, шовинистического угара касаться «польского вопроса» с других, неофициальных позиций, естественно, оказалось невозможным. «Современнику» и «Русскому слову», только что начавшим выходить после 8-месячной приостановки, приходилось быть особенно осторожными, чтобы, по словам Салтыкова-Щедрина, иметь возможность «беседовать с читателями именно двенадцать, а не пять раз в году»³. И все же они, демократическая газета «Современное слово» и некоторые другие, находили способы намеками, косвенно высказывать сочувствие восставшим. Подлинным же выразителем взглядов демократического отношения к событиям в Польше стал Герцен, который рассматривал восстание как удар по самодержавию, общему врагу русского и польского народов («за вашу и нашу свободу»). Польская тема становится основной в «Колоколе» 1863 г. Поддержку Герценом борьбы за свободу Польши чрезвычайно высоко оценивал В. И. Ленин, и оценка его была верна: «Герцен спас честь русской демократии»⁴. Но нужно понимать, что позиция Герцена по польскому вопросу сильно подорвала его влияние. Она — одна из наиболее важных причин потери его популярности в России. Он плыл «против волны».

 $^{^1}$ См.: Рейфман П. С. Отклики в русской периодической печати на восстание в Польше 1863 г. и газета «Современное слово» // Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 71–114. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 121).

² *Русский*. Роковой вопрос // Время. 1863. № 4 (апрель). С. 152–163. С первым протестом против нее выступил К. А. Петерсон, подписавшийся, как и Страхов, «Русский» (По поводу статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время» // Московские ведомости. 1863. 22 мая (№ 109)). Тогда же, в мае, на статью откликнулся и Катков (По поводу статьи «Роковой вопрос» // Русский вестник. 1863. Т. 45, № 5. С. 398–418).

³ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 10.

 $^{^4}$ *Ленин В. И.* Памяти Герцена // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 255–262.

Зато на гребне волны, в связи с событиями в Польше, оказывается Катков, сам волну во многом создающий. Поворот его от умеренного либерализма к консерватизму отчетливо заметен уже в 1862 г., в полемике вокруг Герцена, в борьбе с нигилизмом, в статьях о пожарах и прокламациях («Роман Тургенева и его критики», «О нашем нигилизме» и др.). Но особенную известность и влияние Катков приобрел в 1863 г. в связи с освещением восстания в Польше. Как раз в это время он вновь получает в аренду газету Московского университета «Московские ведомости». В руках его оказывается весьма значительная газетно-журнальная сила: ежемесячный журнал «Русский вестник», еженедельное прибавление к нему (потом самостоятельное издание) «Современная летопись» и ежедневные «Московские ведомости». Катков превращается в своего рода монополиста. И сразу же «Московские ведомости» становятся центром антипольской борьбы. В сложившихся условиях газете, делающей ставку на антипольскую пропаганду, была обеспечена и правительственная поддержка, и успех у читателей. Каткову шлют приветственные телеграммы с выражением верноподданнических чувств; в его честь провозглашаются тосты на патриотических обедах. В архиве Каткова сохранилось множество писем, прославляющих его чуть ли не как главного спасителя России².

На первых порах, в начале 1863 г., в изданиях Каткова заметно стремление преуменьшить масштаб действий повстанцев. Утверждалось, что восстание не имеет глубоких корней в стране, что оно — дело небольшого числа «неблагонамеренных». Но вскоре размах восстания заставил отказаться от такого рода толкований. Согласно новому взгляду, все польское объявлялось мятежным, враждебным интересам России, ненавистным, заслуживающим жестокой расправы. Не будем подробно останавливаться на содержании антипольских материалов газеты Каткова. Затронем лишь одну проблему: как эти материалы отразились на отношениях Каткова с властями, с цензурой. Эти отношения складывались не совсем так, как можно было бы предположить.

Цензурные отклики о «Московских ведомостях» 1863 г. крайне благожелательны. Газете Каткова давалась такая хвалебная характеристика, какой не удостаивалась даже официальная печать (последняя в изображении польских событий должна была несколько сдерживаться; Катков же мог не стесняться). В отчете цензурного ведомства за 1863 г. отмечалась серьезная подготовка издателей «Московских ведомостей» к журнальной деятельности, их публицистический талант, многосторонняя ученость. Успех газеты объяснялся позицией по польскому воп-

 $^{^1}$ Русский вестник. 1862. Т. 39. Май. С. 393-424; Русский вестник. 1862. Т. 40. Июль. С. 402-426.

 $^{^{2}\,}$ См. опись фонда М. Н. Каткова: НИОР РГБ. Ф. 120. 1368 ед. хр.

росу: своим горячим патриотизмом они «возбудили к себе небывалое сочувствие в публике»¹. В отчетах, подготовленных Советом министра по делам книгопечатания, указывалось, что «Московские ведомости» в 1863 г. «сплотили массу одною мыслию о нераздельности России и заставили иностранцев верить в единомыслие народа русского, сердцем привязанного к своему правительству»; «глубоко проникнутые любовью к России, они пробудили патриотические чувства во всех слоях»². Аналогичные утверждения встречаются и в других отчетах. Такие восторженные оценки вовсе не значили, что у редакции «Московских ведомостей» в 1863 г. не было столкновений с цензурой. Уже в цитированном выше отчете утверждалось, что газета Каткова, «с недозволенною нередко запальчивостью», нападала на всю петербургскую журналистику, находя ее «не патриотическою, вредною и даже преступною». Такая «запальчивость» цензурой не одобрялась. Начались осложнения и с московским цензурным комитетом, председатель которого, М. П. Щербинин, благоволил Каткову за его выступления в 1862 г. против Герцена и нигилистов в «Русском вестнике». В отчете за 1862 г. Щербинин писал, что полемика Каткова с эмигрантами «есть не только заслуга, но и подвиг гражданского мужества»³. С переходом «Московских ведомостей» в руки Каткова и П. М. Леонтьева он связывал самые радужные надежды.

Не только Щербинин, но и лица более высокопоставленные относились к Каткову с дружеским участием. В 1863 г. великий князь Константин и М. Н. Муравьёв предлагают Каткову прислать корреспондентов в Варшаву и Вильно для освещения польских дел⁴. Корреспондентов перед отъездом напутствовал министр внутренних дел Валуев. По поручению Муравьёва, Каткову посылаются статьи о восстании, в которые по его усмотрению разрешено вносить любые изменения. Весьма предупредительно ведет себя по отношению к Каткову и Валуев. В 1863—1864 гг. между ними поддерживается оживленная переписка, инициатором которой был министр внутренних дел. Он предлагает договориться «насчет дальнейшего обмена мыслей и мнений», обещает давать «конфиденциально ответ на каждый Вами мне предложенный вопрос». В свою очередь Валуев хочет «иметь возможность обращаться к Вам, конфиденциально

¹ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 5. Здесь и далее архивные материалы цитируются по предыдущим публикациям автора, в которых (на указанных страницах) приводятся ссылки на архивы: фонд Совета министра по делам книгопечатания (РГИА, ф. 774 (174 д.); ф. 775 (665 д.)); фонд Московского комитета по делам печати МВД (ЦИАМ, ф. 31); фонд М. Н. Каткова (НИОР РГБ, ф. 120); фонд П. А. Валуева (РО ИРЛИ (ПД), ф. 559).

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

же, для осведомления о Вашем взгляде на те вопросы, по которым мне хотелось бы узнать Ваше мнение»¹. Предложенная переписка состоялась. Валуев вел ее в подчеркнуто любезном тоне, всячески выражая почтение Каткову, подчеркивая его роль. Было от чего закружиться голове.

В то же время Валуев пытается превратить «Московские ведомости» в рупор своих идей. Он в очень вежливой форме подсказывает Каткову темы, выражает готовность снабжать его материалом. Переписка с Катковым не только направляла его, но и сдерживала. Министр предостерегает издателя, например, от полемики по остзейскому вопросу (Катков был противником прибалтийских немцев), от неумеренных похвал Муравьёву. С крайним пиететом относится к Каткову и Д. А. Толстой, ставший с 1865 г. обер-прокурором Синода.

Уже осенью 1863 г. Толстой посылает Каткову первый том своего сочинения о католической церкви в России, сопровождая книгу почтительным письмом: «Очень рад, что это доставляет мне случай выразить Вам то глубокое уважение, которым я, как и все русские, проникнут к Вашей деятельности и к тем политическим принципам, коими Вы завоевали общественное мнение»². Переписка между ними продолжается. Уже заняв пост министра просвещения, Толстой продолжает обращаться к Каткову за поддержкой и просит советов.

Сочувственно отзывается о Каткове в 1863 г. и министр просвещения Головнин, хотя, возможно, не вполне искренне. Видимо, уже в 1862 г., при знакомстве, они друг другу не понравились. Головнин сообщает Каткову осенью 1862 г., что именно ему и Леонтьеву по распоряжению царя передано издание «Московских ведомостей», хотя другие претенденты предлагали большую сумму. Летом 1863 г. Головнин благодарит Каткова за отправку корреспондентов в западные районы и выражает надежду, что «Московские ведомости» дождутся второго издания, служа «лучшим материалом для истории нашей эпохи»³. В том же году Головнин в конфиденциальном письме делает попытку подкупить Каткова, расположить его в свою пользу. Он предлагает переиздать статьи «Московских ведомостей» о Польше, так как они «принесли большую пользу, дали правильный взгляд на дело и возбудили благородные патриотические чувства». Головнин хочет их «напечатать особой брошюрой», которую купит Министерство просвещения (1200 экземпляров) и разошлет ее учителям

 $^{^1}$ Цит. по: *Мустафин В*. Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке (1863—1879 гг.) // Русская старина. 1915. № 8. С. 295.

² Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Λитературоведение. Тарту, 1975. С. 7.

³ Письмо А. В. Головнина М. Н. Каткову [4 июня 1863]. Цит. по: *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России... С. 8.

и за границу. Катков не клюнул на такую приманку, ставившую его в зависимость от Головнина. Он отклонил предложение, в дальнейшем активно используя этот эпизод в полемике против Головнина¹.

Б. Н. Чичерин вспоминал, что к статьям в «Московских ведомостях» о польском восстании с живым сочувствием относились наследник престола и его попечитель С. Г. Строганов². Фрейлина А. Д. Блудова (дочь видного государственного деятеля Д. Н. Блудова, главы Польского комитета), постоянно бывавшая при дворе, писала Каткову в мае 1863 г., как императрица «читала "Московские ведомости" со слезами на глазах»³. По словам Блудовой же, одну из этих статей прочитал и расхвалил министр иностранных дел А. М. Горчаков⁴. В другом письме Блудова сообщала, что одна из статей о Польше «прекрасна, полезна и своевременна», что все так считают, «начиная с самых Высших особ». Блудова писала, что ее отец «поручает сказать, что Ваши статьи ему истинное утешение»; прочитав одну из них, он произнес: «Я всегда уважал Каткова, после этой статьи я его полюбил»⁵.

Разжигая антипольскую истерию, Катков нередко сообщал известия, которые в других изданиях цензура не пропустила бы. Подробно рассказывалось о зверствах поляков, об их жестокости и кровожадности и в самой Польше, и во внутренних губерниях России, о нераспорядительности чиновников, об ответных мерах, часто весьма суровых, русских властей, которые Катков поддерживал. Почти все отрицательные явления русской жизни, в том числе нигилизм, прокламации, пожары, Катков связывал с действиями «польской интриги», не останавливаясь перед прямой клеветой. Дело доходило до того, что местные власти жаловались на Каткова, так как выдуманные им факты подрывали их репутацию. Осенью 1863 г. тульский военный губернатор П. М. Дараган писал министру внутренних дел: «Помещенное в "Московских ведомостях" извещение о побегах солдат-поляков, о грабежах в лесах, об изрубленной девочке — чистая выдумка и ложь». Губернатор высказывал опасение, что подобные сообщения могут вызвать справедливое нарекание в умышленном распространении клеветы, что они «вредят доверенности

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 353—354.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 92.

³ Письмо гр. А. Д. Блудовой М. Н. Каткову [май 1863]. Цит. по: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 51.

 $^{^4}$ Цит. по: $Peй\phi$ ман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 8.

⁵ Письмо А. Д. Блудовой М. Н. Каткову [3 апреля 1863]. Цит. по: *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России... С. 8–9; то же: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия... С. 50.

к журналистике, вызывают жалобы не только оклеветанных, но и всех людей беспристрастных и справедливых и не приносят ничего, кроме вреда». Валуев вынужден согласиться с этими доводами, признать, что сведения «Московских ведомостей» подают иногда повод «к неблагоприятным толкам»¹.

Валуев, раздраженный и тем, что лживые сообщения ставят под сомнение компетентность чиновников его ведомства, их распорядительность, предложил московскому цензурному комитету быть осмотрительнее при пропуске подобных известий. Узнав об этом, Катков в весьма резком тоне упрекает Валуева в нарушении их соглашения. Уже здесь редактор «Московских ведомостей», хорошо знающий о своей популярности и прочности положения, прибегает к угрозе, которой он постоянно пользовался и позже: если мой образ мыслей и действий кажется правительству вредным, стоит только заявить мне это, и я немедленно прекращу деятельность. Останавливается Катков и на вопросе о заведомой лжи, которая печатается в его газете. Он не утверждает, что неправды нет, а оправдывает ложь благими целями. По его словам, цензура должна следить, чтобы не появлялась ложь «неблагонамеренных искажений». Если же намерения благие, то «стоит ли придавать важность случайной неверности того или другого известия?»² Это была принципиальная позиция, своего рода концепция, оправдывающая любую фальсификацию задачами укрепления «благонамеренности».

Еще сложнее оказалось положение цензора «Московских ведомостей» А. Г. Петрова. Катков не желал сдерживаться. Он считал, что его газета завоевала право затрагивать любую тему, критиковать любое лицо и учреждение, если это нужно «для блага родины». Его поддерживали весьма влиятельные круги. Связываться с ним было опасно. Но и пропускать многие материалы, которые могли вызвать недовольство разных министерств и крупных провинциальных администраторов, представлялось невозможным. Петрову приходилось лавировать. Рассказывали, что он дрожит от страха, разрешая или не разрешая статьи для «Московских ведомостей»³. Сам Катков писал в конце 1863 г. (видимо, не без удовольствия) о переживаниях Петрова следующее: «Я более всего трепещу за цензора. Он уже и теперь чуть не слег в постель. Надобно знать, что он принадлежит к числу людей самых мнительных и осторожных»⁴. О роли

 $^{^1}$ Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 72.

 $^{^2}$ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 10-11.

³ Неведенский С. [Щегловитов С. Г.] Катков и его время. СПб., 1888. С. 227.

 $^{^4}$ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России... С. 11–12.

Каткова во время польского восстания вспоминал Е. М. Феоктистов: «у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество исступленных врагов, которым хотелось бы стереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало в нем» 1 .

Издатель «Русского вестника» не совсем обоснованно причислял себя к тем лицам, у которых не будет сложностей с цензурой. Уже в 1863 г. начались постоянные столкновения Каткова с администрацией. В конце февраля председатель московского цензурного комитета Щербинин извещал Валуева, что цензура отказывается пропустить одну из статей Каткова. Статья была антипольская, но в ней приводились доводы восставших, с которыми Катков полемизировал. Щербинин чувствует себя не совсем спокойно. Он опасается Каткова, сообщает Валуеву, что разрешил печатать задержанную статью, но не в «Московских ведомостях», а в «Русском вестнике». «Придирки» Щербинина вызвали недовольство высокопоставленных лиц, о чем писала Каткову А. Д. Блудова. Валуев же открестился от ответственности, заявив, что одобряет запрещенную статью, «а это в Москве виноваты»². После подобных конфликтов цензура стала осторожней, когда речь шла о запрещении материалов для изданий Каткова.

В 1864 г., когда восстание в Польше относительно давно было подавлено, влияние Каткова несколько поубавилось, и против него стало возможным выступать. Недовольство властей вызывали нападки на петербургскую администрацию, на столичную цензуру, которая, по утверждению Каткова, покровительствует нигилизму. Совет по делам книгопечатания обращал внимание московского цензурного комитета на ряд статей «Московских ведомостей» в начале 1864 г. Одна из них, по утверждению цензора В. М. Ведрова, ставит целью «показать беззаконные действия цензурной власти в Петербурге. Статья эта, кидающая тень на административные распоряжения власти, внушающая сомнение в читателях и возбуждающая несправедливые, зловредные толки, гораздо хуже действующие, чем выше замеченные статьи в "Современнике", никаким образом не могла явиться в печати»³.

К осени 1864 г. отношения редакции «Московских ведомостей» с властями крайне обострились. Катков все резче нападает на Министерство просвещения. Он обвиняет Головнина в поддержке брошюры

¹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848—1914. М., 2001. С. 91.

² *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 9–10.

³ Там же. С. 14-15.

Шедо-Ферроти «Что нам делать с Польшей?», где высказывались мысли о возможности примирения России с частью польского дворянства. Катков организует широкую кампанию протеста против Шедо-Ферроти. Ряд университетов (в первую очередь Московский, где влияние Каткова было особенно велико) и других учебных заведений отправляет обратно присланную Министерством просвещения брошюру Шедо-Ферроти. В итоге Головнин терпит поражение; император недоволен поднятой шумихой¹. На всеподданнейшей записке Головнина в защиту брошюры он накладывает резолюцию: «Книгу эту не следовало рассылать, ибо хотя она во многом благонамеренна, но окончательные ее выводы вовсе не согласны с видами правительства»².

Не слишком успешны были и другие попытки Головнина справиться с Катковым. Никитенко отмечает в дневнике, что Каткова спустили с цепи, а ныне не знают, как унять³. На одном из докладов Совету по делам книгопечатания карандашом приписано: «Государство в государстве есть газета Моск<овские> вед<омости>, не признающая над собою никакой власти»⁴. На рубеже 1864–1865 гг. столкновения между «Московскими ведомостями» и администрацией, ведавшей делами печати, приобрели форму открытого скандала. В № 267 газеты Каткова за 1864 г. была напечатана без одобрения цензуры руководящая статья с резкой критикой цензурной политики правительства, с рассуждениями по поводу штрафов (их обязана была заплатить редакция «Московских ведомостей»). Поднялся шум. Владельцу типографии пригрозили, что при повторном печатании материала без подписи цензора его не только оштрафуют, но и подвергнут суду. Катков заявил, что он прекращает издание «Московских ведомостей», подготовил об этом редакционную статью и послал телеграмму Валуеву. 31 декабря, в канун Нового года, Щербинин по телеграфу докладывал Валуеву, что редакционная статья не появилась по настоянию самого Щербинина. Валуев тут же познакомил с телеграммой царя, который написал на ней: «весьма рад». Не совсем ясно, что это значило: то ли одобрение действий Валуева и Щербинина, то ли радость при известии, что Катков не уходит из газеты. Вероятнее второе: император дал понять Валуеву, что устранение Каткова не совсем желательно⁵.

 $^{^1}$ «Петербург давно не имел случая потешиться таким хорошим скандалом! А сколько лгут — не приведи Господи!» — комментирует Никитенко. См.: *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 578.

² *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Λитературоведение. Тарту, 1975. С. 12–13.

³ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 495.

⁴ *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России... С. 14–15.

⁵ Там же. С. 15.

Катков добился того, что Совет Московского университета решил подать прошение на имя царя об освобождении «Московских ведомостей» от предварительной цензуры под ответственность университета. Знаменательно, что попечитель московского учебного округа информировал о происходящем III Отделение, рассчитывая, видимо, на поддержку позиции Каткова. Получив доклад Головнина о действиях Каткова, царь велел обсудить дело в Комитете министров. 12 и 19 января 1865 г. Комитет министров рассматривал вопрос о «Московских ведомостях». Противники Каткова хорошо подготовились к борьбе. Еще осенью 1864 г. Валуев поручил одному из членов Совета по делам книгопечатания собрать материал за все время издания Катковым «Московских ведомостей». В результате появился совершенно разгромный обзор. Признавая заслуги Каткова во время восстания, автор обзора, О. А. Пржеславский, подробно останавливался на многочисленных нарушениях закона редакцией «Московских ведомостей»: в поисках популярности она далеко переходит за пределы, дозволенные для русской журналистики, «свободно и даже необыкновенно развязно трактует предметы высшей дипломации, оценивает и комментирует по-своему акты нашего правительства, позволяя себе даже давать советы и собственные указания». Касаясь внутренней политики, редакция «прямо осуждает деятельность высших должностных лиц». На основании приведенного материала делался вывод: «Московские ведомости» подают дурной пример другим периодическим изданиям, их характер и направление — «явление ненормальное, не согласное с коренными основами государственного устройства»¹.

Вывод верный. Он, видимо, отражал и точку зрения Валуева, но при этом не встретил понимания даже в высших цензурных кругах; большинство членов Совета не поддержало его. Тем не менее обзор фигурирует в качестве документа, обвиняющего Каткова, во время разбора дела в Комитете министров. Доклад о происходящем делал Головнин, к этому времени ненавидящий Каткова. Последний оказался отнюдь не в роли безответного подсудимого. Многие члены Комитета его горячо поддерживали. В конце первого заседания, 12 января, было принято компромиссное решение: в просьбе Совета университета отказать (напомним, что просили освободить «Московские ведомости» от предварительной цензуры), так как рассматривается новый устав о печати; до введения в действие этого устава поручить министру внутренних дел оказывать Каткову всевозможные облегчения в издании «Московских ведомостей». 19 января это решение было утверждено Комитетом. По сути, оно означало победу Каткова. Так его воспринимает и Головнин, с негодованием сообщая в письмах, как происходило обсуждение.

¹ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 15–16.

После решения Комитета редакция «Московских ведомостей» почувствовала себя еще более уверенно. В 1865 г. в газете был опубликован целый ряд статей, где критикуется политика правительства в области печати. Сначала защищается право изданий претендовать на освобождение от предварительной цензуры. Затем, когда новый устав вступил в действие, критикуется право администрации выносить предостережения. Катков прямо намекает, что определенные административно-бюрократические круги поддерживали нигилизм, издания «отрицательного направления», одновременно всячески стесняя журналистику благонамеренную (то есть самого Каткова). Валуев маневрирует: в угоду Головнину отдает распоряжение московской цензуре усилить контроль за «Московскими ведомостями», враждебными министру просвещения, и даже вызывает Каткова в Петербург — предупредить, что если тот не образумится, газета может быть передана в другие руки. Руководители газеты, Катков и Леонтьев, демонстративно заявляют об уходе из редакции. Их поддерживают консервативное московское дворянство, Московский университет, влиятельные сановники Горчаков и Милютин, противники . Головнина. В резко консервативной газете «Весть» напечатан (тиражом 5 тысяч экземпляров) без цензурного разрешения адрес московского дворянства в защиту Каткова. «Весть», по желанию Валуева, приостанавливают на 8 месяцев. В конце января появляется специальный рескрипт, адресованный Валуеву, в котором Александр II выражает недовольство тем, что дворянство вмешивается в «обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих»¹. Дело рассматривают в Комитете министров. Комитет не освободил «Московские ведомости» от предварительной цензуры, но предложил Валуеву оказывать редакции всевозможные облегчения в применении к ним цензурных правил². Нападки Каткова на цензурные инстанции на время стали менее ожесточенными. Цензура же, помня решение Комитета, где речь шла о необходимости благожелательного отношения к «Московским ведомостям», относилось к ним довольно благосклонно.

Число приверженцев Каткова росло на глазах, потому что в *обществе* (речь идет именно об обществе, а не только о правительственных кругах) начался поворот к реакции. Вчерашние либералы превращаются в ярых консерваторов, нигилисты — в титулярных советников. Об этом пишет Салтыков-Щедрин в «Нашей общественной жизни», в первой хронике возобновленного «Современника» в 1863 г. Это отмечает Герцен в «Былом и думах», в последнем разделе главы «Апогей и перигей». Оба называют 1862 г. переломным. «Я <...> утверждаю, — пишет Салтыков-Щед-

¹ Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел // Северная почта. 1865. 30 янв. (№ 24).

² Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 374–375.

рин, — что в 1862 году в нашу общественную жизнь, равно как и в нашу литературу, проникла благонамеренность», существенный признак которой «заключается в ненависти к мальчишкам и нигилистам»¹. Писатель вспоминал: «летом 1862 года, по случаю частых пожаров в Петербурге, ходили слухи о поджогах — благонамеренные воспользовались этим, чтоб обвинить нигилистов», «все это было до 1862 года, но в этом году россияне вступили в новое тысячелетие² <...> Как же тут не созреть, как не пойти в семена»³.

Салтыкову-Щедрину вторит Герцен, отмечая, что именно в 1862 г. возникает совсем другая обстановка, чем прежде: повсюду толки о пожарах, разгул реакции, клевета. Положение «Колокола» все труднее и труднее, как у витязя на распутье. Герцен говорил о трусости, о гниении: «Семь лет либерализма истощили весь запас радикальных стремлений»⁴.

Надо отметить, что испуг перед крайним радикализмом заметен в произведениях многих писателей. Он ощущается в романах «Дым» Тургенева, «Обрыв» Гончарова, «Некуда» и «На ножах» Н. С. Лескова, произведениях А. Ф. Писемского, В. П. Клюшникова, В. В. Крестовского, Б. М. Маркевича. Знаменательно, что антинигилистический роман возникает как раз в рассматриваемое время, и в нем отражается, помимо прочего, изменение общественной атмосферы, имеющее довольно серьезные причины.

В советском литературоведении обычно шла речь о безусловной верности демократическим позициям. Демократы противопоставлялись не только консерваторам, официальному лагерю, но и либералам. В. И. Ленин осуждал «либеральные колебания» Герцена («Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России»). Ленин признавал заслуги Искандера, утверждал, что революционер в нем всегда брал верх, но либеральные колебания, по Ленину, — большой недостаток Герцена. Вслед за Лениным советские историки и литературоведы как пример таких колебаний рассматривали статьи Герцена «Через три года» («Ты победил, Галилеянин!», 1858 г.), «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!», 1859 г.), «Лишние люди и желчевики» (1860 г.) и др. Герцену противопоставлялись как положительный пример демократы 1860-х гг., в первую очередь Чернышевский, который особенно был близок Ленину.

В исследованиях, созданных после развала Советского Союза, там, где авторы нередко просто меняли плюс на минус и наоборот, революцион-

 $^{^1}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 15.

² В 1862 г. торжественно отмечалось тысячелетие российского государства (от времени призвания варягов на Русь). В Великом Новгороде в честь этого события был поставлен монумент, о чем здесь же упоминает Салтыков-Щедрин.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь... С. 15.

⁴ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 7: [Вольная русская типография и «Колокол»] // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. Ч. 6–8. М., 1957. С. 312.

ность не была в моде. Но и это не является решением вопроса. Настороженное восприятие Герценом крайнего радикализма не является его слабостью; он прав в этом. Однако есть и другое. В своей положительной программе Герцен, конечно, утопист. Но и крайние радикальные призывы демократов были не менее утопичны. Утопично их совершенно беспочвенное обращение к крестьянству, вера в близкую крестьянскую революцию. Один из самых крупных знатоков истории России второй половины XIX в., П. А. Зайончковский, вскоре после того, как мы познакомились и поняли, что можем друг другу доверять, закрыв подушкой телефон (опасался прослушивания), говорил, что никакой революционной ситуации в России 1860-х гг. не было. Следовало бы добавить: и хорошо, что не было. Это он и подразумевал. В ином случае мог возникнуть только бунт, «бессмысленный и беспощадный» (как считал А. С. Пушкин), кровавый и потопленный в крови. В начале 1970-х гг., когда происходила наша беседа, такие утверждения являлись крамолой. В существовании первой революционной ситуации (считалось, что была еще и вторая) не принято было сомневаться (по крайней мере, никто не решался выразить сомнения в печати). Создана была специальная исследовательская группа под руководством академика М. В. Нечкиной по изучению революционной ситуации в России 1860-х гг. До этого Нечкина всячески революционизировала декабристов и их окружение, в том числе Пушкина (книга «Грибоедов и декабристы» и др.). Подобный же подход применялся в отношении 1860-х гг. Группа провела массу исследований, собрала горы фактического материала, в том числе ценного, полезного, верного; выпустила огромное количество публикаций. Но вопроса «а был ли мальчик?» никто не задавал (во всяком случае, вслух). Все было подчиненно заранее сформулированной концепции: доказать существование революционной ситуации. И «доказали», сами в это поверив. Как и поверили искренне радикальные представители общественного движения 1860-х гг. Они считали, что революция может произойти в самое ближайшее время. Чернышевский полагал, что она совершится где-то в 1863 г. (см. в романе «Что делать?» главу «Перемена декораций»: события 1865 г. происходят уже после революции). Обращение революционных демократов с их призывами к современникам, тем более к простому народу, являлось насквозь утопическим, могло только напугать, оттолкнуть большую часть общества. Оно не могло встретить широкой народной поддержки и не встретило ее. Когда либеральные издания обвиняли нигилистов, что те подтолкнули правительство и общество к реакции, либералы не во всем ошибались. Демократы и правда подтолкнули власть — с самыми лучшими намерениями, но результата это не меняло.

Следует, пожалуй, кратко остановиться на параллели «Н. Г. Чернышевский — С. Г. Нечаев» (первый, по словам Ленина, стоял во главе революционных демократов 1860-х гг.; второй был приверженцем концепции: интересы революции $\mathit{всё}$ оправдывают). В советском литературоведении

их самым решительным образом противопоставляли. Чернышевский изображался как положительный идеал революционного политического деятеля, Нечаев — как его антипод, авантюрист, провокатор, циник, не имеющий никаких этических норм. В таком противопоставлении немало справедливого, но заметно и стремление идеализировать, отделить *хорошую*, *истинную* революционно-демократическую радикальную идеологию от плохой, не истинной. Между тем у них, при всех отличиях, было много общего. Не только в высказываниях Чернышевского, что исторический путь — не тротуар Невского проспекта, историю нельзя делать в белых перчатках, которые с одобрением приводил Ленин¹. В романе «Что делать?», в концепции «разумного эгоизма», можно уловить мысль о несостоятельности этических норм, всех коренных оснований существующего общества. Можно, конечно, утверждать, что такие нормы — «лживая, лицемерная мораль» эксплуататорского общества, которую вполне позволительно нарушать. Но, в конечном итоге, такой подход приводил к разрушению всякой этики, как подход «Эстетических отношений искусства к действительности» — к разрушению всякой эстетики. Напомню, что Вера Павловна имеет двух мужей, а Лопухов — двух жен. Это и по современному законодательству подсудное дело. Да и ряд других эпизодов романа, мимоходом упоминаемых, должен подчеркнуть, что «новые люди» — парни «крутые» и умеют добиваться своих целей (что бы вы подумали, например, если бы за то, что вы не уступили дороги встречному, он положил бы вас лицом в грязь? А что бы было, если бы на узкой дороге встретились два таких «новых человека»?).

Важное значение с этой точки зрения имеет глава пятая «Новые лица и развязка». Кирсанов в ней берет на себя право решать, жить или умереть Кате Полозовой, готов дать ей отраву. А отец ее, прежде с пренебрежением относившийся к Кирсанову, думает о нем почти с восхищением: «Экий медведь <...> умеет ломать» и повторяет: «Вы страшный человек!». Полозов вспоминает берейтора Захарченко, объезжающего жеребца: тот «хорошо вытанцовывает под Захарченкой, только губы у "Громобоя" сильно порваны, в кровь». На вопрос Полозова: неужели бы он на самом деле отравил Катю, Кирсанов совершенно холодно отвечает: «Еще бы! Разумеется». На слова Полозова о том, что он страшный человек, Кирсанов воз-

¹ Точнее: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное». См.: Чернышевский Н. Г. [Рец. на:] Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. Г. К. Кэре. Перевод с английского // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. М., 1950. С. 923. Впервые напечатано без подписи автора в: Современник. 1861. № 1. С. 35–52.

ражает: «Это значит, что вы еще не видывали страшных людей», и думает про себя: «показать бы тебе Рахметова»¹. Отсюда недалеко до принципа «все позволено» ради доброй цели, а затем, что и вообще «все позволено». К этому и пришли авторы прокламации «Молодая Россия» в начале, а нечаевцы в конце 1860-х гг.

Нечаев и члены его тайного общества «Народная расправа» убили слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова, обвинив его в измене, в которой тот был неповинен (он противился диктаторским замашкам Нечаева, который хотел к тому же «связать» членов группы пролитой кровью). Программой «Народной расправы» являлся «Катехизис революционера», написанный Нечаевым. «Катехизис» написан и отпечатан летом 1869 г. в Женеве, текст зашифрован. Впервые текст был расшифрован при следствии и опубликован в «Правительственном вестнике»². В «Катехизисе» утверждалось: «польза революционного дела» должна стать единственным мерилом действий; ради нее оправдывается применение всех средств; цель — «страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение»³.

Убийство Иванова было совершено 21 ноября 1869 г. Процесс над нечаевцами, первый гласный политический процесс в России, происходил в 1871 г. Он широко освещался в русской и зарубежной прессе. За процессом внимательно следил Достоевский, как и многие другие писатели (сам Нечаев бежал за границу, но в 1872 г. был выдан швейцарским правительством русским властям, осужден и умер в Петропавловской крепости 21 ноября 1882 г., уже после убийства Александра II). Как известно, Достоевский использовал материалы дела Нечаева как основу для романа «Бесы», романа злободневного, тенденциозного, местами сбивающегося на памфлет. Нельзя, конечно, принимать изображенных в «Бесах» персонажей за объективную характеристику их прототипов. Тем не менее «Бесы» в советское время не популяризировались. Аналогии с современностью звучали довольно отчетливо. Власти опасались, что читатель будет судить о революционном движении 1860-х гг. по роману Достоевского. Мне случайно где-то в конце 1960-х – начале 1970-х гг. пришлось присутствовать на заседании в Пушкинском Доме, где обсуждался план 30-томного полного собрания сочинений Достоевского. Шли споры, следует ли печатать роман «Бесы». Все же решили печатать, а примечания,

 $^{^1}$ *Чернышевский Н. Г.* Что делать?: Из рассказов о новых людях // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. М., 1939. С. 302-303.

 $^{^2}$ Заседание С.-Петербургской судебной палаты, 7 и 8 июля 1871 г., по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России // Правительственный вестник. 1871. 9 июля ($\mathbb N$ 162). С. 4–5.

 $^{^3}$ Цит. по: Достоевский Ф. М. [Примечания к роману «Бесы»] // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 12. Л., 1975. С. 194.

планы, варианты, наброски вынести в отдельный том¹. Опасения были не беспредметны. При всей памфлетности «Бесы» создавали во многом верную картину крайнего русского радикализма, противоречащую официальным советским оценкам. И в этой картине довольно значимое место занимал Чернышевский, его роман «Что делать?». И Чернышевский, и Нечаев упоминаются в «Бесах» неоднократно. По мнению Достоевского, именно с Чернышевским и его книгой связана нечаевщина, Петр Верховенский. В одном из эпизодов повествователь видит на столе раскрытую книгу — роман «Что делать?» — и называет его «катехизисом визжавших» (явное сопоставление с «Катехизисом революционера» Нечаева)². Думается, что и на самом деле определенная перекличка есть. Кстати, Нечаев (прототип Петра Верховенского) разделял веру Чернышевского в близость и реальность революции, разделял в 1869 г., когда от так называемой «революционной ситуации» и следа не осталось. В черновых набросках Достоевский пишет об этом, вновь сближая Петра Верховенского с Чернышевским и его единомышленниками: «Необыкновенный по уму человек, но легкомыслие, беспрерывные промахи даже в том, что бы он мог знать <...> Если б он был с литературным талантом, то был бы не ниже никого из наших великих критиков-руководителей начала шестидесятых годов. Он писал бы, конечно, другое, чем они, но эффект произвел бы тот же самый. Разумеется, я тут ни слова про нравственность <...> Только странно все это: он ведь серьезно думал, что в мае начнется, а в октябре кончится. Как же это назвать? Отвлеченным умом? Умом без почвы и без связей — без нации и без необходимого дела?»³

Следует учитывать, что для людей типа и времени действия Чернышевского взгляды, о которых говорит Достоевский, — теория. Они принадлежали к тем историческим деятелям, которые за свои идеи проливали собственную кровь, отдавали собственную жизнь, а не чужую. В их теории они наделяли своих героев теми качествами, которыми сами не обладали (к их чести). Но эта теория позднее стала основой деятельности тех, кто решил ее воплотить на практике, и воплотил, начиная с Нечаева, его единомышленников до их последователей. Да и с Нечаевым было не так просто. Проведя долгие годы в крепости, в нечеловечески тяжелых условиях, распропагандировав охрану и подготовив побег, он отказался от него, чтобы не сорвать покушение на Александра II, и погиб в неволе.

 $^{^1}$ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972—1999. Роман «Бесы» напечатан в т. 10; в т. 11 — гл. 9 «У Тихона», рукописные редакции и подготовительные материалы, черновые наброски, варианты; в т. 12 — наброски и планы, варианты (тома изданы в 1974—1975 гг.).

 $^{^{2}}$ Достоевский Ф. М. Бесы // Там же. Т. 10. Л., 1974. С. 238.

 $^{^3}$ Достоевский Ф. М. [Подготовительные материалы к роману «Бесы»] // Там же. Т. 11. Л., 1974. С. 303.

Все это вносит довольно существенные поправки в привычные представления о демократах. Их действия (хотя не только они) во многом изменили обстановку к худшему. Правительство проводит, при одобрении значительной части общества, ряд репрессивных мероприятий: закрыты отдел для учащейся молодежи при Литературном фонде, «Шахматный клуб», воскресные школы, ряд периодических изданий. Исследователь С. С. Татищев пишет, что следственной комиссии по розыску авторов прокламаций и других революционных изданий не удалось открыть поджигателей, но обнаружены вредные влияния учения литераторов и студентов в воскресных школах, открытых за последние два года, сношения многих сотрудников журналов с лондонскими эмигрантами и др. В связи с этим высочайше повелено закрыть все воскресные школы до пересмотра положения о них¹. Многие были недовольны этим, о чем пишет и Никитенко. Арестовано несколько лиц, в том числе (в июле 1862 г.) Чернышевский — влиятельнейший из писателей так называемого передового направления. 2 июля 1862 г. Писарев арестован за нелегальный ответ на вторую брошюру Шедо-Ферроти по поводу Герцена². В июне приостановлено издание журналов «Современник» и «Русское слово», газеты «День».

Правительство чувствовало в славянофильской печати некоторую оппозиционность. Произведения наиболее активных организаторов и участников славянофильских изданий И. С. и К. С. Аксаковых, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, князя В. А. Черкасского и др. были отданы под двойную цензуру — местную (большинство славянофилов жило в Москве) и главную (в столице). После смерти Николая I требование двойной цензуры было отменено. В 1856–1860 гг., уже при Александре II, выходил на паях славянофильский журнал «Русская беседа», редактируемый А. И. Кошелевым (4–6 раз в год). Позднее, с августа 1858 г., редактором журнала стал И. С. Аксаков. Власти журналу не благоволили, но и у публики он успеха не имел, следовательно, не был опасен.

Литературная газета «Молва» издавалась в Москве еженедельно, с апреля по декабрь 1857 г. Всего вышло 37 номеров, на 38-м газета была закрыта. Ее фактическим редактором был К. С. Аксаков, номинальным — С. М. Шпилевский. «Молва» не имела политического отдела, не отличалась злободневностью, носила отвлеченно-теоретический характер, в ней рассматривались проблемы общинного устройства, исторического

 $^{^1}$ *Татищев С. С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1911. С. 368; Т. 2. С. 537.

 $^{^2}$ Лемке ошибочно указывает дату ареста «3 июня». См.: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 188. Уточненная дата приводится по тексту комментариев к статье Писарева в: Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. М., 2001. С. 364.

пути развития России, народности в науке и искусстве. Не революционна, даже не оппозиционна. Недовольство властей вызывало противопоставление народа и образованных слоев (правящих классов).

Причиной закрытия «Молвы» послужила статья К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ»¹. Хотя, вероятно, и прошлое отношение к славянофилам сказалось. Статья Аксакова резкая, ироничная. Всего одна страница: когда-то в прошлом, еще до построения Петербурга, не было публики, а был народ. Публика — явление чисто западное, она заведена в России вместе с разными нововведениями. Часть народа оторвалась от русской жизни и составила публику. Далее все строится на противопоставлении народа и публики. И концовка: «"Публика, вперед! Народ, назад!" — так воскликнул многозначительно один хожалый»². Хожалым раньше называли полицейского, городового; сейчас это слово устарело.

Текст написан в славянофильском духе, но в нем усмотрели тенденции, направленные против бюрократии и аристократии. Александр II высказался о ней так: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции "Молвы", что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнутся строгому взысканию»³. Формально «Молву» не запретили, но К. С. Аксаков был отстранен от редактирования, а цензура обратила чрезмерно пристальное внимание на подготовку следующего номера. И. С. Аксаков, возглавивший газету, принял решение закрыть издание.

А вот славянофильская газета «Парус» была действительно прекращена на втором номере. Издавалась она тоже в Москве, раз в неделю, в январе 1859 г. Редактировал ее И. С. Аксаков. В газете сотрудничали К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, М. П. Погодин и др. В передовой статье говорилось о верности престолу, глубоком отвращении к «опасным бурям и волнениям». Такие заявления определялись не цензурными соображениями, они отражали точку зрения редакции, но в газете звучали и панславистские мотивы, не одобряемые правительством. Редакция была за отмену крепостного права с сохранением крестьянской общины, за широкую гласность, в которой, по мнению редакции, заинтересовано прежде всего правительство. Ощущался некоторый скептицизм в отношении отдельных официальных действий, критиковалась внешняя по-

¹ Впервые опубликовано без подписи в: Молва. 1857. № 36. 14 дек. С. 410-411.

² *Аксаков К. С.* Государство и народ. М., 2009. С. 237–238.

³ Подробнее см.: *Рейфман П. С.* К истории славянофильской журналистики 1840–1850 гг. Статья 6 // Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. С. 133–144. (Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение; Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 645).

литика России. Статья Погодина «Прошедший год в русской истории», выступления «Паруса» в защиту свободы слова и послужили причиной запрещения газеты. «Виновник» прекращения газеты, Погодин, написал Ковалевскому письмо по поводу закрытия «Паруса», где высказался о Торквемаде, испанской инквизиции и т. п. в связи с рассуждениями о русской цензуре; дал совет объяснить царю значение печатного слова¹.

Еженедельной славянофильской газете «День» еще повезло: она выходила в Москве под редакцией И. С. Аксакова с 15 октября 1861 г. до 1865 г. В 1862 г. у нее было около 4000 подписчиков, тираж ее превышал 7000 экземпляров, но к 1865 г. популярность газеты снизилась. Направление газеты во многом совпадало с официальным курсом: осуждались восставшие поляки, студенческие беспорядки 1861 г., обвинялись в поджогах нигилисты и т. п. Тем не менее начальству она не нравилась. Прежде всего вызывали неодобрение выступления редакции с требованиями свободы печати, против цензурной политики правительства. Головнин был недоволен газетой; все в ней его раздражало (даже не столько общая суть, сколько демонстративные выпады: сообщения, урезанные цензурой, печатались в черной рамке; на месте запрещенной передовой публиковалось, что статья не появилась «по независящим от редакции обстоятельствам»; при помощи графини А. Д. Блудовой редакция добивалась разрешения какой-либо резкой статьи и т. п.). Головнин доложил царю об одной не пропущенной цензурой статье, опубликованной по настоянию Аксакова после запрета. Царь оказался либеральнее Головнина и московского цензора: не поддержал их мнения.

Но вскоре нашелся более веский повод для репрессий: редактор «Дня» отказался повиноваться распоряжению самого императора. З июня 1862 г. Головнин сообщил царю о неподписанной корреспонденции в газете «День» (№ 31) про беспорядки в Остзейском крае и про духовенство в Западных губерниях. Последовал высочайший запрос: «кто автор?» Аксаков отказался ответить, о чем было доложено царю. На повторный запрос последовало объяснение Аксакова, которое Головнин вновь довел до сведения царя: рассуждения о чести редактора, об его ответственности перед авторами и т. п. Редактор обосновывал и тем самым оправдывал свой отказ назвать имя автора². Было предложено объявить ему строгий выговор в присутствии всего московского цензурного комитета. Аксакова обязали подпиской отправлять статьи в цензуру только с указанием имени автора. Царь счел такую меру недостаточной: он распорядился объявить Аксакову, что тот должен «немедленно исполнить мою волю»

 $^{^1}$ $\Lambda \mathit{emke}$ М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 326–327.

 $^{^2}$ *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 117–118.

(то есть назвать автора) и «сообщить ему мои заметки» по поводу аксаковского объяснения (весьма отрицательные. — Π . P.). Аксаков упорствовал. 15 июня 1862 г. Головнин извещал Валуева и Долгорукова (шефа III Отделения) о лишении Аксакова права издания. 19 июня «День» был приостановлен. Правда, опала длилась недолго. 1 сентября газету разрешили возобновить под редакцией Ю. Ф. Самарина, который согласился приезжать в Москву. По сути, Самарин был номинальным редактором до конца года. В это время номера выходили без подписи, а редактировали газету ее сотрудники, в том числе и отставленный Аксаков. С нового года все вернулось к прежнему, но Головнин поставил газету под строгий контроль, определил цензором «такого гуся [Ф. И. Рахманинова], назначение которого почти равносильно запрещению»¹. На запрещение «Дня» откликнулся «Колокол», осуждая русскую цензуру. И все же эта история свидетельствовала о том, что времена изменились. Происходит своеобразная «полемика» между царем и литератором о разном понимании чести. Каждый остался при своем мнении, и никаким серьезным карам Аксаков не подвергся. При Николае I о таком исходе спора подданного с императором и помыслить было нельзя.

С цензурными преследованиями 1862–1863 гг. связано и прекращение газеты «Современное слово», издаваемой Н. Г. Писаревским. За короткое время существования (с 1 июня 1862 по 2 июня 1863 г.) она сумела себя зарекомендовать как издание отчетливо оппозиционного направления. Ее возникновение связано с газетой Военного министерства «Русский инвалид». В 1861 г. Писаревский заключил контракт на издание этой газеты до 1868 г. Но вскоре Военное министерство предложило контракт расторгнуть, так как неофициальная часть газеты «приобретает характер, за который министерство не может отвечать»². Об этом сообщал 4 апреля 1862 г. военный министр министру просвещения, настаивая, чтобы неофициальную часть «Русского инвалида» сразу же отделили, издавая до конца года в виде особой газеты «Современное слово». А последнюю требовалось с 1863 г. передать в собственность Писаревского, чтобы возместить его убытки при расторжении контракта. Таким образом, само возникновение новой газеты, еще до начала ее выхода, было связано с недовольством властей Писаревским.

Писаревский, о котором ныне мало кто знает, — личность колоритная. Военный, начальник фотографического отделения военно-топографического депо Генерального штаба, вышедший в отставку; в дальнейшем крупный ученый, один из основоположников электротехники

 $^{^1}$ *Аксаков И. С.* Письмо М. Ф. Раевскому от 31 июля 1862 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2, т. 4. СПб., 1896. С. 75.

 $^{^2}$ Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 6.

и телеграфного дела в России. К началу 1860-х гг. Писаревский отнюдь не был благонамеренным издателем.

В одной из записок III Отделения в 1864 г. его называют «врагом Отечества своего». Известно, что в 1856 г. он встречался в Лондоне с Герценом. В записке указывалось, что он во время пребывания за границей «употребил во зло сделанное ему доверие», «в бытность свою <...> в Лондоне находился в постоянных сношениях с известными эмигрантами Тхоржевским и Герценом, предлагал там образовать агентов для развития пропаганды и сообщил адреса разных лиц»¹. Был дан приказ об обыске его при возвращении в Россию. Трудно сказать, насколько эти обвинения соответствовали действительности (да и сформулированы они были уже после скандала с его газетой), но направление «Современного слова» делает их довольно правдоподобными. Автор записки сообщал, что Писаревский «дал направление своей газете самое противуправительственное», проявив «крайнюю неблагонамеренность свою в политическом отношении, и потому на него было тогда же обращено особенное внимание»².

В 1864 г., когда «Современное слово» давно прекратило существование, III Отделение продолжало считать, что и после раскрытия «злоупотреблений» Писаревский «не только не выразил ни малейшего раскаяния <...>, но напротив того в докладной записке <...> резко утверждал, что изменение в статьях не только не воспрещено ни одним законом, но <...> лежит на прямой ответственности редакции, которая знает, что, где и когда поместить приличнее»³. Характерны и сведения III Отделения об официально утвержденном редакторе «Современного слова» В. Н. Леонтьеве, брате консервативного писателя и публициста, сподвижника Каткова, К. Н. Леонтьева. Он помещал в «Современном слове» заметки по крестьянскому вопросу, вел «Внутреннее обозрение», им написано большинство фельетонов, вызывавших особое недовольство властей «неблагонамеренностью». В агентурных донесениях III Отделения утверждалось, что «он принадлежит к числу самых ярых нигилистов <...> подвизался в запрещенной газете Писаревского <...> сотрудник "Голоса" и известен в прессе под названием народного трибуна. Он в 1862 году принимал самое деятельное участие в студенческих беспорядках» (выделенное курсивом подчеркнуто в тексте. — Π . P.) 4 . Снова сведения не-

 $^{^1}$ Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 8; Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 107.

² Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово»... С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же.

сколько сомнительны; среди них как свидетельство «неблагонамеренности» упоминается сотрудничество в либеральном «Голосе».

Но здесь отражается то, что скептическое отношение властей к Леонтьеву было, видимо, небезосновательным. Сотрудничали в «Современном слове» писатели демократического лагеря. Среди них Н. С. Курочкин, старший брат редактора «Искры» В. С. Курочкина, сам принадлежавший к руководящему ядру этого сатирического журнала, участник революционного движения 1860-х гг., член общества «Земля и воля» (даже кандидат в члены его центрального комитета). Курочкин летом 1862 г. помещал в «Современном слове» заметки о европейской жизни, которые Писаревский высоко ценил. Печатались в газете С. С. Шашков и И. Г. Прыжов. Первый — писатель демократического направления, публицист и этнограф, автор статей о положении женщин. Второй — историк и этнограф, в дальнейшем участник тайного общества «Народная расправа», приговоренный к 12 годам каторги и ссылки.

У нас нет возможности подробно останавливаться на содержании «Современного слова», которое я в свое время детально изучал. Но смею утверждать, что газета откликалась на все животрепещущие события (общая атмосфера, наступление реакции, пожары и полемика вокруг них, нападки на нигилизм, правительственные реформы, проблемы свободы печати, национально-освободительное движение в Италии, восстание в Польше и др.) в духе наиболее демократических изданий, перекликаясь во многом с направлением «Современника». В трудное время перехода реакции в наступление, оставаясь во второй половине 1862 г., после приостановки «Современника» и «Русского слова», почти единственным демократическим изданием, «Современное слово» сумело сохранить верность лучшим журнальным традициям предшествующего периода.

Естественно, что власти были недовольны газетой. Уже содержание неофициальной части «Русского инвалида» не удовлетворяло их. Действительно, там печатались статьи, совершенно неприемлемые для официальной газеты («Тенденции "Русского вестника" по делу народного образования», № 86/87 за 1862 г., «Нечто вроде комментарий к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченко» в № 268 за 1861 г.¹ и др.). Цензура обращала внимание на статьи подобного рода. Валуеву не нравится «Современное слово», но он не хочет столкновений с влиятельными людьми (видимо, газету на первых порах поддерживал военный министр). Тем не менее высказать свое мнение Валуев считает нужным. 2 июля 1862 г., через месяц после появления «Современного слова», он направляет письмо Головнину, советуя вслед за «Современником» и «Русским словом»

¹ Подробнее см.: *Рейфман П. С.* Забытая статья о Т. Г. Шевченко. «Нечто вроде комментария к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченко» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 6. Тарту, 1963. С. 351–366. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 139).

запретить на 5–6 месяцев «Современное слово». Валуев напоминает, что Писаревский придал «Русскому инвалиду» «неблагонамеренное направление», перечисляет ряд статей (о пожарах, о Пруссии, о казни политических преступников) и выражает сомнение в благонадежности нового издания. В ответ Головнин 4 июля сообщает Валуеву: он уже «объявил редактору "Современного слова", что газета его подвергнется неминуемо временному прекращению, в случае продолжения нынешнего направления <...> и предписал цензирующему оную цензору усилить внимательность свою и строгость при просмотре статей» Газета только-только появилась, а ей уже «вредное направление» приписали и под особо строгий контроль поставили. С большим основанием это делается осенью 1862 г.

24 октября 1862 г. товарищ министра внутренних дел сообщал Головнину: почти в каждом номере «Современного слова», в «Политическом обозрении», с сочувствием говорится о всех событиях, ведущих «к ниспровержению существующего порядка»; редакция приняла за правило «проводить в публику противоправительственные идеи». Он же утверждал 31 октября, что не отдельные материалы газеты Писаревского, а «она вся проникнута весьма неодобрительным духом»².

В конце 1862 г. (17 ноября), после того как в газетах появилось объявление о программе «Современного слова» (в 1862 г. газета выходила по программе, утвержденной для неофициальной части «Русского инвалида»), товарищ министра внутренних дел писал Головнину, что направление «Современного слова» «едва ли будет таким, какое может быть допущено и терпимо в наших повременных изданиях». Он утверждал, что Писаревский очевидно стремится к «порядку вещей, который возможен вполне только в странах, имеющих представительный образ правления, и для достижения этой цели не боится ни сотрясений, ни толчков, ни скачков, а более опасается *мирного* и *нечувствительного* хода реформ»³ (курсив текста. — Π . P.). По распоряжению министра просвещения, все это сообщено председателю Петербургского цензурного комитета. После подобных предупреждений придирчивость цензуры должна была резко возрасти. Дело доходило до того, что в результате запрещений у редакции едва хватало материала для выпуска очередного номера. Так, например, цензор, поясняя случай перепечатки в № 26 «Современного слова» за 1863 г. объявления с программой газеты, замечал, что, видимо, у редакции «за удержанием цензурою непозволительных статей, не нашлось

 $^{^1}$ Усов П. С. Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы. 1882. Кн. 5. С. 168.

 $^{^2}$ Цит. по: *Рейфман П. С.* Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 7.

³ Там же.

других, запасных, для занятия места». В другом случае подобный факт объяснялся тем же: «накануне много задержано статей»¹. Изучая направление «Современного слова», следует учитывать невыносимые условия, в которые была поставлена газета. Многие статьи, предназначенные для нее, так и не увидели света, многие оказались исковерканы цензорскими ножницами.

22 апреля 1863 г. председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ сообщил министру внутренних дел, что в прибавлении к № 66 «Современного слова» (от 18 апреля) он заметил отрывки, которые цензура не должна была разрешить. В одном из отрывков осуждался монархический принцип, в другом высказывалась мысль, что наивно надеяться на «законные» средства борьбы с несправедливостью, и одобрялось сопротивление полиции. При сверке с корректурными листами оказалось, что цензор вычеркнул первый отрывок, а другой изменил. Однако они были напечатаны в газете в первоначальном виде. Ставя министра в известность о происшедшем, Цеэ просил приказать «поступить с виновными по всей строгости законов». Началось следствие, которое раскрыло немало деталей, подтверждающих опасность направления «Современного слова». Но именно подтверждающих, так как у властей давно возникло представление о направлении газеты Писаревского, задолго до истории публикации запрещенных цензором отрывков. О результатах следствия доложили царю. 2 июня 1863 г. вышел последний номер «Современного слова». По высочайшему повелению оно было запрещено².

Можно привести еще ряд случаев цензурных придирок, относящихся к началу 1860-х гг. Например, скандал вокруг романа В. Гюго «Отверженные»: последние его тома, по мнению Валуева, «имеют самое вредное направление»³. Или отказ в разрешении Салтыкову-Щедрину издавать в Москве раз в две недели журнал. Головнин ставит себе в заслугу, что прекратили появляться статьи, проповедующие материализм, социализм и коммунизм, направленные против христианской веры, монархии и самодержавия, «вредные» выступления по крестьянскому вопросу. Такие похвалы и на самом деле соответствовали действительности. Печатать что-либо значительное, затрагивающее важные общественные проблемы стало почти невозможно, как в самый разгар официальной народности С. С. Уварова.

¹ Цит. по: Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. С. 7.

 $^{^2}$ Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 105–129. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 104).

 $^{^3}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 233.

Никитенко записывает в дневник: «Мысли грозит опять застой и угнетение, а мыслящим людям, писателям, ученым — неприязненные нападки невежд и ретроградов» В массах же, по мнению Никитенко, надолго подорвано уважение к именам литератора, ученого, студента. Чтобы каким-то образом компенсировать бессодержательность внутренних отделов изданий, власти разрешили несколько расширить иностранные отделы. Но и в них требовалось, чтобы авторы ограничивались фактами, не выражали своего мнения при описании государственных переворотов, антиправительственных движений и пр. Запрещались рассуждения о политических формах правления, намеки на преимущества конституционной и ограниченно-монархической форм перед монархически-самодержавными и т. п.²

На фоне социальных перемен власти все сильнее ощущают необходимость воздействия на общественное мнение. В 1862 г., параллельно с обсуждением вопроса об изменении цензуры, Министерство внутренних дел осуществляет издание правительственной газеты. 1 января 1862 г. выходит первый номер «Северной почты», ежедневной газеты, печатавшейся в Петербурге в 1862—1868 гг. В 1869 г., после отставки Валуева, она была переименована в «Правительственный вестник». «Правительственный вестник» издавался до 1917 г., но ставил перед собой совсем другие задачи: знакомил с официальными известиями, не претендуя на роль органа, определяющего направление прессы и общественного мнения.

«Северная почта» считалась газетой Министерства внутренних дел, но сфера ее деятельности была значительно шире. Название ее не новое: так называлась газета, выходившая при почтовом департаменте Министерства внутренних дел в 1809–1819 гг. Замысел новой «Северной почты» возник во второй половине 1850-х гг., связан с обстановкой готовившихся реформ и обсуждался, в частности, летом 1859 г. Первым редактором «Северной почты» был назначен А. В. Никитенко, автор уже знакомого нам дневника. Его записи дают ясное представление о замысле газеты. При создании ее ставились две основные задачи. Первая — знакомить общество с правительственной программой и пропагандировать ее. Вторая — бороться с оппозиционной прессой, легальной и нелегальной, с заграничными изданиями (в первую очередь Герцена), с прокламациями и т. п. Газета состояла из двух частей: Официальной и Неофициальной. В первой печатались придворные известия, правительственные распоряжения, приказы по Министерству внутренних дел, позже — и по Министерству финансов. В неофициальной части публиковались внутренние и заграничные известия, коммерческие телеграммы, объявления. Газета

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 360.

 $^{^2}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 189—191.

должна была не только знакомить читателей с правительственной точкой зрения, но и стать своеобразным камертоном, по которому бы «настраивались» остальные периодические издания.

Валуев в октябре 1861 г. предложил Никитенко редактировать газету, которая с будущего (1862) года начнет издаваться при Министерстве внутренних дел. Валуев прочитал записку Никитенко с рядом условий, на которых должно основываться издание газеты, и согласился с ней (на требование правдивости газеты Валуев уверял, что министерство «ничего противного этому не потребует»). Согласился министр и с тем, что направление будущей газеты должно быть умеренно либеральным, но добавил: нужно действовать осторожно, так как «само правительство не уяснило себе своих видов». В планах Никитенко — попытка «осуществить мою заветную мысль о проведении в обществе примирительных начал»¹. Государь «с особенным удовольствием» согласился на назначение Никитенко редактором. Товарищ министра внутренних дел, А. Г. Тройницкий, назначенный посредником между министерством и «Северной почтой», должен был доставлять из министерства материал для газеты. Происходит встреча Никитенко с И. А. Арсеньевым, тоже ставленником Валуева, назначенным редактором по политическому отделу. Как раз в это время А. В. Головнин стал министром просвещения, и на него нужно ориентироваться. Никитенко рьяно берется за дело. Докладывает о ходе дел Валуеву, проводит совещание с редакторами отделов. Последняя запись в дневнике за 1861 г. выражает осторожный оптимизм: «Обделал дела по редакции, кажется, удачно»².

Ночь на 1 января 1862 г., до половины третьего, Никитенко и редакторы отделов проводят в типографии: готовят к выпуску первый номер «Северной почты». Выход первого листа приветствовался шампанским. В следующие дни появляются записи о путанице в газете, неисправностях корректуры, о задержках получения заграничных депеш, страшном неустройстве во всем, хлопотах по редакции. Начинаются противоречия с Валуевым. Министр, избегая ссоры, пишет, по словам Никитенко, «умное и совершенно примирительное» письмо. Валуев обещал не вмешиваться в дела газеты, но с первых же номеров нарушил обещание, требуя безусловного повиновения. Разлад, начавшийся в январе, усугубился неприятностью с рассылкой циркуляра губернаторам, обязывающего принудительно подписываться на новое издание. Такая «реклама» была Никитенко вовсе ни к чему, она компрометировала и «Северную почту», и ее редактора. Он возмущен: «Неприятное, о какое неприятное дело! <....> Это меня глубоко огорчило». Никитенко направляет Валуеву про-

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 309.

² Там же. С. 327.

тест против насильственной подписки. Его помощники, В. К. Ржевский и И. А. Арсеньев, без колебаний соглашаются подписать его. Через два часа получен ответ Валуева: из него видно, что министр почувствовал неприличие своего поступка, но изворачивается (и не давал распоряжений подписывать при помощи полиции, и имел право дать такие распоряжения, и не велел насильственно подписывать, а только предлагал агитировать за подписку).

В мае 1862 г. Никитенко пишет в дневнике о продолжении неладов с Валуевым. Никитенко размышляет о нем и о других: «Все наши государственные люди решительно ниже посредственности, люди бездарные, не способные ни к какой светлой, широкой мысли, ни к какому благородному усилию воли». И задает риторический вопрос: какая нравственная сила может поддержать правительство, «состоящее из таких гнилых элементов, из этих бюрократических ничтожеств?»¹. Он принимает решение потребовать отказа от мелочных придирок и установления точной суммы на содержание газеты; если Валуев не согласится, подать в отставку. Министр сердится, тем не менее сумму на издание определяет.

И все-таки мысль об отставке все чаще встречается в дневнике Никитенко. Все резче Никитенко отзывается о Валуеве: «Всякое живое слово в газете вызывает в нем досаду, которую он срывает на опечатках и тому подобных мелочах. Газете грозит ограничиваться простою перепечаткою его циркуляров и официальностей»². В конце июня 1862 г. просьба Никитенко об отставке подана и удовлетворена. Таким образом, редактором «Северной почты» Никитенко пробыл всего несколько месяцев, самых тяжелых, когда надо было налаживать выпуск новой газеты. За это короткое время надежды на либерализм Валуева превратились в полное разочарование. Да и Валуев понял, что с Никитенко не по пути, хотя тот отнюдь не был радикалом. Валуеву требовался послушный исполнитель его воли, не имеющий собственных убеждений, тем более либеральных.

Вскоре становится ясно, что «Северная почта» не соответствует первоначальному замыслу: она не стала камертоном, на который равняется пресса, превратилась в скучную, непопулярную газету. Ее читали главным образом чиновники, чтобы познакомиться с различной официальной информацией (назначения, распоряжения и пр.). Редакторы ее часто менялись (Н. В. Варадинов, И. А. Гончаров, Д. И. Каменский). Все они в большей или меньшей степени были связаны с цензурными инстанциями. Уже с первой половины 1860-х гг. «Северная почта», по существу, ограничилась выполнением функций, ставших позднее задачей «Правительственного вестника» (публикация официальной информации).

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 351.

² Там же. С. 363.

Постепенно правительство переходит к открытой борьбе с нигилизмом при помощи официальных и официозных периодических изданий.

С 1860 г. в Москве выходила еженедельная газета «Наше время», редактируемая литератором Н. Ф. Павловым. Когда-то давно, в середине 1830-х гг., Павлов был довольно известным писателем. В 1835 г. были опубликованы три его повести («Аукцион», «Именины», «Ятаган»), вызвавшие резкое недовольство властей и сочувственный отзыв В. Г. Белинского в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя». Критик писал, что талант Павлова, его первый, но впечатляющий опыт, «подает лестные надежды»: «Поприще г. Павлова еще только начато, но начато так хорошо, что не хочется верить, чтобы оно кончилось дурно»¹. Надежды не оправдались: крупным писателем Павлов не стал. Но, помня о его дебюте, власти относились к нему с подозрением и в начале 1860-х гг. Попытки переиздания повестей Павлова встретили цензурное сопротивление. В дневнике Никитенко за 1863 г. упоминается о заседании Совета по делам печати: Павлов просил о переиздании трех повестей, запрещенных в 1835 г. Никитенко докладывает о своем мнении: «Именины» и «Аукцион» пропустить беспрепятственно, «Ятаган» невозможно разрешить: повесть производит ужасное впечатление изображением «гнета начальника над подчиненными, к чему дает полное средство военная дисциплина». Совет утвердил мнение Никитенко².

В первые два года «Наше время» издавалось в умеренно-либеральном направлении, было бесцветным, популярностью не пользовалось. В конце 1861 г. Павлов ведет переговоры с Валуевым, в результате которых получает субсидии, становится издателем-редактором «Нашего времени». В 1862 г. газета превращается в ежедневное официозное издание, ей разрешено расширить программу, включить политический отдел и частные объявления.

О превращении ее в официоз идет речь в воспоминаниях Б. Н. Чичерина «Московский университет»: «В конце 1862 года (ошибка: в конце 1861 г. — П. Р.), уезжая в Петербург, я оставил его в самом ужасном положении. "Наше время" имело мало подписчиков. Расходы не окупались, а денег взять было неоткуда. Приходилось закрывать журнал <...> старик не знал, что ему делать. Каково же было мое удивление, когда он вдруг явился ко мне в Петербург, бодрый, живой, с новыми планами и надеждами. <...> "Знаешь, что я придумал? — сказал он мне. — Я хочу издавать газету для народа, по три рубля; она наверное пойдет. Этим миллионам освобожденных крестьян надобно

 $^{^1}$ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 259-307. Впервые опубликовано в: Телескоп. 1835. Т. 26, № 7. С. 392-417; № 8. С. 536-603.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 470.

дать какое-нибудь путное чтение, чтобы они знали, что делается на свете. Я уверен, что само правительство окажет мне помощь в этом деле <...>". И точно, помощь была оказана» 1. Об этом же сообщается в дневнике Никитенко (запись 28 октября 1861 г.): Павлов торжествует, ведь царь разрешил ему еженедельную газету «Наше время» превратить в ежедневную, с политикой, чего так трудно сейчас добиться; «кажется, газета будет полуофициальная» 2.

Издание Павлова стало как бы неофициальным союзником «Северной почты». Валуев распорядился депеши, получаемые для «Северной почты», пересылать правительственным телеграфом в Москву для «Нашего времени»³. В первой книжке «Современника» за 1862 г. И. И. Панаев, намекая на субсидии, сообщал, что, по слухам, Павлов сумел «обеспечить ее (газеты. — Π . P.) существование в новом виде, независимо от подписки»⁴. Павлов ответил статьей, где пообещал осведомить читателей о личных делах Панаева и Некрасова⁵.

Павлов делал достаточно прозрачные намеки на события 1846-1860 гг. В октябре 1846 г. Н. П. Огарёв, разойдясь со своей женой М. Л. Огарёвой, выдал ей капитал (заемные письма) на сумму 85 тысяч рублей серебром и обязался ежегодно выплачивать ей проценты с этой суммы. Уехавшая за границу Огарёва поручила А. Я. Панаевой вести свои денежные дела (взыскивать проценты с Огарёва и пересылать разведенной жене). Но в 1853 г., после смерти Огарёвой, обнаружилось, что капитал куда-то исчез. Суд в 1860 г. постановил взыскать все деньги с Панаевой и ее управляющего, поскольку было установлено, что взятые на себя денежные обязательства они не выполнили. «Огарёвское дело» запятнало репутацию Некрасова: и Огарёв, и позже Герцен считали, что издатель «Современника» соучаствовал в сокрытии денег вместе со своей гражданской женой Панаевой. Некрасов, судя по всему, не был причастен к безвозвратному заимствованию денег, но сплетни и слухи сильно испортили его отношения с обществом. Так, Герцен отказался принять Некрасова, несмотря на посредничество Тургенева⁶.

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 118.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 308.

³ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 93.

⁴ Петербургская жизнь. Заметки нового поэта // Современник. 1862. № 1 (янв.). С. 97. О том же писал Б. Н. Чичерин: «В Москве и Петербурге ходили упорные слухи, что Павлов получает субсидии от правительства». См.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет... С. 69.

 $^{^5}$ [Павлов Н. Ф.] Изъявление благодарности «Современнику» // Наше время. 1862. 10 февр. (№ 32).

 $^{^6}$ См. об этом: *Прийма Ф. Я.* Некрасов и Герцен (из истории взаимоотношений) // Некрасовский сборник, Т. 9. Λ ., 1988. С. 3–21.

Валуев, который не мог одобрить намерения Павлова (назревал скандал), вероятно, поставил об этом в известность редактора «Нашего времени». Смерть Панаева (18 февраля 1862 г.) помогла Павлову выпутаться из неприятной ситуации. О преображении «Нашего времени» писала и «Искра». Помещенные в ней стихи В. П. Буренина заканчивались недвусмысленным намеком:

Она залетит высоко, Затем, что летит осторожно; $Kynumb^1$ ее очень легко, Зато уж читать невозможно 2 .

С самого начала 1862 г. преобразованная газета повела борьбу с демократической идеологией. Напечатанная программная статья Б. Н. Чичерина «Мера и границы» отражала не только новую ориентировку газеты, но и новое направление правительственной политики: переход от либеральных обещаний, даже попыток каких-то действий к жесткому курсу³. Содержание статьи следующее: свобода одного человека ограничивается свободой других, свобода всех — деятельностью власти. Без этих ограничений общежитие невозможно. В какой мере ограничения необходимы зависит от местности и временных условий, но, во всяком случае, понятия о свободе невозможны иначе, как в пределах, поставленных обстоятельствами и обычаями. Русскому человеку, не понимающему необходимости ограничений, понятие свободы представляется безграничным. Русский либеральный теоретик не признает никакой власти; он хочет повиноваться только тем законам, которые ему нравятся; самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением. Это происходит от необразованности, от непонимания подлинного либерализма. Образованному русскому обществу нужно прежде всего выработать чувство меры и границ. В статье вроде бы речь шла о свободе, но упор делался на необходимости всяческого ограничения, подавления ее.

Выступление Чичерина было воспринято как гласное, еще небывалое в последние годы одергивание назад. Оно было «первой ласточкой», за которой последовали статьи Чичерина, в которых хороший, «охранительный либерализм» противопоставлялся «уличному либерализму», либерализму радикальных изданий, вызывающему презрение и отвращение⁴. Статьи Чичерина стали знаковыми. Они отражали перелом во взглядах

¹ Курсив мой. — П. Р.

 $^{^2}$ В. Б-н [Буренин В. П.] «Наше время» // Искра. 1862. № 14 (20 апр.). С. 209. Слова «купить ее очень легко» сопровождались «невинным» примечанием: «Цена 9 р., с пересылкой 10 р. 50 к. в книжном магазине Базунова в Москве».

³ Чичерин Б. Мера и границы // Наше время. 1862. З янв. (№ 1).

⁴ *Чичерин Б.* Что такое охранительные начала // Наше время. 1862. 22 февр. (№ 39); 23 февр. (№ 40); 25 февр. (№ 42); 1 марта (№ 45); *Чичерин Б.* Различные виды либерализма // Наше время. 1862. 21 марта (№ 62).

не только деятелей властных структур, но и большей части общества. И только истинно прогрессивные люди содрогнулись, предвидя будущее. М. Лемке писал о возможной искренности Чичерина, особенно хвалил его дальнейшие поступки. Исследователь допускал, что Чичерин не подозревал о роли «Нашего времени», о связи Павлова с Валуевым. Весьма сомнительное предположение. Во всяком случае, власти относились к Чичерину с одобрением.

В начале января 1862 г. Головнин, по просьбе Валуева, отправляет под грифом «весьма секретно» предписание петербургскому цензурному комитету не допускать в печати ничего против личности Чичерина (все же прямо полемика с ним не была запрещена)¹.

Павлов получил 5 тысяч рублей безвозмездно и ссуду в 15 тысяч рублей из рептильного фонда; в РГИА сохранились его расписки в получении денег. Весной 1862 г. издатель снова просит финансовой поддержки, однако, из-за явного неуспеха газеты, получает отказ. В 1863 г. Павлов закрывает «Наше время»². В этом же году он основывает новое издание — газету «Русские ведомости», которые выходили до 1918 г. Пока издателем-редактором (семь месяцев) оставался Павлов, газета сохраняла официозный курс; затем редакция и направление меняются, и с середины 1870-х гг. «Русские ведомости» становятся одной из наиболее влиятельных газет, с широким кругом сотрудников. Но это уже совсем другая история.

Известны и другие методы правительственного воздействия на печать. Редакторы ряда изданий (М. Н. Катков из «Русского вестника», Н. Ф. Павлов из «Нашего времени», А. А. Краевский из «Отечественных записок», П. С. Усов из «Северной пчелы», А. В. Старчевский из «Сына Отечества», позднее В. Ф. Корш из «Санкт-Петербургских ведомостей») обратились с просьбой разрешить бесцензурное получение выходящих за границей изданий на русском и иностранных языках. Дозволение было дано. Но, как обычно, за каждую такого рода льготу приходилось платить. Редакторы «в благодарность» были должны опровергать ложные учения заграничных изданий, тайно проникающие в Россию и вредно влияющие на молодежь³. 15 июля 1862 г. Валуев огласил в Совете министров записку, где шла речь о неблагонамеренном направлении значительной части газет и журналов. Валуев утверждал, что периодическим изданиям надлежало бы «противодействовать печатными статьями, написанными в благонамеренном духе, влиянию статей, более или менее явно направ-

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 95.

 $^{^2}$ См.: Зельдич Ю. В. Петр Александрович Валуев и его время: историч. повествование. М., 2006. С. 547–548.

 $^{^3}$ *Усов П. С.* Цензурная реформа в 1862 году: историч. очерк // Вестник Европы. 1882. Кн. 5. С. 173-174.

ленных против правительства». На основании его доклада было высочайше повелено «поставить в обязанность всем ведомствам и управлениям, имеющим свои журналы, более часто указывать» на принятые «законодательные и административные меры, направленные к улучшению <...> государственного управления» для «правильных понятий о действиях правительства и о наших современных потребностях»¹. Речь шла о плате за предоставленную льготу, и соответствующие статьи появились в ряде изданий.

К этому же времени относится попытка властей влиять на заграничную периодику, на известия в ней о России, которые потом часто попадают и в русские газеты и журналы. В какой-то степени попытка направлена и против Герцена.

В 1862 г. Валуев подает царю всеподданнейшую записку об информационном агентстве «Рейтер» (основано в Лондоне в 1851 г.), депеши которого печатают в газете «Times» и в лучших европейских газетах и журналах. Отличительная черта депеш, по мнению Валуева, — правдивость содержания, придающая им большой вес, доверие общества; они являются заслоном от появления искаженных известий; в них нередко печатаются и сведения из правительственных источников. Только Россия в этом отношении является исключением: иностранные издания не могут иметь в ней своих корреспондентов, должны довольствоваться скудными, часто неверными источниками, сведениями, почерпнутыми из частной переписки, из рассказов путешественников, из иностранных газет (польских, бреславских, силезских), из статей, неприязненных к России, умышленно искажающих события. Как следствие, в иностранных газетах почти ежедневно публикуются статьи о России с ложными известиями, превратными суждениями, враждебными правительству; они редко получают отпор в русских изданиях, так как последним не всегда доступны сведения, о которых идет речь в иностранной журналистике. Валуев считает, что следовало бы предупреждать появление в иностранных газетах искаженных, враждебных русскому правительству статей, а также опровергать такие статьи в лучших зарубежных изданиях. По мнению Валуева, на первых порах следует ограничиться предупреждением искаженных сообщений передачей в агентство «Рейтер» по телеграфу достоверных сведений обо всех важных явлениях русской жизни. Это скажется и на русских изданиях, печатающихся за границей: они утратят свою привлекательность. Заимствовать такие сведения, с точки зрения Валуева, надо из всех управлений и ведомств, а обрабатываться они должны в Министерстве иностранных дел, которое и так сообщает о происходящем в России своим дипломатическим агентам. Эти сведения не должны иметь официального

 $^{^1}$ Цит. по: Усов П. С. Цензурная реформа в 1862 году: историч. очерк // Вестник Европы. 1882. Кн. 5. С. 172.

характера, устройство дела надо поручить частному лицу¹. Записка была принята благосклонно, но нет известий о каких-либо мерах, принятых для осуществления высказанных в ней предложений. Сама же секретная записка была напечатана в «Колоколе»².

Борьба за руководство общественным мнением происходила на фоне давно планируемой передачи цензуры из одного ведомства в другое. 10 марта 1862 г. был подписан высочайший указ Сенату³. В нем повелевалось: 1) упразднить Главное управление цензуры; 2) наблюдение за всеми упущениями печати передать из Министерства просвещения в Министерство внутренних дел; 3) другие обязанности по наблюдению за печатью, осуществлявшиеся ранее Главным управлением, передать в Министерство просвещения; 4) не подвергать общей цензуре официальные издания, губернские ведомости и пр., возложив обязанности цензуры на лиц, возглавляющих эти учреждения (губернаторов, начальников учреждений, ведомств и пр.); последние должны обращаться к цензорам Министерства просвещения лишь в сомнительных случаях; 5) духовная цензура, цензура Министерства Двора сохраняются; 6) отменить прикомандирование к цензурным инстанциям чиновников от других ведомств; Министерству просвещения лишь в сомнительных случаях обращаться к другим ведомствам; 7) контроль за статьями политического содержания входит в обязанности общей цензуры, без всякой ответственности Министерства иностранных дел.

Наконец-то цензурная реформа началась. Указ — существенный шаг к переходу цензуры в Министерство внутренних дел, к превращению ее из предварительной в карательную. Пока сохранялась относительно важная роль Министерства просвещения, Головнин оказывался в роли направляющего, но не управляющего; но приоритет переходил к Валуеву. Видимость прежней, не слишком последовательной, системы еще сохранялась. Получив власть, чиновники Министерства внутренних дел сразу принялись за дело. Для надзора за литературой выделили пять членов Совета министров и шесть чиновников особых поручений по делам книгопечатания. Из-за недостатка наблюдателей установили надзор только за периодикой, которая выходила в 1862 г.; она вызывала особые опасения. Таким образом, под контроль попало 162 издания. Остальные рассматривались только тогда, когда до министерства доходили сведения о предосудительном их содержании. Заведование исполнительной

¹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 97–100.

² Валуев и Проволока // Колокол. 1862. Л. 130. 22 апр. С. 1083–1084.

³ О преобразовании цензурного управления и упразднении Канцелярии министра народного просвещения: Именной указ, данный Сенату, распубликованный 19 марта 1862 г. [10 марта 1862] // ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. № 38040.

частью возложили на департамент исполнительной полиции с такой мотивировкой: канцелярия бывшего Главного Управления цензуры, преобразованная в особую канцелярию министра просвещения, не была передана в Министерство внутренних дел¹.

Еще до окончания работы комиссии Оболенского были приняты Временные правила по цензуре (подписаны 12 мая 1862 г., обнародованы 14 июня в «Северной почте», далее в Полном собрании законов Российской империи)². При их публикации было сказано, что «Правила» будут действовать впредь до пересмотра всех постановлений о печати. В циркуляре Головнина по цензурному ведомству сообщалось, что государь, по докладу Головнина в Совете министров, одобрил предлагаемые им меры³.

Временные правила 1862 г. явились, по существу, кодификацией многочисленных цензурных циркуляров. Правила требовали: 1) не допускать нарушения должного уважения к христианскому вероисповеданию, охранять неприкосновенность верховной власти, уважение к особам царствующего дома, неколебимые основания законов, народной нравственности, чести, домашней жизни; 2) не допускать вредных учений социализма и коммунизма, ведущих к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии; 3) статьи и сочинения о несовершенстве существующих у нас постановлений дозволять лишь в ученых специальных рассуждениях, написанных в соответствующем тоне, касающихся тех постановлений, несовершенство которых обнаружилось уже на опыте; 4) в рассуждениях о недостатках и злоупотреблениях администрации не допускать печатания имен лиц, названий мест и учреждений; 5) рассуждения, указанные в пунктах 3 и 4, разрешить печатать только в книгах не менее 10 печатных листов или в периодических изданиях подписной ценой не менее 7 рублей в год; 6) министры внутренних дел и просвещения, по взаимному соглашению, в случае вредного направления изданий имеют право запретить им печатать материалы, перечисленные в пунктах 3 и 4 (материалы о недостатках. — Π . P.); им же дано право приостанавливать издания на срок до 8 месяцев; 7) не допускать статей, где содержится неприязнь, сословная ненависть, оскорбительные насмешки над целым сословием, над должностями государственной или общественной службы; 8) не допускать материалов о предполагаемых правительственных мерах, пока они законным образом не объявлены; 9) статьи правительственных лиц печатать только по удостоверению, что они присланы ими самими; 10) статьи об

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 132.

 $^{^2}$ Высочайше утвержденные временные правила по цензуре [12 мая 1862] // ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. № 38270.

³ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов... С. 167.

иностранных политических известиях и событиях печатать только с сохранением чести и тайны домашней жизни царствующих иностранных государей, членов их семейств, с соблюдением приличий при изложении действий иностранных правительств; 11) редакции периодических изданий должны знать имена авторов, для сообщения их по требованию судебных мест, министров внутренних дел и просвещения; 12) независимо от изложенных правил, цензоры должны руководствоваться особыми наставлениями при публикации материалов, касающихся военной, судебной, финансовой части, ведомств внутренних и иностранных дел; 13) отменить распоряжения и постановления по цензуре, которые сделаны после 1828 г., кроме тех, которые обозначены в прилагаемом списке.

Временные правила сопровождались двумя негласными приложениями¹. Первое — «особое наставление», в котором раскрывалось подробно, о чем говорилось в пунктах 10 и 12 и что подлежало запрещению: очень широкий круг запретов, касающихся почти всех сфер русской жизни. Прежде всего это материалы «по крестьянскому делу»: не должны допускаться порицания положения 19 февраля 1861 г., многие толкования по крестьянскому вопросу, резкое изображение отношений между помещиками и крестьянами и пр. Далее шли ограничения частного характера то, что печатать в целом не запрещалось, но отдавалось на усмотрение министра внутренних дел. Например, материалы о западных губерниях и Царстве Польском (к ним предлагалось относиться с особенным вниманием, вникать и в сущность, и в форму текстов, вплоть до запрещения польского алфавита в русских и малорусских статьях), статьи об улучшении прав евреев и т. п. Второе приложение оставляло в силе 22 постановления и распоряжения о цензуре, изданные после 1828 г. Приводя Временные правила и приложения к ним, Лемке в примечаниях публикует соответствующие пункты современного ему цензурного устава, подчеркивая тем самым, что цензурная политика в конце XIX – начале XX в. не слишком изменилась к лучшему по сравнению с 1860-ми гг.

Отправляя Временные правила в местные цензурные комитеты, Головнин 17 мая 1862 г. предлагал немедленно провести чрезвычайные собрания, объявить цензорам, что: 1) отныне должны прекратиться послабления в цензуре, из-за которых периодические издания наполнялись статьями, систематически осуждающими все, что делает правительство, возбуждающими недовольство против него; 2) если цензор несколько раз будет замечен в упущениях, он будет освобожден от службы.

Таким образом, Временные правила были ориентированы на ужесточение, а не на смягчение цензуры. Не были они и временными, продолжая

 $^{^1\,}$ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 471—482.

действовать и после 1865 г. Любопытно, что Валуев считал их излишне либеральными. Кстати, во Временных правилах, вводивших карательную цензуру, ни слова не говорилось об отмене цензуры предварительной Периодическая печать, даже не радикальная, оценила Временные правила весьма скептически. В «Библиотеке для чтения» о них критически отозвался Д. Ф. Щеглов, не оставляя без возражения ни одного пункта На статью обратил внимание Валуев, который сообщил о ней Головнину. Тот ответил, что статью разрешил он сам и что по его распоряжению цензор А. А. Постников написал прекрасную статью, опровергающую Щеглова Головнин находил полезным симуляцию полемики, Валуев же считал ее излишней. Дальнейшее обсуждение Временных правил оказалось невозможным.

А комиссия Оболенского продолжала работу, пересмотрев все цензурные распоряжения после 1828 г. Был подготовлен проект нового цензурного устава.

Товарищ министра просвещения барон А. П. Николаи (в будущем сам министр просвещения), державшийся независимо, подверг проект резкой критике. Он отмечал как серьезный недостаток, что в проекте предварительная цензура, признанная бессильной, оставлена для периодики, то есть там, где она особенно несостоятельна. По словам Николаи, обвинения в произволе, с которым связывают предварительную цензуру, неверны уже потому, что всякая цензура включает в себя произвол, да и вообще всякая административная и полицейская власть по существу не может освободиться от произвола; сохранение цензуры лишь для части изданий и освобождение от нее остальных — еще больший произвол, чем все остальное. Николаи предлагал оставить предварительную цензуру, так как не следует допускать двойственной системы. Правительство должно сохранить «положительность, твердость и откровенность» в отношении литературы, не ставить разные издания в разные условия. Необходимо предупреждать появление многих произведений (хотя и не безнравственных, не преступных), не пропускать известных мыслей и понятий, определяемых переходным состоянием общества. Необходимость эта будет постепенно уменьшаться, и тогда можно будет открыто перейти от одной системы к другой. По мнению Николаи, нецелесообразно и неразумно принимать законодательство, которое вступает в силу лишь на время4.

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 173–174.

 $^{^2}$ *Щеглов Д*. Временные правила по делам книгопечатания // Библиотека для чтения. 1862. № 6 (июнь). С. 215—228.

³ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов... С. 174–179.

⁴ *Биншток В.* Материалы по истории русской цензуры // Русская старина. 1897. № 3 (март). С. 586–594. Лемке указывает на ошибку В. Бинштока: отдельные высказывания барона А. П. Николаи приписываются А. В. Головнину (см.: Λ емке M. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов... С. 247–251).

Таким образом, Николаи предлагал «заморозить» цензурную реформу до будущих времен.

Если бы предложения Николаи были написаны в пользу литературы, то в Государственном совете их вряд ли кто-нибудь поддержал. Но в таком виде они могли многим понравиться. Учитывая это, Головнин решил отмежеваться от проекта комиссии, осуждая его за чрезмерную строгость, и поручил защищать его самому Оболенскому. Тот же, выступая с критикой доказательств Николаи, напротив, заявил, что проект основан «на доводах и соображениях министра народного просвещения»¹. У Оболенского оказалось немало записок Головнина, который одобрял то, что на Совете критиковал. Никитенко в дневнике называл это «гимнастикой интриг»². 10 декабря 1862 г. Головнин подал всеподданнейший доклад, где шла речь о необходимости и причинах пересмотра законов о цензуре, довольно благожелательно говорилось о проекте Оболенского, а затем утверждалось, что проект «проникнут каким-то враждебным к литературе направлением, состоя только из мер преследовательных, карательных, и вовсе не представляет мер, которые имели бы целью развитие литературы, поощрение, содействие оной»³. Головнин предлагал составить новый проект «после совершенного преобразования судебной части», то есть в конечном итоге, хотя по-другому, с позиций «защиты литературы», приходил к тем же выводам, что и Николаи. Материалы же поданного проекта Головнин предлагал использовать для помощи литературе, способствуя ее процветанию; пока же следует разрешить вопрос, какому ведомству заведовать делами книгопечатания (то есть Министерству просвещения или внутренних дел. — Π . P.)⁴. Оболенский был возмущен такой лицемерной демагогией. Он пишет второе представление, где снова подчеркивает полную зависимость проекта от инструкций министра. Огласки оно не получило.

Итоги работы комиссии Оболенского и предложенный ею проект устава были опубликованы в томах ее трудов⁵. В октябрьской книжке «Русского вестника» о работе комиссии напечатана заметка⁶. Автор

 $^{^1\:}$ Цит. по: *Лемке М. Э*поха цензурных реформ 1859—1865 годов... С. 252.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 393.

 $^{^3}$ Цит. по: Λ емке M. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов... С. 257.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Труды комиссии включали: Журнал Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений по делам книгопечатания. № 1 (19 марта). [СПб.], 1862; Первоначальный проект устава о книгопечатании, составленный комиссиею, высочайше учрежденною при министерстве народного просвещения. СПб., 1862; Проект устава о книгопечатании: Введение, общие положения и три первые раздела. СПб., 1862; Проект устава о книгопечатании: разделы четвертый, пятый и шестой и Проект штата установлений по делам книгопечатания с объяснительною запискою. СПб., 1862.

⁶ [Катков М. Н.]. Заметка // Русский вестник. 1862. № 10 (окт.). С. 871–879.

хвалил проект закона за то, что тот отвечает «новым требованиям жизни». Катков рассматривал закон как переход от старого к новому, готовящий литературу «к состоянию более полной свободы»; отмечал, что к делу надо подходить с осторожностью, что предварительная цензура остается, но утратит исключительное господство. Для некоторых откроется возможность освободиться от нее, но условное освобождение остается под контролем администрации, сохраняется переходное состояние. В «Заметке» содержится довольно ясный намек, что право освобождения от предварительной цензуры будет дано только редакторам благонадежных изданий, к которым Катков, естественно, относит себя.

Салтыков-Щедрин, зная содержание проекта, пишет «Замечания на проект устава о книгопечатании» и в исправленном виде помещает в феврале 1863 г. в сдвоенном томе возобновленного «Современника»¹. Салтыков-Щедрин останавливается не столько на этой, по выражению Лемке, «гаденькой» заметке в «Русском вестнике», сколько на самом проекте цензурных преобразований. Рассмотрев подробно вопрос о передаче цензуры в Министерство внутренних дел, из органа просвещения в полицию, Салтыков-Щедрин признает, что с практической точки зрения нет повода для сожаления (что Валуев, что Головнин — все едино. — Π . P.). Постепенный переход от предварительной цензуры к карательной не вызывает у Щедрина возражений, но постепенность должна распространяться равно на всех. Необходимо также, чтобы срок постепенности не был слишком велик. Салтыков-Щедрин сравнивает положение русской литературы с Гулливером, попавшим между большим и указательным пальцами великана. По его мнению, правительство крепкое, прочно установившееся, опирающееся на сочувствие народа, не может оправдывать предварительную цензуру. Автор не одобряет постоянных ссылок, как на пример для подражания, на цензурную политику Франции, хотя там все же лучше (карательная, пусть и весьма строгая, а не предварительная цензура). Именно предварительная цензура порождает то направление, на которое ополчается Катков. Салтыков-Щедрин высмеивает высказанное в «Заметке» мнение, что литература «утомляет» силы преследующей власти: что можно подумать о власти, которая столь легко утомляется? Нельзя же, чтобы ей все доставалось даром; «желаете преследовать, — ну, и потрудитесь». Щедрин утверждает, что административные взыскания тоже предоставляют широкое поле для произвола. Авторов проекта можно обвинить лишь в желании заменить произвол беспорядочный произволом узаконенным; избежать этого можно только одним способом — путем судебного преследования вредных изданий. Но такой путь многим не нравится. Совет министра по делам книгопечатания должен состоять из серьезных, самостоятельных людей, с решающим, а не совещательным

 $^{^1}$ *Т-н* [*Салтыков-Щедрин М. Е.*]. Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год // Современник. 1863. № 1/2. С. 4-5.

голосом, как предполагается в проекте. Лемке подробно разбирает и анализирует «Замечания» Щедрина, считая их лучшей оценкой проекта комиссии Оболенского¹.

А между тем уже в рамках Министерства внутренних дел продолжалась работа по подготовке новых временных правил о печати. Между Валуевым и Головниным ведутся переговоры, уточняется проект, подготовленный Валуевым. Головнин со многим не согласен: он возражает против использования как переходной меры сочетания предварительной цензуры с административными взысканиями. Такие взыскания, когда статья уже проникла в публику, только увеличат к ней внимание. Не одобряет Головнин и прекращения изданий после двух предостережений: оно нарушит право собственности, вызовет недовольство издателей, вложивших в издание значительный капитал и не виноватых в направлении газеты или журнала. Взыскания должны накладываться только на редакторов; требуя устранения последних, необходимо сохранить за издателями право собственности. Головнин считал необходимым исключить из проекта систему предостережений. Он предлагал дать редакторам право выбора между предварительной и карательной цензурой. При выборе карательной цензуры редактор должен вносить залог и подвергаться взысканию по суду, а не по административному распоряжению. Головнин настаивал на необходимости четче разграничить роли и права редактора и издателя. Он считал возможным предоставить властям право требовать смены редактора и без судебного приговора. В итоге Головнин заявлял, что считает предварительную цензуру несостоятельной и полагает полезным вовсе отменить ее, заменив взысканиями по суду. Поскольку не было ни малейшей надежды осуществить его предположения, он допускал предлагаемые в проекте Валуева меры как временную уступку обстоятельствам и просил присоединить его рассуждения к числу приложений, представленным по сему предмету в Государственном совете².

Валуев оказался растерян. Ему не было ясно, как реагировать на замечания Головнина, довольно существенные, но он продолжает действовать. Происходит совещание Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, председателем которого был назначен А. Г. Тройницкий. Заведование исполнительной частью центрального управления цензурой возложено на председателя Петербургского цензурного комитета.

¹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 210–218.

 $^{^2}$ Головнин А. В. Отношение министра народного просвещения министру внутренних дел от 7-го декабря 1863 г., № 11, 510 [по проекту устава о книгопечатании]. [СПб., 1864]. 16 с.; то же в: Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 1: Законодательные работы с 1864 по 1870 г. СПб., 1870. С. 41–47.

Составлен перечень обязанностей Совета, осуществляющего общий надзор над цензурой. Постоянное же конкретное наблюдение за литературой и журналистикой (как и после 10 марта 1862 г.) было возложено на 5 членов Совета и 6 чиновников особых поручений, которые могли успеть проконтролировать содержание только периодических изданий (в 1863 г. таковых числилось 195 названий)¹. Появляется распоряжение цензорам: обращать внимание не только на мысли, факты, мнения, форму их изложения, но и на общее направление статей, всего издания, соблюдать особую осторожность, не допускать того, что противоречит основным началам. По мнению Валуева, многие издания занимаются систематическим осуждением правительственных постановлений. Он грозит временными приостановками таких изданий; хотел бы избежать репрессий, но сама печать принуждает его к крутым мерам.

А комиссия Д. А. Оболенского продолжает работать над цензурным уставом. Вернее, это уже другая комиссия. 14 января 1863 г. по высочайшему указу проект цензурного устава, который готовился в первой комиссии Оболенского, передается во вторую комиссию под его же началом, но уже при Министерстве внутренних дел. Оболенский получает благодарность и за предыдущий, и за новый проекты.

На первом заседании комиссии 19 февраля 1863 г. приняты основные положения нового проекта: предварительную цензуру следует отменить; одновременный полный переход от предварительной к карательной цензуре не может быть осуществлен из-за отсутствия соответствующего устройства суда (необходимо сначала провести судебную реформу, чтобы новый суд мог рассматривать и литературные вопросы); в данный момент нужны определенные переходные меры, касающиеся цензуры. На последнем, тринадцатом, заседании проект утвержден, уточняются его детали. Повторяются главные положения Временных правил 1862 г. По некоторым вопросам возникают споры; прежде всего о цензуре периодики, о праве министра выносить административные взыскания, о залоге, о роли суда присяжных и пр.

Валуев, естественно, ратует за возможно бо́льшую власть администрации, за право предостережений; он подробно доказывает необходимость их, но все же соглашается, что предостережения считаются в течение одного года, а затем аннулируются. В мае 1863 г. комиссия закончила работу, ее проект передан Валуеву, Головнину, другим сановникам, в том числе министру юстиции, позднее министру почт и телеграфа, начальнику III Отделения². Весьма широкая экспертиза; вносятся поправки, изменения, но все же обсуждение проходит только в кругах администрации.

¹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 269.

 $^{^2}$ Журналы Высочайше Учрежденной Комиссии для рассмотрения Проекта Устава о книгопечатании. СПб., 1863.

Работа комиссии Оболенского была освещена в статье Е. Ф. Зарина, опубликованной в журнале отнюдь не демократическом — «Библиотеке для чтения», редактируемой в это время А. Ф. Писемским¹. Тем не менее автор приходит к довольно смелым выводам: задача, поставленная перед Министерством внутренних дел, совершенно неразрешима. Цензура может или господствовать над литературой, подавлять ее, или не существовать вовсе; существовать немножко она не может. Если есть цензура, то цензоры пользуются неограниченной властью; как только эта власть ограничивается какой-либо легальной, действительной гарантией, — цензуры больше нет. Уменьшение цензурного произвола невозможно, он может быть или полным, или вполне уничтоженным. Попытки создания переходной ступени от неограниченной цензурной власти к законной свободе печати — «гигантский труд над невозможным делом». Комиссия Оболенского не могла ни к чему реальному прийти. Обзор русских законов о печати приводит к выводу, что они всегда были неблагоприятны для литературы. Проекты первой и второй комиссии Оболенского — попытки решить нерешаемую задачу, примирить непримиримое. Сам Зарин сторонник существенных цензурных изменений. Он отвергает доводы тех, кто считает такие изменения опасными, и приводит как пример несостоятельности подобного рода опасений отмену крепостного права. На основании приведенных рассуждений Зарин высказывает итоговое мнение: такому большому государству, как Россия, невозможно жить без разговора, который способна вести только освобожденная печать. Комиссия Оболенского гордилась знакомством с иностранными законами о печати, в частности, с французскими. Упоминая об этом, Зарин отмечал, что при такой ее эрудиции имелась надежда: комиссия поймет «величайший недостаток всех этих законодательств» — стремление защитить общество от печати, считая ее силой зловредной по сущности, старание сделать беззащитной саму печать. По мнению Зарина, от такого взгляда не могут отрешиться и ныне. А он давно устарел, не отвечает потребностям времени. Пережитки его сохранились во многих странах; они отражены даже в законах о печати в Англии, но там их около 170 лет никто не соблюдает.

Еще более радикально о проекте нового цензурного устава высказывается «Русское слово». В нем утверждается, что новый устав полностью подчиняет литературу личному усмотрению администрации, которая будет следить за преступлениями печати и карать их; все здесь зависит от строгости или снисходительности власти. В такой ситуации лучше цензура предварительная, где тоже многое зависит от правительства (можно назначить таких цензоров, что им предпочтешь цензуру карательную). Можно и суд такой сформировать, ввести такие административные взыскания, что каждый выберет цензуру предварительную. Основная мысль

 $^{^1}$ Зарин Е. Ф. Печатные льготы по «проекту устава о книгопечатании» // Библиотека для чтения. 1863. № 2 (февр.). С. 69–92.

статьи: любые формы цензуры могут одинаково служить для подавления печати, если правительство по-прежнему пожелает ее обуздания¹. Прочитывается намек, что *пожелает*.

Объявление «Современника» на 1864 г. — тоже отзыв на готовящиеся цензурные изменения, как бы предчувствие своей кончины. Речь идет о неопределенности и колебаниях цензуры, о вредном воздействии колебаний на журналистику, вынужденную в последние годы приноравливаться к такой политике. Выражается надежда, что подобная неопределенность приходит к концу, что будут четко определены границы, в которых журналы получат возможность действовать самостоятельно, независимо, без всяких опасений, существующих в настоящем. «В этой надежде мы и решаемся продолжать издание "Современника" в будущем 1864 году»². Вроде бы какой-то оптимизм, но очень грустный по тону.

7 февраля 1864 г. отзыв на проект устава дал барон Корф. Чувствуя уменьшение влияния Валуева, Корф занял более либеральную позицию³. Он выступает за отмену предварительной цензуры: все сознают необходимость такого шага; он соответствует всему строю общественного движения, на путь которого вступила Россия (то есть эпохе реформ. — Π . P.). Противники цензурной реформы словами постепенность и осторожность, по словам Корфа, скрывают противодействие всякому серьезному изменению по пути развития, а ведь в последнее время стало ясно, что большинство общества на стороне порядка и государства; его не надо опасаться. Впрочем, и сам Корф — сторонник разумной постепенности, не противоречащей коренным изменениям. Поэтому, по его мнению, нельзя мгновенно передать печать в ведение судов; ни общество, ни судебные органы не освоятся сразу с явлениями свободной печати, если будут знать о ней только понаслышке. Надо дать обществу возможность пользоваться этой свободой настолько, чтобы она стала входить в нравы, образовывать взгляды и понятия; столь же необходимо не отменять средства предупреждения «увлечений слова», и это будет на пользу самой печати. Корф призывает решительно признать начала карательной системы, которая является окончательной целью; цензура же и ненормальные ограничения — только временная мера переходного периода. В проекте Валуева, по мнению Корфа, сохраняется прежний порядок, несколько измененный, а не новый закон, основанный на новых началах: по-прежнему преобладает предварительная цензура; положение большей части литературы не только не

 $^{^{1}}$ [Проект нового устава о книгопечатании] // Русское слово. 1863. № 6. С. 1–8.

 $^{^2}$ *Некрасов Н.* Об издании «Современника» в 1864 году // Современник. 1863. № 12 (дек.). С. 2.

 $^{^3}$ Отзыв ... барона Корфа, от 7 февраля 1964 года за № 93 // Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 1: Законодательные работы с 1864 по 1870 г. СПб., 1870. С. 52–103.

улучшается, но «еще более стесняется введением некоторых новых строгостей и ограничений»¹. По словам Корфа, в проект следовало бы внести ряд изменений: к бесцензурным относить издания не в 20, а в 10 печатных листов (тогда без предварительной цензуры сможет выходить 1/3, а не 1/7 всех изданий); применять это правило во всей России, а не только в столицах. Выбор бесцензурных изданий должен определяться не министром, а самими издателями; надо сколь возможно уменьшить влияние администрации. Новый устав внедрить только после введения новых судебных учреждений. Министр внутренних дел не должен иметь права в экстренных случаях принимать решения без рассмотрения их в Совете Главного управления по делам книгопечатания. Следует расширить роль Совета, сведенную в проекте до минимума; окончательные решения по важнейшим делам принимает только Совет, а не министр. Сам Совет должен состоять из трех представителей Министерства внутренних дел, двух избираемых ежегодно московской и петербургской судебными палатами, одного от Академии наук и одного — попеременно от Московского и Петербургского университетов. Корф резко протестует против права министра накладывать на печать административные взыскания. Он признает как временную меру право выносить их коллегиально, но никак не по личному произволу. Совет выносит решения большинством голосов, а при обсуждении вопроса об административных взысканиях и судебных преследованиях председатель не имеет права «перевеса голосом» (то есть имеет только один голос, а не два. — Π . P.). Корф предлагает исключить из проекта пункт о внесении залогов и критикует пункт о сохранении прежнего порядка цензуры иностранной, который свидетельствует об излишней строгости и недоверии к произведениям иностранной литературы².

Таким образом, Корф выступает сторонником ограничения власти Валуева, считавшего его единомышленником, против возможного произвола министра. Конечно, речь не шла о принципиальных расхождениях: в отзыве отражались внутриведомственные свары, не меняющие сути подхода, борьба конъюнктурных стремлений, желание «активно участвовать», влиять, демонстрировать свою роль. Валуева сильно огорчили неожиданные для него возражения Корфа, очень ловко написанные. Он понимал, что Корф ознакомит с ними других членов Совета. А тут еще осложнились отношения между Валуевым и Головниным по вопросу о студенческих беспорядках (Валуев занимал более жесткую позицию). На какой-то момент усилилось влияние великого князя Константина, покровительствовавшего Головнину.

 $^{^1}$ Отзыв ... барона Корфа, от 7 февраля 1964 года за № 93 // Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 1: Законодательные работы с 1864 по 1870 г. СПб., 1870. С. 68.

² Там же С. 69-76.

Но Валуеву повезло. Корф получил новое назначение (председателя департамента законов в Государственном совете). На его место (управляющего II Отделением Его Императорского Величества канцелярии) назначается граф В. Н. Панин, противник всякого подобия либерализма. К нему попадает ответ Валуева на возражения Корфа. Панин намеренно «тянет» решение вопроса (около 6 месяцев), затем отвечает обтекаемо: не совсем отвергает доводы Корфа, но принимает и доказательства Валуева, как бы присоединяясь к обоим. Проект Валуева по-разному оценивают и другие, в том числе министр юстиции. В ноябре 1864 г. положение Валуева вновь укрепляется, и 17 ноября он вносит проект в Государственный совет¹.

6 апреля 1865 г. проект закона о печати был высочайше утвержден, введен в действие с 1 сентября 1865 г. Появление указа мотивировалось желанием дать печати «возможные облегчения и удобства <...> при настоящем переходном положении судебной у нас части и впредь до дальнейших указаний опыта»².

Указом предписано ввести определенные «перемены и дополнения».

- 1. Освободить от предварительной цензуры в обеих столицах: а) все повременные издания, издатели которых изъявят желание об этом, б) все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов, в) все переводы не менее 20 печатных листов. Повсеместно освободить от предварительной цензуры: а) правительственные издания, б) издания академий, университетов, ученых обществ, в) сочинения на древних классических языках и переводы с них, г) чертежи, планы, карты.
- 2. Освобожденные от предварительной цензуры издания при нарушениях подвергаются судебным преследованиям; повременные же издания, помимо того, в случае замеченного в них вредного направления, и действиям административных взысканий.
- 3. Заведование делами цензуры сосредоточить в Министерстве внутренних дел, под высшим наблюдением министра, в учрежденном для этого Главном управлении.
- 4. Действие указа не распространяется: а) на сочинения, переводы и издания, а также места в них, подвергающиеся духовной цензуре; то же относится к цензуре иностранной; они остаются на существующих теперь основаниях, б) на повременные издания эстампов, рисунков и других изображений с текстом и без него³.

Указ 6 апреля дополнило и Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. В нем раскрывалась структура Главного управления по

 $^{^{1}}$ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 372.

 $^{^2}$ О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати: Именной указ, данный Сенату. [6 апреля 1865] // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 41988.

³ Там же.

делам печати, детализировались понятия повременного издания, практики типографских работ, книжной торговли и суда над печатью¹.

В принятых правилах требовалось подавать экземпляры повременных изданий в цензурные комитеты ежедневно и еженедельно (в зависимости от типа издания), одновременно с началом печатания номера; все другие — за два дня до рассылки подписчикам или в продажу. Так что оставалась возможность остановить выпуск газеты, журнала, книги одновременно с началом судебного преследования. При разрешении нового издания министр внутренних дел имел право определять, должно ли оно быть под цензурой. Для всех периодических изданий, кроме тех, что находились под предварительной цензурой, ученых, административных, экономических, предусматривалось внесение залогов. Давалось право привлекать к ответственности за содержание и издателей, и редакторов, и авторов, и книготорговцев.

Закон 6 апреля был издан как дополнение к закону 1828 г., к Временным правилам 12 мая 1862 г., ко всем дополнениям и добавлениям. Он не отменял Временные правила, которые вошли в него. Получалась сложная амальгама из самых разных составных частей. Преступления печати должны были рассматриваться в судебном порядке, в суде присяжных, что являлось прогрессом. Но на суд оказывалось административное давление. К тому же круг административных мер оставался чрезвычайно широк (предостережения, приостановки, запрещения и пр.). Так что положение печати после введения нового закона существенно не улучшилось, а в чем-то и ухудшилось.

Многое зависело от подбора и назначения членов Совета Главного управления. Ряд действий, распоряжений, инструкций отнюдь не способствовал облегчению положения литературы. Цензорам вручили для ориентировки изданное специально «Собрание материалов». В нем давалась характеристика каждого известного писателя, редактора, каждого издания². Императором было дано указание, чтобы новые судебные инстанции всячески содействовали Главному управлению по делам печати, а при разногласиях цензуры и судебных инстанций обращались прямо к нему. Никитенко в 1866 г. пишет: «Говорят, что шепнуто кому подобает, чтобы здешнему суду было внушено, да не придерживаются они очень строго закона в оправдании проступков по делам печати. Это и есть обещанный суд, правый и нелицеприятный»³. Валуев сообщает в Министер-

 $^{^1}$ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 41990.

² Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. СПб., 1865.

³ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 84.

ство юстиции приказание царя, чтобы со стороны судебного управления всегда проявлялось содействие цензурному ведомству. С самого начала оказывается прямое давление административных инстанций на суд. И первый открытый судебный процесс в истории русской журналистики закончился уничтожением подсудного издания — сборника А. С. Суворина «Всякие. Очерки современной жизни», неудачно представленного на просмотр в цензурный комитет в день покушения Каракозова¹.

Печать откликнулась на закон 6 апреля в разной тональности — от славословия до пессимистических выводов. На следующий же день после его публикации в «Северной почте» появилась редакционная статья, расхваливающая новый закон 2 . В то же время в газете отмечалось, что литература продолжает проявлять себя более в отрицании, в стремлении к разрушению, чем в созидании.

В дневнике Никитенко новые законы называются «валуевскими», и делаются весьма грустные прогнозы о будущем русской литературы³. М. А. Антонович в «Современнике» высказывает «Надежды и опасения». Опасений оказывается гораздо больше, чем надежд. Публицист считает, что многое останется по-прежнему и вряд ли изменится к лучшему: «Что-то будет, что-то будет?!..» Некрасов публикует «Песни о свободном слове» с подзаголовком, ориентированным на новый закон⁵. Его же перу принадлежит сатира «Газетная» В середине февраля 1866 г. В. Корш, редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», человек либеральных взглядов, пишет: «в настоящее время цензура хуже и безумнее, чем когданибудь» Даже Головнин, отнюдь не покровитель печати, счел новые правила и дополнения слишком строгими и подал об этом свое мнение председателю Государственного совета, отмечая необходимость относительной свободы и пагубность подобных репрессивных мер. Никитенко

 $^{^1}$ Рейфман П. С. Запрещенная книга А. С. Суворина: (Из истории литературно-общественной борьбы 1860-х годов) // Труды по русской и славянской филологии. Т. 15: Литературоведение. Тарту, 1970. С. 350–356. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 251).

 $^{^2}$ [6-го апреля удостоены Высочайшего утверждения новые постановления, касающиеся отечественной печати...] // Северная почта. 1865. 17 апр. (№ 82).

³ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 25.

⁴ *Антонович М.* Надежды и опасения: по поводу освобождения печати от предварительной цензуры // Современник. 1865. № 8. С. 173–196.

 $^{^5}$ [*Некрасов Н. А.*] Песни о свободном слове. (Писано в ноябре и декабре 1865 года) // Современник. 1866. № 3. С. 5—20.

⁶ Некрасов Н. А. Газетная: (сатира 12) // Современник. 1865. № 7/8. С. 505–514. В сатире, по словам цензора В. Я. Фукса, «изображено в оскорбительном виде существующее, а следовательно охраняемое силою закона звание цензора» — см.: Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф. Последние годы «Современника», 1863–1866. Λ ., 1939. С. 103.

 $^{^7}$ Письмо В. Ф. Корша Н. А. Корфу [11 февраля 1865] // Русская старина. 1894. № 4 (апр.). С. 70.

отмечает: «Если правительство не находит в своем уме других средств действовать на умы, как меры репрессивные, то что приходится думать о его уме? Многочисленные опыты доказывают, что репрессивными мерами можно достигнуть одного — совершенно противного тому, что желали ими достигнуть» 1 .

Временные правила 1865 г. не смогли продлить перемирие между Катковым и властями. В первую половину 1866 г. полемика между Катковым и бюрократическими кругами вновь обострилась. Вскоре «Московские ведомости» получили первое предостережение за руководящую статью в № 61, где утверждалось, что определенные бюрократические круги помогают сепаратизму². Все резче в «Московских ведомостях» обсуждается вопрос о предостережениях, о действиях цензуры. В Совете Главного управления по делам печати все чаще рассматривается непокорность Каткова. Его статьи характеризуются как очевидное нарушение законов, выраженное «в форме неприличного отзыва о действиях Главного управления по делам печати», как противодействие власти, «оскорбление министров внутренних дел и народного просвещения»³. Об истории взаимоотношений Каткова с властями в 1866 г. рассказывает подробно Никитенко. По его словам, с 1862–1863 гг. Катков привык к цензурной безнаказанности и позволял себе многое, о чем другие и помыслить не могли. 1 апреля 1866 г. Никитенко сообщает о первом предостережении «Московским ведомостям». Он критикует газету за стремление вмешиваться в управление государством; приверженцы «Московских ведомостей» распускают слухи, что правительство не осмелится поступить с газетой Каткова так, как оно поступает с другими изданиями; иначе в Москве будет нечто вроде бунта. Вынесенное Каткову первое предостережение — «ведро холодной воды на головы опьяневших от успеха издателей»⁴. Катков помещает в ответ ряд резких статей.

Согласно новым правилам, издание, получившее предостережение, было обязано его опубликовать, платя штраф за каждый день задержки публикации, которая не должна была превышать трех месяцев. Катков заявил, что готов платить штраф, но публиковать предостережение не намерен, вновь пригрозив вовсе прекратить издание. Валуев раздражен, готовит второе предостережение. Никитенко считает, что Катков «играет нехорошую роль»: успех отуманил его и сделал высокомерным. Даже Тютчев, который всегда был на стороне Каткова, недоволен газетой. Но

 $^{^{1}}$ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 333.

² Предостережение опубликовано в: Северная почта. 1866. 31 марта (№ 66).

³ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 20–21.

⁴ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3... С. 98-99.

второго предостережения «Московским ведомостям» не вынесли, хотя Совет его уже заготовил. Министр внутренних дел в последний момент ретировался. Приверженцы «Московских ведомостей» празднуют победу. Из верных источников стало известно, что граф М. Н. Муравьёв просил министра внутренних дел окончить как-нибудь скандальное дело с «Московскими ведомостями», прибавляя, что «прекращение этой газеты считает просто невозможным»¹.

Позднее все же газеты «Московские ведомости» и «Голос» получают по предостережению. Первые за статью, где опять говорится о праве не публиковать правительственные предостережения. Второй за оскорбительные отзывы в фельетонах, которые могут возбудить недоверие к местному начальству².

Никитенко понятно, что «Московские ведомости» возбуждают неприязнь к правительственным лицам, обвиняют их чуть не в измене. Но за что дано предостережение «Голосу»? Разве для того только, чтобы показать, будто начальство преследует не только «Московские ведомости»... Последние чуть ли не окончательно прекращаются, «а жаль, что они привели себя к самоубийству <...> Успех ослепил их, сделал высокомерными, заносчивыми, капризными. А между тем общество лишается с ними лучшего, полезнейшего своего органа»³. Происходящее имеет и еще один смысл: «ненавистная тупая бюрократия одерживает победу над общественным умом и сочувствием». В данном случае Никитенко явно на стороне Каткова. Далее он записывает в дневнике о приостановке на два месяца «Московских ведомостей»; о том, что Д. А. Толстой отстоял газету у государя, но издавать ее будет не Катков. Запись в сентябре 1866 г., уже после встречи Каткова с царем и победой его над Валуевым, показывает, как сильно «Московские ведомости» досадили Валуеву за его распоряжения о печати. Валуев — администратор, он видит в печати личного врага, все более и более против нее озлобляется. И здесь симпатия Никитенко на стороне Каткова.

На самом деле произошло следующее. Московский университет просил разрешения издавать приостановленные «Московские ведомости» под временной редакцией, «чтобы не потерпеть материального урона». Вопрос обсуждался в самых высоких инстанциях. 13 мая Валуев докладывал царю, что разрешение возобновить издание будет объявлено на следующий день. Временным редактором был назначен Н. А. Любимов, единомышленник и почитатель Каткова. 18 мая, после десятидневного перерыва, вышел 99-й номер газеты, выдержанный в прежнем ее нап-

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 106.

 $^{^2}$ *А.-V.* Московская жизнь // Голос. 1866. № 109; № 114.

³ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3... С. 111-112.

равлении. В заметке «От издателей», в заявлении «От временного редактора», в других статьях напечатаны те же, что и прежде, нападки на администрацию, на систему предостережений и т. п. Это было сразу же замечено цензурой. Один из цензоров писал, что в заявлении Любимова выражается преданность тому направлению, «за которое, по объяснению самих Каткова и Леонтьева, они уже подверглись трем предостережениям и временной приостановке»¹. Цензурные инстанции готовят переход «Московских ведомостей» в руки новой редакции в конце июня, когда истечет трехмесячный срок, в течение которого разрешалось не печатать предостережение и ограничиваться уплатой штрафа. 6 и 7 мая «Московские ведомости» получают подряд второе и третье предостережение (за статьи в № 81 и № 95)². Газета приостановлена на два месяца. Возобновиться под прежней редакцией она по планам цензурных властей не должна была. Валуев мог торжествовать. 8 мая 1866 г. вышел, казалось, последний номер (98-й) «Московских ведомостей» под редакцией Каткова и Леонтьева. 10 мая московский генерал-губернатор отправил в III Отделение шифрованную телеграмму: «Все исполнено точно. Третье предостережение вручено. Подписка взята. Отправлена по почте. Должные меры приняты. Пока все благополучно»³. Как будто бы донесение о выигранной битве. Однако это словечко пока.

Казалось, ничто не может спасти Каткова, но случилось непредвиденное. 25 мая, после покушения Д. В. Каракозова (4 апреля 1866 г.), император приезжает в Москву. Катков встречается с его приближенными, а 14 июня подает на имя царя пространную записку, утверждая, что его газета всегда выражала интересы верховной власти. Он просит разрешения вновь возобновить журнальную деятельность. Доводы Каткова произвели впечатление. Разрешение было получено. 20 июня царь принял Каткова наедине. Любимов, со слов последнего, передавал содержание беседы: «Я тебя знаю, верю тебе — считаю "своим"», — якобы сказал Александр II⁴. Он сообщил, что внимательно следит за «Московскими ведомостями», регулярно читает их. В начале 1867 г. Катков говорил, что царь одобрил его деятельность и «выразил желание, чтобы мы продолжали ее в том же смысле, как прежде, и сохраняли уверенность, что в нем самом будем иметь поддержку, которая даст нам возможность

 $^{^1}$ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 23.

 $^{^2}$ Опубликованы в: Северная почта. 1866. 8 мая (№ 98). Постановление о приостановке — в № 99 (11 мая).

 $^{^3}$ *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России... С. 23.

⁴ *Любимов Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям Н. А. Любимова. СПб., 1889. С. 343–344.

действовать по совести»¹. И хотя осложнения с цензурой у Каткова остаются, а нападки на администрацию сохраняются, речь об отрешении его от редактирования «Московских ведомостей» более не идет. Его главные недруги, Головнин и Валуев, вскоре после выстрела Каракозова уходят в отставку (первый в 1866-м, второй в 1868 г.). А министром просвещения становится поклонник и единомышленник Каткова Д. А. Толстой. Никитенко и доволен этим назначением («благородный, честный, образованный, мыслящий человек»), и недоволен одновременно, но окончательных выводов делать не хочет («однако подождем»)². Валуева же сменил 8 марта А. Е. Тимашев, еще более жесткий в отношении к печати. Никитенко, вспоминая его прошлое, сомневается: «Восторжествуют ли в нем полицейские инстинкты или призвания государственного человека?»³ Положение Каткова становится незыблемым; можно сказать, что он был одним из тех, кто определял государственную политику.

Выстрел Каракозова вызвал усиление репрессий. Ведущие демократические издания, «Современник» и «Русское слово», были запрещены. Никитенко не помнит давно, «чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее негодование» (на самом деле журналы запрещены не высочайшим рескриптом и не решением правительства, а постановлением от 23 мая Особой комиссии П. П. Гагарина, созданной после покушения для ведения следствия). Происходит смена начальства ІІІ Отделения: вместо В. А. Долгорукого был назначен П. А. Шувалов, противник реформ; при нем принят ряд мер, направленных против печати. Никитенко характеризует Шувалова так: возвысившийся граф делает все, что заблагорассудится, помимо закона, обращается прямо к государю и получает его согласие.

По просьбе Толстого, Никитенко посылает министру свои *заметки* и наблюдения по части народного образования и вскоре получает ответ, которым остается доволен: письмо милое, с благодарностями. Отно-

 $^{^1}$ *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 25.

² *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 113.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 119.

 $^{^5}$ Комиссию не смутило даже то, что ее распоряжение противоречило закону от 6 апреля, по которому вопрос о прекращении издания мог решать только Сенат. Мотивом было отсутствие времени «для исполнения сего обряда», поскольку требовалось «высказать немедленно прямое и положительное осуждение тех органов печати, которые постоянно и сознательно проводили в обществе понятия, противные коренным основам веры, нравственности и общего благоустройства» (Журнал заседания Особой комиссии под председательством князя Гагарина от 23 мая 1866 г.). Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф. Последние годы «Современника», 1863—1866. Л., 1939. С. 174.

⁶ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3... С. 141.

шение Никитенко к Толстому имеет основания: тот и на самом деле умен и широко образован, окончил Александровский лицей, автор ряда исследований по истории России. Толстой вначале довольно либерален; его друзьями были петрашевец А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин. Об этом пишет Е. М. Феоктистов: «Толстой и Плещеев были неразлучны <...> когда Плещеев был посажен в крепость, то все знавшие их полагали, что та же участь постигнет и Толстого»¹. С начала 1860-х гг., после крестьянской реформы, Толстой переходит в лагерь консерваторов. При нем была введена классическая система образования (древние языки и математика вытесняют естественные науки²). По рекомендации Каткова Толстой возвышает А. И. Георгиевского, который становится правой рукой министра. Георгиевский же почтительно докладывал Каткову обо всем, происходящим в Министерстве просвещения.

По словам Никитенко, первые шаги Толстого в роли министра производят странное впечатление; всем давно было известно, что он благоговеет перед «Московскими ведомостями», Катков для него — безусловный авторитет. Но все же положение «Московских ведомостей» было не завидно. Толстой покровительствовал им как мог, но министром внутренних дел до 1868 г. оставался Валуев, с которым у Каткова были весьма сложные отношения. Никитенко записывал в дневник: «Над "Московскими ведомостями" висит дамоклов меч». Валуев, по высочайшему повелению, подал в Комитет министров записку обо всех противоправительственных статьях, которые были помещены в газете в разное время. Члены Комитета, знающие, какой безнаказанностью пользовались «Московские ведомости», задали резонный вопрос: с какой целью внесена записка, не для принятия ли каких-нибудь мер? Валуев отвечал, что это сделано по высочайшей воле, а меры будут приняты администрацией.

В январе 1870 г. Никитенко пишет: «Московские ведомости» «получили предостережение, вероятно их прекращение, а ведь всего месяц назад они были найдены невинными и полезными. Редакторы, видимо, сами откажутся от издания»³. Через несколько дней, прочитав статью «Московских ведомостей», за которую дано предостережение, Никитенко недоумевает: за что? разве за одно место о существовании в Петербурге польского жонда? но ведь об этом много писано и говорено. Удивлял и ответ «Московских ведомостей», полный извинений и покаяния, не со-

 $^{^{1}}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848-1914. М., 2001. С. 106-107.

 $^{^2}$ С. Татищев говорит о «горьких плодах» этой реформы, имевшей своим последствием «неверие в области религии, материализм — в науке, социализм — в политике». См.: *Татищев С. С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 541.

³ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 260.

ответствующий их обычному характеру. После «покаяния» Каткова правительство рекомендовало III Отделению (А. Л. Потапову) относиться к газете более благожелательно. Тем не менее в 1871 г. газета Каткова получает второе предостережение за то, что в ней справедливо, с точки зрения Никитенко, указывалось на сепаратистские стремления остзейских немцев, но, как обычно, в резком тоне. Тон издателя «Московских ведомостей» не смягчается и далее. В 1872 г. Никитенко пишет: Катков дошел до последней крайности, противодействует всему, что было сделано хорошего, он «как бешеный, бросается на новые суды, на общественное мнение, на всех, кто не разделяет его классических проектов, во всем видит преступление, измену, нигилизм»¹. Многие полагали, что по доносу Каткова запрещен «Голос», так считал и Краевский. Слухи о запрещении «Голоса» не соответствовали действительности; он продолжал выходить до 1884 г.; однако в цензурные передряги попадал он нередко, и Катков к этому неоднократно «руку приложил».

Нелегко сложилась и судьба «Санкт-Петербургских ведомостей», одной из старейших российских газет, выходившей (с 1727 г. на немецком языке, с 1728 г. — на немецком и русском) при Академии наук, которая передавала в аренду право издания разным лицам. С 1863 г. «Санкт-Петербургские ведомости» редактировались В. Ф. Коршем, превратившим газету в либеральное издание². «Ведомости» выступали сторонниками реформ, вели полемику с консервативной периодикой, прежде всего с «Московскими ведомостями». В это время «Санкт-Петербургские ведомости» ратовали за свободу слова, критиковали правительственную цензурную политику. Заметную роль играл в газете А. С. Суворин, тогда во многом разделявший демократические воззрения. Под псевдонимом Незнакомец Суворин регулярно печатал в «Санкт-Петербургских ведомостях» фельетонное обозрение «Недельные очерки и картинки», в оппозиционном тоне затрагивающее ряд общественных вопросов. Содержание газеты свидетельствует, что демократическим изданием она не стала, и ее критика не выходила за рамки либерализма. Редакцию, иногда смыкавшуюся с позицией «Современника», в целом отталкивала демократическая идеология. По нашему мнению, оценка «Санкт-Петербургских ведомостей» периода редактирования их Коршем в библиографическом справочнике «Русская периодическая печать (1702-1894)» несколько завышена³. Но нельзя не признать, что стремление сохранить некоторую

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 332.

 $^{^2}$ См.: Рейфман П. С. К проблеме эволюции либеральной журналистики в 1860-е годы: («Санкт-Петербургские ведомости», 1863—1874. Время издания и редактирования газеты В. Ф. Коршем) // Труды по русской и славянской филологии. Т. 26: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 68—85.

 $^{^3}$ Санкт-Петербургские ведомости // Русская периодическая печать (1702—1894): справочник. М., 1959. С. 19—20.

независимость и честность, бороться за соблюдение хотя бы тех законов, которые имелись, писать хотя бы относительную правду приводило редакцию на каждом шагу к столкновениям с властями, особенно по вопросам о свободе слова и цензуре. Газета пользовалась успехом, приобрела репутацию либерального, оппозиционного издания. Это и определило ее судьбу.

Уже в конце января 1863 г. один из публицистов, К. К. Арсеньев, отмечал в дневнике: «Корш был призываем сегодня к Блудову, который изъявил ему неудовольствие за направление СПб. В[едомостей] и грозил даже отнять их у него»¹. А ведь газета к этому времени находилась под редакцией Корша всего один месяц. В январе 1864 г. скандал вызвала передовая, запрещенная цензурой². В этой небольшой статье вновь затрагивался вопрос о положении журналистики вообще и «Санкт-Петербургских ведомостей» в частности. Цензура не пропустила статью, но дело этим не ограничилось. Валуев решил, что сама попытка такой публикации заслуживает серьезного наказания. Он писал Петербургскому цензурному комитету: «Хотя означенное извлечение, как несогласное с ныне действующими цензурными правилами, и было запрещено цензором, тем не менее, принимая во внимание самый факт доведения до сведения цензурного управления намерения напечатать статью, заключающую в себе прямое оскорбление как цензурных учреждений, так и правительства вообще, я, согласно заключению Совета, поручаю комитету предварить редактора С.-Петербургских ведомостей, г. Корша, что при повторении подобного поступка он неизбежно подвергнется лишению права быть редактором повременного издания как лицо, не внушающее доверия»³. Таким образом, уже в начале 1865 г. ставился вопрос об отстранении Корша от редактирования.

Именно газета Корша, после введения в действие новых цензурных правил, ранее всех других изданий, 20 сентября 1865 г. получила первое предостережение за статьи экономического характера, критикующие финансовую политику правительства. Ничего особенно резкого в них не было, но они вызвали недовольство цензуры.

13 апреля 1866 г. «Санкт-Петербургские ведомости» получают второе предостережение. В данном случае речь шла о гораздо более серьезном

 $^{^1}$ Арсеньев К. К. Дневник. РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. № 22. Л. 79 об. См. также: Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1971. Т. 3. С. 1150.

 $^{^2}$ В архиве сохранилось специальное дело «О предназначавшейся к помещению в С.-Петербургских ведомостях 11 января 1864 г. передовой статье». РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1864. № 17. Л. 10 об.-11.

³ Цит. по: *Рейфман П. С.* Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1971. Т. 3. С. 1154–1155.

деле, о покушении Дмитрия Каракозова. В передовой ставился вопрос об отношении земства и администрации, о том, кто виноват: «Кто <...> не исполнил своей прямой и самой существенной обязанности охранять в лице монарха безопасность государства <...> Полиция. Кто на первых порах не мог открыть малейших следов совершившегося злодеяния <...> Кто менее сочувственно отозвался во дни народного ликования?». По словам автора, везде видно с одной стороны преданное, любящее царя земство, с другой — «несостоятельную и бездейственную администрацию». Статья заканчивалась призывом: «Пусть же окрепнет сердечный союз между земским царем и верным, преданным ему земством, пусть их не отделяет слишком ревнивой и эгоистической преградой нерасположенная к земству администрация»¹. Разразилась гроза. Заместителя редактора газеты (Корша не было в тот момент в Петербурге) вызвали в III Отделение. Главное управление по делам печати посылает запрос в петербургский цензурный комитет: почему цензор А. И. Смирнов не арестовал номер? Начальник Главного управления Щербинин отмечает серьезность ошибки Смирнова, за которую его следовало бы уволить. Лишь принимая во внимание прошлую безупречную службу Смирнова, Щербинин предлагает ограничиться строгим выговором с предупреждением. Валуев, видимо нехотя, утверждает предложение Щербинина, приписав: «Подобные ошибки терпимы быть не могут»².

Уже после отставки Валуева составляется совместный доклад царю двух министров, внутренних дел и просвещения, — «Записка о вредном направлении газеты "СПб. ведомости" и ее сотрудников»³. Столкновения с цензурой, преследования, предостережения, приостановки продолжаются и в дальнейшем. Никитенко, сообщая об этом, комментирует события так: «Валуев, не одолев медведя в лесу Каткова, набросился на бедного беззащитного зайца» (то есть Корша)⁴. В 1874 г. Корш был лишен права редактировать газету и вынужден отказаться от ее издания до истечения срока аренды. С 1 января 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» выходят под новой редакцией — банкира Ф. П. Баймакова. Корш уезжает на два года за границу, сотрудничает в журнале «Вестник Европы».

Прекращает существование и славянофильская газета «Москва», выпускавшаяся ежедневно в 1867—1868 гг. под редакцией И. С. Аксакова. Она критиковала действия администрации в Польше и Прибалтике за недостаточно активную русификацию. В газете ощущались панславист-

 $^{^1}$ [Под влиянием того великого события...] // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 12 апр. (№ 97).

³ *Рейфман П. С.* Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1971. Т. 3. С. 1167.

⁴ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 125.

ские идеи, не одобряемые правительством. За недолгое время газета получила множество цензурных взысканий (9 предостережений, 3 приостановки) и была прекращена решением Правительственного сената¹. Во время второй приостановки вместо «Москвы» выходила газета «Москвич» (с декабря 1867 г. по февраль 1868 г., ежедневно; вышло 38 номеров), официальным редактором которой числился П. Н. Андреев, но фактическим был И. С. Аксаков. О преемственности обеих газет Аксаков открыто заявил в первом номере возобновленной «Москвы», объявляя, что были приложены все усилия, «чтобы ни в правительстве, ни в публике не осталось ниже призрака сомнения в том, что "Москвич" решительно и положительно одно и то же издание, что "Москва"»². В «Москвиче» не только помещались продолжения статей приостановленной «Москвы», но даже ее внешнее оформление, структура были такими же. Очевидность попытки обойти закон о печати привела к быстрому запрещению «Москвича» (18 февраля 1868 г.).

Вскоре после возобновления «Москвы» Аксаков под влиянием событий писал: «Взгляд на литературу, как на силу враждебную, создает под конец действительно силу враждебную, озлобленную, мятежную, наступательную или, по крайней мере, систематически оппозиционную, неослабную в борьбе за свое существенное право. Попытки сковать и закупорить человеческую мысль производят опасные взрывы, а всякие вынужденные уступки, роняя достоинство правительства, не удовлетворяют тех, для кого они делаются, не внушают доверия и не содействуют миру»³.

Покушение Каракозова окончательно прервало ход пусть относительной, но все же либеральной политики властей. Начались серьезные ограничения дарованных ранее свобод — прежде всего в области печати. Как было и прежде, начались дополнения и изменения, и все не на пользу литературы. О них пишет Γ . В. Жирков⁴.

Уже с 17 октября 1866 г. появляется распоряжение, согласно которому редакциям и сотрудникам газет и журналов, имевшим три предостережения и временно приостановленным, запрещено издавать во время приостановки от их имени для подписчиков бесплатно или за какую-либо плату любую печатную продукцию.

 $^{^1}$ О сути цензурных придирок к «Москве» см.: *Чулков Г.* Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурою // Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1. С. 7–29.

 $^{^{2}}$ [Аксаков И. С.] [Сегодня истекает срок четырехмесячному прекращению «Москвы»...] // Москва. 1868. З апр. (№ 1).

³ [Аксаков И. С.] [К числу самых интересных слухов, которыми полнятся теперь Москва и Петербург...] // Москва. 1868. 6 апр. (\mathbb{N} 4).

 $^{^4}$ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 152–155.

12 декабря 1866 г. изменился порядок судебной практики, касающийся журналистики. Главное управление по делам печати, цензурные комитеты получили право возбуждать судебные преследования по всем преступлениям, совершаемым с помощью прессы (за исключением дел, затрагивающих престиж официальных учреждений и должностных лиц, когда в суд обращались сами потерпевшие). Закон исключал из судебной практики низшие судебные инстанции — окружной суд и суд присяжных, дела поступали сразу в судебную палату, где обычно решения были более строгими.

13 июня 1867 г. выходит высочайше утвержденное мнение Государственного совета о том, что публикация постановлений, отчетов о заседаниях дворянских, земских, городских собраний (с текстом речей, прений) может происходить только с разрешения губернского начальства.

14 июня 1868 г. министру внутренних дел предоставлено право временного запрещения розничной продажи журналов и газет.

30 января 1870 г. принят закон о судебной тайне. За публикацию до судебного заседания или до прекращения дела сведений, полученных дознанием или следствием, редактор наказывается арестом от недели до четырех месяцев, с возможным штрафом до 500 рублей.

6 июня 1872 г. введены более суровые правила ареста и преследований печатной продукции. Комитет министров получил право без суда присяжных приговаривать «вредную» книгу к уничтожению; министр внутренних дел в случае бесцензурной публикации такой книги или номера периодического издания, выходящего реже одного раза в неделю, мог наложить на них до выпуска арест, а затем представить для окончательного запрещения в Комитет министров. Срок такого ареста в типографии увеличивался с 3 до 7 дней для ежедневных и еженедельных изданий, а для ежемесячных и реже выходящих — с 2 до 4 дней.

16 июня 1873 г. принято высочайше утвержденное мнение Государственного совета, расширяющее права министра внутренних дел в сфере печати. Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным обсуждение на некоторое время какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы повременных изданий, освобожденных от предварительной цензуры, по распоряжению министра внутренних дел ставятся об этом в известность через Главное управление по делам печати. За нарушение этого распоряжения министр может приостановить издание сроком на 3 месяца.

19 апреля 1874 г. Комитетом министров принят новый закон. Издания, освобожденные от предварительной цензуры, должны представлять в цензурные комитеты корректуру лишь после напечатания всего тиража. Суть закона сводилось к тому, что в случае запрета книги (журнала) издатель, напечатав весь тираж, терпел бы серьезные убытки.

4 февраля 1875 г. высочайше утверждено мнение Государственного совета, запрещавшее предавать гласности материалы судебных процессов.

В 1879 г. были подготовлены новые Временные правила, закрепившие все дополнения, внесенные в устав после 1865 г. Таких дополнений оказалось довольно много. Начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза подводил некоторый итог: «Система всякого рода административных взысканий представляется и печати, и публике произволом более тяжелым, чем предварительная цензура»¹.

В дневнике Никитенко дается довольно подробный обзор главных цензурных репрессий второй половины 1860–1870-х гг., от введения цензурного устава 1865 г. до последних лет царствования Александра II (почти до его смерти). Их очень много, и перечислять их подробно вряд ли следует. Мы остановимся лишь на общих тенденциях и на некоторых конкретных случаях, которые, по нашему мнению, по той или иной причине особенно любопытны. Прежде всего отметим существенный рост количества административных взысканий: в 1865–1869 гг. — их 60, в 1870-1874 гг. — уже 164^2 . Сразу же после введения устава пошли предостережения. Цензурные взыскания получают и издания вовсе не демократического направления («Голос», «Весть», «Московские ведомости», «Отечественные записки», «День»). Издателя А. А. Краевского преследуют за публикацию статьи И. А. Острикова «Остзейский край со стороны религиозной нетерпимости» (в ней шла речь о порочной практике насильственного обращения в православие и преследованиях иноверцев)3. Цензурное ведомство сочло статью «восстанием против правительства»; судебная палата не согласилась с такой оценкой происшедшего. По протесту прокурора дело передано в Сенат, который приговорил Краевского к двухмесячному аресту на военной гауптвахте. Никитенко рассказывает о суде над Краевским и о толках вокруг него: одни не находят издателя виновным; другие считают, что самое большее, чего он заслуживает, так это штрафа в 25 рублей. Валуев «потерпел жестокое поражение»: «общий голос в публике и в суде против него и против его чиновников»⁴.

 $^{^{1}}$ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 155.

² Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 155. Статистика приостановок периодических изданий с 1865 по 1904 г. включительно (до отмены системы предостережений Временными правилами от 24 ноября 1905 г.) приводится в справочнике «Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг.: Система административных взысканий». Всего за этот период периодические издания получили 293 предостережения, по количеству приостановок лидируют 1870-е — начало 1880-х гг. (Патрушева Н. Г. Система административных взысканий 1862–1905 гг. // Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг.: Система административных взысканий: справ. издание / Рос. нац. 6-ка; сост. и авт. вступ. ст. Н. Г. Патрушева. СПб., 2011. С. 34–36).

 $^{^3}$ [*Остриков И. А.*] Остзейский край со стороны религиозной нетерпимости // Голос. 1865. 2 дек. (№ 333).

⁴ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 86-90.

В начале 1866 г. Никитенко писал по поводу предостережения «Русскому слову» за статью Писарева об учении О. Конта: «Это уже придирка. Мы, значит, поворачиваем назад к прежнему архицензурному времени». И далее о том, что Министерство внутренних дел слишком щедро раздает предостережения: «Им, кажется, вполне овладела мысль уничтожить те приобретения, какие сделала печать в последнее десятилетие, — приобретения, из которых многие утверждены и гарантированы высочайшею волею <...> Такой образ действий ничего не в состоянии произвести, кроме общего негодования...»¹

Никитенко пишет о современной цензуре: вместо охранения *принципов* она сосредоточивает внимание на частных, мелких явлениях, что дает ей характер чисто полицейский. Никитенко говорит о системе предостережений: виновата не столько она, сколько ее бестолковое и неосновательное применение. Правительство в трудных обстоятельствах не раз обращалось к помощи печати, опиралось на нее, но когда проходила в ней нужда, власть к прессе относилась свысока, обращалась по-полицейски. И приходит к выводу: «трудно, очень трудно мириться с положением вещей в стране, которою управляют Валуевы, Шуваловы, Толстые, где министры до того ничтожны и слабы, что посылают в Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что и как им делать»².

В начале марта 1868 г. происходит отставка Валуева с официальной формулировкой «по состоянию здоровья»³. В 1870 г. был сменен М. Н. Похвиснев, начальник Главного управления по делам печати. Вместо него назначен генерал М. Р. Шидловский. Генерал долго отказывался от назначения, говорил, что не знаком с делами печати, что он — человек горячий, привык действовать энергично, что прилично в полицейской сфере, но может быть неудобным в кругу науки и мысли. Ему возразили, что этот способ и нужен, ибо хотят «подтянуть печать». Никитенко рассказывает о первом приеме новым начальником цензуры подчиненных. Шидловский сделал им замечания за то, что они пришли в вицмундирах, а не в мундирах, высказал свое отношение к бородам («я их не потерплю»), усам (чиновникам усов не надо, «их подобает носить военным»), бакенбардам (округлые, напоминающие бороды, недопустимы). «Я буду строго наблюдать чинопочитание. Затем прощайте», — вот и весь прием⁴.

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 84, 85–86.

² Там же. С. 194.

³ За месяц до этого, 8 февраля, Валуев составляет записку «О положении дел в печати», в которой словно подводит итог своей деятельности на этом поприще: «Пресса никогда не будет довольна законом, а правительство прессой». Цит. по: Зельдич Ю. В. Петр Александрович Валуев и его время: историч. повествование. М., 2006. С. 333.

⁴ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3... С. 281.

В дневнике за 1871 г. Никитенко вспоминает о начале царствования Александра II, его прекрасных и благородных замыслах. Тогда казалось стыдно и преступно не помогать правительству. Спустя совсем немного времени пришлось горько разочароваться. Все оказалось просто и естественно: «самодержавие обеими руками держится за свою божескую власть; чиновники держатся за самодержавие и поддерживают его», потому что им более не за что держаться; народ еще не пробудился от тысячелетнего сна; интеллигенция борется с чиновниками, стараясь скрыть, что посягает на самодержавие, хотя посягает уже тем, что борется с его орудиями и рабами. «Что из всего этого выйдет?» Общий тон рассуждений Никитенко весьма мрачный, но все же интеллигенция в приводимой им «цепочке» поставлена не на самое худшее место.

В ноябре 1871 г. начальником Главного управления по делам печати вместо Шидловского был назначен М. Н. Лонгинов, орловский губернатор, сторонник идеологии самых консервативных слоев дворянства, противник освобождения крестьян, земских учреждений, судебных преобразований, то есть всей системы правительственных реформ. В обществе он имел репутацию непристойного весельчака; прославился стихотворениями скабрезного содержания и непристойной поэмы «Отец». «Сам Барков покраснел бы от стыда, читая эту поэму», — отзывается о ней Никитенко². В то же время Лонгинов — библиограф, автор книги о Н. И. Новикове и московских масонах-мартинистах³. От него ожидали самых враждебных действий против печати. Лонгинов «прославился» как противник дарвинизма (ходили слухи о том, что он хотел запретить перевод книги Ч. Дарвина «Происхождение человека»). В 1872 г. А. К. Толстой пишет «Послание к Лонгинову о Дарвинизме»⁴. В примечаниях к сочинениям Толстого 1907 г. о Лонгинове сказано: «известный библиограф и порнограф», «невероятно давивший печать»⁵. «Послание...» Толстого — блестящая сатира не только на Лонгинова, но и на всю систему подавления свободы слова:

> Полно, Миша, ты не сетуй: Без хвоста *****,

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 298–299.

² Там же. С. 321, 368.

 $^{^3}$ *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачёва и К°., 1867. [4], IV, 384, 176 с.

 $^{^4\,}$ Впервые опубликовано: *Толстой А.* Послание к Лонгинову о Дарвинизме // Русское обозрение. 1892. Т. 1 (янв.). С. 291–293.

⁵ Быков П. Примечания и варианты // Толстой А. К. Полное собрание сочинений гр. А. К. Толстого: с портретом графа Алексея Толстого и критико-биографическим очерком С. А. Венгерова. Т. 1. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1907. С. 527. Здесь же публикуется приведенный далее ответ М. Н. Лонгинова.

Так тебе обиды нету В том, что было до Потопа.

Всход наук не в нашей власти, Мы их зерна только сеем, И Коперник ведь отчасти Разошелся с Моисеем.

Далее идут строки о том, что Лонгинов, чтобы быть последовательным, должен запретить и Галилея, что председатель Комитета о печати не был при сотворении мира и не может контролировать Творца, что его доводы «пахнут ересью отчасти» и его «за скудость веры» можно бы сослать в Соловки, что Божьи планеты ходят «без инструкции цензурной», «не спросясь у Комитета» и пр.

Как и что творил Создатель, Что считал он боле кстати, — Знать не может председатель Комитета о печати.

<...>
Но на миг положим даже
Дарвин глупость несет просто, —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто.

И концовка стихотворения:

Брось же, Миша, устрашенья, У науки нрав не робкий, Не заткнешь ее теченья Ты своей дрянною пробкой¹.

Толстой мог себе такое позволить. Он был близок ко двору: с восьмилетнего возраста товарищ будущего императора, после его воцарения назначен сразу флигель-адъютантом; отказ Толстого от придворной карьеры вызвал недовольство царя, но не испортил отношений между ними. Толстой был близок и к царице, Марии Александровне. Даже не либерал, он боролся с нигилизмом (см. «Баллада с тенденцией»²). Ряд антинигилистических строф есть и в «Послании к М. Н. Лонгинову». Не

¹ Текст приводится по первой публикации: *Толстой А*. Послание к Лонгинову о Дарвинизме // Русское обозрение. 1892. Т. 1 (янв.). С. 291–293.

 $^{^2}$ Толстой А. К. Баллада с тенденцией («Порой веселой мая...») // Толстой А. К. Полное собрание сочинений гр. А. К. Толстого: с портретом графа Алексея Толстого и кри-

исключено, что «Послание...» Толстого спасло от запрещения перевод Дарвина. Лонгинов отмежевался от слухов, послав Толстому стихотворный ответ, который заканчивался словами:

Виновен пред тобою Я без всяких вин. Досель не тронут мною Был господин Дарвин¹.

Никитенко, давно знакомый с Лонгиновым, писал по поводу его назначения: «Всеобщее удивление и смех»². Смех-то был сквозь слезы.

Никитенко отмечает в дневнике в мае 1872 г.: министр просвещения в полной зависимости от Каткова и Леонтьева. Через полтора месяца: «Новый закон о цензуре. Конец печати. Все решается произволом министра внутренних дел <...>. При этом законе <...> решительно становятся невозможными в России наука и литература. Да правду сказать, давно бы следовало покончить с ними. К чему они нам? Они только сеют разврат и заставляют усомняться в здравомыслии начальства. Общество, которое само ничего разумного и честного не хочет делать, не заслуживает, чтобы с ним поступали честно и разумно»³. Никитенко рассказывает о знакомстве у Тютчева с И. С. Аксаковым: поговорили о цензуре, «которая чуть не свирепее, чем в николаевское время»⁴. В октябре он заносит в дневник новость: в публике ходят слухи, будто граф Д. Толстой, министр просвещения, сошел с ума и считает себя лошадью. При этом Толстой «взял на себя роль сыщика. Всякую мысль в печати, сколько-нибудь не согласную с его умопредставлениями», он отыскивает и представляет «куда следует» как преступную.

Управление по делам печати дает распоряжения сжигать тиражи неугодных изданий; Никитенко отзывается на это: «Таким администраторам присваивался прежде титул *гасителей*, теперь их надобно уже назвать *сожигателями*»⁵. И русская общественность мирится с таким положением. Свирепствующие в это время холеру и оспу Никитенко сравнивает по силе с тем, как «наши власти свирепствуют против мысли, науки, печати».

тико-биографическим очерком С. А. Венгерова. Т. 1. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1907. С. 316-321.

 $^{^1}$ Приводится в подстрочном примечании от редакции, в издании: *Толстой А.* Послание к Лонгинову о Дарвинизме // Русское обозрение. 1892. Т. 1 (янв.). C. 291.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 322.

³ Там же. С. 350.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ Там же. С. 367.

Отмечая злобу администрации против всего печатного («притеснение печати у нас доходит до глупости, если считать глупостью причинение зла из удовольствия делать зло»¹), Никитенко выделяет активность М. Лонгинова, который принимает меры против непозволительного «с какоюто бешеною яростью». И именно этому человеку поручена власть над печатью! В манифесте о смерти великой княгини Елены Павловны (январь 1873 г.) было написано, что она радела о полезном просвещении. «Точно как будто манифест был на цензуре у М. Н. Лонгинова, который, найдя слово просвещение слишком либеральным, велел во избежание соблазна прибавить слово *полезное*», — иронизирует Никитенко². Горькие рассуждения его о настоящем и будущем: «Мы долго еще будем раболепствовать, потому что мы привыкли к этому и потому что мы развращены»; в дар Европе мы можем принести только «кабаки, деспотизм, чиновничий произвол и великое расположение к воровству»³. А если это так, то «нужна ли нам литература?» Вопрос самому себе и ответ на него: «Некоторой части общества, может быть, и нужна, но государство полагает, что не имеет в ней никакой надобности». Иметь литературу, какую хочется Управлению по делам печати, значит не иметь никакой⁴.

В ноябре 1874 г. появляются новые слухи — о смене министра народного просвещения; говорят о какой-то записке, поданной царю начальником III Отделения А. Л. Потаповым, где идет речь о всеобщем недовольстве классической системой образования, введенной министром Д. Толстым. В записке упоминалось о молодых людях, которые из-за этой системы не смогли попасть в университет и потому оказались в числе арестованных заговорщиков. Недовольных министром так много, что этим слухам охотно верят. Однако они оказались вздором: Толстой «тверже сидит на своем месте, чем когда-либо» 5 .

Зато происходит смена начальника Главного управления по делам печати. Предполагалось, что это место займет Н. П. Мансуров, однако попытка освистания студентами университета нелюбимого профессора В. В. Григорьева во время публичного выступления перевесила все прочие доводы: на место Лонгинова был назначен Григорьев (вражда студентов подняла авторитет профессора в глазах власти).

Последний год жизни Никитенко (Александр Васильевич скончался в Павловске 21 июля 1877 г.) отмечен не только записями о постоянных болезнях («болен, болен и все болен»), мыслями о смерти, но и рядом сообщений о продолжающихся репрессиях против печати, о все усилива-

¹ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 436.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 385.

⁴ Там же. С. 406.

⁵ Там же. С. 442.

ющемся цензурном терроре. Тон дневника мрачен, наполнен разочарованием: от надежд молодости не осталось и следа.

1 марта 1881 г. народовольцы убивают Александра II. Заканчивается длительный период «охоты на царя». Начался он с покушений Каракозова и Березовского, затем последовал целый ряд попыток покончить с «царем-освободителем». И наконец — 1 марта. К этому надо прибавить прокламации и пожары 1862 г., польское восстание 1863 г. и другие неприятные события. Недолго удалось спокойно поцарствовать преемнику Николая I, всего около пяти лет из двадцати пяти. Это, вероятно, в какойто степени объясняет его эволюцию, хотя вряд ли целиком определяет ее. Вновь повторяется одна и та же история: светлое начало, радостные надежды и мрачный, трагический конец. Вариант возможен лишь один: и светлого начала не было, как при Николае I или Александре III.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ГЛУХАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА»

— Нужно, голубчик, погодить! Разумеется, я удивился. С тех самых пор, как я себя помню, я только и делаю, что гожу <...>
— <...> А ты так умей собой овладеть, что, ежели сказано тебе «погоди!», так ты годи везде, на всяком месте, да от всего сердца, да со всею готовностью — вот как! даже когда один с самим собой находишься — и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка!

М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия

В те годы дальние, глухие, В сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией Простер совиные крыла, И не было ни дня, ни ночи А только — тень огромных крыл...

А. А. Блок. Возмездие

«Глухая пора листопада». Воцарение Александра III. Характеристика его, его родных. Приближенные нового царя: Победоносцев, Д. Толстой, Катков, князь Мещерский. Временные правила о печати 1882 года. Феоктистов — глава цензурного ведомства. Массовые преследования журналов и газет. Расправа с «Отечественными записками». Цензурные гонения. Запрещенные книги. Драматическая цензура. Надзор за библиотеками. Обзор либеральной и консервативной печати.

«Улухая пора листопада» — название романа Юрия Давыдова о событиях русской истории конца XIX в. Это название вполне соответствует содержанию седьмой главы.

1 марта 1881 г. народовольцы, после нескольких покушений, убили императора Александра II. Реакция, которая стала отчетливо заметна в последние годы его правления, еще более усилилась при его преемнике — Александре III. Он стал наследником престола в апреле 1865 г., после того, как от скоротечной болезни скончался его старший брат Николай Александрович, которого готовили к царствованию. Александр Александрович к моменту, когда он неожиданно для всех стал наследником, не был к этому готов. По воспоминаниям наставников, Александр не отличался широтой интересов или склонностью к наукам, впрочем, как и другие его братья; исключение составлял умерший Николай. Того же мнения придерживались и родственники. Уже после воцарения Александра III его дядя, великий князь Константин Николаевич, признавал неподготовленность нового царя к престолу. С 1865 г. великого князя взялись усиленно просвещать историки, правоведы, экономисты, подготавливая к новой роли. Однако 20-летний Александр был уже сложившимся человеком, и новое положение наследника, требовавшее его присутствия на многих официальных мероприятиях, оставляло мало времени для обучения.

В Александре с детских лет были заметна негибкость мышления, которую многие называли упрямством. Или, по выражению знавшего его В. П. Мещерского, «он не подчинялся, так сказать, силе окружавшей его жизни, не моделировал себя по ней»¹. Отчасти это компенсировалось усидчивостью, старательностью и сообразительностью, которую сам он называл «смекалкою»². Сторонник триединой формулы С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», он возвращался к духу царствования Николая I, по многим вопросам отвергая относительно либеральную политику собственного отца. Александр отличался завидным трудолюбием, посвящал ежедневно много времени занятиям государственными делами, нередко ложась спать не ранее часа-двух ночи. Когда в 1883 г. А. А. Половцова назначали государственным секретарем, претенденту сказали, что одна из обязанностей — «писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему меморий. Это составляет секрет и заведено лишь при нынешнем государе для облегчения его в многочисленных его занятиях»³. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов так рассуждал об оценке потомками решений Александра III: «общее впечатление будет, конечно, таково, что нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали чисто детской наивностью и простодушием»⁴.

 $^{^1}$ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2: (1865—1881 гг.). СПб., 1898. С. 7.

 $^{^2}$ Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: сб. документов. М., 2002. С. 79.

³ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 2005. С. 24.

 $^{^4}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848-1914. М., 2001. С. 141.

142 Глава седьмая

Многие отмечали положительные человеческие качества Александра III, имевшего, по выражению С. Ю. Витте, «пусть и небольшой ум рассудка», но зато «громадный, выдающийся ум сердца»¹. Он был цельной личностью, имел твердые принципы и убеждения, имел прямой и открытый характер, что привлекало к нему людей. Император вел скромный образ жизни, был хорошим семьянином, держал данное слово, не терпел лжи.

Его жена, императрица Мария Федоровна, урожденная датская принцесса София-Фредерика-Дагмара (1847—1928), обладала сильным характером и имела влияние на мужа. Возможно, по настоянию императрицы был снят с поста председатель Государственного совета, великий князь Константин Николаевич (дядя царя), сторонник либеральных преобразований; вместо него был назначен младший брат Александра II, великий князь Михаил Николаевич.

Представители дома Романовых периода царствования Александра III тоже занимались государственной службой. Его братья служили: великий князь Алексей Александрович был генерал-адмиралом; великий князь Сергей Александрович в 1880-е гг. командовал лейб-гвардии Преображенским полком, а в начале 1890-х гг. был назначен генерал-губернатором Москвы; великий князь Владимир Александрович командовал гвардейским корпусом. Двоюродный брат, великий князь Константин Константинович, был поэтом, переводчиком, драматургом, знатоком музыки. Другой кузен, великий князь Николай Михайлович, серьезно занимался историей и археологией, был автором ряда исследований по истории России первой четверти XIX в.

В политическом курсе эпохи Александра III серьезно выделялись четыре деятеля: М. Н. Катков, граф Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и князь В. П. Мещерский. Первые трое составляли своеобразный триумвират, четвертый держался особняком. Единство триумвирата тоже было весьма условно.

Феоктистов, близко стоящий к ним, писал: «Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, чтобы они могли действовать сообща. М. Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его непрестанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь раз-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1: (1849–1894). М., 1960. С. 408.

вития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это что-нибудь представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу <...> Не удивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась вперед очень туго»¹.

Остановимся кратко на каждом из них. Михаил Никифорович Катков — одна из главных фигур царствования Александра III — представитель «старой гвардии». Самый старший по возрасту из четырех (родился в 1818 г.). Начал журнальную и университетскую деятельность уже в 1840-х гг., во времена Белинского. В начале 1860-х гг. резко меняет направление, переходит в консервативный лагерь. После покушения Каракозова на Александра II положение Каткова укрепляется, его могущество заметно усиливается. Но подлинным апогеем для него, пиком его авторитета является время правления Александра III. Высокого административного поста Катков не занимал, однако его газета «Московские ведомости» имела огромное влияние. В 1885 г. в издаваемом им журнале «Русский вестник» Катков печатает статью А. Д. Пазухина — подробную программу контрреформ². Вскоре, не без помощи Каткова, Пазухин становится правителем канцелярии Министерства внутренних дел, важной фигурой подготовки контрреформ. Катков иногда вызывал гнев царя, особенно за выступления в области внешней политики, но в целом пользовался почти безусловной поддержкой императора. На Страстной бульвар (где находилась редакция «Московских ведомостей») приезжали видные государственные деятели, министры. Катков определял иногда судьбу последних. Вместе с Победоносцевым в начале 1880-х гг. он вел борьбу с министром просвещения А. П. Николаи, препятствовавшим пересмотру относительно либерального университетского устава 1863 г. В ход были пущены письма к царю, свидания с ним. В итоге Николаи был отправлен в отставку; на его место назначен И. Д. Делянов, в результате чего в 1884 г. был принят новый университетский устав. Катков вел полемику с министром финансов Н. Х. Бунге и министром иностранных дел Н. К. Гирсом, министром юстиции Д. Н. Набоковым и сменившим его Н. А. Манасеиным. Имея во всех высших государственных инстанциях своих протеже, Катков нередко печатает в «Московских ведомостях» известия, которые не мог знать ни один из журналистов. Он становится поистине всесильным.

 $^{^{1}}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848—1914. М., 2001. С. 145.

 $^{^2}$ *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. 1995. № 1 (янв.). С. 5–58.

144 Глава седьмая

В конце 1886 г. Половцов пишет в дневнике: «рядом с законным государевым правительством создавалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора "Московских ведомостей", который окружен многочисленными пособниками на высших ступенях управления, как Делянов, Островский, Победоносцев, Вышнеградский, Пазухин. Весь этот двор собирается у Каткова <...> открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или ином вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждения или похвалу и в конце концов достигает своих целей» 1.

В состав «триумвирата» входит и Д. А. Толстой, тесно связанный с Катковым. О нем тоже шла речь в предыдущей главе. В 1865 г., при Александре II, он был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. После покушения Д. Каракозова, оставаясь обер-прокурором, он становится министром просвещения. Толстой ориентируется на систему «классического образования» (древние языки, математика, противопоставляемые естественным наукам и современной литературе). Жесткий министр вооружил против себя и учивших, и учившихся, и их родителей. Он сумел завоевать дружную ненависть всех слоев общества, от радикальных и демократических до сановно-бюрократических.

Б. Н. Чичерин, хорошо знавший Толстого, писал о нем так: «Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции: человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не видавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение»².

После убийства Александра II Д. А. Толстой, по настоянию М. Т. Лорис-Меликова, был уволен с обеих должностей. Но уже с 1882 г. он стал министром внутренних дел и шефом жандармов и оставался в этих должностях до 1889 г. С 1882 г. Толстой стал еще и президентом Академии наук. Он был твердо убежден, что реформы, проведенные при Александре II, являлись ошибкой. План действий, составленный в 1885 г. правителем его канцелярии А. Д. Пазухиным, предусматривал широкую программу контрреформ в интересах дворянства, и только смерть Толстого помешала этот план осуществить. Он умер весной 1889 г. Александр III

¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. 1. С. 499.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 192–193.

заносит 25 апреля в памятную книжку: «Скончался бедный гр. Толстой. Страшная потеря! Грустно!» 1

Одним из наиболее близких императору лиц, особенно в 1880-е гг., был К. П. Победоносцев. В 1880 г. его назначили, по настоянию наследника (т. е. будущего императора Александра III), обер-прокурором Синода, и этот пост он занимал четверть века. Победоносцев получил образование в Училище правоведения. С 1860 по 1865 г. был профессором Московского университета (кафедра гражданского права), затем работал в Министерстве юстиции. В 1868 г. он сенатор, в 1872 г. — член Государственного совета. Им написан четырехтомный курс гражданского права, ряд историко-юридических исследований. Уже в 1860-е гг. Победоносцев был близок к императорской семье, преподавал великим князьям законоведение. Тогда, в начале 1860-х гг., он восторженно приветствовал отмену крепостного права, участвовал в разработке судебных уставов 1864 г., ратовал за гласное судопроизводство. Но позднее его взгляды сильно изменились: он стал сторонником неограниченного самодержавия, поборником сохранения дворянских привилегий, противником европейских форм общественной жизни. В личности Победоносцева большой, острый и тонкий ум, широкое образование сочетались с узостью суждений и нетерпимостью. Особенно сильной была его ненависть к интеллигенции как источнику всякого инакомыслия и инаковерия: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует, к предосуждению всех остальных церквей и вероисповеданий. Это предосуждение означает вообще, что все остальные церкви не признаются истинными или вполне истинными»².

В начале царствования Александра III Победоносцев является его наставником. Близость между ним и царем возникла еще в те времена, когда будущий император был наследником. Особенно окрепла она во второй половине 1870-х гг. Победоносцев посылает Александру письма, дает советы³. С первых же дней вступления нового царя на престол Победоносцев становится его ближайшим политическим советником. По его рекомендации назначают и увольняют сановников. Он кажется всевластным. Под его огромным влиянием проходит подготовка универси-

 $^{^{1}}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 65.

 $^{^2}$ Победоносцев К. П. Церковь и государство // Победоносцев К. П. Московский сборник. 2-е изд. М., 1896. С. 14.

³ Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1: [1865–1882] / с предисл. М. Н. Покровского. М., 1925; Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III: с прилож. писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. Т. 2: [1883–1894]. М., 1926.

тетского устава 1884 г. Зловещая тень Победоносцева как бы покрывает всю Россию. В поэме «Возмездие» А. Блок пишет о его «совиных крылах» (см. эпиграф). С середины 1880-х гг. влияние Победоносцева начинает постепенно уменьшаться. Мы еще вернемся к этой фигуре, когда речь пойдет об отношениях властей и печати.

Несколько особняком в «квартете» лиц, приближенных к императору, стоит князь В. П. Мещерский. Он был редактором газеты-журнала «Гражданин», автором памфлетных романов из великосветской жизни. Многие отзывались о нем с брезгливостью. Феоктистов писал о нем: «Негодяй, наглец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом, — хлесткие фразы о преданности церкви и престолу не сходили у него с языка, но всех порядочных людей тошнило от его разглагольствований, искренности коих никто не хотел и не мог верить» 1.

Сближение Мещерского с Александром III относится еще к 1860-м гг., когда будущему императору было всего 17 лет. Они очень дружны (в письмах Мещерский называет Александра просто по имени и отчеству). Будучи еще великим князем, Александр ухаживал за родственницей Мещерского, фрейлиной императрицы, княжной М. Э. Мещерской. Разрыв отношений с князем произошел во второй половине 1860-х гг. (Феоктистов утверждает, что Мещерский проворовался), но позже они опять восстанавливаются. В 1871 г. Мещерский, видимо, просил у Александра деньги на издание «Гражданина».

После воцарения Александра Мещерский регулярно посылает императору письма в форме дневника, главным назначением которых было доводить до высочайшего сведения льстивые похвалы. В то же время дневник использовался как средство для доносов не только на недругов, но и на ближайших единомышленников. Здесь и утверждение, что великий князь Владимир Александрович и его жена слишком привержены к прибалтийским немцам, и сообщение о неблаговидном поведении Победоносцева в деле об опеке над имуществом фон Дервиза, и обвинения покойного Каткова, и т. п. Победоносцев (до ссоры с Мещерским в 1887 г.) был посредником в передаче писем. Самого Александра III немало раздражала назойливость князя. Но, по мнению Зайончковского, царю «полностью импонировали политические взгляды редактора "Гражданина". И именно это, несмотря на то, что многое из нравственных качеств Мещерского не могло не отталкивать от него Александра III, сближало их»².

¹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848–1914. М., 2001. С. 155.

 $^{^2}$ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 79.

Мещерский — убежденный сторонник розог. По его словам, народ сам ощущает: «как нужна соль русскому человеку, как нужен кислый черный хлеб русскому мужику, — так ему нужны розги... И если без соли пропадает человек, так без розог пропадет народ. В розгах острастка и в розгах наказание, и в розгах человеколюбие. Гуманность, которая есть ничто иное, как ложное человеколюбие, отменила розги, а человеколюбие требует восстановления розог»¹.

Второй «конек» князя Мещерского — борьба с просвещением, которое, по его мнению, приносит решительный вред. Мещерский предлагает закрыть большую часть гимназий (оставить лишь одну на две губернии), резко увеличить плату за обучение (в 10–15 раз). Затем на деньги, полученные от уничтожения 150 гимназий, учредить профессиональные и ремесленные школы; университеты же постепенно свести к норме 500–800 человек, оставив на каждом курсе максимум 50 студентов одной специальности. Там же предлагались отмена стипендий, резкое повышение платы за обучение в университетах (допускалось оставить пансион для немногих неимущих, которые будут жить на казарменном положении)². Этот проект, видимо, тоже не вызывал возражений царя.

Программа царствования Александра III проявилась уже в манифесте 29 апреля 1881 г., ориентированном на укрепление самодержавия. Политическим ответом Александра III на убийство отца стал отказ от ряда либеральных проектов, разрабатывавшихся и внедрявшихся при поддержке Александра II в 1860-х гг., в том числе мер, призванных расширить права печати.

В последние месяцы царствования Александра II, в 1880-м и начале 1881 г., возникли новые периодические издания либерального направления (газеты «Земство», «Страна», «Одесский листок», «Гласность», «Порядок», «Улей»; журналы «Русская мысль», «Земская школа», «Новое обозрение»). Оживлению прессы способствовало и сокращение репрессий против нее. Осенью 1880 г. под председательством П. А. Валуева было собрано Особое совещание для пересмотра существующих уголовных законов о печати. Основной целью задуманной реформы была передача надзора за прессой органам юстиции, устранение административных органов от вмешательства в дела печати. На заседание 5 ноября были приглашены семь представителей столичной прессы: М. М. Стасюлевич, А. А. Краевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Гиляров-Платонов, А. С. Суворин, В. А. Полетика и В. В. Комаров. Стасюлевич выступил

¹ Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1888. 16 дек. (№ 349). С. 3.

 $^{^2}$ Предложения, содержащиеся в письмах-дневниках Мещерского. Цит. по: *Зайонч-ковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 80–81.

с речью, в которой утверждал, что только закон и суд должны определять отношения печати и цензуры. После совещания Валуев записал в дневнике: «при данных условиях полная свобода печати предрешена. Остается изыскивать способы сделать ее по возможности менее вредною»¹. Особое совещание вынесло решение о создании комиссии по пересмотру преследований по делам печати. Предполагался переход от смешанной системы наказаний (административных и судебных) к более строгим, но исключительно судебным карательным мерам. Проект новых правил о печати был окончательно обсужден Особым совещанием только 28 февраля 1881 г. и потерял свою актуальность уже на следующий день, 1 марта, после событий которого никто к проекту не возвращался.

М. Е. Салтыков-Щедрин в самом начале обсуждения проекта скептически оценивал перспективы обещанных нововведений: «Знаю, что есть проект о написании нового устава книгопечатания, с устранением административного произвола и заменой его отдачей под суд. Все газеты и журналы по этому поводу ликуют, а в том числе и "Отеч<ественные> зап<иски>"; но я лично так думаю: до сих пор я еще не сиживал в кутузке, а в будущем — не знаю. Сдается, что не миновать. Как слышно, судить будут в кассационном деп<артамен>те Сената, где сидят люди солидные и к неудобствам кутузки равнодушные. Вы, однако ж, размыслите: каково в перспективе, на старости лет, видеть кутузку?»²

Остановимся на том, как политический курс эпохи Александра III проявлялся в отношениях прессы и власти. Сразу после воцарения Александра III, на первом заседании Совета министров 8 марта 1881 г., видные сановники С. Г. Строганов, П. А. Валуев, К. П. Победоносцев стали призывать к новым ограничениям печати. Валуев, например, считал, что «злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные для государства последствия»³. Победоносцев говорил о печати как о «самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям»⁴. Подобные же мнения высказывал один из лидеров либерального лагеря,

¹ *Валуев П. А.* Дневник, 1877—1884 / ред. и примеч. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щёголева. Пг., 1919. С. 127.

 $^{^2}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо П. В. Анненкову, 18 октября 1880 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19. Кн. 1: Письма (1876—1881). М., 1976. С. 180.

 $^{^3}$ [Речь П. А. Валуева на заседании Совета министров, 8 марта 1881 г.] // Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927. С. 34.

 $^{^4}$ [Речь К. П. Победоносцева на заседании Совета министров, 8 марта 1881 г.] // Там же. С. 39.

профессор Московского университета Б. Н. Чичерин в статье, написанной 10 марта 1881 г. под живым впечатлением от убийства Александра II: «Свобода печати, главным образом, периодической, которая одна имеет политическое значение, необходима там, где есть политическая жизнь; без последней она превращается в пустую болтовню, которая умственно развращает общество <...> В России периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму»¹.

В 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев разработал проект нового закона о печати, учитывая вышеприведенные высказывания. Сменивший его весной 1882 г. Д. А. Толстой в августе этого же года представил в Комитет министров Временные правила о печати, в основе которых лежал проект Игнатьева. 27 августа Временные правила были утверждены царем. Они существенно меняли к худшему положение печати, усиливали цензурный гнет, во многом возрождали предварительную цензуру, давали право властям прекращать издания и пр.

Пункт первый этих правил гласил, что редакции повременных изданий, выходящих не менее раза в неделю и получивших третье предостережение, обязываются после срока приостановки представлять в Цензурный комитет номера газет не позднее 11 часов вечера до выхода их в свет. Это ставило редакторов в крайне трудные условия: они должны были проходить предварительную цензуру, а кроме того, заканчивать подготовку номера к 10 часам вечера, в то время как другие издания могли включать материалы, полученные позже. Цензурным органам, в случаях обнаружения «значительного вреда» от распространения такого издания, было дано право приостанавливать его выход в свет, не возбуждая судебного преследования.

Второй пункт обязывал редакции газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, сообщать по требованию министра внутренних дел имена авторов любых статей (это требование было и в прежние времена, но часто не соблюдалось; Временные правила как бы подтверждали его, усиливая ответственность за нарушение).

В третьем пункте сообщалось о создании Совещания (Верховной комиссии по печати), в которое входили министры внутренних дел, народного просвещения, юстиции, обер-прокурор Синода, а также руководитель ведомства, подавшего иск. «Совещание четырех министров» должно было решать вопрос о совершенном прекращении или о приостановке повременных изданий «без определения срока ее, с воспрещением редакторам и издателям оных быть впоследствии редакторами или

 $^{^1}$ *Чичерин Б. Н.* Задачи нового царствования // *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 526–527.

издателями каких-либо других периодических изданий»¹. Все это сильно увеличивало возможность действовать на печать чисто административным путем, вне суда, по произволу властей.

Один из популярных журналистов того времени, К. К. Арсеньев, говоря о сущности «Временных правил», отмечал, что «они останавливают мысль в самом ее зародыше, искажают, обрезывают или совершенно подавляют ее выражение, понижают общий уровень печати <...> усиливают влияние мнений, процветающих во мраке, опирающихся на молчание» 2 .

1 января 1883 г. начальником Главного управления по делам печати был назначен Е. М. Феоктистов. В 1850-е гг. он занимался педагогической деятельностью, был сотрудником либерального тогда «Русского вестника», редактировал «Русскую речь», был близок И.С. Тургеневу, В. П. Боткину. В начале 1860-х гг. Феоктистов сближается с либеральной бюрократией: А. В. Головниным, Д. А. Милютиным, поступает на службу в Министерство народного просвещения, принимает участие в подготовке цензурного устава 1865 г.; печатается в газете «Русский инвалид». Затем становится другом Каткова и вместе с ним эволюционирует вправо. В одном из писем М. Е. Салтыков-Щедрин отзывался так: «Несомненно, что Φ [еоктистов] есть холоп Каткова»³. С начала 1870-х гг. происходит сближение Феоктистова с Д. А. Толстым, К. П. Победоносцевым и другими «сильными мира сего». Феоктистов в отчете за 1882–1891 гг. писал о введении новых Временных правил 27 августа 1882 г.: «Печальное положение нашей печати, к которому она пришла в конце 70-х годов благодаря представленной первоначально ей свободе и снисходительному отношению к ней власти, вызвало необходимость ограничения этой свободы и иного, более строгого отношения к ней со стороны правительства»⁴.

Бытописатель тех лет, В. О. Михневич, дает такую оценку действиям нового начальника Главного управления по делам печати: «Правление г. Феоктистова ознаменовалось важными и решительными мерами в охранительном духе: известная часть журналистики так называемого "либерального направления" потерпела крушение; контрабандная междустрочная словесность, с успехом провозившаяся прежде чрез цензурную таможню, ныне, подвергнутая тщательному досмотру, пресечена; столь

¹ О временных мерах относительно периодической печати: Высочайше утвержденное положение Комитета министров [27 августа 1882] // ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. № 1072.

² [Арсеньев К. К.] Новые правила о печати; значение их, вероятный их источник и неизбежные результаты // Вестник Европы. 1882. Кн. 10. С. 794.

 $^{^3}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо В. М. Соболевскому, 8 апреля 1885 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 20: Письма (1884—1889). М., 1977. С. 170.

⁴ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 273–274.

процветавший еще недавно *езоповский* язык вовсе изъят из обращения на печатных листах. Вообще, нужно отдать справедливость, никогда еще наша цензура не стояла в такой степени на высоте своего призвания, никогда она не была так проницательна, так бдительна и строга, как под руководством г. Феоктистова»¹. Похвала ироническая, но отражающая реальное положение дел.

Существенную роль в этом изменении играл Победоносцев, постоянно вмешивавшийся в дела печати, оказывавший на Феоктистова большое влияние. В первый день назначения того начальником Главного управления Победоносцев направляет ему записку, в которой предлагает закрыть газету «Русский курьер»: «"Курьер" достаточно уже выказал себя. Зачем церемониться с этой мерзостью. Я того мнения, что следовало бы немедля вовсе закрыть эту лавочку»². Вскоре Победоносцев обращает внимание Феоктистова на сообщение в газете «Голос» о «Московском телеграфе». В последнем должен быть напечатан новый труд Л. Н. Толстого (комментатор писем Победоносцева к Феоктистову И. Я. Айзеншток считает, что речь шла о статье Толстого «В чем моя вера?»)³. «Эти философские труды полоумного гр. Толстого известно к чему клонятся, — замечает Победоносцев. — Посему не лишним почитаю обратить Ваше внимание на означенное заявление»⁴. В архиве Феоктистова сохранилось 79 записок Победоносцева; почти все они касаются вопросов прессы, ее ограничения.

Победоносцев придавал периодике большое значение. Он каждый день начинал с чтения большого количества газет, в том числе маловлиятельных, незначительных. Феоктистов удивлялся, как у Победоносцева хватает времени читать не только наиболее распространенные, но и самые ничтожные газеты, не только передовые статьи, заметки, но даже объявления. Обер-прокурор Синода непрерывно указывал на распущенность печати, требовал более энергичных мер против нее⁵. Феоктистов по долгу службы общался с Победоносцевым, Катковым, Д. Толстым: «Лично я не могу жаловаться на графа Толстого. Он предоставил мне

 $^{^1}$ Михневич В. О. Феоктистов Е. М. // Михневич В. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников: 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб., 1884. С. 266.

 $^{^2}$ Письмо К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову, 1 января 1883 г. // Литературное наследство. Т. 22/24. М., 1935. С. 502.

 $^{^3}$ Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Там же. С. 503.

 $^{^4}$ Письмо К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову, 10 января 1883 г. // Там же.

 $^{^5}$ См.: Победоносцев К. П. Печать // Победоносцев К. П. Московский сборник. 2-е изд. М., 1896. С. 57–66.

полную свободу, одобрял все меры, которые я считал необходимыми, во всем соглашался со мной; он был видимо доволен, что нашелся человек, который поставил себе задачей действовать твердо и последовательно»¹. Иногда Феоктистов оказывал даже давление на Толстого, чтобы «вырвать у него согласие на решительную меру»².

Борьбу правительства с литературой, периодикой можно разделить на два вида: ограничение круга вопросов и тем, о которых разрешалось писать, и преследование конкретных изданий.

В Главном управлении по делам печати создавалось огромное количество различных циркуляров, ограничивающих возможности освещения прессой актуальных вопросов жизни страны³.

28 мая 1881 г. выходит циркуляр, предлагающий печати воздерживаться от сообщений, касающихся земских и думских постановлений, отчетов о заседаниях этих учреждений и пр., без разрешения на то властей.

В 1885 г., в связи с избранием петербургского городского головы, запрещены статьи о лицах, которые будут предложены кандидатами.

Особенно сильно власти ограничивали освещение государственной деятельности. В марте 1884 г. объявлено, что можно печатать сведения только о тех правительственных действиях, которые уже обнародованы надлежащим ведомством в официальных изданиях. Запрещались и многие известия о правительственных лицах.

В апреле 1885 г. был разослан циркуляр, запрещающий, в первую очередь в сатирических журналах, заметки о разных высокопоставленных особах, особенно с приведением фамилий.

Ограничивается публикация материалов по крестьянскому вопросу: о переселенцах, отношениях крестьян с землевладельцами, о переделах земли и пр.

Запрещено упоминание о 25-летии отмены крепостного права. В ночь на 19 февраля 1886 г. газеты получили распоряжение: ничего не печатать о крестьянской реформе. Ряд газет поместил в этот день в знак протеста подчеркнуто неактуальный материал⁴. Так, «Русский курьер» размышлял на первой странице о московском водопроводе, а «Современные известия» — о событиях на Балканах и Кавказе⁵. «Русские ведомости» вообще

 $^{^{1}}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848—1914. М., 2001. С. 151.

² Там же. С. 152.

³ См.: *Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / Рос. нац. б-ка. СПб., 2016. 722 с. [прим. ред.]

⁴ *Розенберг В.* Из истории русской печати: Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863—1918 гг.). Прага, 1924. С. 119.

⁵ [Нашим гласным, стоящим за концессионный способ...] // Русский курьер. 1886. 19 февр.; Дневное обозрение // Современные известия. 1886. 19 февр.

не вышли. Когда один из иностранцев спросил, почему сегодня нет этой газеты, ему ответили: «Сегодня газета молчанием чествует двадцатипятилетие освобождения крестьян»¹. Есть и другой вариант объяснения, почему не вышли «Русские ведомости». Современник писал: «вся Москва знала причину: тогдашний генерал-губернатор кн. Долгоруков запретил газетам писать о 25-летии освобождения. В 12 часов ночи чиновник особых поручений объезжал редакции и типографии с целью проконтролировать, исполняется ли это распоряжение; оказалось, что смиренная московская пресса подчинилась; одни "Русские ведомости" готовились выйти с передовой статьей, в которой в обычно сдержанном тоне говорилось о великой реформе. И газета была задержана!»² Отличилась «Неделя», которая вышла спустя три дня после юбилея. Газета для провинциальной интеллигенции, подарившая стране теорию малых дел, возвещала: «Пусть же годовщина двадцатипятилетия великой реформы будет годом поворота общественного сознания. Пусть исчезнут страхи и опасения за будущее. Течение общественной жизни может временно останавливаться, может временно терять правильное направление, но повернуть назад оно не может» 3 .

С 1890-х гг. были запрещены статьи по рабочему вопросу: о стачках, положении рабочих, рабочих волнениях и т. д. Ограничили и публикации о беспорядках в учебных заведениях, особенно высших (в Казанском университете и пр.). Все это было разрешено публиковать только после официальных сообщений и сообразуясь с ними.

За 1880—1894 гг. на периодические издания было наложено 202 взыскания, вынесено 62 предостережения, 69 раз запрещалась розничная продажа, 15 раз запрещалась публикация частных объявлений (последние две меры имели экономическое воздействие)⁴. При этом наблюдалось постепенное снижение числа запретов. Уменьшение количества взысканий свидетельствовало не о постепенном смягчении политики правительства, а о том, что особо «вредные» издания были в первое пятилетие запрещены или приведены к повиновению. Возобновленные после временного прекращения (приостановки) издания проверялись предварительной цензурой, пресекающей всякое подобие либерализма. За годы правления Александра III был запрещен выпуск восьми изданий (журнал «Отечественные записки», газеты «Здоровье», «Московский телеграф»,

¹ *Розенберг В.* Из истории русской печати: Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863—1918 гг.). Прага, 1924. С. 119.

 $^{^2}$ Бор К. К циркуляру о праздновании 19-го февраля // Освобождение. 1904. № 57. С. 118.

³ 1861–1886 // Неделя. 1886. 22 февр. (№ 8). Стб. 273–276.

⁴ Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 136–141.

«Заря», «Сибирская газета», «Светоч», «Дроэба», «Фаланга»¹). Кроме того, в результате цензурных преследований перестали выходить восемь газет («Голос», «Восток», «Русский курьер», «Русское дело», «Порядок», «Страна», «Эхо», «Газета Гатцука»). Газета «Порядок» прекратила выход сама (но ее издателя, М. М. Стасюлевича, к этому вынудили цензурные кары).

Уже в первый год прихода к власти Феоктистова (1883) было прекращено издание двух либеральных газет: «Московского телеграфа» и «Страны».

Остановимся на «Московском телеграфе» — ежедневной газете умеренно-либерального толка, выходившей в 1881–1883 гг. Газету издавал И. И. Родзевич, наиболее заметными были публикации В. А. Гольцева (будущего редактора «Русской мысли») и Д. Д. Минаева². Цензура обратила внимание на резкость тона с первого года издания; весной 1881 г. газете была запрещена розничная продажа. В 1882 г. на нее обрушился поток взысканий: четыре предостережения, запрещение розничной продажи, временная приостановка³. Принятые меры, по мнению министра внутренних дел, должны были привести к прекращению издания: «"Телеграфу", — пишет Толстой Победоносцеву, — запрещена розничная продажа, что для него почти равносильно уничтожению»⁴. Однако «Московский телеграф» после приостановки с ноября 1882 г. продолжал выходить. На скорейшем закрытии неугодной газеты особенно настаивал Победоносцев. 12 марта 1883 г. он писал Феоктистову: «Пора бы уже приняться за "Московский телеграф". От графа Толстого я слышал, что будет на первой неделе. А вот и вторая кончается» (имеются в виду первая и вторая недели Великого поста). Феоктистов на следующий же день ответил, что «в настоящее время составляется записка о "Московском телеграфе". Послезавтра она будет послана к графу Толстому, который на основании ее возбудит вопрос об означенной газете»⁶. Через несколько дней Д. А. Толстой представил царю доклад, в котором сказано, что

 $^{^1}$ Первые семь по решению «Совещания четырех министров», «Фаланга» — решением местных властей.

 $^{^2}$ См.: Гиляровский В. А. Москва газетная // Гиляровский В. А. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 70–72.

³ О мотивах предостережений и запретов «Московскому телеграфу», фигурирующих в официальных распоряжениях, см.: *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 236.

 $^{^4}$ Письмо Д. А. Толстого к К. П. Победоносцеву, 15 декабря 1882 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. Т. 1: Novum regnum. Полутом 1 / с предисл. М. Н. Покровского. М.; Пг., 1923. С. 265.

 $^{^5}$ Письмо К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову, 12 марта 1883 г. // Литературное наследство. Т. 22/24. М., 1935. С. 504.

⁶ Там же. С. 504.

«Московский телеграф» «принадлежит к числу наиболее вредных изданий»; «этот орган <...> изображал в самом ненавистном свете теперешнее положение дел». 19 марта 1883 г. решением «Совещания четырех министров» «Московский телеграф» был запрещен (всего вышло 76 номеров). Издание газеты прекращалось за «крайне вредное направление, действующее на дурные страсти общества и возбуждающее неуважение и недоверие к правительству»¹. Феоктистов в официальной записке писал: «Если вообще, за весьма немногими исключениями, печать наша отнюдь не отличается благонамеренностью и старалась лишь создавать затруднения правительству среди тревожных обстоятельств последнего времени, то два ее органа преимущественно перед всеми другими обращали на себя внимание своими вредными тенденциями и дерзостью своего тона. Оба они — "Московский телеграф" и "Русский курьер" — издаются в Москве»².

Перестала выходить и либеральная политико-литературная газета «Страна», печатавшаяся в 1880—1883 гг. в Петербурге (издатель-редактор Л. А. Полонский, обозреватель «Вестника Европы»). Газета ориентировалась на царствование Александра II, публикуя всяческие похвалы ему и его реформам. По мнению редакции, «воспитательная задача» прессы «составляет у нас главное ее призвание», потому что эта задача наиболее самостоятельная. «Страна» понимает, что «единственная действующая политическая сила в России есть правительство», и потому русской печати остается лишь «разъяснять вопросы», «изучать народ, который еще не сказал своего слова», и «стараться соединить умы общества, идущего вразброд»³.

В то же время, отмечая необходимость реформ, улучшений, газета ратовала за пресечение революционного движения в стране и защищала старообрядцев. Такая смесь идей могла показаться властям недозволенной оппозицией. К этому, видимо, добавлялось ощущение, что подчеркнутые похвалы Александру II содержат противопоставление Александру III. В 1881 г. газета получила два предостережения: 16 января за статью о необходимости помиловать Чернышевского, 4 марта — за статью об убийстве Александра II (газета призывала уменьшить ответственность царя, чтобы оградить его от покушений). В январе 1883 г. «Страна» получила третье предостережение, была приостановлена на четыре месяца, подчинена предварительной цензуре. В докладе царю Д. А. Толстой писал о ней: «Газета "Страна", несмотря на объявленные ей два предостережения и воспрещение розничной продажи <...> про-

¹ Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 236.

 $^{^2}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 283.

³ Страна. 1880. 1 янв. (№ 1).

должала упорно держаться усвоенного ею вредного направления, выражающегося в систематическом стремлении безусловно осуждать все действия и распоряжения правительства и представлять общее положение дел в нашем отечестве в самом безотрадном виде». Направление газеты, по словам Толстого, особенно наглядно выразилось в передовой статье новогоднего номера за 1883 г., «в которой с непозволительной дерзостью заявляется об отсутствии в сферах управляющих "искренности" и "сколько-нибудь рациональных, приведенных в систему идей"»¹. В 1884 г. редакция выпустила один номер для сохранения права издания, но больше газета не выходила.

В 1883 г. началась расправа с ежедневной петербургской газетой «Голос», издаваемой и редактируемой А. А. Краевским. «Голос» возник в 1863 г. как официозное издание, негласно получал субсидию от Министерства народного просвещения и «держался того взгляда, что правительство нынешнего царствования вполне прогрессивно, во многих случаях прогрессивнее даже самого общества»². Газета быстро ушла от официозной позиции и отражала умеренные взгляды либеральной бюрократии. Краевский, в борьбе за подписчиков, стремясь не потерять авторитет в обществе, печатал в «Голосе» материалы, вызывавшие недовольство властей. Делал это он весьма успешно. В 1863 г. газета имела 4 тысячи подписчиков, в 1877 г. — более 22 тысяч. С 1871 г. компаньоном и соредактором Краевского становится либеральный историк В. А. Бильбасов. Пропагандируя постепенность и реформы, газета выступает в защиту свободной торговли, всеобщего школьного образования, отвергает классическую систему — детище Каткова. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Голос» разоблачает злоупотребления и казнокрадство в армии. Не столь уж прогрессивная позиция, но для властей этого было достаточно.

«Голос» подвергался многократным цензурным взысканиям в виде предостережений, приостановок и запрещений розничной продажи. Общее число их с 1865 г. достигло 46, из них за последние два с небольшим года — 12^3 . Благодаря широким связям в правительственных сферах газета получала много неофициальной информации и не стеснялась публиковать ее, вызывая недовольство властей. Особенно нетерпимо относились к «Голосу» Победоносцев и Толстой. По словам Феоктистова, Толстой не мог спокойно говорить о «Голосе», «ему все казалось, что "Голос" служит органом какой-то чрезвычайно сильной партии и что

 $^{^1}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 286—287.

² [Михневич В. О.] Пятнадцатилетие газеты «Голос», 1863–1877. СПб., 1878. С. XXXI.

 $^{^3}$ *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 231.

если нанести ему удар, то чуть ли не произойдет бунт». Поэтому министр внутренних дел до поры остерегался применить решительные действия против «Голоса», кроме прочего опасаясь, что «враги его будут утверждать, что он руководился чувством личной мести»¹.

В феврале 1883 г. «Голосу» было объявлено третье предостережение. Во всеподданнейшем докладе говорилось, что газета, «неоднократно подвергавшаяся карательным мерам, продолжала и до последнего времени держаться вредного направления, выражавшегося как в суждениях ее о существующем государственном строе, так и в подборе и неверном освещении фактов <...> очевидно рассчитывая породить смуту в умах»². В РГИА хранится дело по жалобе статского советника Краевского на распоряжение министра внутренних дел о закрытии «Голоса» «вследствие не выхода ее в течение года»: «подчиняясь распоряжению г. Министра внутренних дел, дозволившего издание газеты "Голос" после 12 августа 1883 г. не иначе, как под предварительной цензурой, редакция газеты "Голос" выпустила, с разрешения предварительной цензуры, 7 февраля настоящего 1884 г. один номер газеты»³. В единственном номере за 1884 г. встречается фраза, прямо указывающая на желание продолжить издание: «Государственная роспись и приобретение Мерва — вот два вопроса, которыми в настоящее время все более интересуется русское общество, считаем необходимым заняться ими в ближайших же номерах газеты»⁴. Единственный номер газеты не показался в цензурном ведомстве продолжающимся периодическим изданием, и «Голос» в 1884 г. был закрыт.

В 1884 г. произошла расправа и с «Отечественными записками» — самая серьезная из цензурных расправ 1880-х гг. После запрещения в 1866 г. «Современника», «Отечественные записки» продолжили его традиции. До 1877 г. их редактировали Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев. В журнале сотрудничал один из лидеров народничества, Н. К. Михайловский; им написано большинство обзоров новых книг, литературных рецензий. Трудились в журнале А. И. Эртель, С. Н. Кривенко, другие публицисты, связанные с народничеством. Журнал и в самом деле был последовательно оппозиционным правительству, отвергал коренные основы существующего порядка. Автор антинигилистических романов Болеслав Маркевич 26 сентября 1881 г. доносил Каткову, что «Отечественные записки» «прямо, не стесняясь нисколько, подбивают своих читателей на смуту, признают героями Желябовых и К°. Целые

 $^{^1}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848—1914. М., 2001. С. 152.

 $^{^2}$ Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 231.

³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 151. Д. 289. Л. 1–1 об.

 $^{^{4}}$ [По примеру прежних лет...] // Голос. 1884. 7 февр. (№ 1).

книжки журналов подбираются статья к статье в этом смысле»¹. Маркевич несколько преувеличивал, но основные тенденции «Отечественных записок» он уловил правильно. Журнал действительно в это время был основным, наиболее авторитетным органом демократической мысли. Он пользовался успехом у читателей. Если в 1868 г. (время перехода журнала в руки Некрасова) у «Отечественных записок» было 5 тысяч подписчиков, то в 1881 г. число их возросло до 10 тысяч².

Первостепенную роль в 1880-е гг. в журнале играл М. Е. Салтыков-Щедрин. Он не только осуществлял общее редактирование «Отечественных записок», определял их направление, но и печатал в них свои произведения, имевшие огромный успех, общественный резонанс («Письма к тетеньке», «Современная идиллия» и др.). Эти произведения являются одним из лучших источников, воссоздающих атмосферу 1880-х гг. Власти ненавидели журнал, но поскольку он был влиятельным, пользовался большим общественным авторитетом, то решиться на расправу с ним было не просто. По словам Феоктистова, Толстой, как и в вопросе о закрытии «Голоса», проявлял нерешительность, «главным образом опять-таки из опасения возбудить неудовольствие в обществе»³. Пришлось браться за дело самому Феоктистову (есть вероятность, что Феоктистов несколько преувеличивает свою роль и нерешительность Толстого. — Π . P.). Как бы то ни было, Феоктистов ненавидел журнал. В воспоминаниях А. М. Скабичевского сообщается, что жена Феоктистова якобы заявляла, что ее муж «занял пост начальника по делам печати единственно с той целью, чтобы раздавить такую гадину, как "Отечественные записки"»⁴. Вряд ли верна причина единственно, но общее отношение Феоктистова к «Отечественным запискам» эти слова передают.

18 января 1884 г. Совет Главного управления по делам печати принял решение о необходимости объявить «Отечественным запискам» второе предостережение. В докладе царю Д. А. Толстой писал по этому поводу: «Принимая в соображение, что журнал "Отечественные записки" обнаруживает вредное направление, предавая осмеянию и стараясь выставить в ненавистном свете существующий общественный, гражданский и экономический строй как у нас, так и в других европейских государствах, что наряду с этим редакция не скрывает своих симпатий к крайним социалистическим доктринам и что, между прочим, в январской книжке

 $^{^1}$ Цит. по: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки», 1868—1884: История журнала. Аитературная критика. Южно-Сахалинск, 1966. С. 329.

 $^{^2}$ *Боград В. Э.* «Отечественные записки» (1868–1884): указ. содержания. М., 1971. С. 727–728.

 $^{^3}$ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848—1914. М., 2001. С. 153.

⁴ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 391.

этого журнала за текущий год помещена статья за подписью Николадзе под заглавием "Гамбетта и Луи Блан", содержащая восхваление одного из французских коммунаров — Рошфора, я, согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, признал необходимым объявить журналу "Отечественные записки" второе предостережение»¹. Представление Толстого было утверждено Александром III. Мотивировка была настолько серьезной, что М. Е. Салтыков-Щедрин счел ее предвестницей конца. В письме А. Л. Боровиковскому он сообщал о положении дел: «Судя по сильной мотивировке, вероятно, вслед за сим последует и третье предостережение, хотя бы мы и белую бумагу выдали. Очевидно, что тут есть уже предвзятое намерение. А может быть, и совсем закроют журнал. Как бы то ни было, но я пишу к Вам, так сказать, накануне умертвия»². Пытаясь спасти журнал, Салтыков-Щедрин летом 1883 г. спрашивает Н. К. Михайловского: «Не имеете ли Вы какую-нибудь комбинацию в виду насчет "Отеч[ественных] зап[исок]", которую мог бы Краевский принять? Я же тогда только могу остаться, если совершится какое-нибудь чудо, т. е., по крайней мере, сместят Феоктистова или Каткова ошельмуют»³. Напомним, что Краевский был издателем «Отечественных записок».

Пожалуй, в высшей степени значительную роль в расправе над «Отечественными записками», наряду с Феоктистовым, Толстым, Катковым, Победоносцевым, сыграл директор Департамента полиции В. К. Плеве.

В августе 1883 г. Плеве представил Толстому обширную записку, которая была посвящена в основном «Отечественным запискам». В ней Плеве подробно говорил о связи революционного движения с журналистикой. Характеризуя близость пропагандистской деятельности революционных народников с периодической печатью, он писал: «журналистика, конечно, не замедлила отозваться на этот ею же подготовленный порыв молодежи. В повременных изданиях появился ряд произведений народнической беллетристики, в которой ими популяризировался западноевропейский социализм или же путем измышленных, а иногда лишь искусно подобранных или ложно освещенных явлений народного быта доказывалось бедственное положение народа <...> Подобные произведения на первое время и служили орудием пропаганды, стремившейся привить народу чувство недовольства его положением и познакомить его с основаниями

 $^{^1}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 288.

 $^{^2}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо А. Л. Боровиковскому, 31 января 1883 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19. Кн. 2: Письма (1881—1884). М., 1977. С. 182.

 $^{^3}$ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Письмо Н. К. Михайловскому, 30 июня 1883 г. // Там же. С. 213.

учения, признаваемого фанатиками социализма средством исцеления от всех общественных зол»¹. Плеве говорил о «гибельном влиянии» на молодежь, которое имели творчество и деятельность Некрасова — одного из руководителей «Отечественных записок».

Переходя к существующему положению дел и задачам Главного управления по делам печати, Плеве отмечал, что цензурному ведомству едва ли будет «под силу сломить окончательно враждебное существующему порядку настроение прессы до тех пор по крайней мере, пока состав литературного кружка, руководящего журналами и газетами, не изменится. В настоящее время кружок этот состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против законного порядка <...> "Отечественные записки", издаваемые Краевским, редактируются Салтыковым при деятельном участии Григория Елисеева и Михайловского в сотрудничестве с некоторыми ссыльными и поднадзорными <...> Все изложенное приводит к заключению, что в данный исторический момент правительство находится в борьбе не только с кучкой извергов, которые могут быть переловлены при усиленных действиях полиции, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, то есть с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер»².

Получив эту записку, Толстой писал Плеве: «Очень благодарю Вас <...> за составленную записку об отношениях известной части нашей журналистики к революционной партии <...> Я посылаю ее государю»³. Меры были приняты: ряд сотрудников «Отечественных записок» арестован или выслан из столицы. В январе 1883 г. из Петербурга выслан Н К. Михайловский. В начале 1884 г. арестованы С. Н. Кривенко, А. И. Эртель, М. А. Протопопов. Все это давало повод для обвинения «Отечественных записок» в прямой крамоле. Феоктистов рассказывал, что инициатива закрытия «Отечественных записок» принадлежала Департаменту полиции: «Однажды граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским и Плеве, которые сообщили, что редакция "Отечественных записок" служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо»⁴. Совещание состоялось в конце марта или в начале апреля, потому что уже 5 апреля Н. А. Любимов сообщал

 $^{^1}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 289—290.

² Там же. С. 290.

³ Там же

⁴ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы: воспоминания // За кулисами политики, 1848–1914. М., 2001. С. 153.

Каткову о том, что участь «Отечественных записок» решена и доклад по этому поводу подготовлен 1 .

Проект «Правительственного сообщения» о закрытии «Отечественных записок» готовили Феоктистов, Плеве и Победоносцев. 13 апреля 1884 г. «Совещание четырех министров» приняло решение о закрытии «Отечественных записок» «с обнародованием в "Правительственном вестнике" изложенных в журнале совещания соображений, послуживших поводом к принятию означенной меры»². 19 апреля решение утверждено императором, а 20-го опубликовано «Правительственное сообщение». В нем говорилось: «Некоторые органы нашей периодической печати несут на себе тяжкую ответственность за удручающие общество события последних лет «...» Независимо от привлечения к законной ответственности виновных правительство не может допустить дальнейшее существование органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ»³. «Отечественные записки» были запрещены.

Единомышленники редакции выражали чувства скорби и негодования. Друг Салтыкова-Щедрина Н. А. Белоголовый писал в эмигрантской газете «Общее дело»: «Еще один удар по голове, нанесенный русскому обществу Толстым, удар, давно подготовленный и о котором мы не раз уже предупреждали. "Отечественные записки" закрыты навсегда, и закрыты они без всяких "formes de procès"⁴, указаний и ссылок на их печатные преступления, а просто за вредное направление. Направление их было действительно вредным. В этом журнале еще веял дух великих идеалов 60-х годов; в нем жила и развивалась та любовь к народу и родине, которая внушает русскому человеку ненависть к его угнетателям»⁵. В том же духе писал о закрытии «Отечественных записок» и Н. К. Михайловский в подпольной газете «Народная воля»: «это был почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем их объеме. За это он должен был погибнуть — и погиб. Было бы странно, если бы мрачная правительственная сила не наложила раньше или позже руки на мало-мальски светлое явление. <...> Министерский квартет не удовольствуется, вероятно, одними "Отеч. [ественными] зап. [исками]", но мы не видим в этом большой беды. Нам в нашей литературной деятельности случалось пере-

¹ Теплинский М. В. «Отечественные записки», 1868–1884: История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966. С. 123–124.

² Цит. по: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки», 1868–1884: История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966. С. 124.

³ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1884. 20 апр. (№ 87).

⁴ Без соблюдения формальностей (фр.).

⁵ [Белоголовый Н. А.] Реакционный террор // Общее дело (Женева). 1884. № 61 (май). С. 1.

живать очень тяжелые времена: типографии исчезали, редакции отвлекались по другим делам или гибли, но мы живы потому, что жива идея, которой мы служим» 1 .

Прокламация студенчества «К русскому обществу от Московского Центрального кружка Общестуденческого Союза», расклеенная по Москов и разосланная в провинцию, также содержала резкие оценки действий властей: «Сегодняшние газеты сообщают о новом проявлении той темной силы, которая много лет позорит нашу родную страну и которая именуется русским правительством. Запрещено издание "Отечественных записок". Преступная рука не пощадила и этого единственного органа, смелого и честного защитника прав русского человека. Мы надеемся, что русское общество не будет по обыкновению равнодушно к судьбе своих защитников. Мы надеемся, что русское общество выразит свое сочувствие великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам, свой протест и негодование русскому правительству; что в русском обществе не умерло еще чувство гражданского мужества и собственного достоинства»².

Однако вряд ли в данном случае можно говорить о широком общественном отклике. Протесты против запрещения «Отечественных записок» появились в нелегальных изданиях, не имевших широкого круга читателей, были единичными, мало характерными для общественной атмосферы России. Эта атмосфера, ощущения, вызванные запрещением «Отечественных записок», отражены в сказке-элегии Салтыкова-Щедрина «Приключение с Крамольниковым». После перехода в небытие даже либералы, недавние друзья, торопятся отмежеваться от Крамольникова: «никакого оттенка участия не виделось на их лицах. Напротив, на них уже успела лечь тень отступничества. — Однако! похоронили-таки вас, голубчик! <...> я вам давно говорил, что нельзя! Терпели вас, терпели, — ну, наконец...»³. Герой испытывает ощущение, что его «труд был бесплоден», не на кого опереться. Но в этом отступничестве, в котором отчетливо ощущается и злорадство, Крамольников видит «не одно личное предательство, а целый подавляющий порядок вещей». В конце сказки дан post scriptum автора: все написанное не больше, чем сказка, а отступники водились во всякое время, а не только в данную минуту. «А так как и во всем остальном все обстоит благополучно, то не для чего было и огород городить, в чем автор и кается чистосердечно перед читателями»⁴. Горькие и мрачные раздумья.

 $^{^1}$ Закрытие «Отечественных записок» // Народная воля. 1884. № 10 (сент.). С. 17–18. См. также: Литература партии «Народная воля»: «Народная воля», «Листок Народной воли», «Рабочая газета»: документы / Всесоюз. о-во политич. каторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1930. С. 227–228.

² Цит. по: *Колпенский В. В.* М. Е. Салтыков-Щедрин и «Общестуденческий Союз» // Русское прошлое: историч. сб. Пг.; М., 1923. С. 122.

 $^{^3}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Приключение с Крамольниковым: (Сказка-элегия) // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 16. Кн. 1. М., 1974. С. 202.

⁴ Там же. С. 205.

С журналом «Дело» власти расправились по-иному. «Дело» продолжало традиции запрещенного «Русского слова». Журнал выходил ежемесячно в Санкт-Петербурге в 1866-1888 гг. Издателем и фактическим редактором был Г. Е. Благосветлов, в прошлом издатель «Русского слова». «Дело» — тоже один из радикальных органов эпохи. В журнале печатались многие писатели и публицисты демократического направления (Н. В. Шелгунов, П. Н. Ткачёв, Д. И. Писарев, В. В. Берви-Флеровский, А. П. Щапов). После смерти Благосветлова (1880) редактором «Дела» стал один из участников революционно-демократического движения 1860–1880-х гг. Шелгунов, который привлек к сотрудничеству в журнале эмигрантов-народников (П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров, С. М. Степняк-Кравчинский публиковались под псевдонимами или анонимно). Шелгунов в 1882–1883 гг. был сослан, в 1884 г. арестован, подозревался в связи с исполкомом «Народной воли», обвинение не было доказано, однако оставаться редактором Шелгунову стало невозможно. Его сменил К. М. Станюкович, который в конце 1883 г. приобрел право собственности на журнал. В 1885 г. «Дело» переходит в руки И. С. Дурново, теряя демократический характер.

Цензурные гонения продолжались. В 1884 г., по настоянию Победоносцева, преследованиям подверглась весьма далекая от оппозиционности московская газета «Восток», издававшаяся Н. Н. Дурново. Газета создавалась для разъяснения текущих вопросов, вызванных «политическими и религиозными событиями на Востоке, среди родственных нам по вере и крови народов»; чтобы «установить прямой обмен мыслей между греческою, сербскою, болгарскою, румынскою и русскою публицистикой по предметам общего интереса»1. Здесь были опубликованы «Письма отшельника» К. Н. Леонтьева, посвященные греко-болгарскому церковному вопросу. Газета «Восток» имела неосторожность выступить с критикой ведомства Победоносцева, за что и была наказана. В 1882 г. газета получила первое и второе предостережения за «вредное направление», а в 1884 г. ей вынесли третье предостережение и временно приостановили — за то, что продолжала держаться усвоенного ею вредного направления, выражавшегося в «дерзких нападках на деятельность лиц высшей духовной иерархии» и «непозволительной запальчивости», с которой в газете обсуждались «различные вопросы церковного управления»². Подчиненная предварительной цензуре, газета в 1886 г. прекратила выход.

В январе 1885 г. решением «Совещания четырех министров» была запрещена издаваемая с 1882 г. в Петербурге газета «Светоч», обвиненная

¹ Об издании в 1879 году газеты «Восток» // Восток. 1879. 2 мая (№ 1).

² Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 227.

в резко антиправительственном направлении. Газету издавал В. В. Ярмонкин (Салтыков-Щедрин подшучивал: «Вот "Светоч" едва родился, а уж закрыли. Кто этот Ярмонкин? Что-то я слышал об нем и, помнится, не хорошее. Но когда и от кого именно, — хоть убейте, не помню»¹). В цензурном комитете утверждали, что редакция выставляет положение России в самом мрачном свете. И нельзя сказать, что цензоры сильно ошибались. В передовых статьях «Светоча» можно прочесть: «Неправда и хищения сделались обычным явлением и чуть ли не единственным стимулом общественной и государственной жизни»; «все, что выработала эта жизнь лучшего и благороднейшего, ежедневно грубо попирается перед нашими глазами»². В данном случае, видимо, решение Совещания было не совсем безосновательным. Тем более что фактическими редакторами «Светоча» были И. И. Родзевич, бывший редактор и издатель «Московского телеграфа», и В. А. Гольцев.

В феврале 1885 г. после двух взысканий (запрещение розничной продажи и печатания частных объявлений) прекратила существование газета «Эхо». Издание в 1882 г. было преобразовано из «Эха газет» бывшим окружным интендантом Рущукского отряда русской армии В. П. Макшеевым. Макшеева и его коллег обвиняли в хищениях во время Русскотурецкой войны; интендантское дело слушалось в Особом присутствии Петербургского военно-окружного суда с февраля по апрель 1882 г. Для противостояния односторонним нападкам в печати Макшеев и принял на себя издательство «Эха». После приговора суда и ссылки Макшеева в Томск газету редактировал известный журналист А. В. Старчевский, затем юрист Ф. Ф. Трозинер.

В сентябре того же 1885 г. решением Совещания четырех министров были закрыты еще две газеты: петербургская «Здоровье» и тифлисская «Дроэба»³. Во всеподданнейшем докладе отмечалось, что газета «Здоровье» совершенно изменила свое направление после прихода нового редактора П. Н. Подлигайлова, доктора, юриста, автора ряда научных сочинений: «На первых же порах Подлигайлов не задумался доказывать необходимость увеличения земельных наделов крестьянского сословия как единственного средства вывести это сословие из стесненного положения»⁴.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо В. М. Соболевскому, 12 января 1885 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 20: Письма (1884—1889). С. 124.

 $^{^2\:}$ Идеалист. Очерки петербургской жизни // Светоч. 1882. 19 февр. (№ 1); Москва, 1-го января // Светоч. 1885. 1 янв. (№ 1).

 $^{^3}$ «Дроэба» (груз. «Времена») — политическая и литературная газета, выходившая в Тифлисе с 1866 по 1885 г. на грузинском языке.

⁴ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 294.

Грузинская газета «Дроэба», редактируемая И. Г. Мачабели, в том же докладе обвинялась в сепаратизме: «Статьи, представляемые им [редактором] в цензуру, проникнуты сепаратическими тенденциями, которые он не считает даже нужным выражать намеками или в иносказательной форме, а излагает с поразительной откровенностью» Последние две газеты в справочнике «Русская периодическая печать» вообще не указаны, о первой («Эхо») сообщается лишь, что она — либерально-монархическое издание; ничего не говорится о взыскании².

Итак, из всех периодических изданий, которые были запрещены или прекратили существование вследствие цензурных гонений эпохи Александра III, девять относятся к первым трем годам (1883—1885). Очевидно, задачу борьбы с оппозиционной прессой правительство решало в основном в первые годы смены власти, что не означало прекращения репрессий в последующие годы. Следует добавить, что в многочисленных цензурных запрещениях император принимал непосредственное участие, сопровождая доклады весьма одобрительными репликами.

В 1886 г. решением «Совещания четырех министров» была запрещена киевская газета «Заря». Во всеподданнейшем докладе Толстого отмечалось, что П. А. Андреевский был лишь номинальным редактором этой газеты, а фактически она редактировалась политически неблагонадежными людьми, в последнее же время редактором запрещенной в 1880 г. одесской газеты «Правда» М. И. Кулишером. В журнале совещания указывалось, что газета запрещена «за обнаруженное со стороны ее редакции злоупотребление доверием правительства»³.

В 1884 г. еженедельная московская иллюстрированная «Газета А. Гатцука» получила три предостережения, была приостановлена на один месяц, после чего подчинена предварительной цензуре. Первое предостережение было вынесено за цикл рассказов Н. С. Лескова «Заметки неизвестного», где автор, по мнению цензуры, «глумится над православным духовенством, как черным, так и белым, представляя его развитие, жизнь и деятельность в самом непривлекательном виде» Второе предостережение было дано через месяц после первого, за продолжение публикации тех же «Заметок неизвестного», а также «за резкий отзыв о сделанном предостережении». Третье — за статью, направленную против Каткова. В докладе Толстого указывалось, что в № 32, «из ненависти

 $^{^1}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 294.

 $^{^2}$ Эхо // Русская периодическая печать (1702—1894): справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. М., 1959. С. 646.

 $^{^3}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... C. 294—295.

⁴ Там же. С. 295.

к принципам, органом коих служит это издание» («Московские ведомости» Каткова. — Π . P.), газета Гатцука «утверждает, что сотрудниками его могут быть лишь авантюристы, разные двусмысленные личности и даже явные мошенники»¹. Естественно, такой резкий отзыв об издании Каткова не мог остаться безнаказанным. В 1887 г. постановлением министра внутренних дел газета была приостановлена на восемь месяцев. В 1890 г., после смерти издателя, газета прекратила выход, а в 1891 г. наследники Гатцука неуспешно попытались печатать газету под названием «Заря».

В 1889 г. «Совещанием четырех министров» была запрещена «Сибирская газета», издававшаяся в Томске. Министр внутренних дел И. Н. Дурново во всеподданнейшем докладе писал о ее направлении: «Явное сочувствие ко всяким самым прискорбным явлениям, порождаемым демократическими тенденциями некоторой части нашего общества, старания укоренить мысль, что Сибирь должна заботиться об ослаблении своей связи с Россией, и попытки при всяком удобном случае дискредитировать распоряжения правительства и действия местной администрации». По словам Дурново, газетой фактически управляли политические ссыльные. Непосредственной причиной запрещения «Сибирской газеты», как это ни покажется странным, явилось открытие в Томске университета. Дурново (по просьбе первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринского) указывал, что в связи с этим «правительство обязано особенно заботиться об ограждении учащейся молодежи от вредных на нее влияний»². И делал вывод о необходимости запретить газету.

В том же 1889 г. прекратил существование из-за цензурных репрессий «Русский курьер» — ежедневная либеральная газета, выходившая в Москве в 1879–1889 и в 1891 гг., редактируемая В. Н. Селезнёвым. Газета боролась за улучшение земства, видя в нем средоточие «живых общественных сил». В то же время «Русский курьер» критиковал существующие земские учреждения, считал необходимым их усовершенствование. В газете публиковались статьи о положении крестьянства, защищались реформы 1860-х гг. Она давно уже беспокоила власти и Каткова, с которым «Русский курьер» постоянно полемизировал. В одной из статей, например, говорилось: «В течение более двух лет г. Катков с упорством и усердием, достойным лучших целей, занимался в Московских ведомосмях беззастенчивым обругиванием преобразований прошлого царствования; наиболее злостным его нападкам подвергались новые суды, а за ними земское и городское самоуправление»³.

 $^{^1}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 295.

² Там же. С. 295–296.

 $^{^{3}}$ [В течение более двух лет...] // Русский курьер. 1883. 10 июля.

Естественно, такое направление, при всей его умеренности, вызывало недовольство правительства, последовательно проводившего политику контрреформ. В 1882 г. газета была приостановлена на три месяца, а в 1883 г. получила предостережение за «вредное направление, выражающееся в суждениях о существующем государственном строе и в подборе и неверном освещении фактов о быте крестьян, направление это рассчитано на то, чтобы возбуждать смуту в умах»¹. В начале 1884 г. «Русский курьер» получил второе предостережение за статьи по национальному вопросу. В одной из них говорилось, что национальный вопрос — это «в сущности ничто иное, как принцип равноправности и братства людей»². Касаясь этого же вопроса, газета, цитируя свою статью от 24 декабря, заявляла: «ради счастья русского народа "мы являемся в России сторонниками искреннего, последовательного, разумно-целесообразного проведения в жизни населения русского государства принципа национальностей"»³. Получив второе предостережение, «Русский курьер» стал осторожнее, и закрыть его удалось не сразу. Но на рубеже 1880-1890-х гг. рассчитались и с ним.

В сентябре 1889 г. «Русский курьер» получил третье предостережение и был подчинен предварительной цензуре за статью, посвященную задолженности помещиков дворянскому банку⁴. В этой статье, по утверждению И. Н. Дурново, «выразилась вся злоба упомянутой газеты против дворянского сословия»⁵. Мотивом для репрессий стало то, что газета, по мнению цензуры, «упорствует в неблагонамеренном направлении, продолжает истолковывать в ложном свете правительственные мероприятия и усиливается набросать неблаговидную тень на высшее сословие в государстве»⁶. На всеподданнейшем докладе по поводу вынесенных «Русскому курьеру» предостережений царь наложил резолюцию: «Совершенно одобряю. Желательно было бы совершенно прекратить издание этой поганой газеты»⁷. «Русский курьер» формально не запретили, но подвергли предварительной цензуре и поставили в такие условия, что вскоре редакция была вынуждена прекратить издание.

 $^{^1}$ *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 243.

 $^{^2}$ [Вопрос о национальностях, выдвинутый современной...] // Русский курьер. 1883. 24 дек. (№ 281).

³ [На днях, говоря о принципе национальностей...] // Там же. 1883. 28 дек. (№ 284).

 $^{^4}$ Дворянские вопли и аргументы для выманивания подаяния // Там же. 1889. 8 сент. (№ 246).

 $^{^5}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 296.

⁶ Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем... С. 243.

 $^{^7}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 296.

Аналогичная история произошла с московской еженедельной газетой «Русское дело» (издатель-редактор С. Ф. Шарапов). В 1888 г. она получила за «вредное направление» два предостережения, а в 1889 г. — третье. Редакция придерживалась неославянофильских взглядов, весьма далеких от радикальности. Но и такое направление цензуру не устраивало. Характеризуя его, Д. А. Толстой отмечал, что оно обнаруживает, «во-первых, крайне враждебное отношение к нашей дипломатии, которую постоянно и в весьма грубой форме упрекает <...> в пренебрежении к русским интересам; во-вторых, старается доказать, что Россия жила правильной жизнью только во времена земских соборов»¹. Непосредственной причиной третьего предостережения и приостановки издания на шесть месяцев явился памфлет о судьбах русского дворянства, с антидворянскими высказываниями², что, по словам Толстого, «служит лишь одним из образцов явно демократических тенденций этой газеты». Распоряжение министра внутренних дел о приостановке содержало мотивировку: газета «не только не изменила того направления, которое вызвало против нее доселе карательные меры, но упорствует в нем с большею, чем когда-нибудь, запальчивостью, доказательством чего в ряду многих статей особенно служит статья оскорбительная для одного из сословий, помещенная в № 6 этого издания за текущий год»³. После приостановки газета не выходила.

Как видно из сказанного, большинство из запрещенных и прекративших выходить в результате цензурных репрессий периодических изданий было отнюдь не радикальным. Все они выступали иногда с оппозиционными статьями, критикуя отдельные стороны деятельности правительства, затрагивая более или менее острые вопросы (о тяжелом положении крестьянства, непосильных податях, необходимости расширения прав земства, продолжения реформ и пр.). О коренных проблемах русской действительности они и не заикались. Но и такая критика вызывала недовольство властей. В рассматриваемый период даже нейтральная позиция, с точки зрения правительства, была недостаточной. От печати, да и вообще от благонамеренного обывателя, требовалась не пассивная, а активная лояльность.

Это прекрасно отразил Салтыков-Щедрин в романе «Современная идиллия» (печатался в «Отечественных записках» в 1877, 1878 и в 1882—

 $^{^1}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 296.

 $^{^2}$ Что надлежит сделать Государственному совету в вопросе о земских начальниках. Письмо Н. П. Аксакова // Русское дело. 1889. 11 февр. (№ 6).

 $^{^3}$ Распоряжение министра внутренних дел, 20 февраля 1889 г. // Русское дело. 1889. 20 февр. (№ 8).

1883 гг.). Именно оттуда взят первый эпиграф к седьмой главе. Один из персонажей романа, полицейский чин Выжлятников, «вразумляет» повествователя: «ноне так рассуждают: ты говоришь, что коль скоро ты ничего не сделал, так, стало быть, шкура — твоя? Ан это неправильно. Ничего-то не делать всякий может, а ты делать делай, да так, чтобы тебя похвалили!». Чтобы сберечь шкуру, надо это заслужить, надо активно включиться в деятельность властей, собирать «статистику», которая имеет в виду привести «в ясность современное настроение умов»¹.

Как ясно из приведенного материала, основные цензурные репрессии обрушивались на периодику. Но и непериодическим изданиям доставалось немало². За рассматриваемый период, с 1881 по 1894 г., цензурой было запрещено 72 книги — не так уж много. За предшествовавшие 14 лет, с 1867 по 1880 г., книг было запрещено больше — 83³. А уж количество запретов в советское время и вовсе несравнимо с относительно скромным числом книг, погибших при Александре III. Тем не менее некоторые из них стоят упоминания.

Прежде всего привлекает внимание цензурная история произведений Л. Н. Толстого. Были запрещены его религиозно-философские этюды «В чем моя вера?», «Народные рассказы», «О жизни». Не был разрешен ввоз в Россию брошюры Толстого «Царство божие внутри нас», изданной во Львове. Главное управление по делам печати издало около 30 циркуляров, ограничивающих распространение не только сочинений Толстого, но сообщения о его произведениях и даже о событиях его жизни⁴. Непросто обстояло дело с публикацией «Крейцеровой сонаты». К этому времени Л. Н. Толстой уже был знаменит. У Александра III он во многом вызывал симпатию, в частности как автор «Войны и мира». «Крейцерову сонату» царь первоначально, как будто, печатать запретил. 14 февраля 1890 г. Феоктистов заносит в дневник: «Министр внутренних дел согласился с мнением Победоносцева и моим, но так как ему стало известно, что государь читал повесть Толстого, то он счел необходимым узнать его мнение о ней. "Разумеется, — сказал государь, — не следует ее печатать, написана она на совершенно фальшивую тему и с большим ци-

 $^{^1}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. Кн. 1. С. 145—146.

 $^{^2}$ Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962.

³ Согласно данным, приведенным в: *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России, 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. С. 61–198.

⁴ Мартирологий русской периодической печати // Самодержавие и печать в России. СПб., 1906. С. 67, 69, 78; Фойницкий В. Н. Цензурные циркуляры о Л. Н. Толстом // Русская литература. 1966. № 4. С. 174–176; Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства 1865–1905 гг. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 3. СПб., 2006. С. 113–114.

низмом, обрадуются ей, пожалуй, только скопцы"» 1. В то же время тот же Феоктистов, со слов зятя С. А. Толстой, А. М. Кузминского, утверждает, что несколько ранее Александр III говорил, что прочел это произведение «с большим интересом, что есть в нем кое-какие сальности, но что вообще это очень талантливое произведение» 2. 25 февраля 1891 г. был наложен арест на 13-ю часть «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» за помещение в ней «Крейцеровой сонаты». После посещения императора Софьей Андреевной Толстой 13 апреля 1891 г. Александр III разрешил включить повесть в собрание сочинений писателя 3, заявив, что он сам будет просматривать сочинения ее мужа, тем самым, видимо, пытаясь копировать своего любимого деда, Николая I, объявившего себя цензором Пушкина 4.

Среди запрещенных книг находился и шестой том сочинений Н. С. Лескова. В донесении Цензурного комитета отмечалось, что «вся шестая книга сочинений Лескова, несмотря на неоспоримую общую благонамеренность автора, оказывается, к сожалению, дерзким памфлетом на церковное управление в России и на растленные нравы низшего духовенства»⁵.

Не увидели свет «Трущобные люди» В. А. Гиляровского. Комитет министров отмечал, что «автор не скрывает своих симпатий к жертвам порока и разврата и усиливается доказать, что они дошли до падения отнюдь не по своей воле».

Не дошла до читателя «История новейшей русской литературы» С. А. Венгерова. И. Н. Дурново в представлении в Комитет министров писал: «Автор не щадит красок, чтобы выставить в самом ненавистном свете направление, которому следовало правительство в своей внутренней политике <...> Составляя историю русской литературы, (автор. — Π . P.) имел в виду исключительное восхваление тех писателей <...>, которых называет он "носителями демократических идей"».

Второй том «Истории Екатерины II» В. А. Бильбасова постигла та же участь. В представлении в Комитет министров Дурново утверждал, что автор пытается «развенчать Екатерину II, выставить ее в неблаговидном свете». Когда император узнал о содержании этого тома, он, по словам Феоктистова, хотел «отобрать у него (Бильбасова. — Π . P.) через полицию эти материалы, опасаясь скандала»; Дурново отговорил царя от такой меры⁶.

 $^{^1}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 300.

² Там же.

 $^{^3}$ *Гудзий Н. К.* Комментарии // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 27: Произведения, 1889—1890. М., 1936. С. 589.

⁴ *Толстая С. А.* Дневники: в 2 т. Т. 1, 1862–1900. М., 1978. С. 177.

⁵ Цит. по: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904: Архивнобиблиографические разыскания. М., 1962. С. 174.

⁶ Комитет министров принял решение сжечь книгу. Однако это не означало, что ее никто не прочел. Цензор В. В. Назаревский рассказывал, что «разные высокопоставленные

Запрещена была и анонимная книга «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения», где, по словам цензора, утверждалось, что Пушкин был близок к декабристам, а после их поражения стал пропагандировать их идеи «мирным путем, несмотря ни на цензуру, ни на меры, принимаемые шефом жандармов, ни на реакционную печать»¹.

Запрещались и произведения зарубежных авторов: роман В. Гюго «Отверженные», драмы Г. Ибсена, «Философские опыты» Э. Ренана, «Капитал» К. Маркса 2 .

По данным отчета Главного управления по делам печати, за 1880-е гг. Петербургским, Московским и Варшавским цензурными комитетами было просмотрено 65237 рукописей, из них запрещены 1561 (более 2%). Особенно много запрещалось рукописей на украинском языке (около 33%). Интенсивно действовала и иностранная цензура. За те же 10 лет она рассмотрела 93565260 книг (и журнальных номеров), из которых запрещена примерно каждая 12-я. Работала и драматическая цензура. С 1882 по 1891 г. она проверила 3947 русских, 869 немецких и 339 французских пьес. Из них запрещено 33% русских, 4,5% немецких и 0,5% французских пьес³. Феоктистов обосновывал высокий процент запрещений пьес отсутствием в них литературных достоинств, неприличным содержанием и «крайне вредной тенденциозностью»⁴. Видимо, последняя играла особенно существенную роль, тем более что оценка литературных достоинств вообще не входила в компетенцию цензурного ведомства. Следует учитывать и то, что разрешение драматической цензурой пьесы отнюдь не означало возможности ставить ее в народных театрах, для которых существовала особая цензура.

21 января 1888 г. было издано высочайшее повеление «О порядке разрешения пьес для представления на сценах народных театров». В нем говорилось, что император, по докладу министра внутренних дел, «соизволил установить в виде временной меры следующее правило: на сценах народных театров или театров, посещаемых вследствие низкой платы за места преимущественно простолюдинами, могут быть исполняемы только те из разрешенных цензурой драматических пьес, которые для

лица получили по протекции через Дурново до 150 экземпляров "Истории Екатерины II" Бильбасова. Вел[икие] князья получают эту книгу по личному требованию» (*Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 148–150).

 $^{^1}$ Цит. по: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. С. 162.

 $^{^2}$ Подробнее см.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904...

 $^{^3}$ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 301–302.

 $^{^4}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... C. 302.

сего одобрены Главным управлением по делам печати по особым ходатайствам содержателей театров или авторов и переводчиков»¹. Такое правило было, по мнению цензурных инстанций, вызвано тем, что «по уровню своего умственного развития, по своим воззрениям и понятиям простолюдин способен нередко истолковать в совершенно превратном смысле то, что не представляет соблазна для сколько-нибудь образованного человека, а потому пьеса, не содержащая ничего предосудительного с общей точки зрения, может оказаться для него непригодной и даже вредной»².

Следует отметить, что объектом цензурного наблюдения являлись и всякого рода библиотеки публичного пользования. Количество их в 1880-е и в начале 1890-х гг. значительно увеличивается. Растет и количество книжных магазинов. 5 января 1884 г. изданы специальные правила, касавшиеся организации библиотек. Они были включены в виде примечания в новое издание цензурного устава в 1886 г. Согласно этим правилам, право выдавать разрешения на открытие библиотек предоставлялось министру внутренних дел. Министерство внутренних дел получало право закрывать библиотеки, если оно сочтет это нужным. Утверждение же лиц, ответственных за деятельность библиотеки, возлагалось на губернаторов, которые могли устранять от работы любого из служащих.

Этими же правилами министр внутренних дел получал право контроля за книжными фондами библиотек. С этой целью Главное управление по делам печати и Департамент полиции составили список произведений, которые должны были быть изъяты из библиотек. Таким образом, в 1884 г. впервые была проведена массовая чистка библиотек. Согласно «Алфавитному списку произведений печати», изданному в том же году, изымалось 133 названия отдельных книг, собраний сочинений и периодических изданий, разрешенных ранее цензурой³. Изымались сочинения Н. А. Добролюбова, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева, Ф. М. Решетникова, второй том сочинений Н. Г. Помяловского. В список входили комплекты восьми журналов за определенные годы: «Русского слова» (1857-1866), «Современника» (1856-1866), «Отечественных записок» (1867-1884), «Дела» (1867-1884), «Устоев» (1881-1882), «Знамени» (за все годы издания), «Слова» (1878–1881), «Русской мысли» (с начала издания по 1884 г.; в списке 1894 г. изъятию подлежали экземпляры журнала по 1891 г.).

¹ О порядке разрешения пьес для представления на сценах народных театров: высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел // ПСЗ. Собр. 3. Т. 8. № 4957.

 $^{^2}$ Циркуляр от 14 февраля 1888 г. Цит. по: *Чудновцев М. И.* Церковь и театр: конец XIX – начало XX в. М., 1970. С. 87.

³ Алфавитный список произведениям печати, которые на основании высочайшего повеления 5 января 1884 г. не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. СПб., 1884. 8 с.

Второй «Алфавитный список» вышел к началу 1894 г., через 10 лет после первого. В нем уже значилось 165 названий¹. Наряду с прежними, в списке появляются новые имена и произведения: изданные в 1892 г. очерки и рассказы В. Г. Короленко, рассказ В. М. Гаршина «Четыре дня», 12-й и 13-й тома сочинений Л. Н. Толстого с народными рассказами, «Крейцеровой сонатой», «Плодами просвещения» и др. «Алфавитный список» 1884 г. положил начало целому ряду таких списков, систематическим «чисткам» библиотек. Списки регулярно продолжали составляться и рассылались во все библиотеки страны. Особенно разрослись они в советское время. В рукописном отделе Тартуской университетской библиотеки имеется внушительный фонд списков запрещенной литературы, получаемых библиотекой до последних лет советской власти (фонд 4, опись 4).

Одновременно с изданием правил 5 января 1884 г. департамент полиции выпустил специальный конфиденциальный циркуляр, в котором указывалось на необходимость особенно тщательно придерживаться всех пунктов правил. Подчеркивалось, что ходатайство об открытии библиотеки должно удовлетворяться «только в случае несомненного убеждения в совершенной политической благонадежности просителя и что при малейшем в этом отношении сомнении подобные ходатайства должны быть отклоняемы»². В другом циркуляре, от 1 июня того же года, указывалось, что заведующий публичной библиотекой или кабинетом народного чтения обязан дать подписку, что им не будут выдаваться книги, не разрешенные Главным управлением по делам печати и департаментом полиции. В случае нарушения подписки, чтобы не предавать подобные дела гласности, циркуляром Департамента полиции от 1 июля 1884 г. рекомендовалось не «возбуждать против виновных судебного преследования у мировых судей», но «устранять указанных лиц от работы в библиотеке, а при повторении нарушения закрывать сами библиотеки»³. 15 мая 1890 г. были изданы специальные правила о порядке открытия бесплатных читален и контроля за ними. Как и правила 1884 г., они вошли в примечания цензурного устава. В начале 1894 г. Главное управление по делам печати вновь напоминало цензурным комитетам и отдельным цензорам о необходимости тщательного отбора книг для народного чтения, отношения «к подобным изданиям с особым вни-

 $^{^1}$ Алфавитный список произведениям печати, которые на основании пункта 3-го примечания к ст. 175 Устава о цензуре и печати воспрещены Министерством внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Составлен в Главном управлении по делам печати, по 1 января 1894 г. СПб., 1894. 16 с.

 $^{^2}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 305.

³ Там же.

манием и строгостью, не ограничиваясь лишь применением к ним общих цензурных правил»¹. Последнее допускало широкий административный произвол при формировании книжного фонда библиотек.

В конфиденциальном письме министра внутренних дел И. Н. Дурново министру просвещения И. Д. Делянову, отправленном в феврале 1894 г., шла речь о недостаточном контроле за библиотеками и читальнями для народа; о безнадзорной бесплатной раздаче различными обществами книг и о том, что сельские библиотеки не при школах также лишены контроля. «Из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений можно заключить, — писал Дурново Делянову, — что это движение, охватывающее молодежь, развивается последовательно и носит в себе характер не случайного временного явления, а как бы систематического осуществления программы и представляется одним из средств борьбы с правительством на легальной почве противоправительственных элементов». Дурново с сожалением отмечал, что «цензура, поставленная в определенные законом рамки, не всегда может противодействовать искусно маскированной пропаганде известных идей и за отсутствием формального основания к запрещению книги пропускает в народное обращение сочинения, не всегда соответствующие народному пониманию и мировоззрению и несогласные с духом православия и русской государственной жизни»². В связи с этим Дурново просил Делянова поставить вопрос о подчинении Министерству народного просвещения Петербургского комитета грамотности и его отделений и об установлении контроля ведомством народного просвещения над различными частными обществами, занимающимися народным образованием.

Следует помнить, что, кроме перечисленных выше цензур, существовали еще духовная и ведомственные цензуры. Например, почтовая цензура занималась перлюстрацией писем, причем в круг ее попадала и переписка весьма высокопоставленных особ, занимавших важные государственные должности. В одном из перлюстрированных писем конца 1883 г. автор его пишет: «Цензура также свирепствует. Феоктистов недавно писал Юрьеву, просил быть, елико возможно, осторожным, потому что "щадить не будут". "Отечественные записки" на краю гибели, озлились там очень на Щедрина <...> Все газеты и журналы трепещут»³. Такую же оценку деятельности Феоктистова дает в 1883 г. М. И. Семевский: «И вот в короткое время, шесть недель, запрещены газеты "Страна", "Голос", "Московский телеграф". Объявлены угрозы литературным журналам, каковы: "Отечественные записки", "Наблюдатель". Косвенно

 $^{^1}$ Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 305—306.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 287.

послана угроза "Вестнику Европы", короче сказать, над литературою русскою нависла мрачная туча, напоминающая время 1848 и 1849 гг.»¹.

Не все периодические издания были запрещены, но многие постоянно подвергались цензурным взысканиям. По силе влияния, после «Отечественных записок», следует назвать журнал «Вестник Европы» (1866–1918), издаваемый М. М. Стасюлевичем. Особой популярностью в нем пользовалось «Внутреннее обозрение», которое вел талантливый публицист и крупный ученый К. К. Арсеньев. Либеральное издание, выступающее за правовой порядок, свободу печати и продолжение Великих реформ Александра II, вызывало неприязнь властей. По мнению Министерства внутренних дел, общее направление «Вестника Европы» в 1880-е гг. было «проникнуто систематическим непримиримым недоброжелательством ко всем мероприятиям правительства, имеющим целью упрочение коренных основ нашего государственного устройства, водворения законного порядка в стране и отрезвление умов от ложных и вредных учений»². В 1889 г. журнал получил предостережение. В распоряжении Министерства внутренних дел говорилось: журнал наказан за то, что «в целом ряде статей относится не иначе как с осуждением к важнейшим мероприятиям Правительства, а статьи В. С. Соловьёва "Очерки из истории русского сознания", появившиеся на страницах этого издания, раздражительною критикой, направленною против русской Церкви и Государства в историческом их развитии, внушают ложные о них представления и колеблят уважение к основам их и вообще к принципу русской национальности»³. Издаваемая в 1881–1882 гг. Стасюлевичем газета «Порядок» целенаправленно выступала за необходимость ограничения цензурных репрессий и свободу слова.

С либеральным народничеством, прежде всего с Н. К. Михайловским, был связан ежемесячный московский журнал «Русская мысль» (1880–1927), с середины 1880-х гг. редактировавшийся В. А. Гольцевым. Он интересен, в частности, тем, что печатал произведения видных русских реалистов, писателей демократического лагеря: Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, М. Горького. За подписью «Андреев» в нем было опубликовано несколько произведений Н. Г. Чернышевского (в частности, «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова»). В журнале напечатаны «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова, статьи видных литературоведов, историков, социологов (Н. И. Стороженко, А. М. Скабичевского, Р. Ю. Виппера, В. О. Ключевского и др.).

 $^{^1}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 287.

² Там же. С. 275.

³ Цит. по: *Кельнер В. Е.* Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 236–237.

Из газет были весьма популярны и влиятельны «Русские ведомости». Они были основаны еще в 1863 г. Н. Ф. Павловым и выходили в Москве до 1918 г. Газета несколько раз меняла направление, сохраняя лишь название. К середине 1870-х гг. «Русские ведомости» превратились в либеральное «профессорское» издание с широким кругом сотрудников, в том числе крупных писателей, ученых, общественных деятелей, литераторов народнического толка, многих эмигрантов (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, Д. Н. Анучин, В. А. Гольцев, П. Г. Заичневский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, А. И. Эртель, Н. Ф. Щербина и др. 1). Издавал и редактировал ее в это время В. М. Соболевский.

Салтыков-Щедрин говорил Соболевскому, что сотрудничает в его газете «именно потому, что считаю "Р<усские» в<едомости»" единственным в настоящее время порядочным печатным органом, и сожалею лишь о том, что это газета, а не журнал»². Феоктистов однажды сказал о «Русских ведомостях»: «Скверная газета: скверно говорит, скверно и молчит» (реплика Феоктистова относилась к отсутствию в «Русских ведомостях» публикаций о смерти М. Н. Каткова)³. Министр внутренних дел И. Н. Дурново в одном из всеподданнейших докладов отмечал, что эта газета «принадлежит, несомненно, к разряду наиболее вредных органов нашей периодической печати. Предосудительное направление ее выражается преимущественно в пассивной оппозиции правительству, т. е., соблюдая большую осторожность, она не решается явно порицать его распоряжения, но на страницах ее никогда не выражается ничего, что свидетельствовало бы о сочувствии ее к его деятельности»⁴.

Всячески преследуя оппозиционную периодику, с трудом мирясь с существованием нейтральной, правительство поддерживает издания, выдержанные в духе той новой, агрессивной благонамеренности, о которой писал в «Современной идиллии» Салтыков-Щедрин. Изображенный там «редактор по найму» Иван Иванович Очищенный в духе такой благонамеренности собирается издавать свою «ассенизационно-любострастную» газету «Краса Демидрона». В его газете «обязался исключительно помещать <...> распутные труды свои» «знаменитый г. Зет» 5. «Z.» — один

¹ См.: *Розенберг В.* Из истории русской печати: Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). Прага, 1924.

 $^{^2}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо В. М. Соболевскому, 13 января 1885 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 20: Письма (1884—1889). С. 125.

³ *Розенберг В.* Из истории русской печати... С. 120.

⁴ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 276.

 $^{^5}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. Кн. 1. С. 61–62.

из псевдонимов критика и публициста В. П. Буренина; на него Д. Д. Минаевым была сочинена эпиграмма:

По Невскому бежит собака, За ней Буренин, тих и мил... Городовой, смотри, однако, Чтоб он ее не укусил!¹

Именно такую благонамеренность проявляли издания консервативного лагеря. Лидером их являлись «Московские ведомости» Каткова, превратившиеся в своеобразный правительственный официоз. Своеобразность их заключалась в сочетании всесторонней поддержки правительственного курса с демонстрацией независимости — довольно резкой критикой отдельных сторон правительственной политики, некоторых высокопоставленных государственных деятелей. За подобную критику редактор любой другой газеты (кроме князя Мещерского) был бы в 24 часа выслан из Петербурга, а издание было бы запрещено. В июле 1884 г., видимо, по поводу замечания в связи с тем, что в его газете не появилось какого-то «правительственного сообщения», Катков пишет Феоктистову: «Я полагаю, что правительство не должно смотреть на себя как на слепую машину и руководствоваться формальностью. Точно так же правительство не может одинаково относиться к порядочным людям и жуликам. Я имею слабость относить себя не к жуликам»².

На страницах «Московских ведомостей» Катков устраивает неприкрытую травлю неугодных ему министров, сенаторов, других государственных деятелей (А. П. Николаи, Н. Х. Бунге, Н. К. Гирса, Д. Н. Набокова, А. А. Абазы, называя их «коалицией партий и разных честолюбий», состоящей «в оппозиции к нынешнему режиму»³) и нередко добивается их отставки. В области внешней политики Катков занимает иную позицию, чем Министерство иностранных дел. Он порой чувствует себя почти руководителем внешней политики. Следует отметить, однако, что внешнеполитическая программа Каткова в большей степени отражала интересы России, чем традиционная прогерманская политика Министерства иностранных дел. После смерти Каткова в 1887 г. исключительное положение «Московских ведомостей» было утрачено, они получили два предостережения, но выходили до 1917 г.

 $^{^1}$ Минаев Д. Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. И. Г. Ямпольского. М., 1948. С. 306.

 $^{^2}$ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 278.

 $^{^{3}}$ [Катков М. Н.] [Противники дела, которому мы служим...] // Московские ведомости. 1886. 26 февр. (№ 56).

Другой официозный печатный орган — газета-журнал «Гражданин» (1872—1914); основатель и издатель князь В. П. Мещерский (первые 7 лет негласно). «Гражданин» выходил в Петербурге с разной периодичностью. Жестко консервативное издание, настроенное на борьбу за ликвидацию реформ, проведенных при Александре II. Защищая неограниченное самодержавие, «Гражданин» тем самым полностью солидаризовался с правительственным курсом.

К газете прислушивался сам император. «Гражданин» получал правительственные субсидии, и немалые. В 1888 г. Мещерский запросил у императора на издание 300 тысяч рублей. Когда министр внутренних дел И. Н. Дурново заметил царю, что такая сумма чрезмерна, тот ответил: «У нас хотят консервативные журналы за двугривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу» все же «Гражданину» разрешали меньше «вольностей», чем Каткову, и наказывался он, несмотря на расположение царя, чаще, хотя взыскания нередко носили формальный характер. В 1873–1874 гг. редактором-издателем «Гражданина» был Ф. М. Достоевский, опубликовавший в нем «Дневник писателя». Особого успеха газета-журнал не имела (хотя за время, когда «Гражданин» выходил под редакцией Достоевского, число подписчиков увеличилось с одной до трех тысяч); круг читателей ограничивался духовенством, частично людьми «высшего общества».

К изданиям консервативного лагеря относилась и газета «Новое время», выходившая в Петербурге (1868—1917). До 1876 г. газета была бесцветным изданием. В конце февраля этого года она переходит в руки А. С. Суворина. На первых порах умеренно либеральна, но уже с 1877 г., в связи с началом Русско-турецкой войны, «Новое время» резко меняет курс. В 1860-е гг. Суворин был либералом, иногда смыкался даже с демократами². В конце 1870-х гг. Суворин постепенно меняет курс «Нового времени». Салтыков-Щедрин в «Мелочах жизни» изобразил Суворина под именем Ивана Непомнящего (не помнящего своего либерального прошлого. — Π . P.), стоящего во главе «большой и распространенной газеты, претендующей на руководящее значение»³. Каждый день он снабжает читателя целой массой новостей и слухов. Все это подается бойко, весело, облито пикантным соусом. Читатель, не знающий о другой, здоровой пище, жадно поглощает эти новости и слухи, из которых девять

 $^{^{1}}$ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 149.

 $^{^2}$ Подробнее см.: *Рейфман П. С.* Запрещенная книга А. С. Суворина: (Из истории литературно-общественной борьбы 1860-х годов) // Труды по русской и славянской филологии. Т. 15: Литературоведение. Тарту, 1970. С. 350-356. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 251).

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 16. Кн. 2. С. 210.

десятых завтра окажутся лишенными основания. Но они заменятся другой порцией подобной же информации¹. «Чего изволите?» — определяет Салтыков-Щедрин направление газеты Суворина. Оценки Салтыкова-Щедрина объясняются принципиальной разницей политических взглядов сатирика и издателя «Нового времени».

А. С. Суворину, помимо издания самой распространенной в конце XIX в. газеты, принадлежит заслуга выпуска многих периодических органов (например, журнала «Исторический вестник»), справочных изданий «Вся Москва», «Весь Петербург», «Вся Россия», огромного количества художественной и специальной литературы (в том числе общедоступной библиотеки для простонародья); организации и финансирования драматического театра; налаживания системы распространения печатной продукции на железных дорогах и пристанях. Несмотря на ряд этически сомнительных реакций на текущие события, газета Суворина пользовалась значительной популярностью. В ней сотрудничали крупные писатели, в частности, целый период творчества молодого А. П. Чехова связан с Сувориным.

Как раз в рассматриваемый период появился новый тип газет — так называемая малая пресса, рассчитанная на мелкобуржуазные городские слои (местные происшествия — нередко выдуманные, уголовная хроника, занимательное чтение). Малая пресса, особенно в начале, чаще всего не уделяла внимание политике, считая эти сообщения скучными для своего читателя. Как пример таких изданий можно назвать газеты «Петербургский листок», «Петербургскую газету», «Московский листок». Такая периодика была в интересах властей, отвлекала внимание читательской аудитории от более серьезных проблем.

«Глухая пора листопада», всякого рода взыскания, ограничения, запретительные циркуляры, обрушиваемые в первую очередь на периодическую печать, создавали сложные условия для ее существования. Активное выражение оппозиционного общественного мнения в такой обстановке было затруднено, всякая критика правительственной политики почти не допускалась. Тем не менее, несмотря на все цензурные гонения, пресечь течение свободной мысли, загнать ее в русло официальных представлений оказалось невозможно. Независимое общественное мнение находило различные пути для своего выражения. Отчасти эту функцию выполняли заграничные русские антиправительственные издания, нелегально распространявшиеся в России («Вестник "Народной воли"» Л. А. Тихомирова и П. Л. Лаврова, «Социал-демократ» В. И. Ленина, «Общее дело»

 $^{^1}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 16. Кн. 2. С. 213.

Н. А. Белоголового и др.)¹. С другой стороны, пускай эзоповым языком, подспудно, но и в легальной печати выражалась, хотя и приглушенная, замаскированная, но все же критика тех или иных правительственных действий, в частности цензурной политики. Несмотря на всевозможные благоприятные условия, субсидии, подкуп и прочие меры поддержки, официозная пресса не приобрела того влияния, на которое рассчитывало правительство. В одном из писем Салтыков-Щедрин не без основания утверждал: «Маковы, Игнатьевы, Тимашевы преходят, а литература все живет»².

¹ По сведениям «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (Ч. 2: Книги: Н–Я. Периодические издания. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1982), в 1856–1902 гг. существовало около 75 эмигрантских изданий.

 $^{^2}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо Н. А. Белоголовому, 8 июня 1882 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19. Кн. 2: Письма (1881—1884). С. 115.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Но в октябре его немножечко того...»

Царь Николашка правил на Руси. И хоть был он немножко некрасив, При нем водились пороси, При нем плодились караси, И было что выпить — закусить. Но в октябре его немножечко того... Тогда всю правду мы узнали про него: Что на крови держался трон, Что расстрелял рабочих он, И что за это свергли мы его.

А. Д. Флейтман. Год тысяча девятьсот юбилейный (фольклорная обработка)

Общая характеристика периода и традиции его изучения. Периодика начала XX века. Николай II. Технический прогресс и журналистика. 200-летие печати в России. П. Д. Святополк-Мирский, «эпоха доверия». «Особое совещание» по подготовке цензурных изменений. Начало революционных событий 1905 года. Революционный взрыв. Совещание писателей и журналистов в защиту свободы слова. Высочайший манифест 17 октября 1905 года. Период бесцензурья. Временные правила о печати. Осведомительное бюро. Поражение революции. Репрессии против печати. Военная цензура. Временное правительство. Советский миф о событиях в России начала XX века. Первая русская революция в советской печати. Общее положение России. Война России с Японией. Порт-Артур. Цусима. П. А. Столыпин. Рост оппозиционных настроений. Конституционалисты. Записка 342 русских ученых о нуждах просвещения. Академический союз. Партия кадетов. Государственные думы. Эсеры. Анархисты. Пушкин, Лермонтов, Блок о стихийных народных движениях. Махно. Поэма Багрицкого «Дума про Опанаса». «Эксы» большевиков: Камо, Сталин. Сталин и царская охранка. Котовский. Броненосец «Князь Потёмкин-Таврический». Лейтенант Шмидт. Итоги Первой русской революции. Учредительное собрание 1918 года, разгон его большевиками.

Опиграф и название главы взяты из гораздо более поздней, чем рассматриваемые события, песенки-отклика на свержение Н. С. Хрущёва в 1964 г. Песенка стала фольклором. Начало ее, о последнем российском императоре, вполне уместно использовать в главе о Николае II. Я ее цитирую, возможно, неточно, по памяти (курсив в цитате мой. — П. Р.). В свое время, в главе о Хрущёве, мы еще вернемся к ней.

Первоначально глава, завершающая обзор событий, относящихся к истории цензуры *русской*, по ряду причин, оказалась гораздо короче остальных (всего несколько страниц). Прежде всего сказалось то, что мне пришлось лишь кратко остановиться на этом периоде в спецкурсе: не хватило времени в конце учебного года. Было и другое: мне представлялось тогда, что в рассматриваемые годы произошло меньше масштабных событий в области цензуры, да и не только в ней. Они бегло упоминались в главном источнике наших тогдашних знаний о начале XX в., в «Кратком курсе истории $BK\Pi(6)$ »¹: воцарение Николая II, Ходынка, Русско-японская война, «Кровавое воскресенье», революционные события 1905—1907 гг., восстание на броненосце «Потёмкин», столыпинская реакция, Первая мировая война. Все рассматривалось как преддверие к главному — Великой Октябрьской социалистической революции: «Без "генеральной репетиции" 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»².

При доработке глава сильно разрослась, стала одной из самых длинных. Строить ее пришлось по другому принципу, чем остальные. В ней есть пласт, освещающий цензурные и другие события конца XIX — начала XX в. Но более обширная часть ее связана с выяснением искажений, замалчиваний, фальсификации, которые происходят уже в советское время в изображении первых двух десятилетий истории России. Уже на этом материале начинает создаваться советский миф. Так как раскрытие несостоятельности таких мифов входит в нашу задачу, мы считаем вполне правомерным включение приводимого далее материала в итоговую главу, заканчивающую обзор русской досоветской цензуры. В какой-то степени это может иногда привести к повторению упоминаемого прежде материала, но под иным углом зрения.

Советские историки как-то обделили вниманием названное время: речь шла больше об истории коммунистической партии, об ее определяющей роли, чем об углубленном изучении исторических событий начала XX в., осмыслении их. Такая направленность отражалась во всем.

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.], 1938.

 $^{^2}$ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. М., 1981. С. 9–10.

Приведу для примера справочник «Русская периодическая печать (1895 - октябрь 1917)» (М., 1957). На первый план как главные, основные, с явным завышением их роли, выдвигаются периодические издания, связанные с коммунистами: «Главную свою задачу авторы-составители видели в том, чтобы как можно полнее описать большевистскую печать дооктябрьского периода — легальную и нелегальную, центральную и местную»¹. Составители сетуют, что в некоторых случаях им не удалось разыскать ни в местных, ни в общесоюзных библиотеках и архивах ряд большевистских газет, издававшихся до Октябрьской революции. Они приводят множество изданий, которых всего-то вышло несколько номеров. Особенно подробно, в хвалебном тоне рассматриваются основные издания большевиков («Искра», «Правда», другие газеты и журналы). Таким изданиям посвящено и большинство приложений («Хронологический список большевистских изданий», «Топографический указатель большевистских изданий», «Перепечатки текстов большевистских изданий»), подавляющее количество иллюстраций. Из прессы, выходившей на языках народов России (грузинском, армянском, других), приводятся «лишь периодические издания большевистской партии». О большевистских органах печати идет речь на пяти из восьми страниц предисловия, которое и завершается гимном большевистской периодике дореволюционного и послереволюционного времени: «Сотни газет и журналов, легальных и нелегальных, издававшихся в России и за рубежом, несли слово большевистской правды в народные массы, принимая активное участие в деле организации масс вокруг знамени социализма. Традиции большевистской печати получили свое развитие в новых исторических условиях, в условиях Советского государства. Они служат высоким образцом для всей пролетарской, подлинно революционной печати мира»².

Справедливо замечание составителей справочника, что полностью охватить все издания, выходившие в этот период, невозможно: их более 20 тысяч наименований, «понадобилась бы серия книг». Но принцип отбора крайне субъективен, в справочнике явно занижается значение всех изданий, противопоставляемых большевистским. Да и вообще слишком легко составители подходят к вопросу о необходимости ограничения отобранного перечня: «описание всей периодики не вызывается необходимостью, поскольку многие издания не играли сколько-нибудь значительной роли в общественно-политической жизни своего времени»³. Подобный подход для серьезного библиографа вряд ли приемлем. Но и из этого, необъективно составленного, искажающего общую картину справочника можно сделать некоторые важные выводы.

 $^{^1}$ От авторов-составителей // Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): справочник / авт.-сост. М. С. Черепахов, Е. М. Фингерит. М., 1957. С. 4.

² Предисловие // Там же. С. 14.

³ От авторов-составителей // Там же. С. 4.

В конце XIX - начале XX в. лавинообразно растет количество газет и журналов. Уже в 1890 г. в России выходило 796 периодических изданий разных типов и направлений. За следующее десятилетие число их увеличилось на 794 названия. Многие из них, как и некоторые старые, оказались недолговечными. Карательные действия цензуры, введенные Временными правилами от 27 августа 1882 г. при Александре III, сохраняли силу и в девяностые годы. Цензурные репрессии (предостережения, временные приостановки, полное прекращение выпуска и др.) продолжались. И все же в 1900 г. в России выходило 1002 периодических издания¹. В 1901–1916 гг. их печаталось 14 тысяч, из них 6 тысяч в Петербурге и Москве. Все больше изданий в эти же годы выходит на периферии: в Киеве, Харькове, Одессе, Нижнем Новгороде, Саратове, Тифлисе, Ташкенте и других городах. Растет значение тонких журналов, газет, разного рода листков, наиболее мобильно откликающихся на происходящие события, дающих практическую информацию (объявления, справочные бюллетени, реклама). Толстые журналы составляют лишь одну пятую часть всех изданий 2 .

Создается весьма пестрая картина периодики по ее идейно-политической направленности: от изданий официальных и официозных до умеренно-оппозиционных и радикальных. Несмотря на установку составителей справочника «Русская периодическая печать», видно, что значительная часть изданий, отнюдь не большевистских, особенно в годы революционного подъема, играла существенную роль в общественно-политической борьбе, выступая как сила, оппозиционная правительству. Сюда относились и кадетские, и эсеровские, и анархистские, и «беспартийно демократические» издания, число которых было весьма велико. Известно, что в 1917 г. в России выпускалось не менее 577 периодических изданий разных политических партий³. Правительство боролось с политической прессой (особенно это относилось к сатирическим изданиям), преследовало, запрещало, редакторы их подвергались репрессиям, вплоть до тюремного заключения. И все же справиться с журналистикой власти оказались не в силах. Им не удалось обуздать периодическую печать, отражающую нарастающее недовольство общества существующим государственным устройством России.

¹ *Лисовский Н. М.* Периодическая печать в России, 1703–1903 гг.: (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703–1903. СПб., 1903. С. 26.

² Предисловие // Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): справочник / авт.-сост. М. С. Черепахов, Е. М. Фингерит. М., 1957. С. 7–8.

 $^{^3}$ *Голостенов М.* Периодическая печать политических партий России в 1917 году // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века. М., 1996. С. 780–800.

Мы остановились на справочнике «Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917)», может быть, слишком подробно, но его содержание, принципы отбора материала и комментирования дают довольно отчетливое общее представление о том, как в более позднее время формировался миф о главной, решающей роли большевиков в подготовке и проведении русской революции, ставший предысторией более общего мифа о советской прекрасной действительности.

20 октября 1894 г. на престол вступил последний император российский, Николай II (1868–1918). Его царствование в основном приходится на первые два десятилетия XX в. Во время многодневного празднования коронации Николая II, 18 мая 1896 г., собралось около полумиллиона человек, ожидавших раздачи «царских гостинцев». Задние ряды стали напирать, сбивая с ног впереди стоявших, хлынувшая масса затаптывала упавших людей. В результате давки погибло более 1300 человек, несколько сотен было ранено. Ходынскую трагедию сочли дурным предзнаменованием нового царствования. Предзнаменование оправдалось.

В первые годы рассматриваемого периода Россия активно развивалась, проводя политику модернизации экономики, в частности индустриализации, вступив на путь, которым шли страны буржуазной Европы. Появляется ряд изобретений, относящихся к техническому оснащению средств информации, их новые виды, в первую очередь — радио. Были изобретены линотип, фонограф. Все большую роль для периодики начинает играть фотография. Зарождающийся кинематограф постепенно становится важным средством информирования. Нововведения коренным образом меняли работу типографий, техническое оснащение издателей и журналистов создавало новые возможности для их деятельности. Появились крупные книжные издательства А. С. Суворина, А. Ф. Маркса, И. Д. Сытина. В издательское дело пришел крупный капитал. Издание книг и периодики становится прибыльным делом. Капитал способствует развитию журналистики, устанавливает контроль над нею. В этот период Россия выпускает книг больше, чем любая страна мира, в том числе книг для народного чтения (85 миллионов экземпляров ежегодно). К 1905 г. Россия занимает первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения. Происходит становление провинциальной печати (в 1900 г. — 50%, в 1913 г. — 65% от общего количества) 1 . Быстро растет количество газет и журналов. В 1905–1907 гг. издавалось 3310 газет и журналов², среди них вновь возникших общественно-политических — 1143. И все требовало контроля.

В 1903 г. (2 января) отмечалось 200-летие русской печати. В связи с этим был опубликован ряд материалов по ее истории, затрагивавших

 $^{^1}$ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 181.

 $^{^{2}}$ Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 11.

также вопросы цензуры¹. Обострился вопрос о правовом положении прессы. Почти все газеты поместили статьи, оценивающие роль печати в жизни общества. Своеобразно отметили эту дату и власти: 8 мая в семи крупных городах (кроме столиц) были введены должности отдельных цензоров; произвол губернаторов и чиновников был заменен профессиональной цензурой.

Цензура до 1905 г. руководствовалась Временными правилами 1865 года, обросшими ворохом законодательных актов, циркуляров, инструкций. Цензурный устав с дополнениями составлял целую брошюру в 60 страниц, включал 302 статьи, в которых было трудно разобраться, это порождало произвол и сумбур. В столицах частные издания выходили без предварительной цензуры, в провинции — под ее полным контролем. В столицах после трех предостережений издание приостанавливалось на срок до шести месяцев, в провинции практиковалась приостановка на восемь месяцев, что обычно вело к потере подписчиков и прекращению издания.

После убийства эсерами в 1904 г. министра внутренних дел В. К. Плеве на короткое время (до начала 1905 г.) на его место был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия». Он сразу обратился к журналистам с призывом о помощи правительству в трудном деле управления: «Я придаю большое значение печати, особенно провинциальной»². Начались регулярные встречи Святополк-Мирского с редакторами и журналистами, на которых министр подчеркивал личное стремление дать большую свободу печати. Критика в печати действий властей ощущалась все сильнее. Святополк-Мирский получил упрек от Николая II за то, что он «распустил печать»³. В ответ министр отметил неясность правового положения журналистики: «нужно, чтобы обсуждали дела, но теперь так неопределенны законы о печати, что нельзя середины держаться — или ничего не позволяют, или через край хватают». Он «просил о пересмотре закона о печати», поскольку «существующие средства для сдерживания печати ни к чему, предупреждения действуют как рекламы для газет» (получившие их издания становятся более популярными)4.

¹ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903; Энгельгардт Н. А. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904 и др. Обзор юбилейных публикаций см.: К юбилею печати // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703–1903. СПб., 1903. С. 153–155.

 $^{^2}$ «Повеяло весною…»: Речи г. министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы / сост. Алексей Ачкасов. М., 1904. С. 27.

 $^{^3}$ *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 31.

 $^{^4}$ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. C. 258.

12 декабря 1904 г. был подписан высочайший указ на имя Сената. В указе шла речь о необходимости «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России»¹. В соответствии с указом Комитет министров на заседаниях 28 и 31 декабря 1904 г. решил отменить некоторые постановления, признанные стеснительными (запрещение розничной продажи, требование сообщать имена авторов и пр.). Министру внутренних дел было предоставлено право войти с этими вопросами в Государственный совет и «образовать особое совещание для пересмотра действующего цензурного законодательства и для составления нового устава о печати»². 21 января 1905 г. Николай II утвердил намеченные меры, назначив председателем Особого совещания директора Императорской Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко.

События «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. стали толчком к началу революции, вызвав взрыв возмущения во всем мире и многочисленные массовые выступления в России. Журналистика вышла из-под контроля властей. В Петербурге, в помещении «Нового времени», проходят совещания редакций газет всех направлений, во время которых звучали упреки в «дряблости, трусости» в адрес правительства, общества и самой печати. Однако предложение выразить одновременный протест всем органам печати «против запрещения говорить о том, что волновало миллионы людей», было провалено из-за разногласий представителей печати. Им удалось только добиться публикации во всех газетах краткого сообщения: «О событиях 9 января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения, официальные сведения и известия, пропущенные цензурой»³. Это событие можно расценивать как начало открытой борьбы столичных журналистов с цензурой⁴.

В Особом совещании Кобеко царил разнобой. В его составе оказались и оппозиционные, и проправительственные лица: почетный академик,

 $^{^1}$ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. 1904. 14 дек. (№ 283).

 $^{^2}$ Протоколы Высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати (10 февр. – 4 декабря 1905 г.). СПб., 1913. С. 2.

 $^{^3}$ *Ганфман М.* Явочный период свободы столичной печати // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 46.

 $^{^4}$ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 187.

сенатор А. Ф. Кони, почетный академик граф А. А. Голенищев-Кутузов, ординарные академики Н. Я. Сонин и В. О. Ключевский, почетный академик К. К. Арсеньев, редактор-издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский, редактор-издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, издатель «Нового времени» А. С. Суворин и др. В совещании принимали участие от ведомства православного вероисповедания преосвященный Антонин, от Министерства народного просвещения — редактор «Журнала Министерства народного просвещения» Э. Л. Радлов и др. Комиссия приступила к работе 10 февраля 1905 г. До 18 декабря было проведено 36 заседаний. В острой полемике обсуждались поставленные вопросы: о «вредном направлении» и борьбе с ним, о системе разрешения повременных изданий, о праве изъятия тех или иных тем из печатного обсуждения, о положении иноязычной печати, об организации судебной ответственности печати¹. Например, А. С. Суворин заявил, что для «борьбы с революцией законы о печати ничего не дадут: они дадут только правительству возможность прижать неприятного журналиста», и потому «для печати вообще никаких специальных законов не нужно»². Власть не устраивают подобные предложения; Святополк-Мирский был отставлен. 25 мая 1905 г. Николай II пишет новому министру внутренних дел А. Г. Булыгину: «Печать за последнее время ведет себя все хуже и хуже. В столичных газетах появляются статьи, равноценные прокламациям, с осуждением действий высшего правительства». Царь рекомендует Булыгину давать директивы печати, воздействовать на редакторов, напомнив некоторым из них о верноподданническом долге, а другим о получаемых от правительства крупных денежных поддержках, «которыми они с такой неблагодарностью пользуются»³.

Между тем правительство С. Ю. Витте, тайком от комиссии Кобеко, готовило реальный законодательный документ о цензуре. Сам Д. Ф. Кобеко участвовал в его подготовке и сообщил о нем членам Особого совещания 15 октября. Они были возмущены. А. Ф. Кони и Н. Я. Сонин отказываются от дальнейшей работы в Особом совещании, которое не принесло никаких результатов и лишь послужило ширмой для прикрытия действий властей.

16 октября состоялось новое собрание в помещении газеты «Наша жизнь». Речь шла о необходимости профессиональной организации жур-

¹ *Набоков В.* К истории обновленного законодательства о печати: («Комиссия Д. Ф. Кобеко») // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 9−10.

 $^{^2}$ Протоколы Высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати (10 февр. -4 декабря 1905 г.). СПб., 1913. С. 672-673.

³ Письмо Николая II А. Г. Булыгину, 25 мая 1905 г. // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах, XVIII–XX вв. Т. 1. М., 1994. С. 188.

налистов. Было принято решение не соблюдать цензурных запретов по 140-й статье устава, воспрещавшей обсуждение в прессе того или иного вопроса. Пока шли обсуждения, забастовка рабочих-печатников прекратила издание всей периодики до 17 октября. В этой обстановке состоялось новое общее собрание журналистов, на котором был создан Союз в защиту свободы печати.

Испуганный ростом революционного движения, всеобщим недовольством существующим положением, Николай II 6 августа 1905 г. издает Манифест о созыве в начале 1906 г. Государственной думы как совещательного органа при царе, с весьма ограниченными правами и составом избирателей¹. Но это не помогло. Император вынужден делать новые уступки. 17 октября 1905 г. он издает новый Манифест². Вот его текст:

«Божьей милостью

Мы, Николай Второй,

император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроенье народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

- 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.
- 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательских прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

 $^{^1}$ Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу (6 августа 1905 г.) // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26662.

 $^{^2}$ Высочайший манифест // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1905. 18 окт. (№ 221).

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Николай».

Редактор журнала «Пулемет» Н. Г. Шебуев напечатал текст манифеста, поместив на нем рисунок — кровавый отпечаток руки и воспроизведя подпись «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов руку приложил»¹. Получилась выразительная листовка, за которую Шебуев был арестован и приговорен судом к году заключения в крепости. Д. Ф. Трепов 11 января 1905 г. был назначен генерал-губернатором Петербурга; 14 октября он издал знаменитый приказ войскам гарнизона «патронов не жалеть, холостых залпов не давать». Выстрелов тогда больше не было, но эхо 9 января наложило свой отпечаток.

Естественно, манифест — решение вынужденное. В «Кратком курсе истории ВКП(б)», по которому долгое время изучали почти всю историю России XX в., цитировались стихи П. А. Арского (Афанасьева) — отклик на манифест:

Царь испугался, издал манифест: «Мертвым свобода! Живых под арест!» 2

Высочайший манифест 17 октября 1905 г.³ послужил основой для создания Временных правил о печати. В них содержалась довольно существенная реальная уступка: отмена всех циркуляров, базирующихся на 140-й статье цензурного устава. После обнародования манифеста Главное управление по делам печати в циркуляре от 19 октября разъяснило цензурным комитетам, отдельным цензорам, губернаторам: «Впредь до издания этого закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, остаются в полной силе; самое же отношение цензуры к произведениям печати должно коренным об-

¹ Пулемет. 1905. № 1 (13 нояб.).

² Поэзия в большевистских изданиях 1902–1917 г. Л., 1967. С. 399.

 $^{^3}$ Об усовершенствовании Государственного порядка: манифест (17 октября 1905 г.) // ПС3. Собр. 3. Т. 25. № 26803.

разом измениться, сообразуясь с ясно и определенно выраженною в манифесте волею государя императора»¹.

Собрание представителей печати и книгоиздательств 19 октября вновь призвало выпускать газеты и журналы без цензуры. Совет рабочих депутатов принял еще более радикальное решение: только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых не отправляют номера в цензуру. Лишь 22 октября петербургские газеты возобновили выход. К этому времени Союз в защиту свободы печати выработал от имени всей печати «Справку», содержавшую среди прочего предложения к новому закону о печати: 1) явочный порядок возникновения изданий (т. е. для издания не требуется официального цензурного разрешения. — Π . P.); 2) отмена всех видов цензуры; 3) ответственность за преступления печати рассматривается только судом присяжных. Во второй части «Справки» речь шла о мерах, обеспечивающих свободу слова до появления нового закона о печати: 1) отмена предварительной цензуры для всей журналистики, включая национальную; 2) отмена требования предъявлять в цензуру журналы, газеты, книги до их отправки на почту; 3) отмена использования административных взысканий².

Временные правила о периодической печати получили силу закона 24 ноября 1905 г. С 19 октября до их выхода цензуры в стране не было («медовый месяц свободы печати», шутили современники). Для городских изданий отменялись предварительная цензура, административные взыскания и денежные залоги. Концессионный порядок основания новых периодических изданий был заменен на явочный. Ответственность за преступления печати определялась судом. По суду издание могло быть запрещено, приостановлено или арестовано (на срок до трех месяцев), оштрафовано (до 500 рублей), виноватый мог быть заключен в тюрьму (от 2 до 16 месяцев), в исправительный дом, сослан на поселение. В конце ноября в губернии ушел циркуляр Министерства внутренних дел, чтобы цензоры на местах сразу возбуждали судебное преследование над прессой, одновременно рапортуя об этом в Главное управление.

Воздействие на общественное мнение всегда интересовало власть, тем более это было важно в революционные годы. С 1 сентября 1906 г. по распоряжению Совета министров и Министерства внутренних дел создается Осведомительное бюро⁴. В Бюро подготавливали обзоры печати

 $^{^1}$ Циркуляр, 19 октября 1905 года. № 11723 // Бельгард А. В. Воспоминания. М., 2009. С. 633.

 $^{^2}$ *Н. М-ъ.* Печать // Спутник избирателя на 1906 год: Освободительное движение и современные его формы. СПб., [1906]. С. 92.

³ О временных правилах о повременных изданиях: Именной высочайший указ, данный Сенату // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

 $^{^4}$ *Летенков Э. В.* К истории правительственных информационных центров в России (1906—1907 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1973. Вып. 4. С. 80—84. (История, язык, литература; № 20).

в виде ежедневных докладов председателю Совета министров, министру внутренних дел и начальнику Главного управления по делам печати. Также Бюро выполняло заявки правительственных учреждений по подбору тематических вырезок из газет. Дважды в день выпускались специальные бюллетени, которые рассылались по подписке в редакции газет и журналов. В бюллетенях освещались правительственные мероприятия и всевозможные общественно-политические события. Таким образом, Осведомительное бюро направляло информационную политику редакций в нужное правительству русло. Правительственные опровержения ложных публикаций также готовились в этом Бюро. Официальное положение не всегда облегчало деятельность журналистов: «От Осведомительного бюро приходится выслушивать постоянные жалобы, что на его репортеров в департаментах не обращают никакого внимания и в то же время частные лица охотно и своевременно снабжаются лучшими сведениями»¹. В 1915 г. Осведомительное бюро было переименовано в Бюро печати, но с этого года обязанность информировать печать о действиях властей была возложена на «Правительственный вестник». Похожие функции выполняло Бюро русских журналистов, созданное в 1912 г. Подготовленные этим Бюро бюллетени информировали провинциальную печать о правительственных действиях.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве революция пошла на убыль. Писатель и цензор С. И. Уманец писал: «революционный кошмар прошел, и цензура, оправившись от пережитых волнений, приняла прежнюю суровую личину»². Пик борьбы за свободу слова был пройден. Революция потерпела поражение. Началась реакция, которая затронула и периодическую печать, и сферу цензуры. Санкт-Петербургский комитет по делам печати сообщал Главному управлению, что «все помещения комитета завалены кипами конфискованных изданий, потому что со всех краев России присылаются конфискованные газеты»³. В 1905 г. «в одном только Петербурге было закрыто свыше 40 типографий, с предупреждением, что этой же участи подвергнутся и остальные, если не будут подчиняться закону, не отменившему цензуру для книг»⁴.

«Былое» — журнал, посвященный истории освободительного движения, — в разделе «Современная летопись» тщательно собирал информацию о преследовании прессы. В революционные годы это не было слишком оригинально; похожей, например, была рубрика «Печать» в газете

¹ Периодическая печать // Книжный вестник. 1907. № 14. Стб. 401.

 $^{^2}$ *С. И-вичъ* [*Уманец С. И.*] Из прошлого нашей цензуры // Наша старина. 1915. № 10. С. 959.

³ Печать // Русь. 1907. 23 янв. (5 февр.).

 $^{^4~}H.~M-ъ.$ Печать // Спутник избирателя на 1906 год: Освободительное движение и его формы. СПб., 1906. С. 96.

«Русь». Так, за февраль 1906 г. было зафиксировано 114 случаев наказаний отечественной печати, за март — 138, за апрель — 81. Казалось бы, намечался спад репрессий, но в июле вновь обозначился рост преследований — 134. Кроме того, редакция группировала однотипные примеры наказаний, и это значит, что в действительности статистика была выше. Журнал сообщал об уголовном наказании издателей и редакторов (высылка, запрет заниматься профессиональной деятельностью, арест, штрафы), об изымании номеров («конфискация газет понемногу принимает всероссийский характер. На станциях железных дорог конфискуют многие столичные газеты за одно их название»), о невозможности распространять прессу в розницу («Варшава, 8 августа. Воспрещена уличная продажа всех журналов и газет»)¹ и т. д. Иногда приговоры были беспощадными — так, в Харбине «военный суд над редактором "Харбинского листка" Ровенским, за газетные статьи» вынес постановление: восемь лет каторги².

Министр внутренних дел Булыгин инструктировал губернаторов: «в случае появления в печати дерзостного неуважения к Верховной власти, открытого призыва к революции или совершения других тяжелых преступлений необходимо просить прокурора о приостановлении издания в судебном порядке на основании новых правил. В местностях же, объявленных на исключительном положении, в этих случаях надлежит закрывать типографии и подвергать аресту виновных с применением административной высылки»³.

Происходит ряд преследований, особенно оппозиционной периодики столицы. Власть постепенно восстанавливала давший трещины цензурный режим. 18 марта 1906 г. выходит именной указ «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» Выла затруднена замена ответственного редактора; введена предварительная цензура для иллюстрированных изданий; издателям запрещенных или приостановленных органов печати не разрешалось основывать новое; ужесточались наказания для периодики.

26 апреля 1906 г. вышли Временные правила для непериодической печати⁵. Они предусматривали отмену предварительной цензуры для книг и брошюр, устанавливали сроки предоставления изданий в цензурные

¹ Былое. 1906. № 7. С. 341; 1906. № 9. С. 301.

² Там же. № 6. С. 317.

 $^{^3}$ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX—XX вв. М., 2001. С. 191.

⁴ Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати: Именной высочайший указ, данный Сенату (18 марта 1906 г.) // ПСЗ. Собр. З. Т. 26. № 27574.

⁵ О временных правилах для неповременной печати: Именной высочайший указ, данный Сенату (26 апреля 1906 г.) // Там же. № 27815.

комитеты, объявляли о судебной ответственности издателей. Особенно строго Временные правила отнеслись к политическим брошюрам.

После поражения революции правительство все чаще стало практиковать разновидности цензуры военного времени, объявляя «чрезвычайные условия» в том или ином регионе, вводя в действие «положение о чрезвычайной охране», когда все вопросы о печати решались губернатором или градоначальником. Это было сделано по настоянию председателя Совета министров П. А. Столыпина, считавшего, что «в столицах и других крупных городах всегда можно держать исключительное положение», «можно штрафовать газеты по усмотрению»¹. От всех ограничительных мер (чрезвычайная или усиленная охрана, военное положение и пр.) в 1911 г. пострадали 157 миллионов 80 тысяч человек². В 1913 г. на прессу было наложено 372 штрафа, конфисковано 216 номеров, арестовано 63 редактора; закрыто 20 газет³.

В 1913 г. продолжились работы над новым законодательством о печати; центральной идеей было усиление возможностей правительственного контроля над печатью. С проектами и предложениями выступали министр внутренних дел Н. А. Маклаков и представители разных политических партий. В апреле 1914 г. Комиссия по выработке законопроекта о печати при Государственной думе приняла закон, но он не был утвержден в Думе из-за начавшейся Первой мировой войны.

Информационная политика страны частично уже была готова к войне; так, в 1912 г. было утверждено «Положение о военных корреспондентах в военное время». Временное положение о военной цензуре было введено 20 июля 1914 г. Согласно Временному положению, военная цензура устанавливалась «в полном объеме» в местах военных действий и «частично» — вне их. Полная цензура включала предварительный просмотр всех произведений печати, эстампов, рисунков и фотографий, что готовились для опубликования, а также текстов и конспектов публичных речей. Все письма и телеграммы (внутренние и международные) в районе боевых действий просматривались. Частичная цензура занималась контролем над перепиской и телеграммами вне театра боевых действий.

Для военных цензоров руководством были регулярно публикуемые (28 января, 16 июля 1915 г. и др.) Перечни сведений по военной и военно-морской частям, которые запрещалось публиковать⁵. По распоряже-

 $^{^{1}}$ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 196.

² Арко. Под знаком исключительных положений // Утро России. 1912. 1 янв. (№ 1).

³ Репрессии в 1913 г. // Журналист. 1914. № 1. Стб. 29–30.

 $^{^4}$ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1914. Отд. 1. № 170. С. 2821—2822; № 192. С. 3017—3031; № 203. С. 3095—3098.

 $^{^5}$ См.: *Лемке М. К.* Военная цензура // Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 360-442.

нию начальника Генерального штаба в Петрограде была учреждена военно-цензурная комиссия. В марте 1915 г. военная цензура была введена и в Москве (далекой от фронта). Вскоре она становится всеобъемлющей, включая в себя и политическую цензуру. В марте 1916 г. в Думе был утвержден законопроект о военной цензуре. Она устанавливалась в полном объеме на всей территории страны. Известный историк (и, что не менее важно, современник тех событий) М. К. Лемке писал: «Введенная в момент единственного в нашей истории всеобщего подъема, военная цензура была встречена совершенно спокойно; наученные горьким опытом откровенности и болтливости в японскую войну, общество и народ понимали ее истинную цель, не предвидя, как это часто и бывало с нами, чем и как заплатят им за такое доверие» 1.

Опыт Первой русской революции показал, что вернуться к отжившему прошлому полностью невозможно. Была отменена предварительная цензура; печать наказывалась не в административном, а в судебном порядке; упразднены денежные залоги; введен явочный порядок основания периодики, книжных магазинов и типографий. Вышел ряд статей и книг, посвященных проблемам печати, свободы слова².

Февраль 1917 г. напомнил о Первой русской революции. Временное правительство тоже отменило цензуру и провозгласило свободу слова. Как радовалась этому печать, не представляя, что дальше будет не легче... «Скрюченные посиневшие когти старых опытных гасителей живой мысли»; «липкий страшный цензурный спрут старался переломить своими щупальцами наши кости»; зато теперь «наше сдавленное страшной цензурной веревкой горло свободно», — так журналисты прощались с уходящей эпохой цензурного рабства и приветствовали новую (с их точки зрения) свободную страну³. Сразу была создана комиссия по ликвидации Главного управления по делам печати и прочих цензурных учреждений. Ликвидационная комиссия занялась одним из прежних дел цензуры — сбором обязательных экземпляров печатной продукции (для последующей отправки в государственные библиотеки) и передачей цензурных дел в архивные хранилища. 27 апреля 1917 г. были приняты постановления Временного правительства «О печати», «Об учреждениях по делам

 $^{^1}$ $\ensuremath{\textit{Лемке}}$ М. К. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 374.

² В защиту слова. СПб., 1905; *Градовский А. Д.* О свободе русской печати. СПб., [1905]; *Розенберг В. А., Якушкин В. Е.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905; *Дионео* [*Шкловский И. В.*]. Свобода печати. СПб., 1905; *Пуришкевич В. М.* Русская печать на заре обновления. СПб., 1905; *Цертелев Д. Н.* Свобода печати и право обмана. М., 1906; *Некрасов С.* [*Рубакин Н. А.*] Кому польза и кому вред от свободы печати. СПб., 1906; Самодержавие и печать в России. СПб., 1906; *Львов-Рогачевский В.* Печать и цензура. М., 1906; *Ольминский М.* Свобода печати. СПб., 1906; *Скобельцына Ю. Д.* Свобода слова и печати: очерк. 2-е изд. СПб., 1906 и др.

³ Граждане-читатели! // Новый сатирикон. 1917. № 10 (2 марта). Вклейка.

печати» и «О надзоре за публичными зрелищами»¹. Объявлялась свобода печати и книжной торговли; уничтожалась драматическая цензура; провозглашалось судебное расследование дел прессы и явочный порядок основания новых печатных органов и типографий. Создавалась Книжная палата, которая должна была регистрировать всю выходившую печатную продукцию и снабжать государственные библиотеки всеми выходившими в стране произведениями печати.

В начале июля 1917 г. в Петрограде произошло выступление резервных частей Петроградского военного гарнизона, сагитированных большевиками. В результате, хотя попытка переворота была подавлена, обновленный состав Временного правительства ужесточил положение печати. И снова — конец недолгому бесцензурному счастью. 8 июля было запрещено распространять на фронте большевистские издания; 12 июля вынесено решение закрывать те периодические органы, что призывают к неповиновению военным властям, а также содержащие призывы к насилию и гражданской войне. 26 июля 1917 г. было утверждено постановление «О специальной военной цензуре печати»², повторяющее Временное положение о военной цензуре 1914 г.

До сих пор речь шла о событиях, относящихся более или менее непосредственно к цензуре. Далее нам нужно будет говорить несколько о другом. Прямого отношения к цензуре начала XX в. предлагаемый обзор отношения не имеет. Но он раскрывает созданную позже фальсификацию событий конца XIX – первых двух десятилетий XX в. Поэтому столь полезным оказался тематический выпуск журнала «Неприкосновенный запас», посвященный 1905 г. — тому году, которому исполнилось «сто лет забвения»³. Мы будем использовать материалы названного выпуска. Редакция его поставила задачу: нарушить молчание, осмыслить исторические факты, их значение для своего времени и для сегодняшнего дня, попытаться разобраться в причинах того «музейного забвения», которое постигло Первую русскую революцию, и в механизмах создания советского мифа о ней. Важной вехой на пути к мифологизации послужили масштабные мероприятия 1927 г., приуроченные к 10-летию Октябрьской революции. Итоги мифологизации в какой-то степени были подведены в «Кратком курсе истории ВКП(б)», опубликованном в 1938 г., но фальсификация продолжалась и далее, многие десятилетия4.

 $^{^1}$ Сборник указов и постановлений Временного правительства. СПб., 1917. Вып. 1. Отд. 2. № 93. С. 212–215; № 94. С. 215–216; № 95. С. 218–219.

 $^{^2}$ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1917. Отд. 1. № 199. С. 1230.

 $^{^3}$ Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 6. Журнал издательства «Новое литературное обозрение», главный редактор Ирина Прохорова.

⁴ Исследование этого текста как сборника мифов из «священной истории коммунизма» представлено в статье: *Гловиньский М.* «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий

Редакция «Неприкосновенного запаса» старается отразить сложность и противоречивость позиций борющихся сил, отойдя от привычной схемы: большевики, пролетариат, народ — и все остальные, одной черной краской мазанные. При чтении журнала и других источников информации проясняется вопрос о позиции либеральной интеллигенции, кадетов, эсеров, анархистов, о роли отдельных деятелей (Н. И. Махно, Г. И. Котовский, Камо, И. В. Сталин), о восстании на броненосце «Потёмкин», о лейтенанте П. П. Шмидте и о многом другом. А в конечном итоге читатель сталкивается с проблемой: так ли необходима и закономерна была Октябрьская революция? Не существовало ли альтернативных ей путей? Почему их не использовали? Что для этого было нужно?

К началу XX в. правящие круги России все яснее начинали понимать необходимость развития в направлении буржуазной Европы, модернизации экономики. Но страна продолжала оставаться отсталой в экономическом, социальном, в политическом плане. 85% населения составляли крестьяне, в большинстве нищие, лишенные земли, живущие в перенаселенных деревнях, бесправные, обремененные повинностями, подвергающиеся телесным наказаниям. Полуфеодальная страна с верхами, которые ориентировались на индустриализацию и европеизацию, а тяжесть осуществления этих перемен должна была лечь на то же крестьянство. Начал формироваться и рабочий класс, который, как и в других странах в начале индустриальной модернизации, подвергался грубой эксплуатации и жил, как и крестьянство, в невыносимо трудных условиях. Политическим режимом в стране с огромным социальным неравенством продолжало оставаться самодержавие. Царь обладал абсолютной, неограниченной властью. Боязнь оппозиции вызывала потребность в многочисленной политической полиции, «охранке», призванной следить за инакомыслящими, политическими противниками, за всеми, чья репутация вызывала подозрение. Власти упрямо отказывались от реформ, ограничивающих волю самодержца. Все это не оставляло шансов оппозиции на легальное самовыражение, вело к ее радикализации, к участию, помимо прочего, в революционном движении, которому иногда симпатизировали и финансово помогали представители той же общественной элиты, в частности, крупные предприниматели. Лагерь недовольных включал в себя и значительную часть интеллигенции. Она не осталась в стороне от революции не только оттого, «что не умела делать ничего другого и была лишена четкой социальной роли, но и потому, что ее культурные ориентиры не позволяли оставаться равнодушными к страданиям народа»¹.

курс ВКП(б)» как мифическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142—160.

¹ Феретти М. Безмолвие памяти: Россия и революция 1905 года // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 7–8.

К этому добавлялись настроения угнетаемых национальных меньшинств, в частности, евреев. Получалась опасная смесь отсталости и стремления к модернизации, отсутствие политической или конституционной отдушины. Коктейль складывался гремучий, взрывоопасный.

К этой смеси добавилась Русско-японская война 1904—1905 гг., в которой Россия потерпела сокрушительное поражение. Оно было неожиданным. В огромной России мало кто считал маленькую азиатскую Японию серьезным противником.

В ночь на 27 января 1904 г. начались военные действия. Японский флот напал на русские корабли в Порт-Артуре, часть кораблей была потеряна. Геройская гибель крейсера «Варяга» и канонерской лодки «Кореец» стала легендарной, но бесполезной жертвой. В Порт-Артур прибыл знаменитый адмирал, кумир флота и русского общества С. О. Макаров. Он начал наводить порядок, но флагманский корабль, броненосец «Петропавловск», на котором находился Макаров и его штаб, наткнулся на мину, перевернулся и быстро затонул, все погибли. В декабре 1904 г. пал Порт-Артур. Под Мукденом в феврале 1905 г. под командованием генерала А. Н. Куропаткина русские войска потерпели сокрушительное поражение. Потери составили около 69 тысяч убитыми, 21 тысяча попала в плен. 14–15 мая 1905 г. прошло Цусимское сражение. Русская эскадра бой проиграла. Русские корабли впервые за много лет спустили Андреевские флаги. Силы Японии также были истощены, и она согласилась на сравнительно легкие условия мира. Портсмутский мир заключили в августе 1905 г. По его условиям, Япония устанавливала в Корее свою зону влияния, получала южную часть Сахалина, арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Из Манчжурии обе стороны обязались войска вывести.

Не столь уж велики были потери России, но эффект был ошеломляющий. Общество отреагировало откликами — в литературе, в фольклоре или в произведениях, ставших фольклором. Многие из этих откликов дожили до наших дней.

Это «Штабс-капитан Рыбников» А. И. Куприна, знаменитая стихотворная прокламация К. Д. Бальмонта «Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима, Наш царь — кровавое пятно...», песни о гибели «Варяга», о калеке-солдате, возвращающемся домой от «павших твердынь Порт-Артура, с кровавых маньчжурских полей», вальс И. А. Шатрова «На сопках Манчжурии», строки на мотив стихотворения М. Ю. Лермонтова «Горные вершины спят во тьме ночной»:

Тихо на дороге, Сладким сном все спит, Только грозный Ноги На Харбин спешит. Нас уже немножко, Все бегут в кусты... Подожди, япошка! Отдохни ж и ты!¹

События Русско-японской войны заняли особое место среди причин радикализации общества, революционного взрыва 1905 г. По словам И. О. Ермаченко, поражение России в войне с Японией сыграло «свою роль и в стремительном "полевении" либеральной интеллигенции». Образ Японии «быстро превратился в своеобразное пропагандистское оружие либералов в борьбе против "консервативно-охранительного" лагеря». Исследователь считал, что «жестокая военная реальность потребовала политически определиться по отношению и к самой Японии, и к причинам ее побед <...> Дискуссия по принципиальным вопросам общественного и государственного устройства проецировалась теперь на войну с внешним противником и, став "диспутом военного времени", получила новую обильную пищу»².

Отвечая на преподнесенный ему в самом начале войны с Японией адрес от ежедневной столичной печати, Николай II заявлял: «Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призвания служить выразительницею чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду, и только правду» (курсив мой. — Π . P.)³. Это говорилось тогда, когда поражение не предполагалось. Но на слова императора можно было ссылаться и позже, когда правда оказалась довольно неприятной для властей. Тем более что назначенный после убийства эсерами В. К. Плеве новый министр внутренних дел, П. Д. Святополк-Мирский, человек относительно либеральный, отвечая на вопросы корреспондента одной из газет, обещал, «опираясь на основные начала, указанные <...> Государем», проявлять «истинный и широкий либерализм, поскольку этот последний не противоречит установленному порядку правления»⁴. Естественно, такой «истинный либерализм» противопоставлялся «совершенно исключительному русскому либерализму и всей его партии, позорящей русское имя»⁵. Используя сложившуюся ситуацию, легко

 $^{^1}$ *Вересаев В. В.* На японской войне: записки // *Вересаев В. В.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М., 1961. С. 168.

 $^{^2}$ *Ермаченко И. О.* На пути к революции: русские либералы перед «японским зеркалом» // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 71.

 $^{^3}$ *Языков Н.* На родине // Летопись войны с Японией. 1904. № 1. С. 16.

⁴ Цит. по: *Ермаченко И. О.* На пути к революции: русские либералы перед «японским зеркалом»... С. 76.

 $^{^5}$ *С. А. К.* [Короленко С. А.] Наши либералы // Русский вестник. 1904. Т. 293. Сент. С. 388.

обходя относительно мягкую в то время военную цензуру, российская печать уловила нараставшую волну либерализации и демократизации, подстроившись под нее. Постепенно даже в публикациях «умеренно-патриотических» изданий Япония превращается «в почти безоговорочный пример прогрессивного развития, которому предлагается следовать» Война рассматривается как очистительный ураган, разбудивший Россию, как осознание необходимости существенных перемен. Но это все для общества, для интеллигенции. Для мужика, простолюдина война — демонстрация слабости правительства, а значит, возможности неповиновения, бунта (горят помещичьи усадьбы, на дорогах появляются шайки грабителей; происходит как бы репетиция того, что захлестнуло Россию во время Гражданской войны). Этот бунт был справедливым, направленным против антинародного порядка. Но он включал в себя и криминальное, уголовное, кровавое начало, то, что Пушкин называл «бессмысленным и беспощадным» русским бунтом. Начинается Первая революция.

Как ни странно, это время оказалось забытым историками. Закономерно забытым; вернее — намеренно забытым: «воспоминание о 1905 годе в памяти общества отстоялось в виде стереотипного образа, изобретенного и навязанного официальной советской историографией, которая трактовала эту первую революцию всего лишь как прелюдию к 1917 году и, установив между двумя революциями необходимую линейную связь, отрицала всякую автономность первой и нивелировала все ее своеобразие»². Затем, в конце XX — начале XXI в., возникло другое неприятие: революция 1905 г. подверглась остракизму, как связанная с Октябрьской: «Сейчас в России разговаривать о революции — дурной тон <....> память о революции 1905 года — память неудобная»³.

Появляется ряд вопросов. Один — гипотетический; что было бы, если бы...? Вопрос немаловажный, особенно при размышлении о сегодняшнем дне. Есть и другие. Но самый главный из вопросов: что же происходило на самом деле? Что заменил официально созданный советский миф? События первых двух десятилетий XX в. стали материалом его преддверья.

И вновь возникает проблема роли революционного насилия в истории. Такого насилия не всегда удается избежать, но, думается, оправдывать и особенно идеализировать тоже не стоит. Звать к топорам, как это делал «Русский человек» в «Колоколе», и тем более превратить топоры в основное средство разрешения социально-общественных конфликтов, — преступное дело. И не случайно от этого предостерегал Герцен, которого Ленин осуждал за либеральные колебания.

 $^{^1}$ *Ермаченко И. О.* На пути к революции: русские либералы перед «японским зеркалом» // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 77.

 $^{^2}$ *Феретти М.* Безмолвие памяти: Россия и революция 1905 года // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 6.

³ Там же.

Необходимость перехода от абсолютизма к правовому государству стала осознаваться в России еще в XVIII в., развиваясь и усиливаясь к XIX в. Но реально проблема такого перехода встала на повестку дня в начале XX в., в период Первой русской революции. Актуализируется вопрос о конституции. «Союз освобождения» (о нем пойдет речь ниже), ведущая либеральная организация России, уже с самого начала революции выступил со своим проектом конституции, который можно рассматривать как программу всего движения. Проект был разработан Петербургским и Московским подразделениями Союза в октябре 1904 г. и связан с подготовкой к первому съезду земских деятелей. Проект оказался в центре дискуссии первого (ноябрь 1904 г.) и особенно второго (апрель 1905 г.) съездов земских деятелей. Как компромисс умеренных и радикалов возник проект С. А. Муромцева и Ф. Ф. Кокошкина (июль 1905 г.), теоретическая и практическая основа последующего конституционного движения в России. В основе проекта содержалась идея не столько заменить существующие законы другими, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Направление движения мыслилось как переход от абсолютизма к конституционной монархии. Главным условием перехода к правовому государству объявлялось создание Государственной думы как инструмента политических реформ и установление ее контроля над правительством. Эта программа стала отправной точкой конституционных преобразований и оказала определенное влияние на основное законодательство Первой русской революции¹.

Несмотря на общую преемственность этих преобразований, А. Н. Медушевский выделяет в конституционной политике монархии России начала XX в. три основные фазы. Первая из них — начальная стадия разработки нового основного законодательства. Начиная понимать необходимость некоторых изменений, русское самодержавие стремилось сохранить существующую политическую систему, придав ей иное правовое оформление. Общая концепция, предлагаемая вначале конституционалистами, вполне укладывалась в теорию правительственных реформ, намеченную еще в середине XIX в. при Александре II, по которой самодержавие дополнялось бы совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера. Эта теория последовательно проводилась в пакете проектов законов, составленных Министерством внутренних дел в первой половине 1905 г., в ответ на требования либеральной общественности. Как результат такого подхода был опубликован Высочайший манифест от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы и Положение о выборах в Думу. Этот Ма-

¹ *Медушевский А. Н.* Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 52.

нифест, ознаменовавший создание так называемой Булыгинской думы, рассматривал ее исключительно как совещательное учреждение, статус которого был значительно ниже Государственного совета и правительства. Выборы в Думу были ограниченными.

Вторая фаза — время наибольшего подъема революционного движения. Действия властей вынуждаются ситуацией. Появление Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., ряда законодательных актов, изданных в качестве его развития в конце 1905 – начале 1906 г.: закон 11 декабря 1905 г. об изменении Положения о выборах в Думу (они становятся всеобщими), манифест об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы (от 20 февраля 1906 г.)1. Эти законодательные акты стали правовой основой Первой Государственной думы России. Концепция правовых отношений представительных учреждений и монарха, выраженная в них, в целом соответствовала той, которая была в основе конституционного монархизма ряда западных стран: две палаты парламента — Государственная дума и Государственный совет — наделялись равными правами в области законодательства. Они (теоретически), в случае достижения единства, могли противостоять царю в области контроля над бюджетом, введения новых законов, но право изменять основные законы, руководить работой правительства, использовать армию предоставлялось исключительно императору. Поэтому вряд ли можно говорить об установлении в России конституционной монархии как законченной формы правления. Слишком много исключений из законодательства делалось в пользу монарха. В лучшем случае речь шла о первых зачатках конституционного правления (либералы так и рассматривали их как начало, надеясь на дальнейшее развитие, прогресс; а самодержавная власть рассчитывала на свертывание этих вынужденных уступок; каждая сторона планировала свое, а получилось нечто третье — революция). Либералы были весьма умеренными, но все же то, за что они боролись, было лучше предшествующего (неограниченное самодержавие) и будущего (Октябрьская революция). С точки зрения дальнейшего развития Николай II действовал нелогично. Но кто же мог тогда это знать?

Третья фаза — поражение восстания, откат. Целью правительства было уничтожение остатков революции. Внедрение новых конституционных законов в традиционный кодекс самодержавного государства, подчинение их этому кодексу вряд ли было возможно: старое и новое находились в непримиримом противоречии. Да и государство с царем

¹ Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений: Именной высочайший указ, данный Сенату (11 декабря 1905 г.) // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 27029; Высочайше утвержденное учреждение Государственной думы (20 февраля 1906 г.) // Там же. Т. 26. № 27424.

вовсе не хотели такого совмещения, хотя и не решались отменить все, на что вынуждены были согласиться в период подъема революционного движения. Новые нормы о представительных учреждениях, их законодательных правах теряли силу. Из этих норм было много изъятий, их использование затруднялось обилием подзаконных актов, административных распоряжений. Все вместе довершало торжество монархического начала. Анализ Свода основных государственных законов (в новой редакции от 23 апреля 1906 г.) и утвержденного тогда же учреждения Государственного совета позволяет сделать вывод об отступлении от Манифеста 17 октября 1905 г. как в букве, так и в духе новых законов. Внешне структура отношений Думы и Государственного совета, отношений их с царем остаются без изменений. Но реальный центр власти резко смещается вправо, в пользу монарха, благодаря формулировкам о правах власти в новой редакции Основных законов. Происходит движение вспять, к первоначальному (Булыгинскому) варианту политической реформы. Первая дума распущена, за ней и Вторая. В итоге всех манипуляций вокруг конституционных реформ Россия вступает в период мнимого конституционализма. А. Н. Медушевский находит в подобном «конституционализме» нечто сходное с явлениями в России конца XX – начала XXI в.2

К 1905 г. несостоятельность существующего в России государственного порядка, необходимость коренных перемен осознавала большая часть общества, но она справедливо опасалась разгула топоров. Одна из самых серьезных попыток реформировать страну была предпринята П. А. Столыпиным. На фигуре Столыпина следует остановиться несколько подробней. В советское время он осмысливался как жестокий диктатор, крайний реакционер, беспощадно боровшийся с революционерами, не останавливавшийся перед самыми крутыми мерами. В эпоху перестройки некоторые историки стали видеть в нем выдающегося государственного деятеля, образец для подражания. По их мнению, только смерть помешала Столыпину повести Россию по благотворному пути и избавить ее от ужасов революции: современникам следовало бы усвоить и претворить в жизнь концепцию Столыпина. Обе точки зрения вряд ли являются истинными, но в каждой из них есть зерно правды. Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) и на самом деле фигура незаурядная. В 1906 г. он (очень молодой для такой должности) назначается министром внутренних дел, а через несколько месяцев, с 8 июля того же года, одновременно становится председателем Совета министров, заменив И. Л. Горемыкина.

 $^{^1}$ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы (23 апр. 1906) // ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27805.

 $^{^2}$ *Медушевский А. Н.* Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 53.

Столыпин — сторонник политики «твердой руки». К ней толкала вся обстановка, в том числе и события личной жизни, да и характер Столыпина.

Время правления Столыпина характеризуется и целой серией экономических и социальных реформ¹, задуманных и частично воплощенных в жизнь. Крупнейшая из них — аграрная реформа. По инициативе Столыпина 9 ноября 1906 г. был издан высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»². Указ предусматривал право свободного выхода крестьян из общины с получением надела земли, переходящего в собственность. При этом собственность на землю не была абсолютной: земля закреплялась не за частным лицом, а за социальным слоем, который работал на ней. Крестьянская община сохранялась как административная единица, но как основа сельского хозяйства провозглашалась и поддерживалась собственность подворная, личная, крепкая, наследственная. Предусматривались и насильственные меры, если община препятствует выходу из нее. Выход не был обязательным, но всячески стимулировался властями. Были отменены выкупные платежи, которые платили крестьяне. Крестьянский поземельный банк по указу от 14 октября $1906 \, \mathrm{r.^3}$ понижал платежи заемщиков и создавал льготные условия для купли-продажи земли. Крестьянам предлагалось выделять участки «на отруба», основывать хутора. Столыпин задумал создание широкого слоя зажиточных крестьян, владельцев земли. Он считал, что община уничтожает врожденное чувство собственности. Льву Толстому в октябре 1907 г. премьер писал: «нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землей»⁴. По статистике, к 1 января 1916 г. из общины вышло более 25% крестьян, они укрепили за собой около 20% общественных земель, половина вышедших предпочла отрубно-хуторскую форму ведения хозяйства⁵.

Продолжением аграрной реформы, ее составной частью была организация массового переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, где было много свободных земель. С 6 мая 1905 г. переселение перешло под

 $^{^1}$ Наиболее полный свод документов см.: П. А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М., 2003.

 $^{^2}$ О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования: Именной высочайший указ, данный Сенату (9 ноября 1906 г.) // ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 28528.

³ О понижении платежей заемщиков Крестьянского Поземельного Банка: Именной высочайший указ, данный Сенату (14 октября 1906 г.) // Там же. № 28416.

 $^{^4}$ Лев Николаевич Толстой: юбилейный сб. М.; Л., 1928. С. 91–92.

 $^{^{5}}$ Φ ёдорова Н. А. Аграрная реформа // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 18.

контроль Главного управления землеустройства и земледелия, осуществлявшего аграрную реформу. Был принят ряд указов о передаче земель для переселенцев, законы о закреплении за ними земельных участков, о выдаче ссуд на их хозяйственные надобности1. Правом на переселение воспользовались многие: в 1906-1914 гг. в Сибирь мигрировали 3040,1 тысяч переселенцев — в два раза больше, чем за предыдущие 20 лет. На Кавказ за тот же период мигрировали около 55 тысяч человек². Сибирь стала быстро развиваться. Территория обрабатываемых сельскохозяйственных земель увеличилась вдвое. Животноводство росло значительно быстрее, чем в европейской части России. По объему валовой хлебной продукции Россия на рубеже XIX-XX вв. была в числе мировых лидеров, наряду с США, Аргентиной, Канадой и Австралией³. Были предусмотрены меры против концентрации земли в одних руках (не более шести душевых наделов), против спекуляции ею. Продажа земли разрешалась только крестьянам, земледельцам. Не допускалась национализация земли, сдача ее в аренду, отчуждение земли помещиков (сам Столыпин — крупный помещик, владелец около 8 тысяч десятин земли).

Планировались и другие проекты реформ: социального страхования рабочих по старости и инвалидности, ограничение рабочего дня для малолетних, создание системы медицинской помощи, введение всеобщего начального бесплатного образования, увеличение зарплаты учителей, почтовых служащих, железнодорожных работников, увеличение налога на спиртные напитки. Существовал проект решения еврейского вопроса. Столыпин задумывался и над политическими реформами; существовали замыслы бессословной системы местного самоуправления, выборов в земство по имущественному, а не сословному цензу. Ценз уменьшался в 10 раз⁴. Большинство предлагаемых Столыпиным реформ было целесообразно, даже необходимо с экономической точки зрения, но не все шло так, как было задумано. Многое нарушалось местными чиновниками, особенно добровольность выхода из общины. Не хватало землемеров, нужных для межевания. Ощущался недостаток денег для проведения

¹ Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев // ПСЗ. Собр. З. Т. 24. № 24701; О порядке переселения за Урал в 1908 году // Там же. Т. 28. № 30152; О порядке выдачи ссуд на общеполезные надобности переселенцев // Там же. Т. 29. № 31728; Об изменении срока сохранения переселенческих участков за ходоками и переселенцами, самовольно покинувшими места водворения // Там же. Т. 30. № 33539 и др.

 $^{^2}$ $\it Зиновьев$ В. П., Фёдорова Н. А. Переселение // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 434.

 $^{^3}$ *Корелин А. П.* Россия сельская на рубеже XIX-XX вв. // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 225.

⁴ Правительственное сообщение [опубликовано 24 авг. (6 сент.) 1906 г.] // П. А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 31.

реформ. Не все переселенцы прижились на новом месте, иногда возникали конфликты между ними и местным населением. Около 17% переселенцев вынуждены были возвратиться в родные места. Но главным, видимо, была несовместимость между реформами, задуманными Столыпиным, и государственной системой, которой он служил, старался укрепить изо всех сил, идя каким-то особым «русским путем».

К печати Столыпин относился как к способу пропаганды точки зрения правительства. По распоряжению П. А. Столыпина Отдел иностранной и инородческой печати Департамента полиции был передан в Главное управление по делам печати¹. Отдел знакомил высокопоставленных чиновников с отзывами национальной и иностранной печати по вопросам внешней и внутренней политики страны. Ежедневные общие и секретные обзоры (на трех языках) к 1915 г. доросли до обзоров на 16 языках мира и 11 национальных языках России.

В 1906 г. при содействии Столыпина частная петербургская газета «Россия» (1905–1914) была преобразована в официозное издание. Газета получала субсидии из рептильного фонда, была освобождена от почтовых расходов и могла бесплатно распространять часть тиража. Учитывая «постоянно усиливающийся интерес наших читателей к сведениям и отчетам о политической жизни государства»², журналист С. Н. Сыромятников и чиновник Министерства внутренних дел И. Я. Гурлянд отвечали за информационное содержание номеров (среди традиционных тем — постоянные упреки кадетам и намеки на угрозы обществу от социалистов). Официозный характер «России» тщательно скрывался, но напрасно. С. Ю. Витте свидетельствовал: «Вся Россия отлично знает, что газета "Россия" есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов "Правительственного вестника"», а «Сатирикон» высмеивал неловкие попытки Гурлянда поставить капканы социалистической прессе³.

Активная позиция премьер-министра вызвала ряд покушений на него (11 замышляемых или состоявшихся). 12 августа 1906 г. эсеры-максималисты подготовили взрыв государственной дачи, в которой жил Столыпин. От взрыва бомб были убиты и ранены 60 человек, в том числе погибло (по разным сведениям) от 24 до 29 человек. Тяжелые ранения получила дочь Столыпина Наталья, а сам он остался невредим. Уже 17 августа 1906 г. Николай II утвердил мнение Совета министров об учреждении военно-полевых судов, которые в 48 часов рассматривали обвинения

 $^{^1}$ Полянская Л. И. Архивный фонд Главного управления по делам печати: обзор // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 604.

² От редакции // Россия. 1906. 8 июня (№ 144).

 $^{^3}$ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3: (17 октября 1905—1911). Царствование Николая II. М., 1960. С. 317; Юнгер А. «Российские» капканы // Сатирикон. 1911. № 30 (22 июля). С. 12.

и выносили суровые приговоры. Приговоры подписывали командующие военными округами; на исполнение отводились сутки. Судей за мягкие приговоры увольняли с работы. Начались массовые казни; виселицы называли «столыпинскими галстуками». Если до осени 1906 г. в среднем казнили 9 человек в год, то с августа 1906 г. по апрель 1907 г. к смерти были приговорены 1102 человека. «Не могу молчать» Л. Н. Толстого, «Рассказ о семи повешенных» Л. Н. Андреева отражают ту атмосферу.

В 1908 г. начинается резкая критика Столыпина в печати — и правой (обвиняют его в нерешительности), и левой (упреки в жестокой диктатуре). Ухудшаются его отношения с царем. Последний, видимо, опасается того, что слишком много власти сосредоточилось в руках Столыпина. Отклоняется ряд его законопроектов. В марте 1911 г. Столыпин подает прошение об отставке. Царь не принимает ее, однако становится ясно, что политическая карьера Столыпина закончена. А 1 сентября 1911 г. в киевском городском театре, в присутствии царской семьи, платный осведомитель Киевского охранного отделения, анархист и провокатор Д. Г. Богров смертельно ранил Столыпина. 5 сентября премьер-министр скончался и был погребен в Киево-Печерской лавре. Современники вспоминали, что Столыпин просил похоронить себя там, где его застанет смерть¹. До сих пор спорны причины убийства. Некоторые считали, что это дело рук охранки, жандармских инстанций, действовавших, возможно, не без ведома царя. Во всяком случае, Богров получил от начальника местной охранки Н. Н. Кулябко билеты на все мероприятия, на которых должна была присутствовать царская семья в сопровождении Столыпина. Другие предполагали, что покушение подготовлено эсерами. Те заявили о своей непричастности к убийству, что обычно в подобных случаях не делали. Были версии мести Столыпину как вдохновителю политической реакции и каких-то личных мотивов, ставших причиной убийства.

Интеллигентный чиновник на взлете своей карьеры так отзывался о либеральной интеллигенции: «нельзя отказать им в смелости, трудоспособности, энергии и знаниях, но, с другой стороны, бросается в глаза их предвзятость, врожденная антипатия и недоверие к сложившимся историческим путям и формам, их презрение и полнейшее незнание людей других классов и воззрений и часто прямолинейное игнорирование жизненных интересов страны»². Прав ли был Столыпин? Остановимся на нескольких примерах, показывающих позицию образованной части общества в те неспокойные годы.

 $^{^1}$ Бок М. фон. П. А. Столыпин: воспоминания о моем отце. М., 2006. С. 263; Гирс А. Ф. Смерть Столыпина: из воспоминаний бывшего киевского губернатора // Памяти П. А. Столыпина. М., 2003. С. 291.

 $^{^2}$ Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 год // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 86.

В начале XX в. представители либеральной интеллигенции, деятели науки, высшего образования входили в узкий круг участников первых нелегальных организаций, стоявших у истоков российских либеральных партий: московских «Беседы» (1899–1905), «Союза земцев-конституционалистов» (1904–1905) и петербургского «Союза освобождения» (1904–1905). Созревание революционной ситуации способствовало и формированию политического мировоззрения либеральной профессуры. Ее настроения вливались в программные манифесты либеральных партий. К революции либералы относились отрицательно, видели в ней зло. Но считали, что этого зла не удалось избежать из-за нежелания власти пойти на уступки. Все же они сохранили надежду на политическую гибкость царя в катастрофических обстоятельствах. Профессор философии С. Н. Трубецкой, вскоре избранный ректором Московского университета, в речи на приеме императором земских и городских деятелей 6 июня 1905 г. утверждал, что противоядием «от дальнейшего взрыва чувств» может стать «народное представительство», которое приведет к «миру внутреннему», при условии, чтобы бюрократия «не узурпировала державных прав царя»¹. Другой преподаватель того же университета, А. А. Кизеветтер, член Центрального комитета партии кадетов, в мемуарах приводил решение Второго кадетского съезда: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией»². В советское время нас учили считать подобные высказывания свидетельством реакционной позиции русской интеллигенции, предательством дела народа, интересов революции. Однако не столь уж они были ошибочны для своего периода. Во всяком случае, подобные формулировки основывались на опыте европейских буржуазных революций XIX в., особенно «благотворной» германской 1848 г., а не кровавой французской 1789 г., ведущей, по мнению русских либералов, к неслыханным опасностям, если не к гибели.

Рассмотрим и другой пример. «Нужды просвещения. Записка 342 ученых» — яркое свидетельство того, что значительная часть ученых, интеллигенции понимала необходимость существенных преобразований в России. Записка была напечатана 19 января 1905 г. в газете «Наши дни». Ее подготовили к 150-летию Московского университета, но юбилейные торжества были отменены в связи с кровавыми событиями 9 января на Дворцовой площади Санкт-Петербурга. Юбилей, помимо прочего, должны были сопровождать многочисленные «адреса» и «послания» от различных профессорско-преподавательских коллегий высших учебных за-

¹ Слова Его Величества государя императора Николая Александровича при приеме городских и земских деятелей, и речи князя С. Н. Трубецкого и М. П. Фёдорова во время приема их 6-го июня 1905 г. М., 1905.

 $^{^{2}\ \}mathit{Kuseвemmep\ A}.\ \mathit{A}.\ \mathsf{Ha}$ рубеже двух столетий: (воспоминания 1881—1914). Прага, 1929. С. 409.

ведений, от ученых обществ. Предполагалось провести оппозиционную кампанию с изложением «наболевших в академической среде вопросов профессионального и политического свойства» 1. Планировалось, что «Записка», оглашенная на специально организованном банкете в Петербурге, станет венцом задуманной кампании. Но торжества отменили. Пришлось довольствоваться тем, что в намеченный заранее срок «Записку» напечатали. Ее подписали 342 ученых и преподавателей (в их числе академиков — 16, профессоров — 125, доцентов, преподавателей, ассистентов и лаборантов — 201). Среди подписавших были видные деятели науки: Н. Н. Бекетов, А. Н. Веселовский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Марков, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, И. И. Янжул и др. Позже свою подпись присоединил В. О. Ключевский.

После публикаций «Записка» быстро собрала новые подписи². Выступавший против нее бывший ректор Юрьевского (Дерптского) университета А. С. Будилович называет точное число: «подписавшие "Записку" граждане нашей академической республики, в числе якобы до 1560»³. Число подписантов постепенно росло: «мы находим 1769 фамилий; принимая же во внимание, что среди московских учебных заведений, по недоразумению, пропущено Инженерное училище, можно утверждать, что записка в настоящее время покрыта более чем 1800 подписями»⁴.

«Записка» стала первым широковещательным обращением российских ученых ко всему русскому обществу, изложением совместной политической программы, взгляда на дальнейшую судьбу российского государства⁵. Предваряя ее публикацию, газета писала: «Ввиду интереса, который представляет мнение авторитетных лиц, близко знакомых с состоянием и потребностями отечественного просвещения, мы считаем существенно важным познакомить с нею наших читателей»⁶.

Текст «Записки» начинается со слов о «знаменательном моменте общественного подъема, переживаемого нашей родиной», и о «тяжелом положении нашей школы», «тех условиях, в которых ей приходится действовать». «С глубокой скорбью каждый из нас вынужден признать, — писали ученые, — что народное просвещение в России находится в самом

 $^{^1}$ *Иванов А. Е.* Российский ученый корпус в зеркале русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 83.

 $^{^2}$ Нужды просвещения: (записка 342 ученых) // Наша жизнь. 1905. 20 янв.; Нужды просвещения: (записка 342 ученых) // Русь. 1905. 27 янв.; Записка о нуждах просвещения (342 ученых) // Всемирный вестник. 1905. № 4. С. 171−187.

³ *Будилович А. С.* Наука и политика: три статьи по злободневным вопросам. СПб., 1905. С. 65.

⁴ Материалы к истории академического союза // Вестник политехнического общества, состоящего при Императорском техническом училище. 1905. № 5. С. 5–6.

⁵ Иванов А. Е. Российский ученый корпус в зеркале русской революции... С. 83.

⁶ Нужды просвещения: (записка 342 ученых) // Наши дни. 1905. 19 янв. (№ 22).

жалком положении, совсем не отвечающем ни насущным потребностям нашей родины, ни ее достоинству». Деятели науки и высшего образования были убеждены, что народное просвещение — главный двигатель социально-экономической и культурной модернизации России, а потому необходимо существенно менять административно-правовое положение школ всех ступеней — от низшей до высшей.

В «Записке» кратко описано положение начального образования, средней школы и высших учебных заведений, которые «приведены в крайнее расстройство и находятся в состоянии полного разложения. Свобода научного исследования и преподавания в них отсутствует. Оказавшееся столь плодотворным у всех просвещенных народов начало академической автономии у нас совершенно подавлено» 1 . Так в записке появляется дважды повторяемое слово «свобода», пока в понимании *«академическая* свобода» (курсив мой. — Π . P.). Но уже здесь это слово связывается с политикой: «в наших высших учебных заведениях установились порядки, стремящиеся из науки сделать орудие политики. Правильное течение занятий постоянно прерывается студенческими волнениями, которые вызываются всею совокупностью условий нашей государственной жизни» 2 . К студенческим волнениям авторы записки относятся явно без одобрения, но в то же время они признают серьезность вызывающих их причин.

Речь идет и о тяжелой участи тех, кому приходится трудиться на почве русского народного просвещения. Условия их деятельности «не могут не быть признаны весьма тяжелыми и даже унизительными», что авторы записки связывают с действиями властей: «даже чисто ученая и преподавательская деятельность не гарантирована от административных воздействий. На страницы истории высших учебных заведений до последнего времени приходится заносить случаи, когда профессора и преподаватели — и среди них иногда нередко выдающиеся научные силы — усмотрением временных представителей власти вынуждаются оставить свою деятельность по соображениям, ничего общего с наукою не имеющим. Целым рядом распоряжений и мероприятий преподаватели высших школ низводятся на степень чиновников, долженствующих слепо исполнять приказания начальства»³.

Авторы «Записки» утверждали, что современный режим просвещения в России «представляет собой общественное и государственное зло», подрывающее авторитет науки. «Наука может развиваться только там, где она свободна, где она ограждена от постороннего посягательства, где

¹ Нужды просвещения: (записка 342 ученых) // Наши дни. 1905. 19 янв. (№ 22).

² Там же.

³ Там же.

она беспрепятственно может освещать самые темные углы человеческой жизни. Где этого нет, там и высшая школа, и средняя, и начальная должны быть признаны безнадежно обреченными на упадок и прозябание»¹.

До последней части текста авторы «Записки» ограничивались сферой положения науки и просвещения, хотя и связывали эту сферу с общим отношением к ней государственных инстанций. Но в конце, в последних трех абзацах, они прямо переходят к вопросу несостоятельности всего государственно-общественного порядка России и необходимости изменения его. Деятели науки и высшего образования убеждены, что положение с народным просвещением и наукой неразрывно связано с необходимостью «полного и коренного» преобразования современного строя России на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации².

В «Записке» была высказана мысль, что «академическая свобода несовместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование. В настоящее время такое преобразование совершенно неотложно <...> мы, деятели ученых и высших учебных учреждений, высказываем твердое убеждение, что для блага страны безусловно необходимо установление незыблемого начала законности и неразрывно с ним связанного начала политической свободы. Опыт истории свидетельствует, что эта цель не может быть достигнута без привлечения свободно избранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации. Только на этих основах обеспеченной личной и общественной свободы — может быть достигнута свобода академическая, — это необходимое условие истинного просвещения»³. «Записка» — не революционный документ, более того, она осуждает насилие, но при этом она требует коренного изменения существующего порядка.

«Записка» была задумана «как учредительный манифест и идейная декларация» полупрофессиональной-полуполитической организации деятелей науки и высшей школы — Академического союза. Постановление о необходимости создания его было принято «Союзом освобождения» и поддержано участниками «банкетной кампании» в ноябредекабре 1904 г. Учредительный съезд Академического союза состоялся 26–28 марта 1905 г. В подготовленном к съезду проекте была обозначена цель объединения — сплочение единомышленников для достижения

¹ Нужды просвещения: (записка 342 ученых) // Наши дни. 1905. 19 янв. (№ 22).

² Там же.

³ Там же.

«академической свободы и автономии»¹. Ученые ожидали от власти существенных реформ самодержавного государственного строя, но и открыто заявили о коренной несостоятельности существующего порядка. Немногие были способны на такие заявления в более поздние времена, вплоть до нынешних. Чтобы подписать «Записку», требовалось гражданское мужество. Ученые могли лишиться не только средств к существованию, но и возможности заниматься наукой, однако это их не остановило. Полемика по поводу «Записки» преодолела даже государственные границы. Так, венская газета, пересказав текст обращения ученых, отметила благоприятное воздействие этого «меткого и смелого заявления» на общественное мнение².

Смелость ученых не осталась без внимания начальства, выразившего недовольство. Председатель ученого комитета Министерства народного просвещения Н. Я. Сонин в специальном письме главе ведомства генералу В. Г. Глазову отмечал, что «выходка» профессоров, подписавших «Записку», «не должна пройти для них без самых серьезных последствий», в виде освобождения их от должности или «приостановления им выдачи вознаграждения»³. Глазов предложил министрам финансов, внутренних дел, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ выработать согласованные меры, направленные против подписавших «Записку», работающих в подведомственных им высших учебных заведениях. Своих подчиненных Глазов готов был подвергнуть даже уголовному преследованию или увольнению как лиц, которые могут нанести ущерб «интересам учебного дела и долгу службы»4. Лишь неблагоприятная для властей обстановка революционной ситуации помешала привести эти меры в действие. Однако 4 февраля каждый из сотрудников Академии наук, подписавших «Записку», получил «циркулярное письмо» президента Академии, великого князя Константина Константиновича, с обвинениями ученых в том, что они «из науки делают орудие политики, нарушают закон и возбуждают студенчество к беспорядкам»⁵. Президент Академии при этом отметил, что, «не отвлекаясь рассуждениями о необходимости начала политической свободы, деятели ученых и высших учебных учреждений должны бы сперва освободиться от казенного содержания, коим

¹ *Астров Ал.* Материалы к истории академического союза // Вестник политехнического общества, состоящего при Императорском техническом училище. 1905. № 5. С. 4.

 $^{^2}$ Das russische Ministerium der Volksaufklärung und die russischen Akademiker und Professoren: Aus dem Briefe eines Mitgliedes der Petersburger Akademie // Neue Freie Presse (Wien). 1905. 19 März. S. 2-3.

³ Цит. по: Иванов А. Е. Российский ученый корпус в зеркале русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 84.

⁴ Там же.

⁵ Летопись Российской Академии наук: в 4 т. Т. 4: 1901–1934. СПб., 2007. С. 93.

пользуются от порицаемого ими правительства» 1 . В ответном письме, от 23 февраля, академик В. В. Заленский указывал, что деньги дает народ, а правительство лишь распределяет их, и за особые услуги правительству он денег никогда не получал 2 .

В архиве Академии наук сохранилось 12 ответных посланий на циркулярное письмо великого князя, в которых ученые не только не отказались от своего мнения, но и оценили право высказать его как гражданский долг. От лица всех подписавших «Записку» академик К. Г. Залеман заявил: «Молчать в данный момент — значит одобрять все, чего одобрить мы не можем»³. Другой академик, математик А. М. Ляпунов, писал великому князю: «Мы считали, что наша прямая обязанность была высказать, в чем мы видим исход из настоящего тяжелого состояния. На нас лежал этот нравственный долг перед отечеством, которому мы обязаны своим высоким положением, и перед народом, из средств которого составляется получаемое нами казенное содержание»⁴. В том же ключе ответили другие ученые, а И. П. Бородин направил президенту Академии демонстративное прошение об отставке. Скандал разрастался, и великий князь был вынужден извиниться перед коллегами-академиками. В итоге ни один из академиков, профессоров, приват-доцентов не отозвал свою подпись под «Запиской». Рост членов Академического союза не только не прекратился, но и ускорился. К октябрю 1905 г. он достигнул максимума в 1800 человек, состоявших в 44 организациях 39 высших учебных заведений. Отделение Союза образовали и профессора, находящиеся по разным причинам во Франции, — преподаватели Высшей вольной школы политических наук в Париже (Илья Мечников, Максим Ковалевский, Юрий Гамбаров, Павел Виноградов, Николай Кареев, Иван Лучицкий, Максим Винавер)⁵.

Но вскоре в Академическом союзе произошли изменения. Уже во второй половине сентября 1905 г. профессорские коллегии столкнулись с непреодолимым препятствием — всенародными антиправительственными митингами в помещениях университетов и институтов, находившихся под защитой академической автономии. Сначала митинги прохо-

¹ Письмо великого князя Константина Константиновича, направленное членам Академии наук, подписавшим «Записку 342 ученых», опубликованную газетой «Русь» // Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук, 1889—1915 годы. СПб., 1993. С. 136.

² *Предтеченский А. В., Кольцов А. В.* Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Вестник АН СССР. 1955. № 3. С. 83–84.

 $^{^3}$ Цит. по: *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семёнов Л. К.* Академия наук СССР: краткий историч. очерк: в 2 т. Т. 1. М., 1977. С. 315.

⁴ Там же.

 $^{^5}$ *Иванов А. Е.* Российский ученый корпус в зеркале русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 85.

дили во внеучебное время, а потом безо всяких ограничений. К октябрю высшие учебные заведения превратились в легальные центры подготовки всеобщей политической стачки и вооруженного восстания. Оживившаяся на время учебная жизнь в такой обстановке быстро заглохла. Академические либералы (кроме петербургской профессуры), никогда не сочувствовавшие студенческим демонстрациям, сочли за благо, для спасения высшей школы, подчиниться правительственному распоряжению от 14 октября 1905 г. и закрыть высшие учебные заведения¹. Профессура признала обязательность постановления общего собрания союзов от 14 октября о присоединении к всероссийской забастовке. Академический союз, как и другие, создал фонд помощи бастующим рабочим; профессора участвовали в сборе средств для помощи бывшим и настоящим узникам Шлиссельбурга. После выхода Манифеста 17 октября Академический союз призвал к немедленному претворению в жизнь декларированных Манифестом свобод. Либеральная профессура сочла, что революция исчерпала себя, а Манифест создал необходимые конституционные предпосылки для мирного эволюционного превращения самодержавия в ограниченную (наподобие английской) монархию. Академические либералы не без основания полагали, что дальнейший революционный натиск на власть неминуемо приведет к кровопролитию и политической реакции. Декабрьское вооруженное восстание и события после 3 июня 1907 г. оправдали их худшие опасения.

Академический союз был очень близок к идеологии кадетов. Политическая позиция, занятая им к октябрю 1905 г., вполне соответствовала программе кадетов, провозглашенной 18 октября 1905 г.: «Россия — конституционная монархия». Академический союз растворился в кадетской партии, дав ей видных идеологов. Из 54 членов Центрального комитета кадетской партии первого созыва 22 человека (около 41%) были представителями высшей школы. Недаром кадетскую партию неофициально называли «профессорской».

Сыграв роль объединителя либеральной профессуры, Академический союз ушел от активной деятельности в области политики, сосредоточившись на научной проблематике. Его члены порицали студенческие забастовки, находя такую форму выражения протеста «не только бесполезной и недействительной, но и вредной»². Они считали, что «университет не может быть очагом революции, он гибнет от партийной борьбы»³. Позже бывшие члены Академического союза «разбрелись» по разным полити-

 $^{^1}$ [Именным Высочайшим Указом, в 27-ой день августа] // Правительственный вестник. 1905. 14 окт. (№ 219).

 $^{^2}$ *Савич С.* Забастовка в высших учебных заведениях // Право. 1905. № 11. Стб. 808.

 $^{^3}$ *Гревс И. М.* Университеты под режимом 8-го июля 1906 г. // Право. 1906. № 34. Стб. 2689.

ческим партиям. Бо́льшая часть осталась у кадетов. Сравнительно небольшое число ушло в праволиберальный «Союз 17 октября». Кто-то оказался в «Партии демократических реформ» (либерально-центристской, лидер Максим Ковалевский) и в «Партии мирного обновления» (лидер Евгений Трубецкой). Во всех казенных высших учебных заведениях действовали и малочисленные правоконсервативные группы профессоров и преподавателей, особенно в Киевском, Новороссийском (Одесском) и Казанском университетах.

Мы видим, что оставаться в стороне от политики не смогли даже кабинетные ученые. Рассмотрим позиции разных социально-политических сил, различных партий, действовавших в революции 1905 г. Прежде всего остановимся на партии кадетов (конституционных демократов). В то же время, когда в России проходила Всероссийская октябрьская стачка, 12–18 октября 1905 г. в Москве собрался Учредительный съезд партии кадетов. Позднее (в январе 1906 г.) они добавили к своему названию: «Партия народной свободы». На самом деле съезд был не столько учредительным, сколько объединительным. Объединялись две группы общественных течений, возникших в 1903 г., — «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Первые ориентировались на городскую либеральную интеллигенцию (мы говорили о них в связи с «Запиской» ученых), вторые — на земское движение.

Программа кадетов выдвигала следующие требования: введение конституционной монархии, всеобщее избирательное право, гражданские свободы (слова, печати, собраний), увеличение площади крестьянского землепользования за счет государственных, удельных, монастырских земель, выкупленных у владельцев. Решение рабочего вопроса включало требование свободы рабочих союзов, собраний и стачек; предлагался постепенный переход к 8-часовому рабочему дню, государственное страхование на случай старости, болезни, смерти. Декларировалось право на культурное самоопределение всех национальностей (сохранение языка, религии, традиций), полная автономия Финляндии и Польши. Выборы в орган народного представительства, то есть в Думу, объявлялись центральной задачей¹.

Кадеты противопоставляли свою партию и самодержавию, и революционерам. Не случайно современники называли их «партией третьей возможности», а кадеты сами себя — немного иначе: «сознательные элементы общества, не потерявшие головы вместе с правительством и не подвергшиеся революционному гипнозу»².

 $^{^1}$ Конституционные демократы // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев и др. М., 1993. С. 89–93.

² [Редакционная статья] // Свободный народ. 1905. 1 дек.

Уже в первых программных документах «Союза освобождения» было сказано: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима»¹. Лидер кадетов Павел Милюков в разгар декабрьского вооруженного восстания, которое кадеты считали несвоевременным, призвал к объединению: «сознательные элементы должны как можно скорее сорганизоваться, чтобы быть в состоянии сделать то, чего не могут сделать ни правительство, ни вожди революционного движения: спасти революцию от нее самой — ее положительные результаты от ее увлечений и эксцессов»², то есть направить революционное движение в русло парламентской борьбы. Такое сделать, по мнению Милюкова, не может ни правительство, ни участники революционного движения. Подразумевалось, что сделать это может только общество, осознавшее интересы страны.

На первых порах партия кадетов приобрела большой авторитет, стала популярной. В ее Центральный комитет были избраны крупные общественные деятели: П. Н. Милюков, В. И. Вернадский, С. А. Муромцев, П. Д. Долгоруков, Ф. А. Головин, М. М. Винавер и другие, всего 30 человек. К весне 1906 г. партия кадетов имела в разных городах более 360 комитетов различных уровней, организовывала партийные клубы, кружки, распространяла бесплатные брошюры, плакаты. Она издавала около 70 центральных и местных газет и журналов. Главные из них — газета «Речь», еженедельник «Полярная звезда», журнал «Вестник партии народной свободы». К весне 1906 г. партия кадетов насчитывала около 70 тысяч человек³. Ее можно было бы в то время назвать идеальной партией. Кадетов нельзя было упрекнуть ни в авантюризме, ни в недомыслии, ни в вульгарных ошибках. Они были сторонниками самой благородной демократии, рыночной экономики, соблюдения законности; они не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми революционными мерами.

Кадетская фракция в Первой думе состояла из 178 депутатов, получивших 57% мест⁴. Член Центрального комитета партии кадетов С. А. Муромцев был избран председателем Государственной думы. Все его заместители и председатели 22 думских комиссий — тоже кадеты. Партия кадетов оказалась единственной большой либеральной партией западнического направления в России. Ее можно назвать мечтой о пре-

¹ Цит. по: Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 158.

² [Редакционная статья] // Свободный народ. 1905. 1 дек.

 $^{^{3}}$ Конституционные демократы // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев и др. М., 1993. С. 94.

⁴ Конституционно-демократическая фракция // Государственная дума Российской империи, 1906—1917: энциклопедия. М., 2008. С. 283.

образовании России по европейскому образцу. В партию входил цвет интеллигенции (интеллигентна «до мозга костей»). Она пользовалась финансовой поддержкой либеральной буржуазии. Ее члены, как правило, были хорошо образованы, с серьезными теоретическими знаниями по истории своей страны и других стран, профессора и одновременно политические деятели, англофилы и галломаны. Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля, во всех проблемах, касающихся прошлого, но хуже ориентировались в реальных закономерностях современной жизни России¹.

Манифест 17 октября, заложивший начала российского парламентаризма, был по-разному воспринят разными партиями. Большевики резко осудили манифест, направив все силы на подготовку вооруженного восстания. Октябристы его приветствовали, поддержали. Кадеты отнеслись к нему с осторожностью. П. Н. Милюков говорил об уклончивости выражений, в которых написан манифест, о том, что «все они подчеркивали явную двусмысленность обещаний, данных манифестом, и опять создавали, вместо достигнутого этапа, какое-то переходное положение»; формально провозглашаемые в нем политические свободы не подкреплялись реальными гарантиями². При встрече с главой правительства, С. Ю. Витте, Милюков предложил: «на Вашем месте я выбрал бы кратчайшую дорогу, если бы, конечно, ваша цель — конституция была бы окончательно установлена». «Произнесите слово "конституция"», — призывал он. На что Витте возразил: «Я этого не могу, я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет». «Тогда нам не о чем разговаривать», — отвечал Ми- Λ ЮКОВ³.

Отрицали конституцию не только царь и правые течения (октябристы, Торгово-промышленная партия, монархически настроенные общественные организации), но и радикально настроенные левые партии. Две первые российские Думы были распущены правительством досрочно по инициативе сторонников столыпинского курса реформ. Позднее, в 1917 г., правые ориентировались на Учредительное собрание, но это была конъюнктурная и запоздалая реакция.

Публицист Юрий Фатенко, опираясь на «Воспоминания» П. Н. Милюкова, составил таблицу соотношения политических сил в Думах⁴. Им были выделены три группы: *правые* (государственники, приверженцы

 $^{^1}$ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация: от начала до великой победы. М., 2004. С. 112.

 $^{^2}$ Милюков П. Н. Воспоминания, 1859—1917. Т. 1. М., 1990. С. 316—317.

 $^{^3}$ Милюков П. Н. Три попытки: (из истории русского лжеконституционализма) // Самодержавие и либералы в революцию 1905—1907 годов. М.; Л., 1925. С. 54—55.

 $^{^4}$ Фатенко Ю. Партия третьей возможности: России вновь нужны кадеты // Новая газета. 2005. З окт. (№ 73). URL: http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/73n/n73n-s34.shtml

государственного капитализма), *центр* (сторонники правового государства, реформ, конституционалисты), *левые* (поборники социальных прав, социалисты). Кадетов Милюков явно определил к центру. Сюда же он отнес депутатов от национальных групп, а беспартийных поделил равномерно между тремя группами.

Партии	Первая дума	Вторая дума	Третья дума	Четвертая дума
Правые	37,6%	25,81%	64,55%	64,7%
Центр	41,22%	35,14%	27,95	29,4%
Левые	21,18%	39,05%	7,5%	5,9%

Приведенные в таблице данные показывают, что стремление правительства и правых вытеснить левых из Думы, меняя ее состав, на первый взгляд, увенчалось успехом, но оно привело к противоположным результатам, разворачивая страну лицом к Октябрю. Модернизация сверху, которую хотели правительство и его приспешники, мобилизовала силы революции снизу, что вело к гражданской войне, ко всем ужасам послереволюционного режима.

Через 72 дня работы, 8 июля 1906 г., Первую думу разогнали. Значительная часть ее депутатов собралась в Выборге, протестуя против действий правительства. Они выпустили известное Выборгское воззвание («Народу от народных представителей»)¹. Воззвание поддержали в основном кадеты, отклонив более радикальные предложения социал-демократов и трудовиков. Но и принятое воззвание резко осуждало роспуск Думы. Народ призывали не соглашаться с обещаниями правительства созвать новую Думу через семь месяцев, протестовать, прибегнуть для давления на власть к гражданскому неповиновению (не платить налоги, не исполнять воинской повинности).

Но в сентябре 1906 г. кадеты отказались от Выборгского воззвания и пошли на выборы в Думу. Авторитет их падал: во Второй думе оказалось только 124 депутата от кадетов. Но председателем Госдумы и на этот раз был избран кадет, член Центрального комитета Ф. А. Головин. В Третьей думе кадетов оказалось всего 54 человека. Позиция их в значительной степени меняется. Они все резче осуждают вооруженное восстание, социал-демократов, хотя выступают против смертной казни, за всеобщую амнистию, неприкосновенность личности. Оппозиционность их уменьшается. Они не выдвигают новых собственных законопроектов, довольствуясь поправками к правительственным. В начале войны кадеты поддерживают ее, во имя «единства нации» отказавшись от оппозиционной

 $^{^1}$ Дело о Выборгском воззвании: стеногр. отчет о заседаниях особого присутствия С.-Петерб. судебной палаты, 12—18 дек. 1907 г. СПб., 1908. С. 6—7.

борьбы, но с лета 1915 г. осуждают военные действия. В Думе создается Прогрессивный блок, руководимый П. Н. Милюковым (197 депутатов), который осуждал правительство и двор. 1 ноября 1916 г. на заседании Думы П. Н. Милюков, критикуя действия правительства, задает вопрос: «Что это — глупость или измена?» Цензура запретила печатать эту речь, но она распространялось миллионными тиражами в тылу и в армии. После Февральской революции Милюков и кадеты занимают ведущие позиции во Временном правительстве. Милюкова назначают министром иностранных дел. Кадеты, отрицавшие насилие, активно участвуют в подготовке вооруженного мятежа Л. Г. Корнилова (август 1917 г.). После поражения мятежа кадеты были удалены из Временного правительства; при выборах в Учредительное собрание (декабрь 1917 г.) они получают всего 17 мест из 770 (по другим данным, 15 из 767; в любом случае речь идет о примерно 2% мандатов). Кадетская карта бита. В этом их трагедия. Большинство из них были честными либералами. Но революцию готовили прежде всего не они, а эсеры и анархисты, хотя и кадеты к этому делу были причастны. Они в какой-то степени проложили дорогу тем изменениям, которые устранили их с политической арены.

Ленин резко критиковал кадетов, как и всех других противников большевиков: «Кадеты — могильные черви революции», — писал он. И здесь же: «Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы <...> Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию»². Сейчас, однако, становится все яснее, что далеко не все оценки Ленина являются верным отражением действительности. Далека от правды и характеристика Маяковского:

Жил-был на свете кадет. В красную шапочку кадет был одет. Кроме этой шапочки, доставшейся кадету, ни черта в нем красного не было и нету³.

В настоящее время, размышляя о сложных проблемах будущего развития России, о путях, которыми она пойдет, некоторые современные историки считают, что именно «третий путь», который предлагали кадеты, как раз и являлся самым верным и имеет значение для наших дней.

¹ Речь П. Н. Милюкова в заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 года. Пг., 1916. С. 25–26. (Всеобщая полит. 6-ка «Трибуна»: избр. парламентские речи; Вып. 7).

 $^{^2}$ Λ енин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Λ енин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 291–292.

 $^{^3}$ *Маяковский В. В.* Сказка о красной шапочке // *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 142.

Эта мысль, в частности, выражена в статье Ю. Фатенко «Партия третьей возможности», на которую мы ссылались. В ней опыт партии кадетов приводится как своеобразный урок для современников. Думается, что статья Фатенко верно ставит вопрос о значении Милюкова, разрушает большевистский миф о реакционности его и его партии. Возможно, из деятельности этой партии можно извлечь некоторый урок. Но оценка пути кадетов вряд ли может служить политическим примером для нашего времени, при некоторых возможных аналогиях. Слишком различны ситуации начала XX в. и сегодняшнего дня¹. И если уж говорить об аналогиях, то скорее итог деятельности кадетов, при самых благих их намерениях, в чем-то объясняет провал, к которому пришли сейчас российские демократы. Как выбираться из возникшего тупика, какими средствами, сколь много времени это займет и вообще можно ли из него выбраться в обозримом будущем, сказать трудно. Путь революции вряд ли пригоден. Но и другие пути (например, кадетов) имеют мало шансов достигнуть желаемого. В любом случае ясно лишь одно: привычное советское, резко отрицательное изображение кадетов не соответствует действительности и не отражает их роли в событиях 1905 г.

Не соответствует действительности и советская оценка Манифеста 17 октября. Да, испуг царя виден в Манифесте довольно отчетливо. И о серьезном ограничении самодержавной власти император в это время едва ли думал, как и о предоставлении больших прав Государственной думе, которую он несколько раз распускал, стремясь сделать ее все более послушной. Тем не менее Манифест оказался первым проявлением парламентаризма в России, пускай и ограниченным. Совершен был шаг к конституционной монархии, к созданию парламентского учреждения, утверждающего законы (на самом деле безвластного). Первая дума обсуждала различные законопроекты довольно серьезно и активно. Впервые было признано всеобщее избирательное право. Царь и в дальнейшем, стараясь всячески ограничить деятельность Думы, не пытался ее уничтожить. Семя было посеяно. Всходы могли быть при иных будущих ситуациях, во всяком случае, не хуже тех, которые получились в октябре 1917 г. Роль кадетов

¹ Авторский постскриптум: последние размышления ныне явно устарели. Стало совершенно очевидно, что выход из тупика власти намерены искать в усилении всевластия президента, в возвращении ко многим основам советского правления, в усилении агрессивности, в росте военного потенциала, враждебности к Западу, в изобретении особого «суверенного демократизма», «адаптированного демократизма», коренным образом отличающегося от европейско-американского понимания этого понятия. Думается, что подобный курс ныне поддерживается большей частью населения России, а оппозиционные партии, левые и правые, в ближайшем будущем не имеют ни малейших шансов на успех. Побеждает ориентация на воссоздание империи, как бы она ни называлась, на статус сверхдержавы, пускай энергетической и атомной, страны, в которой вся власть — законодательная, исполнительная, судебная — сосредоточена в руках президента, и все довольны таким положением (кроме немногочисленных «выродков»). — П. Р. 9 сентября 2007 г.

в достижении этих успехов, пускай и не кардинальных, была довольно существенна.

Как и роль другой партии — и в революционных событиях 1905 г., и в более поздних, — партии социалистов-революционеров (эсеров), наследников народников второй половины XIX в. Уже в 1890-е гг. существовали небольшие группы и кружки будущих эсеров в Петербурге, Пензе, Полтаве, Харькове, Одессе, состоящие главным образом из интеллигентов. Во главе их стояли бывшие народники (Б. В. Савинков, И. П. Каляев, Е. С. Созонов). Часть их образовала в 1900 г. «Южную партию социалистов-революционеров»; другая часть в 1901 г. создала «Союз эсеров». Обе партии вскоре объединились. В январе 1902 г. газета «Революционная Россия» сообщила об учреждении партии социалистов-революционеров. Партия начала действовать, но учредительный съезд ее, утвердивший программу и устав, состоялся лишь через три года, в Иматре (Финляндия). Новая партия выступила как левое крыло демократии в России. Ее члены объявили себя сторонниками демократического социализма, общества политической и хозяйственной демократии. Согласно программе, составленной В. М. Черновым и принятой съездом, партия выступала как защитница крестьян, наследница народников. Она требовала социализации земли (передачи ее во владение общин и установления уравнительно-трудового землевладения), создания республики с автономией областей и общин на федеральном уровне, введения всеобщего избирательного права, демократических свобод (слова, печати, совести, собраний, союзов), 8-часового рабочего дня, социального страхования за счет государства и хозяев предприятий, организации профсоюзов, бесплатного образования для всего населения, отделения церкви от государства, уничтожения постоянной армии. Как видно из сказанного, программа была ориентирована в первую очередь на защиту интересов крестьян, но затрагивала и важные общие проблемы демократического переустройства, в том числе интересы рабочих. В то же время программа предполагала мирный путь развития, с переходом к социализму. Она отрицала социальное расслоение России, «диктатуру пролетариата», активно пропагандируемую марксистами.

Руководил партией эсеров центральный комитет. При нем были образованы различные комиссии: крестьянская, рабочая, литературная и др. К началу событий 1905 г. в эсеровской партии имелось свыше 40 групп и комитетов, объединявших около 2,5 тысяч человек. Большинство составляла интеллигенция, но около четверти (не так уж мало) — крестьяне и рабочие¹.

¹ *Аноприева Г., Ерофеев Н.* Партия социалистов-революционеров // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996. С. 436.

Считая главной предпосылкой создания социализма свободу и демократию, эсеры признавали значение массовых движений. Но в вопросах тактики, по их мнению, следовало руководствоваться тем, что борьба за реализацию программы будет осуществляться «в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности» что предполагало использование всех средств, в том числе и индивидуального террора. Поэтому, наряду с образованием партии, была создана ее боевая организация. Ею руководили Γ . А. Гершуни и Е. Ф. Азеф; после 1909 г. боевую организацию возглавил Б. В. Савинков².

Задачей боевой организации был индивидуальный террор против высших государственных чиновников. В 1901–1911 гг. ее жертвами стали два министра внутренних дел (в 1902 г. Д. С. Сипягин, в 1904 г. В. К. Плеве), уфимский губернатор Н. М. Богданович, московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович. После двух покушений жертвы остались живы (харьковский губернатор И. М. Оболенский, московский генерал-губернатор Ф. В. Дубасов). За 1905–1907 гг. эсеры совершили около 200 террористических актов. Сводную таблицу террористических актов разных эсеровских групп составил М. Ивич; в ней зафиксированы 212 покушений и убийств³.

С появлением Манифеста 17 октября многие из эсеров решили, что власть согласна на постепенный переход к конституционному порядку. Эсеры приняли участие во вторых думских выборах, завоевав 36 депутатских мест (выборы в Первую, Третью и Четвертую думы эта партия бойкотировала)⁴. В 1906 г. они вместе с другими депутатами левых партий (трудовиками и др.) активно участвуют в выдвижении проектов по землепользованию, особенно горячо обсуждая аграрный вопрос. Их влияние на массы сохранялось до 1907 г., когда партия насчитывала уже более 60 тысяч человек. Особенно знаменательно то, что к этому времени 90% партии состояло из крестьян и рабочих, т. е. эсеры превратились в массовую, отнюдь не интеллигентскую партию⁵. Однако после 1907 г. партия эсеров переживает кризис. Многие из ее руководителей арестованы, находятся в ссылке, в эмиграции. Утрачивается единое идейное руководство, возни-

¹ Программа партии социалистов-революционеров // Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 21.

 $^{^2}$ См.: *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.

 $^{^3}$ *Ивич М.* Статистика террористических актов // Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 2. Париж, 1914. С. 8–20.

⁴ Социалистов-революционеров группа // Государственная дума Российской империи, 1906—1917: энциклопедия. М., 2008. С. 575—576.

⁵ *Аноприева Г., Ерофеев Н.* Партия социалистов-революционеров // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996. С. 438.

кают организационные неурядицы. Уже в 1905—1906 гг. происходит раскол: выделяется левое крыло («Союз социалистов-революционеров-максималистов») и правое («Партия народных социалистов» — «энесов», как они себя называли). Уменьшение авторитета эсеров связано и с аграрной реформой П. А. Столыпина, которая поощряла выход крестьян из общины на хутора. Реформа внесла раскол в антиправительственное крестьянское движение.

Тяжелый удар нанесло эсерам разоблачение в конце 1908 - начале 1909 г. провокатора Е. Ф. Азефа, бывшего руководителя Боевой организации, проводившего успешные террористические акты и в то же время работавшего на охранку. Предпринимаются попытки, особенно Б. В. Савинковым, сплотить партию, но они малоуспешны. Многие эсеры отходят от активной политики, занимаются литературной деятельностью, сотрудничают в легальных эсеровских изданиях («Сын Отечества», «Народный вестник», «Трудовой народ»). В это время выходит довольно много эсеровских журналов и газет в России и за границей, легальных и нелегальных: «Дело народа», «Свободная Россия», «Труд», «Земля и воля», «Народное слово», «Социалист-революционер» и др. Всего исследователями выявлено 196 партийных и околопартийных периодических изданий, из них 152 — местных организаций. Кроме того, эсеры за годы революции выпустили не менее 24 миллионов книг¹. До Февральской революции партия находится на нелегальном положении, все же сохранив значительное влияние. Накануне Первой мировой организации эсеров существуют почти на всех крупных предприятиях и в столицах, и в провинции.

1914 г. усилил разногласия. Возникают группы «интернационалистов», противников войны (во главе с В. М. Черновым и М. А. Натансоном) и «оборонцев» (с И. И. Фондаминским и другими сторонниками «войны до победного конца»). 16–17 июля 1915 г. в Петрограде состоялось нелегальное совещание 30 представителей народнических партий (эсеров, энесов и трудовиков). В его резолюциях говорилось, что война является результатом «недостаточного влияния демократии на управление государствами», а потому «в настоящее время наступил момент для борьбы за решительное изменение системы государственного управления»². Решение совещания пропагандировала в Думе группа эсеров и трудовиков во главе с А. Ф. Керенским.

После Февральской революции партия социалистов-революционеров превращается в одну из правящих в стране. В партию вступают целыми

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ *Леонов М. И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 26–27.

 $^{^2}$ Цит. по: Резолюции, принятые на первом народническом совещании в июле 1915 г. // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 2: Июнь 1907 г. — февраль 1917 г. М., 2001. С. 490–491.

селениями, цехами и военными частями. К лету 1917 г. эсеров уже около миллиона¹. В основном у новичков были смутные представления, что эсеры «за народ», «за справедливость», что они «дадут землю», покончат с войной (так было не только с эсерами, но и с большевиками). Кстати, лозунг «земля — земледельческим общинам» большевики позаимствовали у сторонников теории анархии М. А. Бакунина, а «земля — крестьянам» — у эсеров.

Правые эсеры отказались поддерживать лозунг большевиков «Вся власть Советам». Они были «оборонцами» и вместе с «энесами» в 1917 г. образовали «Трудовую народно-социалистическую партию», представленную во Временном правительстве. Ими был выдвинут А. Ф. Керенский, занимавший в первом и втором Временных правительствах в марте-апреле 1917 г. пост министра юстиции, затем военного министра, а в сентябре того же года ненадолго ставший главой Третьего коалиционного правительства. Маяковский писал о Керенском:

...сам

себя

уверенно и быстро

назначает —

то военным,

то юстиции,

то каким-нибудь

еще

 $министром^2$.

Левые эсеры (М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков) призывали не поддерживать Временное правительство, не оказывать ему доверия. Центристы (В. М. Чернов, С. Л. Маслов) с февраля по июль-август 1917 г. активно работали в Советах матросских, рабочих, солдатских депутатов.

Октябрьский переворот происходил при активном участии левых эсеров. «Декрет о земле», принятый большевиками 26 октября 1917 г. на Втором съезде Советов, включал в себя «Наказ о земле», составленный левыми эсерами на основе 242 местных *наказов*: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда <...> Вся земля <...> обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»³.

¹ Социалисты-революционеры // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 42.

 $^{^2\,}$ Маяковский В. В. Хорошо! Октябрьская поэма // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 8. М., 1958. С. 242.

 $^{^3}$ Декрет о земле Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (принят на заседании 26 октября в 2 часа ночи) // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 18.

Передача земли в руки Советов, а не в собственность крестьян позднее обеспечила советской власти формальное право распоряжаться землей по своему усмотрению. Правые эсеры не приняли Октябрьскую революцию, а 26–29 октября 1917 г. вошли в петроградский «Комитет спасения родины и революции». Комитет возглавил мятеж юнкеров, которым удалось захватить Госбанк, гостиницу «Астория» и телефонный узел; Смольный временно лишился связи. Юнкера хотели продержаться до подхода казачых частей генерала П. Н. Краснова, но Инженерный замок — оплот восставших — был окружен, а мятеж подавлен. Юнкера погибли и в Москве при попытке защиты Временного правительства от большевистского переворота.

Ни левых, ни правых эсеров советская власть не пощадит. Как не пощадит она и анархистов, сыгравших существенную роль и в Первой (1905 г.), и во Второй (Февральской 1917 г.), и в Третьей (Октябрьской 1917 г.) революциях. В советском общественном сознании сложился карикатурный штамп русского анархиста — забулдыги и пьяницы, труса и насильника, антисемита и погромщика, перепоясанного патронташем, с бомбой у пояса. На самом деле анархизм — довольно значимое международное движение. Русские деятели внесли немалую долю в его формирование. В первую очередь следует назвать имена М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, разработавших теорию анархизма.

Немногие сейчас помнят, что именно с анархистами в России начала XX в. связано возникновение Советов. Привычно мнение, что Советы породила русская революция 1905–1907 гг., что они возникли стихийно, как самоорганизация рабочих; позднее ими стали руководить большевики, и Советы превратились в основную ячейку советской власти. На самом деле идея Советов возникла задолго до русской революции 1905 г. Она теоретически обоснована Прудоном и Бакуниным, развита их левыми сторонниками еще в Первом Интернационале 1860-х гг. Уже тогда обсуждается идея «союза делегатов от всех рабочих организаций в данной отрасли, избранных профессиональными собраниями самих трудящихся, постоянно ответственных перед этими собраниями и переизбираемых ими в любой момент»¹. Работникам предлагалось создавать профессиональные и отраслевые советы, которые должны были заменить существующие органы власти. Советами назывались исполнительные органы французских и испанских коммун, восставших в 1871–1872 гг. против правительства. Уже здесь отчетливо ощущается мысль о необходимости коренной смены верхов, замены их организациями, выражающими интересы трудящихся. Эта мысль весьма важна для анархистов, которые

 $^{^1}$ Из исследования болгарского анархиста Пано Василева (*Vassilev P.* L'idée des Soviets. Marseille, 1997. Р. 14). Цит. по: *Дамье В. В.* Столетие Советов и современные российские левые // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 29.

вовсе не были сторонниками безвластия (как их часто изображали и изображают). Они были противниками *существовавшей* государственной буржуазной власти (в России самодержавной), а не власти вообще. Более того, позднее анархисты выдвигали проект «двойной федерации»: трудящиеся объединяются, во-первых, по профессиям и отраслям в рабочие союзы — «синдикаты», а во-вторых, по территориальному принципу — в вольные Коммуны (межпрофессиональные территориальные общины). Органы управления последних должны создаваться или на общих собраниях жителей, или путем избрания делегатов от синдикатов. В качестве таких структур в начале XX в. французские синдикалисты создали «Биржи труда», а итальянские — «Палаты труда»¹. Отсюда и название «анархо-синдикализм». В нем много утопического, далекого от действительности, но вовсе нет проповеди вседозволенного безначалия. Подобного нет и в теоретических воззрениях «отца анархизма» Кропоткина.

В дореволюционной России свободы профсоюзной деятельности не было. Но идея территориального и профессионального общественного самоуправления в начале XX в. возникла в России не без влияния анархистских теорий. Долгое время принято было считать, что Советы возникли среди рабочих Иваново-Вознесенска в мае 1905 г. Миф об этом развенчивается в книге анархиста, прежде бывшего эсером, Всеволода Эйхенбаума (псевдоним — Волин). Волин — один из создателей первого русского Совета в Петербурге в январе-феврале 1905 г. Бывший студент университета, ведущий занятия среди рабочих, свидетель расстрела демонстрации 9 января, Волин вместе с юристом Г.С. Носарём (псевдоним — П. А. Хрусталёв) занялся распределением собранных петербургскими либералами денег для бастующих и членов их семей. Для этого сформировался кружок рабочих-активистов. На одном из заседаний родилась идея: продолжать встречи и после окончания забастовки, «создать перманентный рабочий орган: нечто вроде комитета или, скорее, совета, который следил бы за развитием событий, служил бы связующим звеном между рабочими, разъяснял бы им ситуацию и мог бы, в случае необходимости, объединить вокруг себя революционные силы трудящихся <...> Впервые слово "Совет" было произнесено в этом специфическом значении. В первоначальном проекте речь шла о своеобразном непрерывном общественном рабочем органе <...> Мы решили сообщить рабочим всех крупных столичных заводов о новом объединении и приступить <...> к выборам членов этого органа, который впервые был назван "Советом рабочих депутатов"»². Совет просуществовал недолго и прекратил деятельность из-за правительственных репрессий.

 $^{^1}$ Дамье В. В. Столетие Советов и современные российские левые // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 29.

² Волин [Эйхенбаум] В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 67–69.

Дело даже не в том, какой Совет возник первым, Петербургский или Иваново-Вознесенский. Может быть, в рассказе Волина звучит и мотив: именно мой первый. Важно, что такие Советы стали в те годы появляться, что в них участвовали и рабочие, и либеральные интеллигенты (которые, вероятно, слышали о теории синдикализма), что направленность таких Советов была оппозиционная, антиправительственная. Ряд анархистских групп выступал против властей. И далеко не всегда большевики играли ведущую роль в возникновении Советов. Они и здесь, как и в других случаях, заимствовали чужую идею. Кстати, в анархистской организации Иваново-Вознесенска состоял и Д. А. Фурманов, в дальнейшем большевик, автор «Чапаева». Первые Советы, по мнению В. В. Дамье, интересны и для современности «как форма организации потенциального массового движения и как структура желаемого общества»¹.

В деревне Советы в период Первой русской революции приняли несколько иную форму: они стали органами крестьянских общин, тоже ориентированных на самоуправление, неприятие существующей власти, на стихию протеста, стихию революционную. Община, земское самоуправление в очень большой степени стали выразителями требований крестьян, их воли к переменам и их протеста. Одобрение деревень, то есть подавляющей части населения, оказалось на стороне эсеров и анархистов. Эти партии обещали крестьянам землю и были далеки от либеральной городской элиты, вызывавшей недоверие народа. Подобное повторится и в 1917 г., при выборах в Учредительное собрание.

Итак, для анархистов характерна идея Советов как формы самоорганизации трудового населения, складывающейся в ходе борьбы людей за свои нужды и права.

Советы, по мнению анархистов, по мере развития могут превратиться в будущий общественный строй, которому присуща свободная инициатива людей вне зависимости от властей и политических партий. Советы стремятся отстоять свои права, принимают решения сообща, на общих собраниях, проявляя максимальную взаимопомощь.

Программа совсем не мракобесная, вызывающая во многом сочувствие, но на практике все было сложнее. На первый план выдвигалась стихия крестьянского бунта, «черной земной крови», которая, как писал А. Блок в «Возмездии»,

Сулит нам, раздувая вены, Все разрушая рубежи, Неслыханные перемены, Невиданные мятежи...

¹ Дамье В. В. Столетие Советов и современные российские левые // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 31.

О таком бунте размышлял еще Пушкин в откликах на современные ему крестьянские волнения, в «Истории пугачевского бунта», опасаясь (вовсе не оправдывая) пугачевщины, но и понимая всю сложность проблемы.

К стихии крестьянского бунта присоединялась и стихия уголовная, разбойничья. Часто они оказывались слитыми воедино. Вспомним о некоторых фактах, мифах, легендах.

Издавна существовали легенды о благородном разбойнике, защитнике народа от произвола властей. Образы таких разбойников вошли в фольклор, в литературу: Робин Гуд в Англии, Карл Моор в Германии, Стенька Разин, Пугачёв, пушкинский Дубровский, Роман Дубровин в пьесе «Воевода» («Сон на Волге») А. Островского, — в России, Кармелюк на Украине и многие, многие другие. Но это разбойники романтизированные, мало похожие на реальных. Впрочем, романтическое начало можно было встретить и у последних. Деятельность Н. И. Махно и Г. И. Котовского, о которых речь пойдет далее, — свидетельство возможности такого сочетания (бандитизма и романтизма). Вся эта сложная смесь проявилась и в событиях Первой русской революции, и в октябре 1917 г., и во время Гражданской войны.

Следует вспомнить и пророческое «Предсказание» Лермонтова:

Настанет год, России черный год, Когда царей корона упадет; Забудет чернь к ним прежнюю любовь, И пища многих будет смерть и кровь; <...> В тот день явится мощный человек, И ты его узнаешь — и поймешь, Зачем в руке его булатный нож: И горе для тебя! — твой плач, твой стон Ему тогда покажется смешон; И будет все ужасно, мрачно в нем, Как плащ его с возвышенным челом.

В примечаниях к стихотворению обычно отмечалось, что оно написано под впечатлением крестьянских восстаний в России, усилившихся в 1830 г. в связи с эпидемией холеры (это верно. — Π . P.). Не забывали исследователи подчеркнуть, что Лермонтов изображает крестьянское восстание мрачными красками, разделяя в этом ограниченность дворянских революционеров, однако это стихотворение вовсе не отражает отрицательного отношения Лермонтова к народному восстанию (что весьма спорно. — Π . P.). Вернее бы сказать, что Лермонтов, как и Пушкин, видит страшные стороны разгулявшейся народной стихии.

В давние времена современники Лермонтова, сторонники официального патриотизма, выражали недовольство началом одного из его стихотворений, «Родина» (1841 г.): «Люблю отчизну я, но странною любовью!» Им не нравилось это но... Сказал бы просто: «люблю Россию», «люблю по-русски», а тут почему-то «странная любовь». Такой-то «простой любви» хотела и советская власть от поэтов, писателей, от всех граждан СССР.

К этому ряду следует отнести и А. Блока, высказавшего в поэме «Двенадцать» (1918 г.) то самое но... В советское время подчеркивалось, что поэт принимает революцию, поставив впереди двенадцати революционеров (двенадцати апостолов) Иисуса Христа:

В белом венчике из роз — Впереди — Исус Христос.

Кстати, некоторые противники «религиозного дурмана» считали неуместным, снижающим революционный пафос поэмы появление Христа во главе двенадцати. Они предлагали другой вариант последней строки: «Впереди идет матрос», не заботясь о том, что с матросом не совсем совместим белый венчик из роз. Но если придерживаться реальности, что вовсе не входило в замысел Блока, оправдывавшего революцию высшим из возможных оправданий — именем Христа, матрос и на самом деле был бы более уместным впереди героев поэмы. Ведь они тесно связаны с разбойной, уголовной стихией, с кровью, грабежами («на спину б надо бубновый туз», «запирайте етажи, нынче будут грабежи»). Не случайно столь часто в поэме упоминается нож, тот самый «булатный нож», о котором писал Лермонтов, который является символом разгулявшейся кровавой стихии («уж я ножичком полосну, полосну», «шрам не зажил от ножа»). Нож оказывается инвариантом топора, к которому когда-то предлагали звать Русь.

Выразителем стихийного революционного протеста являлся и Нестор Иванович Махно (1888–1934)¹. Именно революционного, а не контрреволюционного. У Махно было тяжелое нищее детство. Отец, служивший конюхом у местных богачей, рано умер. Семья бедствовала. Мать была вынуждена кормить пятерых малолетних детей. С детства Нестору пришлось пасти чужой скот, батрачить, наниматься погонщиком быков во время молотьбы. В 1903 г. он, не закончив начальной школы, поступил чернорабочим на чугунно-литейный завод в селе Гуляйполе, где родился и где прошла значительная часть его деятельности. В 1906 г. Махно вступает в «Крестьянскую группу анархистов-коммунистов» («вольных

 $^{^1}$ См.: *Аршинов П. А.* История махновского движения (1918–1921). Воспоминания / Нестор Махно. Дневник, 19 февр. 1920 – 28 марта 1920 / Г. А. Кузьменко. М., 1996.

хлеборобов»). Группа совершает террористические акты, грабит богатых крестьян, немцев-колонистов. Участников группы арестовывают, затем освобождают. Полиция, возможно, боится анархистов или подкуплена ими. В 1908 г. было совершено убийство чиновника военного управления; неизвестно, участвовал или нет в нем Махно, но времена были тяжелыми (правительство Столыпина отвечало на революционные волнения репрессиями), и Махно в 1910 г. приговаривают к смертной казни. Спасло его то, что отец записал рождение сына на год позже (чтобы отсрочить призыв в армию), поэтому до совершеннолетия (21 год) ему оставалось около шести месяцев. Столыпин подписал бумагу о помиловании. Казнь была заменена бессрочной каторгой, которую Махно отбывал в Бутырской каторжной тюрьме в Москве. Непокорность и дерзость Махно по отношению к тюремному начальству приводили к многократному водворению его в карцер. Так началась болезнь легких, одно из которых пришлось удалить. Махно стал калекой. Соседом по камере оказался анархист П. А. Аршинов. Он познакомил Махно с теоретическими основами анархизма. Махно использовал годы тюрьмы для самообразования: много читал, от Александра Сумарокова до современных ему писателей и мыслителей. Февральская революция освободила его. Он много ездил, затем возвратился в Гуляйполе. Создал отряд «Черная гвардия» (можно считать — бандитскую шайку). Опять грабежи, убийства, но «во имя народа». Противник Временного правительства и Учредительного собрания, Махно провозглашал помещичью, монастырскую, государственную землю общественным достоянием, ратовал за захват земель и передачу их крестьянам.

Октябрь Махно принял, как и те мужики, которых он защищал. Он становится убежденным сторонником революции. В 1918 г. в Москве Нестор встречается с П. Кропоткиным («отцом русского анархизма»), с руководителями большевиков Я. Свердловым и В. Лениным. Ленин произвел на него большое впечатление, но Махно осудил его за разгон анархистских организаций Москвы. Отряд Махно в Гуляйполе позже становится армией бойцов за революцию и ведет военные действия против ее врагов: Симона Петлюры, австро-германских оккупантов, захвативших (по условиям Брестского мира) Украину, гетмана П. П. Скоропадского, Центральной Рады Украины. Молодые люди, певшие «Мы дети тех, кто выступал на бой с Центральной Радой», не подозревали, что одним из главных бойцов с Радой был Махно.

В рейде по тылам Деникина Махно дошел почти до Таганрога, где находилась деникинская ставка, что заставило бросить против него самые отборные войска. Воевали махновцы и с Врангелем. Мало кто помнит, что в Крыму Сиваш форсировали в первую очередь махновцы, прорвавшие укрепления Перекопа. Нестор Махно был отчаянно храбр (за время

Гражданской войны он 14 раз ранен), дерзок и удачлив. К концу января 1919 г. его армия насчитывала около 29 тысяч человек (с невооруженным резервом в 20 тысяч человек) всех национальностей, проживающих на Южной Украине, в том числе евреев¹. В армии Махно евреи составляли довольно значительный процент. Анархистская теория отвергала антисемитизм, была интернациональна. Махновцы иногда грабили зажиточных евреев, и все же на территориях, занятых войсками Махно, больших погромов не было. На станции Верхний Токмак Махно увидел плакат: «Бей жидов, спасай Россию!»; он приказал расстрелять того, кто вывесил этот лозунг. Когда рассказывают о жестокости Махно, вспоминают, что по его приказу в паровозной топке был сожжен священник². Но как-то забывают, что примерно в тех же местах в 1919 г. красные расстреляли 17 монахов Мгарского Спасо-Преображенского монастыря.

С советской властью у Махно отношения были сложные. Как мы уже отмечали, он воевал со всеми контрреволюционными силами и в этой борьбе нередко выступал в союзе с частями Красной армии. Соединился с войсками видного советского командира П. Е. Дыбенко, командовал 3-й бригадой в Заднепровской Украинской дивизии. Но, когда большевики на освобожденных от белых землях стали вводить продразверстку, выгребая подчистую зерно из амбаров не только богатых крестьян, но и середняков, когда на Украине появились продотряды, органы Чрезвычайной комиссии, Махно вступил в конфликт с советской властью. Его обвиняли в предательстве революции, объявляли вне закона, но в трудные моменты, когда нависала угроза, вновь вступали в союз с ним (вспомним Перекоп). Махно все отчетливее понимал, что большевики враждебны интересам крестьян, которых он защищал.

Уже в феврале 1919 г. он заявил: если большевики идут из Великороссии на Украину помочь в борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать»; если же для того, чтобы монополизировать Украину, мы скажем им: «Руки прочь». В апреле того же года на 3-м Гуляйпольском крестьянском съезде Махно сказал, что советская власть изменила революции, а компартия узурпировала власть и окружила себя «чрезвычайками». В июне 1919 г. Махно был объявлен вне закона, а осенью большевики вновь заключили с ним союз против Деникина. Предводитель анархистов боролся не только против Врангеля, но и против большевистской диктатуры, хотел защитить деревню от эксплуатации любой насильственной властью. Сначала Махно надеялся, что Красная армия будет воевать «за свободные Советы», установит «истинно народную власть», но потом пришло разочарование.

¹ Комин В. В. Нестор Махно: мифы и реальность. Калинин, 1990. С. 25.

² Дневник Алексея Чубенко (адъютанта Махно) // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921: документы и материалы М., 2006. С. 739.

Эдуард Багрицкий в поэме «Дума про Опанаса», написанной в духе советских официальных установок, все же объясняет устами своего героя, почему тот попал к Махно:

Ой, грызет меня досада, Крепкая обида! Я бежал из продотряда, От Когана-жида... По оврагам и по скатам Коган волком рыщет, Залезает носом в хаты, Которые чище! Глянет влево, глянет вправо, Засопит сердито: «Выгребайте из канавы Спрятанное жито!» Ну, а кто подымет бучу — Не шуми, братишка: Усом в мусорную кучу, Расстрелять — и крышка!¹

И хотя, повторяю, поэма была написана в официальном духе, Махно и Опанас осуждены, комиссар Коган героизирован, власти почувствовали все же какой-то «душок», сочувствие автора к Опанасу, и в конце 1940-х гг., в разгар борьбы с «космополитами», поэма была подвергнута критике и за то, что романтизированный Опанас — махновец, и за то, что большевик Коган — еврей².

В конце 1920 г. Махно вновь был объявлен вне закона за отказ выступить против Польши³. Махно не без основания считал, что война с поляками — захватническая, и вмешательство в нее противоречит интересам Украины. Действия советских войск против Махно закончились летом 1921 г. Он и остатки его войска, разгромленные Красной армией, перешли границу Румынии. Затем Махно оказался в Польше. Советское правительство требовало его выдачи. В Польше Махно судили, но оправдали. В 1922 г. он переехал в Германию, а затем во Францию. Знаменитый батько умер в 1934 г. в Париже, забытый, много лет болевший (сказывалась потеря легкого в каторжной тюрьме, многочисленные ранения), ни-

¹ Багрицкий Э. Дума про Опанаса // Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М.; А., 1964. С. 78.

² См.: *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 44.

³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921: документы и материалы. М., 2006. С. 535.

щий, существовавший на пожертвования анархистов. Он оставил после себя трехтомные мемуары 1 .

Некоторые историки считают, что слово «махновщина» может быть применимо ко всему, что происходило в России и во время Первой революции, и в период Октября, и в годы Гражданской войны. Ориентация либеральной интеллигенции на европейские образцы вызвала народный ответ: стихийный бунт, новую пугачевщину, в которой смешались и искренняя ненависть к старой власти, готовность бороться с ней, не щадя жизни, и разбойная стихия, и пьянство, и убийства, бездумное пролитие крови, озверение, потеря человеческого облика, этических норм. Жизнь без царя в голове и Бога в сердце. Здесь не теория определяла действия, а стихийный порыв, страсти, забвение всех сдерживающих начал, как у лошадей, которые понесли, закусив удила. В первую очередь это относилось к крестьянству, но также и к рабочим, к тем, кто поддерживал большевиков. Лишь в XXI в. начинается героизация Нестора Махно. В 2006 г. вышел 12-серийный телевизионный фильм «Девять жизней Нестора Махно» режиссера Николая Каптана по одноименному роману Игоря Болгарина и Виктора Смирнова. 24 августа 2009 г. (в День Независимости Украины) в Гуляйполе был торжественно открыт памятник Н. И. Махно; в том же году другой памятник Махно был установлен в Никополе (Днепропетровская область, Украина).

Махновцы грабили и убивали не меньше, чем все остальные. Здесь даже речь не идет о пытках и массовых убийствах периода диктатуры Сталина (да и Ленина), когда погибли миллионы людей. Мы говорим только о периоде от Первой русской революции до Гражданской войны. Напомню о так называемых «эксах» (экспроприациях), проводимых большевиками. Лозунг «экспроприация экспроприаторов» означал «грабь награбленное». Назовем героизированного, легендарного Камо (партийная кличка С. А. Тер-Петросяна), близкого друга Сталина (оба родились в Гори). О нем была поставлена кинотрилогия, восхваляющая его «подвиги». Режиссер Степан Кеворков снял фильмы «Лично известен» (1957), «Чрезвычайное поручение» (1965), «Последний подвиг Камо» (1973). Камо организовал ряд экспроприаций, летом 1904 г. бежал из тюрьмы в Батуми, одной из самых надежных в Закавказье. Бежал дерзко, днем, во время тюремной прогулки. Летом 1907 г. Камо организовал ограбление филиала государственного банка в Тифлисе. Было похищено более 240 тысяч рублей; во время взрыва погибли и были ранены несколько де-

¹ Махно Н. И. Кн. 1: Русская революция на Украине: (От марта 1917 г. по апрель 1918 г. Париж, 1929; Кн. 2: Под ударами контрреволюции: (Апрель-июнь 1918 г.) / под ред., с предисл. и примеч. тов. Волина и с портретом Н. Махно. Париж, 1936; Кн. 3: Украинская революция: (Июль-декабрь 1918 г.) / под ред. т. Волина и с портретами некоторых деятелей движения. Париж, 1937.

сятков человек. Большевики послали Камо в Германию закупать оружие и взрывчатку. Там его арестовали. Он длительное время симулировал сумасшествие, пройдя все проверки на симуляцию, в том числе на нечувствительность к боли. Его вернули в Россию. В России революционер был приговорен к смертной казни, но в 1913 г. амнистирован (амнистия посвящалась 300-летию дома Романовых). Во время Гражданской войны Камо сформировал отряд боевиков-смертников, куда входили и женщины. В 1922 г. Камо возвратился в Тифлис, где в то время был Сталин. Ночью Камо, ехавший на велосипеде, попал под грузовик. О его смерти ходили разные слухи. Точно известно лишь то, что памятник ему уничтожили по приказу Сталина и что его сестра была арестована. Очевидно, старый соратник слишком много знал¹.

Экспроприациями (попросту грабежами) занимался, согласно некоторым версиям, в революцию 1905—1907 гг. и Сталин. Во всяком случае, это не противоречило его «моральному облику». О такой версии рассказывает Фазиль Искандер в «Пирах Валтасара» (одна из глав романа «Сандро из Чегема»). При этом, в отличие от Камо, Сталин добывал таким способом деньги не только для партийной кассы, но и для себя. IV съезд РСДРП (1906 г.) после жарких дискуссий запретил экспроприации, но Сталин не подчинился партийному решению. В 1908 г. он, набрав шайку, захватил и ограбил пароход, был схвачен жандармами, позднее исключен из партии. В связи с этим возникают сомнения относительно шести «героических побегов» Сталина из Сибири. Сибирские старожилы утверждали, что в зимних условиях такой побег был бы невозможен и для местных медведей, проводящих зиму в берлоге. А Сталин тем не менее бежал, и весьма успешно. Здесь возникают вопросы: не помогал ли ему кто-нибудь? Не был ли он связан с царской охранкой?

Организация поисков «компромата», как ни парадоксально, исходила от самого Сталина. Готовя преследования «врагов народа», он поручил Г. Г. Ягоде, руководителю наркомата внутренних дел, подобрать материал о связях будущих подсудимых с полицией. Такие связи, видимо, были у многих деятелей революционного движения (вспомним историю Азефа). Ягода приказал поискать подобный материал чекисту Исааку Штейну, а последний, роясь в делах заместителя начальника департамента полиции С. Е. Виссарионова, обнаружил фотографию молодого Сталина и ряд донесений, написанных хорошо знакомым почерком. Предварительная экспертиза подтвердила идентичность почерков. Не знаю, сообщил ли Штейн о своем открытии Ягоде, но он с папкой документов отправился в Киев к другу и бывшему начальнику, в то время наркому внутренних дел Украины В. А. Балицкому. Провели повторную экспертизу, с тем же

 $^{^1}$ См.: Дубинский-Мухадзе И. М. Камо. М., 1974. (Жизнь замечат. людей: серия биогр.; Вып. 3 (537)).

результатом. Ознакомили с документами С. В. Косиора, П. П. Постышева и И. Э. Якира (первого и второго секретарей Центрального комитета коммунистической партии Украины и командующего Киевским военным округом). Те, судя по всему, Сталина не известили (не исключено, что не очень его любили). Да и как было извещать о подобном: это равносильно вынесению себе смертного приговора. Но разведка Сталина кое-что о документах узнала. И Косиор, и Постышев, и Якир были причислены к «врагам народа» и казнены в 1937 и 1939 гг. В 1937 г. погиб и Балицкий. Вряд ли документы явились главной причиной расправы с ними, но сыграть свою роль они могли. Штейн застрелился в 1936 г., а документы оказались за границей, позже — в руках у Н. С. Хрущёва¹.

О Сталине как об агенте царской охранки писали бывший советский дипломат Александр Орлов, большевичка Ольга Шатуновская, современный историк Роман Бракман и пр.² Очередной ли это миф или, напротив, тщательно скрываемая правда, подтвердить могут только документы.

Спорная эпоха порождала спорных героев. Так и о характерной для революций 1905 и 1917 гг. фигуре Григория Ивановича Котовского трудно сказать, что соответствует реальным фактам, а что — легенда и вымысел.

По официальной версии, он — видный военачальник Красной армии, командовавший крупными кавалерийскими соединениями, награжденный тремя орденами Красного знамени, почетным революционным оружием, безоговорочно преданный советской власти, высоко ценимый Сталиным, назвавшим Котовского «храбрейшим среди скромных наших командиров и скромнейшим среди храбрых»³. Создается образ человека незаурядного, легендарного, одного из самых симпатичных героев Гражданской войны. Котовский нередко противопоставляется Махно как противник анархии, последовательный большевик, стойкий боец с контрреволюцией. Такими эти две фигуры, Котовский и Махно, предстают и в поэме Багрицкого «Дума про Опанаса»: красный командир, воплощение нового советского порядка, и бандит, порождение анархической стихии. Даже в описании внешности солдат Махно и Котовского последовательно проводится то же противопоставление. Махновцы — бандиты, прячущиеся за чумацкими возами; здесь и жбан самогона,

 $^{^1}$ *Черняк С.* Ночь жизни и смерти Сталина // Вестник. 1998. № 18 (1 сент.). URL: http://www.vestnik.com/issues/98/0901/koi/chernyak.htm

² Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes. New York, 1953; Русские переводы: Орлов А. М. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк, 1983; Орлов А. М. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991; Орлов А. М. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991; Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке: рассказывает Ольга Шатуновская. La Jolla (Calif.), 2001; Бракман Р. Я. Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. М., 2004.

³ Сталин И. В. О тов. Котовском // Коммунист (Харьков). 1926. № 43 (23 февр.).

и хмельной разгул. Солдаты Котовского совсем другие: они — регулярная армия, и еда у них хорошая («от приварка рожи гладки»), и поступь удалая, и «амуниция в порядке, как при Николае»¹. Стихийность (бандитская, отрицательная) и организованность (советская, положительная) противопоставлялись друг другу. О смерти Котовского обычно подробно не говорилось: погиб при «невыясненных обстоятельствах».

В период перестройки, когда переоценивались почти все прежние советские *кумиры*, во многом изменяется и восприятие Котовского. В его биографии находят эпизоды, рисующие его не в столь уж светлых красках. Некоторые утверждают, что погиб он в пьяной драке, во время разгульной пирушки; что убежденным коммунистом, большевиком, сторонником социализма он никогда не был. Против такого *очернения* облика Котовского выступает его сын, ведущий сотрудник института востоковедения РАН, крупный индолог Григорий Григорьевич Котовский. Он называет своего отца Робин Гудом революции и отвергает нападки на него². Позиция его понятна: сын так и должен поступать (даже сын Л. Берия выступал с защитой отца). Но его доводы не всегда кажутся убедительными.

Наконец, следует иметь в виду еще одну версию. За границей довольно давно, в 1930-е гг., вышла книга Р. Б. Гуля «Котовский: анархист-маршал». Автор книги — белоэмигрант, но относится к Котовскому положительно. Не случайно о труде Гуля с большой симпатией упоминает сын Котовского, говоря, что издательство «Молодая гвардия» хорошо сделало, переиздав книгу³. Книгу Гуля нельзя назвать исторической. Это скорее приключенческая беллетристика, довольно увлекательная, изображающая героя в духе романтических разбойничьих баллад. И, конечно же, ориентированная на образ Робин Гуда. Большое внимание в ней уделяется любовным историям Котовского. Использовано здесь и множество легендарных рассказов о Котовском, которые, вероятно, отчасти слышал Гуль, а отчасти и сам сочинил. Котовский в книге явно романтизирован и героизирован.

Воспринимать книгу как реальную историю жизни Котовского никак нельзя. Но есть в ней одно достоинство, которого нет ни в официальной версии, ни в *очернительских* оценках. Гуль передает тот дух разгульной вольницы, стихийного свободолюбия, протеста, бунта, неприятия дореволюционного *порядка* (и всякого жесткого *порядка*, в том числе послереволюционного), который был характерен для Котовского. Этот дух связан

 $^{^1}$ *Багрицкий Э.* Дума про Опанаса // *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1964. С. 85.

 $^{^2}$ *Котовский Г. Г.* Кто убил Робин Гуда революции? / [интервьюеры: А. Беляев, Д. Денисенко] // Независимая газета. 2001. 20 янв. С. 9–11.

³ Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990.

сплошь и рядом с уголовщиной, с разбойничьим началом, с насилием, пролитием крови, но нередко и с проявлением своеобразной удали, героизма. Его отразил и И. Э. Бабель в «Конармии». В двадцатые годы содержание книги Бабеля вызвало резкую критику, в том числе С. М. Будённого. Цензура крайне отрицательно отзывалась о ней. Начальник Главлита писал в Центральный комитет коммунистической партии «Красноармейцы выведены автором грабителями <...> мародерами и насильниками <...> многие бойцы настроены упадочнически и не верят в победу <...> Книга не представляет художественной ценности»¹. Такой изображена Гражданская война и у других авторов, многие из которых позже были репрессированы. Такой она была и на самом деле, определяя действия Котовского. Вероятно, Гуль прав, утверждая, что поступки командарма не умещались в рамки советской официальности. Может быть, оттого Котовского и убили.

По словам Гуля, конница Котовского — лихие «разбойничьи полчища», «та же бандитская запорожская сечь»: «по пестроте, по отчаянности, по "аромату этого пестрого букета", вряд ли даже наполеоновская кавалерия Мюрата могла бы соперничать с советской кавбригадой, оглавленной разбойничьей фигурой Григория Котовского»². Смесь получалась невообразимая: в ней и блатная «братва», и «красиво-революционное окружение», и бывшие полковники, ротмистры, поручики; «вместе с прошедшими всю войну красными партизанами смешались белые казаки-деникинцы, шкуринцы (солдаты генерала Шкуро. — Π . P.), военнопленные мадьяры, немцы, неведомые беглые поляки». Они не прочь пограбить, но не так, как «буденовцы» – «виндидуалисты», как их называет командир полка Криворучко: «кто нашел, тот и тащи! А у нас — круговая порука, пользуйся, но общей кассы не забывай!»³ Котовский знает нравы «своей банды» и разрешает «"гарбануть" — богатых <...> И дань грабежа складывалась в общую кассу кавбригады», но за грабежи мещан, крестьян, местных евреев расстреливал беспощадно; «странная конница из полубандитов, солдат-командиров, старых офицеров, уголовников»; она седлала коней, шла в бой за боем и одерживала победы. Котовский умел держать свою «шпанку» в узде. Он был для нее всем: командиром, верховным судьей, вождем. Занятая его войсками территория — не советская страна, а своеобразная республика «Котовия», с «президентом Котовским» во главе. Котовский противопоставляется не Махно, а Будённому. Тот, инспектор Красной конницы, «перебродил», стал послуш-

 $^{^1}$ *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917—1991: индекс советской цензуры с комментариями / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2003. С. 44.

 $^{^2}$ *Гуль Р. Б.* Котовский // *Гуль Р. Б.* Ворошилов. Будённый. Блюхер. Котовский. [Берлин], [1932]. С. 180.

³ Там же. С. 139.

ным, «верен генеральной линии партии», «близок Кремлю», а Котовский в сорок лет еще продолжал «бродить», неугомонен, анархичен. Им недовольны в Москве из-за «атмосферы» во втором корпусе, «где не растет марксизм, необходимый коммунистическому войску». В нем все «растет в легенде партизанщины и вольницы», как будто бы 300 лет назад, на челнах Стеньки Разина. Бойцы не хотят называть себя красноармейцами. Это для них оскорбительно: «Не красноармейцы мы, а котовцы», «какие мы коммунисты? Коммунисты сволочь, мы — большевики»¹. Речи самого Котовского «не коммунистические»; о них с неудовольствием отзываются одесские подпольщики-коммунисты. Его трудно взять «в клещи политического аппарата». Подчиненные его все делают беспрекословно, но, «как только зовут на доклад о международном положении, о немецком пролетариате, о предательстве Макдональда», пишут рапорты, что не могут прийти, так как у их кобыл сап. Вероятно, и в этих описаниях Гуль многое придумывает. Но они все же вернее официальной версии.

Итак, судя по всему, Григорий Котовский родился в 1881 г. (Роман Гуль называет 1887 г.) в селе Ганешти Бессарабской губернии, в семье механика винокуренного завода. Жили небогато. В семье было пятеро детей. Согласно легенде, дед принадлежал к старинному польскому аристократическому роду, участвовал в национальном движении, разорился. А его сын, отец Котовского, переехал в Бессарабию и устроился механиком на завод, записавшись в мещанское сословие. А мать? Молдаванка, она умерла, когда Григорию было три года. Сам Котовский окончил двухклассное народное училище и поступил в Кишиневское реальное. Был изгнан оттуда за «плохое поведение». Что скрывается за этой формулировкой? Можно предположить, что социальный протест, но, возможно, просто хулиганство. Затем Котовский учился в сельскохозяйственной школе, работал практикантом в одном из помещичьих имений. Р. Гуль рассказывает романтическую историю взаимной любви силача Котовского и княгини, жены хозяина имения. Избиение Котовского челядью князя, узнавшего о неверности жены, и убийство князя, по Гулю, послужили началом социального протеста Котовского. Он становится простонапросто грабителем, набрав шайку сподвижников. Позднее Котовский обтекаемо говорил, что его протесты выливались в стихийные формы.

Мы не будем подробно останавливаться на послереволюционной деятельности Котовского, хотя поговорить про это было бы весьма любопытно, особенно о предполагаемых причинах его убийства. Остановимся лишь на дореволюционном периоде его жизни, относящемся к нашей теме. Будем помнить, что и здесь реальные факты трудно отличить от легенды.

 $^{^1}$ *Гуль Р. Б.* Котовский // *Гуль Р. Б.* Ворошилов. Будённый. Блюхер. Котовский. [Берлин, 1932]. С. 180–181.

В Русско-японскую войну, в 1904 г., Котовский не явился на призывной пункт. В 1905 г. его арестовали за уклонение от военной службы и направили в Костромской полк. Вскоре он дезертировал, набрал отряд, жег имения, грабил помещиков, насиловал женщин (что в официальной версии решительно отвергается), но и помогал беднякам, совершал добрые поступки (что «по штату» положено разбойникам — героям такого рода). Р. Гуль подробно повествует о разбойничьих подвигах Котовского, о победах его в столкновениях с властями. Не обходится здесь и без любовных побед, что вообще характерно для эпоса о Котовском.

В его биографии — ряд арестов (за уголовные деяния) и побегов. В 1907 г. Котовский был приговорен к десяти годам каторги. Сибирь, каторжная тюрьма в Нерчинске. В 1913 г. Котовский бежал оттуда, убив двух конвоиров (в советское время историки оспаривали этот факт; как было на самом деле, неизвестно). Скитался по России. Работал грузчиком, чернорабочим. В 1914 г. вернулся в Бессарабию и вновь набрал вооруженный отряд. Опять террор, насилия, грабежи. В 1916 г. Котовский был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой (по одной из легенд и здесь не обошлось без заступничества какой-то высокопоставленной дамы). Об этом периоде Котовский потом писал: «Я насилием и террором отбирал от богача-эксплуататора ценности и передавал их тем, кто эти богатства создавал. Я, не зная партии, уже был большевиком»¹.

После Февральской революции Котовский был освобожден и отправлен в мае 1917 г. на фронт в полковую разведку. По его словам, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за «выдающиеся подвиги в боях» и получил первый офицерский чин. Никаких документов, подтверждающих это, не обнаружено. По мнению некоторых его биографов, в том числе Гуля, Котовский вообще любил преувеличения, громкую славу, эффектную позу. Он рассказывал, например, об одном аресте: 300 жандармов ночью нагрянули, чтобы задержать его; завязалась отчаянная борьба.

В конце 1917 г. Котовский избран на фронте членом солдатского комитета 136 пехотного полка. Затем он вошел в солдатский комитет 6-й армии (как эсер). Он становится красным командиром. В конце 1919 г., в составе 45-й дивизии, участвует в обороне Петрограда от войск Юденича. Воюет на Кавказе, на Украине. Проходит с боями против Деникина, Петлюры, Махно; участвует в подавлении тамбовского восстания. Воюет с белополяками, участвует в наступлении на Варшаву. Бригада Котовского ведет арьергардные бои, прикрывая отступление. Тяжело контуженного Котовского бойцы выносят из боя. Лишь его могу-

 $^{^1}$ *Котовский Г. И.* Моя краткая автобиография // Г. И. Котовский: [сб. документов и материалов]. Кишинев, 1956. С. 18.

чий организм позволил ему вернуться в строй. С октября 1922 г. Котовский командует 2-м конным кавказским корпусом. Его назначают заместителем М. В. Фрунзе, который после смещения Троцкого летом 1923 г. стал наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета. Перед отъездом в Москву, после прощальной пирушки с однополчанами Котовский был убит. Убит явно по чьему-то заказу, как вскоре убили и Фрунзе. В Одессе прошла пышная траурная церемония. Котовский был похоронен недалеко от Одессы, в поселке Бирзула (позднее город Котовск). Похожие эпизоды происходят в конце жизни у Камо и других видных деятелей Гражданской войны. Махно повезло: он своевременно эмигрировал, поэтому и дожил до 1934 г. Те, кто остался с большевиками, как правило, погибли раньше.

Так рождаются мифы — не только фольклорные, но и официальные. К последним можно причислить и сюжет, связанный с восстанием на броненосце «Потёмкин». История броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» получила всемирную известность. Снятый по ней фильм С. М. Эйзенштейна признан первым в числе двенадцати «лучших фильмов всех времен» по результатам международного опроса критиков в Брюсселе в 1958 г. Режиссер поставил его к двадцатилетию революционных событий 1905 г.; даже первоначальное название исторического художественного фильма — «1905 год». Во второй половине 1920-х гг., в связи с этой датой и десятилетием Октябрьской революции, создавался целый ряд советских мифов. О фильме написано неизмеримо больше, чем о самом восстании на броненосце. По нему изучают историю, считая его чуть ли не документальным (так же, как считают историческими сцены взятия Зимнего дворца из фильма Эйзенштейна «Октябрь» 1927 г.; центральные эпизоды — залп «Авроры» и штурм Зимнего дворца, судя по всему, — мифы). Режиссер утверждал, что «историческую правду не следует смешивать с историческим натурализмом. В некоторых случаях натуралистический простой поворот фактов и реалистическая интерпретация прошлого могут становиться даже почти в условия взаимоисключения»². При этом социальный заказ в его фильмах явно присутствует. В данном случае юбилейный фильм должен был прославлять революцию и ее предшественников. Кратко остановимся не на фильме, а на том, что происходило «на самом деле». Не берусь утверждать, что приводимые версии реальные. Тем более что их, по меньшей мере, две. Но думаю, что они не дальше от истины, чем фильм Эйзенштейна, гениальный, но не ставящий задачи точно отражать исторические события.

 $^{^1}$ Броненосец Потёмкин / Комиссия по творч. наследству С. М. Эйзенштейна; Госфильмофонд СССР; ЦГАЛИ. М., 1969. С. 283.

 $^{^2}$ Эйзенштейн С. М. Проблемы советского исторического фильма // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6 т. Т. 5. М., 1968. С. 113–114.

Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» начали строить осенью 1898 г. на верфи в Николаеве. Корабль торжественно спущен на воду 26 сентября 1900 г. После испытаний «Потёмкин» должен был вступить в строй в 1903 г., но в начале 1902 г. в котельном отделении произошел пожар. Пришлось менять котлы, потом устранять неполадки башни орудий главного калибра. В итоге броненосец вступил в строй весной 1905 г. Во время революционных событий он был самым современным и мощным боевым кораблем Черноморского флота. Команда начала подбираться, когда корабль еще строился. Согласно официальной версии советского времени, будущие матросы броненосца уже во время строительства общались с революционно настроенными рабочими верфи. Среди матросов распространялась нелегальная литература. Поэтому броненосец «Потёмкин» перевели на достройку в Севастополь.

Центральный комитет социал-демократической организации Черноморского флота готовил вооруженное восстание на флоте, которое должно было начаться осенью 1905 г. и послужить началом всеобщего восстания в России¹. Подразумевается, что восстание готовили большевики. Убедительных документов, подтверждающих это, мне видеть не приходилось. Но прямо об этом и не говорилось. Не говорилось и о том, что восстание готовили меньшевики. Большевиков вообще-то было к 1905 г. в России всего несколько тысяч. Общероссийского вооруженного восстания они не готовили и не могли готовить; оно было бы безумной авантюрой. Недовольство матросов наверняка существовало (тут надо вспомнить и о Цусиме), как существовало и недовольство крестьян, рабочих, да и всего общества.

Восстание на «Потёмкине» возникло по конкретному поводу, из-за недовольства плохой пищей, — как стихийный бунт. В какой партии состоял Григорий Вакуленчук, возглавивший восстание и погибший в самом начале, сказать трудно. Но его советские историки «определили» в большевики. После смерти Вакуленчука восстание возглавил «другой большевик», Афанасий Матюшенко. Был ли Матюшенко большевиком во время восстания, тоже сказать нельзя, но через два года, вернувшись из эмиграции, он оказался связан с анархистами (по иным сведениям — с эсерами). Анархистов и эсеров среди матросов было много. Не случайно именно в городе моряков, Кронштадте, в 1921 г. возник мятеж, жестоко подавленный большевиками. Да и кто в какой партии тогда состоял, восстановить позже оказалось невозможным. В этом не разбиралось и дореволюционное начальство, не отмечая, как правило, партийных оттенков в рядах «бунтовщиков»; и сами «бунтовщики» не слишком ясно понимали свою партийную принадлежность.

¹ Потёмкин // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 20. М., 1975. С. 428.

Восстание на «Потёмкине» началось 14 июня, когда корабль находился на испытании орудий, недалеко от Одессы. Матросы, недовольные едой, отказались от обеда. На флоте во все времена кормили лучше, чем в других воинских частях (морякам и в советское время даже компот полагался, о чем они говорили с гордостью). Не исключено, что начальство воровало, экономя на пище, и она была действительно плохая. Все же думается, что мясо, кишащее червями (одна из главных сцен фильма Эйзенштейна), — режиссерская находка, которая производила огромное впечатление на зрителей (как и другие ключевые сцены: расстрел мирной демонстрации в Одессе; коляска с ребенком, скатывающаяся по ступеням). Естественно, пища была только поводом, наслаивающимся на общее недовольство матросов.

Начальство восприняло отказ от пищи как акт *коллективного* неповиновения, за что в армии всегда наказывали особенно строго, и решило покарать зачинщиков. Матросы вступились за них. Началась перестрелка. Были убиты командир корабля, старший офицер, несколько особо ненавистных офицеров; остальные арестованы. По общепринятой версии Вакуленчук, противник восстания, был вынужден принять в нем участие, когда оно началось, и возглавить бунт. В самом начале он был смертельно ранен, и его гибель только разожгла страсти. Руководителем стал Матюшенко. Позднее, во время допросов, матросы говорили, что именно он застрелил командира корабля и старшего офицера. Восставшие вынудили присоединиться к себе команду одного из миноносцев.

Оба корабля направились к Одессе, где проходила всеобщая стачка рабочих. 16 июня с дозволения городской администрации по улицам прошла траурная процессия матросов: убитого Вакуленчука похоронили за оградой городского кладбища, но с чином отпевания. Броненосец несколько раз выстрелил из корабельных орудий по местам сосредоточения войск и полицейских в Одессе. Выстрелы имели скорее знаковый характер: чтобы понимали, с кем дело имеют (напомним, «Потёмкин» находился на испытании орудий, и на нем был полный боекомплект снарядов). Семь дней, с 15 по 21 июня, цензура запрещала публиковать любые сведения о восстании на «Потёмкине». Номера одесских газет, в которых была сделана попытка напечатать сообщения об этом событии, были задержаны. В столичных газетах появились лишь краткие известия о перемещениях черноморских эскадр. Поступавшие от заграничных корреспондентов телеграфные сообщения переправлялись в полицию. Частная переписка, в которой упоминалось о восстании, изымалась охранкой 1 .

 $^{^1}$ *Кардашев Ю. П.* Восстание: драма на Тендре. Последствия восстания. Команда корабля. М., 2008. С. 49–50.

Власти направили против «Потёмкина» две эскадры. Броненосец ушел в море, его команда отказалась вести переговоры, игнорировав приказ «стать на якорь». 17 июня в море произошел «немой бой»: эскадры пропустили восставший корабль сквозь строй, не сделав ни одного выстрела. «Потёмкин» снова взял курс на Одессу.

К «Потёмкину» присоединился броненосец «Георгий Победоносец». Фильм Эйзенштейна рассказывал о расколе в команде последнего, о блужданиях «Потёмкина» по Черному морю, о высадке матросов в Румынии, где они сдались властям, так и не опустив красного флага. Сигнальный флаг красного цвета «Наш», означающий готовность к стрельбе: «Веду огонь. Гружу боеприпасы», легко превратился в революционный символ. Этот флаг вообще является лейтмотивом, проходящим через весь фильм, и опустить его в рассказе о восстании, конечно, было невозможно. Факты, излагаемые в общепринятой версии, в целом, судя по всему, соответствуют действительности, но их полезно несколько уточнить.

Радио «Свобода» посвятило восстанию на «Потёмкине» две передачи, основанные на документах, которым тоже доверять безусловно нельзя¹. Но все-таки это документы. И, надо полагать, картину происходившего они отражают более достоверно, чем официальная советская версия. К моменту восстания броненосец находился на Тендровой косе, на испытательных стрельбах, в ста верстах от Одессы. После восстания 14 июня, расправы над офицерами и захвата корабля «Потёмкин» сразу направился к Одессе и к ночи прибыл на рейд. Беспорядки, которые уже были в городе, усилились с приходом «Потёмкина». Начались поджоги, вызвавшие сильный пожар в порту. Власти не вводили войска, боясь обстрела «Потёмкиным» города. В ночь на 16 июня, когда волнения переместились в другие части города, подальше от порта, войска применили силу, но не против мирной демонстрации, как в фильме. Демонстранты стреляли, бросали самодельные бомбы. В задержанном цензурой сообщении для печати (от 16 июня) сообщалось: в городе объявлено военное положение, в порту пожары, разграблено много товаров, ночные беспорядки, взрывы в городе; убито 50 человек, свыше 500 ранено, многие тяжело. Газетная заметка, задержанная цензурой, вряд ли вполне объективна, ведь она основана на слухах. Это не официальное сообщение. Но картину, созданную советскими историками и показанную в фильме Эйзенштейна, она все же уточняет: и в отношении поведения жителей Одессы, и в отношении действий властей.

¹ Программа «История и современность», цикл «Документы прошлого». Авторы Елена Зубкова и Ольга Эдельман, ведущий Владимир Тольц. Первая передача «Сто лет восстания на броненосце "Потёмкин"» от 5 июля 2005 г.; запись в архиве радио «Свобода»: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.070905.asp

Вторая передача (продолжение) «Восстание на броненосце "Потёмкин"» от 17 июля 2005 г.; запись там же: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

А вот официальные документы. 16 июня севастопольский градоначальник отправляет сообщение товарищу министра внутренних дел. Тон его успокаивающий, но в нем отчетливо ощущается тревога. Говорится, что нет надобности вводить в городе военное положение, что «наружное настроение» матросов опасений не вызывает, «внутреннее же неизвестно». Высказывается сожаление, что из города беспричинно вывели казаков: необходимо вернуть их. 17 июня Департамент полиции рассылает шифрованные телеграммы губернаторам и градоначальникам Ростова-на-Дону, Симферополя, Херсона, Екатеринослава, Новороссийска, Батума, Керчи, Новочеркасска — о восстании на «Потёмкине»: «По побережью Черного моря ходит броненосец "Потёмкин", команда коего взбунтовалась, перебила офицеров, грозит бомбардировать в целях восстания, уже исполнила угрозу в Одессе <...> Признается необходимым предупредить вас в виду наличности в вашем ведении портов побережья»¹.

17 июня командующий войсками Одесского военного округа генерал-лейтенант И. В. Каханов регулярно, телеграфом сообщал в Морское министерство о принятых мерах. Позже военный министр А. Ф. Редигер оценил его действия так: «военное начальство растерялось, а пожалуй, и перетрусило: вступило в переговоры с бунтовщиками, допустило их высадку на берег и не делало попытки захватить или потопить броненосец»². В Морское министерство от Каханова и в Министерство внутренних дел от Одесского градоначальника идут оптимистические сообщения: «Потёмкин» отпустил захваченный английский пароход (на котором, видимо, уехал революционный комитет), спустил все флаги; вероятно, идет сдача корабля. С него спущено два баркаса с матросами. Градоначальник Д. Б. Нейдгардт просил прислать казаков, чтобы переловить этих матросов. Затем поступают сообщения о присоединении к восстанию броненосца «Георгий Победоносец», 19 офицеров которого были высажены на берег. Высказывается опасение, что это переодетые матросы, пытающиеся спастись (опасение не подтвердилось: на берег высажены действительно офицеры).

Дело дошло до самых высших сфер. Следует приказ Николая II немедленно подавить восстание. 18 июня вице-адмирал Г. П. Чухнин, командующий Черноморским флотом, посылает царю телеграмму, в которой докладывает: эскадра под командованием А. Х. Кригера, не готовая к бою, пошла на «Потёмкина». Тот, в полной боевой готовности, прорезал строй броненосцев. Когда он проходил мимо «Георгия Победоносца», команда последнего устроила ему овацию, а затем не позволила

 $^{^1}$ Цит. по: *Зубкова Е., Эдельман О.* Восстание на броненосце «Потёмкин» // Радио «Свобода»: [архив программ]. URL: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

² Редигер А. Ф. Воспоминания военного министра: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 454.

своим офицерам управлять кораблем и отказалась выполнить поворот. Раздались крики: «долой офицеров».

Офицеров «Георгия Победоносца» высадили на берег (кроме одного, покончившего жизнь самоубийством). «По разборе дела можно ожидать то же и на всех судах. Не имея сведений ни из Одессы, ни из Севастополя, боюсь, что море в руках мятежников. Решил не выходить»¹. Не очень, видимо, хотелось посылать царю такую телеграмму. Но дело было слишком серьезное, и скрывать факты адмирал не решился.

В команде «Георгия Победоносца» произошел раскол: значительная часть матросов отказалась участвовать в восстании. Корабль проделал несколько маневров: он направился в сторону Севастополя, затем вернулся и встал между «Потёмкиным» и берегом, как бы защищая город от орудий мятежного броненосца. Затем «Георгий Победоносец» сдался властям. 20 июня из Николаева прибыли офицеры с «Георгия Победоносца», высаженные на берег. Раскаявшаяся команда их приветствовала. С «Георгия Победоносца» сняли 67 бунтовщиков. Между тем из Севастополя прибыл миноносец «Стремительный», с командой только из офицеров. Миноносец, погрузив снаряжение, отправился на выполнение приказа: обнаружить «Потёмкин» и взорвать его.

Положение оставалось напряженным. 21 июня командиру Отдельного корпуса жандармов в зашифрованной телеграмме из Севастополя сообщалось: за исключением «Ростислава» и «Двенадцати Апостолов» «настроение флотских команд вызывающее, тревожное». Здесь же шла речь о возвращении учебного судна «Прут», команда которого тоже взбунтовалась из-за плохой пищи, убила боцмана; судно стоит под караулом. Говорилось, что «рассказы о бунте "Потёмкина" вернувшихся с него рабочих, бывших там для доделок, производят нежелательное влияние». -Вчера объезжал суда «главный командир» (командующий Черноморским флотом Чухнин. — Π . P.), «которым среди матросов царит сильное недовольство». Бродят слухи, что восставшие предполагают взорвать пироксилиновые хранилища; к ним поставлен пехотный (т. е. не морской, ненадежный. — Π . P.) караул; «между портовыми рабочими толкуют об устройстве сочувственной демонстрации матросам <...> Морские офицеры просят разрешения без участия матросов взорвать минами "Потёмкин". Решения еще нет. В городе жизнь нормальна»².

23 июня главный командир Черноморского флота Г. П. Чухнин посылает шифрованную телеграмму управляющему Морским министерством:

 $^{^1}$ *Кардашев Ю. П.* Восстание: Драма на Тендре. Последствия восстания. Команда корабля. М., 2008. С. 57–58.

² Цит. по: *Зубкова Е., Эдельман О.* Восстание на броненосце «Потёмкин» // Радио «Свобода»: [архив программ]. URL: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

«на всех судах есть партии человек 50–70, которые держат в руках команду; большинство пассивно трусливо, но легко возбуждается и присоединяется к бунтовщикам. Офицеры потеряли авторитет и власть, нельзя ни за что ручаться. Приходится быть очень осторожным, пока не арестованы бунтовщики. Необходимо увеличить войска для ареста»¹.

А «Потёмкину» пришлось скитаться по Черному морю. Простояв четыре дня на Одесском рейде, вечером 18 июня броненосец направился к берегам Румынии. Сдаваться команда не хотела, но нужен был уголь, провиант и пресная вода. Ни в Одессе, ни в Феодосии мятежный корабль их не получил. После долгих споров решили идти в Констанцу. В Одессе на борт «Потёмкина» поднялись меньшевики К. И. Фельдман и А. П. Бржезовский. Они вместе с матросами составили обращения «Ко всему цивилизованному миру», с призывом свергнуть самодержавие, и «Ко всем европейским державам»: «Команда эскадренного броненосца "Князь Потёмкин-Таврический" начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся. Команда эскадренного броненосца "Князь Потёмкин-Таврический"»². Обращение мало успокоило иностранные государства. Мятежный корабль в водах Черного моря вызывал беспокойство не только у русского правительства. Так, во французской газете «Echo de Paris» было помещено сообщение из Лондона о том, что, если «Потёмкин» не будет в ближайшее время очищен от бунтовщиков, то английское правительство предпримет против него действия, с согласия других держав. Порта (то есть Турция) согласилась пропустить для этой цели целый флот через Босфор.

Надежды матросов на Румынию не оправдались. Она тоже отказалась снабдить «Потёмкин» водой, углем и продовольствием, но предложила сдать броненосец, а команде высадиться на берег, получив статус военных дезертиров (не подлежавших выдаче). Команда с таким предложением не согласилась, корабль вновь ушел в море. Становилось неясно, что делать дальше. Ни одно правительство не соглашалось принять восставших. После споров решили снова идти в Феодосию. Из провизии оставались только сухари, воду получали через опреснитель. 22 июня восставшие подошли к Феодосии. Распоряжением военных властей было запрещено выполнять требования «Потёмкина» о продовольствии и угле. Корабль стоял на рейде и грозил бомбардировкой. Власти рекомендовали насе-

¹ Цит. по: Зубкова Е., Эдельман О. Восстание на броненосце «Потёмкин» // Радио «Свобода»: [архив программ]. URL: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

² Цит. по: Революционный броненосец «Князь Потёмкин Таврический»: восстание в Черноморском флоте / Рос. социал-демократ. рабочая партия. Харьков, 1917. С. 11.

лению оставить город. Городская управа все же выполнила требование команды броненосца, выделив продовольствие. Позже военные власти обвиняли чиновников, что они уступили мятежникам, но Министерство внутренних дел оправдало действия городской администрации. 25 июня на «Потёмкин» доставили провизию, в угле было отказано.

С катера, приехавшего за продовольствием, сбежал матрос «Потёмкина». На допросе он показал: на корабле 750 матросов, из которых около 400 новобранцев, не сочувствующих восстанию. Всем руководят двое, севших на корабль в Одессе; по одежде — статских, один из них, судя по фуражке, студент. Командир «Потёмкина» Е. Н. Голиков и старший офицер Л. К. Неупокоев убиты матросом Матюшенко. Убито еще 6 офицеров; прапорщик запаса Д. П. Алексеев по принуждению управляет «Потёмкиным»; ему помогают два механика и один старший боцман. Запас угля — 10 тысяч пудов, воду получают через опреснитель, провизии не осталось, и команда уже четыре дня сидит на сухарях, «пьянствует, состояние духа ее угнетенное, и разногласия в распоряжениях и непоследовательность видны на всем: людей боятся отпускать с катера, чтобы не убежали, динамо-машины не действуют, отчего не могут стрелять 12-дюймовые орудия, чистка броненосца не производится, и команда утомлена и расстроена» 1.

23 июня сопровождавший «Потёмкин» миноносец сделал попытку захватить стоящую в гавани Феодосии баржу с углем. Две роты Виленского полка, стоявшие в засаде, открыли огонь, на миноносце были убиты и ранены около 30 человек. Миноносец быстро ушел, отвечая огнем из скорострельного орудия. Ни людям, ни городу, ни железной дороге выстрелы вреда не причинили; на берегу были задержаны 10 матросов. Позже, 4 июля, Севастопольское жандармское управление сообщало в департамент полиции, что среди задержанных матросов оказался К. И. Фельдман, севший на броненосец в Одессе, один из главных руководителей восстания (Фельдман вскоре сбежал из заключения, сговорившись со стражником).

В 8 утра был срочно объявлен призыв городских властей к жителям уехать из города, а в 12 часов «Потёмкин» развел пары и ушел в юговосточном направлении. Команда, видимо, окончательно поняла безнадежность своего положения и отправилась снова в Румынию — сдаваться. Что и сделала сразу, прибыв 24 июня на рейд Констанцы. Румынские власти не нарушили обещания признать матросов военными дезертирами. Видимо, и они побаивались орудий «Потёмкина»: у Румынии не было военно-морских сил, способных противостоять броненосцу. 25 июня команда «Потёмкина» сошла на берег. Вот тут-то и разрешили русским

¹ Цит. по: *Зубкова Е., Эдельман О.* Восстание на броненосце «Потёмкин» // Радио «Свобода»: [архив программ]. URL: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

газетам печатать официальные известия о сдаче мятежного броненосца. Санкт-Петербургское телеграфное агентство сообщало о сдаче кораблей и экипажа; на кораблях подняли румынские флаги; матросы были отправлены небольшими группами в различные местности Румынии.

28 июня российский министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф объяснил товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову, хотевшему, видимо, требовать выдачи матросов, что, к сожалению, румынское правительство не имело достаточно сил, чтобы принудить команду «Потёмкина» к безусловной сдаче. При таком положении предъявлять в настоящее время требование о выдаче было бы бесполезно. Министр утешал Трепова: можно не сомневаться в том, что «присутствие в стране столь опасных элементов явится крайне обременительным для Румынии, и правительство оной впоследствии, при известных условиях, охотно постарается от них избавиться, сдав их постепенно нашим властям» 1.

Через несколько дней страны договорились о выдаче двух кораблей («Потёмкина» и миноносца) России. Румынский король извинился за то, что на кораблях были подняты румынские флаги: он такого распоряжения не отдавал, это была инициатива местных властей. В эти дни в Констанце находился один русский транспорт. Его капитану Н. Н. Банову (как единственному на тот момент представителю российских военноморских сил) пришлось вести переговоры с румынскими властями; ему же передали сигнальные книги «Потёмкина».

Бессарабское жандармское управление 12 июля донесло в Департамент полиции: команда высадилась на берег. Перед этим Матюшенко выдал каждому по 32 рубля из корабельной кассы. Выданные деньги матросы быстро истратили и оказались в крайне бедственном положении. Многие из них, по слухам, крайне удручены, жалеют убитых офицеров, винят во всем Матюшенко и каких-то двух неизвестных студентов. Были попытки самоубийства. Матросы не знают местного языка, не находят работы, голодают. Надо полагать, что большинство из них попытается возвратиться в Россию.

Действительно, 47 человек сразу же решили вернуться в Россию. Их судили, разделив на четыре категории: зачинщики, участники бунта, участники восстания под угрозой насилия и те, кто не помогал восставшим, но и не сопротивлялся бунту. В начале 1906 г. троих человек приговорили к казни, но подоспел Манифест 17 октября, и смертный приговор заменили на 15 лет каторги. Судили и 75 «зачинщиков» восстания на «Георгии Победоносце». Троих из них казнили (им не повезло: судили

¹ Цит. по: *Зубкова Е., Эдельман О.* Восстание на броненосце «Потёмкин» // Радио «Свобода»: [архив программ]. URL: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2005/hd.071605.asp

до появления Манифеста). Лидер восстания Афанасий Матюшенко два года провел в эмиграции. В 1907 г. он вернулся в родные места, в Одессу и Николаев. Сошелся с анархистами, которые снабдили его фальшивыми документами. С ним связывали какие-то смутные террористические планы. В Николаеве его опознали, судили, приговорили к смертной казни; он был повешен в тюрьме Севастополя. Вице-адмирал Чухнин еще год командовал Черноморским флотом. Он усмирял восстание на «Очакове» в 1905 г., а летом 1906 г. был убит эсерами. Матросы, оставшиеся в Румынии, бедствовали. Кто-то пытался нелегально вернуться на родину, кто-то оказался в Канаде и стал фермером. Один погиб от голода, заблудившись в сельве Аргентины. Константин Фельдман эмигрировал в Париж, выступал там с рефератами о восстании на «Потёмкине». Очень любил рассуждать о причинах поражения (о недостатке революционной решимости); написал мемуары¹. Даже снимался в фильме Эйзенштейна в роли самого себя (видимо, не слишком афишируя меньшевистское прошлое).

27 июня броненосец вернули России, в октябре его переименовали в «Пантелеймон». Он, кстати, позже пытался поддержать восставший крейсер «Очаков». Участвовал в боевых действиях во время Первой мировой войны. После Февральской революции его снова переименовали в «Потёмкин-Таврический», опустив слово «князь», а через месяц (в мае 1917 г.) он получил имя «Борец за свободу». Весной 1918 г. его захватили германские войска, затем части Деникина. Перед вступлением Красной армии в Севастополь, в 1919 г., командование англо-французского десанта приказало его взорвать, что и было сделано.

Подводя итог происшедшему, можно утверждать: восстание на броненосце «Потёмкин» скорее не героическая эпопея, а трагический всплеск стихийного протеста, бунт, вызванный конкретными причинами (плохая пища), но и ориентированный на общую обстановку.

Еще один миф — история лейтенанта Шмидта. Имя, ставшее легендарным. Вспомним детей лейтенанта Шмидта в романе И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Двенадцать стульев», мост Лейтенанта Шмидта в Ленинграде, поэму Б. Л. Пастернака «Лейтенант Шмидт» (другая его поэма на сходную тему «Девятьсот пятый год»), спектакль З. Я. Корогодского «После казни прошу...». Когда упоминают имя лейтенанта Шмидта, мы представляем обычно молодого, пылкого офицера, возглавившего в 1905 г. восстание на одном из кораблей Черноморского флота. На самом деле Петр Петрович Шмидт (1867—1906) к моменту восстания совсем не молод, ему было около сорока лет, и он уже не лейтенант. Но, хотя

¹ Фельдман К. И. Потемкинское восстание [14—25 июня 1905 г.]: воспоминания участников. А., 1927; Фельдман К. И. Броненосец «Потёмкин»: (воспоминания участника). М., 1938.

об этом сказано в любом справочнике, в нашем сознании он все равно остается молодым лейтенантом.

Родившись в Одессе, в семье потомственного морского офицера, П. П. Шмидт продолжил семейную традицию: окончил Петербургское военно-морское училище, служил на Балтийском флоте, на Тихом океане. В 1898 г., в тридцать с небольшим, уволился в запас в чине лейтенанта. В начале 1904 г., видимо, в связи с Русско-японской войной, его мобилизовали. С января 1905 г. Шмидт командовал одним из миноносцев Черноморского флота. Явно разделял революционные настроения, но большевиком не был. Во время революционных событий в Севастополе Шмидт стал одним из организаторов «Союза офицеров —друзей народа», затем «Одесского общества взаимопомощи моряков торгового флота» (чуть ли не первая профсоюзная организация моряков). Офицер сам себя называл непартийным социалистом, хотя социал-демократов осуждал за недостаточное внимание к требованиям крестьян. Эсеры ему были чужды из-за террора, решительным противником которого он был. Шмидт по взглядам был близок кадетам: он сторонник конституционной монархии, Учредительного собрания, последовательной демократии.

20 октября 1905 г. после речи на похоронах участников Севастопольского восстания Шмидта арестовали. Рабочие избрали моряка пожизненным депутатом Севастопольского совета рабочих депутатов и добились его освобождения из тюрьмы. Высочайшим приказом по Морскому ведомству П. П. Шмидт был уволен от службы капитаном второго ранга в отставке. События разворачивались с молниеносной быстротой. 13 ноября Шмидт принимает, по предложению военной организации социал-демократов Севастополя (большевиков или меньшевиков, не ясно), руководство восстанием на крейсере «Очаков». На следующий день над кораблем поднят красный флаг и вымпел командующего Черноморским флотом. К «Очакову» присоединился броненосец «Пантелеймон» (переименованный «Потёмкин»), еще несколько кораблей. Шмидт телеграммой обратился к Николаю II, призывая к созыву Учредительного собрания, заявляя, что флот перестал подчиняться министрам (но не царю. — П. Р.). Командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин, видимо, стараясь загладить и историю с «Потёмкиным», принял быстрые и решительные меры для подавления восстания. «Очаков» был обстрелян картечью. Восставшие продержались под обстрелом два часа, затем сдались. Шмидт, которого судил военно-морской суд, держался благородно, брал вину на себя, старался смягчить участь других. На суд не был допущен ни один свидетель защиты. Шмидту и трем матросам был вынесен смертный приговор. 19 марта 1906 г. их расстреляли на острове Березань (вблизи Очакова).

Подведем некоторые итоги событиям Первой русской революции и следующих за ней годов. В начале ее либерально ориентированные люди и партии требовали от государственной власти Конституции, формирования выборных представительных органов, свободы печати и собраний. Их требования были сравнительно скромными. Но общественное движение, в связи с упрямым отказом самодержавной власти пойти хотя бы на минимальный компромисс, быстро радикализировалось, что привело в итоге к восстанию огромного масштаба, к социальной революции, прежде всего крестьянской. Либералы революцию не поддержали, были ей враждебны, но они находились у ее истоков.

Крестьяне хотели земли и общинного самоуправления. При этом община за короткое время превратилась из «гаранта общественного порядка, которым она являлась до того момента, <...> в зачинщика крестьянского протеста, оказалась опасной революционной силой и продемонстрировала, насколько сильна была в стране идея особого пути развития, отличного от того, по которому пошел Запад»¹. Выбор такого пути закономерен: Россия не была Западом и сталкивалась с иными, чем он, проблемами. После того как самодержавную власть насильно заставили принять Октябрьский манифест, позволявший сформировать выборные представительные органы и Думу, она поспешила как можно скорее аннулировать значимость вынужденных уступок с помощью многократных роспусков Думы — до тех пор, пока та не превратилась в послушное, бессильное собрание. Все это стало свидетельством хрупкости либеральной элиты — весьма тонкого общественного слоя, сжатого между непримиримостью самодержавия и радикальностью революционного движения. Но это не значит, что между двумя революциями была преемственная связь, что первая была необходимой прелюдией ко второй. Связь существовала, но не простая, не линейная. Чтобы прийти к Октябрю, потребовалось не только обострение того социального напряжения, которое было ощутимо уже в 1905 г. (взорвалось, затем подавлено, но тлело), а прежде всего Первая мировая война.

«Совместные действия левых демократических сил усиливали общий натиск на самодержавие, — считает профессор А. А. Штырбул. — Ни одна из левых политических сил в 1905—1907 годы не могла в одиночку обеспечить победу народа над самодержавием и прийти к власти самостоятельно. Не удалось тогда это сделать и общими усилиями. Однако опыт <...> не пропал даром и оказался востребованным в дальнейшем, принеся результаты в 1917 году: сначала в Феврале, затем в Октябре»².

 $^{^1}$ *Феретти М*. Безмолвие памяти: Россия и революция 1905 года // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 8.

 $^{^2}$ Штырбул А. Левый блок в первой русской революции: исторический опыт и современность: (к столетию первой русской революции) // Альтернативы. 2005. № 1. С. 130.

Что касается опыта левых политических сил, с профессором А. Штырбулом можно вполне согласиться, еще раз добавив, что в левом блоке эсеры и анархисты играли весьма существенную роль. Во многих вопросах они совпадали друг с другом, защищая крестьянские интересы, главным образом не богатых крестьян, а именно бедняков и середняков. При этом внутри оппозиционных левых партий и в отношениях между ними существовал сильный разнобой; программные заявления нередко отличались от совершаемых действий. Тем не менее у большинства этих партий имелись некие этические установки, как и стремление к демократизации, к улучшению положения народа, — за исключением большевиков, с которыми дело обстояло особым образом.

Большевики прежде всего стремились к власти, считая, что эта цель все оправдывает, что все средства хороши для ее достижения. Последнее не значило субъективного осознания сущности своей программы. Большинство верило в ее прогрессивность, в то, что программа выражает подлинные интересы народа, в первую очередь пролетариата. Верило в это, видимо, значительное количество руководителей, но прежде всего рядовые члены партии. Вначале большевиков было немного, они не играли решающей роли: «вся Российская социал-демократическая рабочая партия в начале 1905 года насчитывала приблизительно 8400 членов»¹. Естественно, они не могли играть решающую роль в развернувшихся событиях. Миф о такой роли был создан позднее, в послереволюционное время. Да и рабочий состав ядра этой партии вызывает сомнение. Не из рабочей семьи вышел на историческую арену Владимир Ленин. Большевиками были сын богатого землевладельца-арендатора Лев Троцкий (Бронштейн), сын владельца небольшой молочной фермы Григорий Зиновьев (Радомысльский), сын машиниста, а впоследствии инженера Лев Каменев (Розенфельд). Среди участников революционного движения большевиков было немного, но они умели повернуть в свою пользу сложившиеся обстоятельства, не гнушаясь никакими средствами. Действовали они во имя диктатуры пролетариата, но на самом деле не пролетариата, а своих властных структур, советской партийной и административной бюрократии. Большевики умудрялись присвоить чужие лозунги, взятые у эсеров и анархистов, например, лозунги о земле и мире. Крестьянство и рабочие, не очень разбираясь, кто за что выступал, поверили большевикам, которые пришли к власти и захватили ее на долгие десятилетия, создав миф о прекрасной, счастливой стране, построенной ими после Октябрьской революции.

Мифов было множество. Один из них — что большевики всего лишь ошибаются и не смогут ни удержать власть, ни справиться с огромной страной.

 $^{^1}$ *Будницкий О.* Евреи и революция 1905 года в России: Встреча с народом // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. *С.* 100.

«Допустите, — писали авторы книги с прекрасным эпиграфом "Граждане, немедленно присоединяйтесь к той или иной политической партии!" — что большевики восторжествовали: в уличной схватке они победили толпу ненавистных буржуев (буржуй, по их мнению, — всякий несогласный с их воззрениями, всякий капиталист, всякий интеллигент и носящий шляпу), но справятся ли они вообще с хозяйством страны и питающим его капиталом? Могут ли они легко опрокинуть существующий порядок вещей и водворить над страной знамя социализма? Конечно, нет»¹.

5 января 1918 г. начало работу столь долгожданное Всероссийское учредительное собрание, наконец-то избранное всем населением представительное учреждение страны, первый настоящий парламент. При выборах в него эсеры (по 54 избирательным округам из 79) получили 58% всех голосов, а в отдельных областях еще больше (в Поволжской-Черноземной — 70%, в Сибирской — 75%)². Председателем Учредительного собрания был избран глава партии эсеров В. М. Чернов (244 голоca - 3a, 151 - против)³. Представитель большевиков, Я. М. Свердлов, предложил собранию одобрить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», составленную Лениным. Первоначальный проект Декларации был принят Всероссийским центральным исполнительным комитетом большевиков 3 января 1918 г., а 18 января Декларацию утвердил Третий Всероссийский съезд Советов: создавалась видимость законности. В ходе голосования за обсуждение Декларации большевиков в первый день проголосовало лишь 146 делегатов Учредительного собрания (за порядок, предложенный эсерами, — 237 делегатов). В знак протеста большевики покинули Учредительное собрание. А утром 6 января (заседание длилось всю ночь), когда В. М. Чернов читал проект Основного закона о земле, вооруженные сторонники большевиков заставили прекратить чтение и приказали очистить помещение. «Кто прочтет стенографический отчет об этом заседании, не будет иметь даже отдаленного впечатления о том, что происходило на самом деле», — заметил В. М. Чернов, подробно описавший единственное заседание Учредительного собрания⁴. Произносятся знаменитые слова: «караул устал». Совершился еще один вооруженный переворот, на этот раз против избранных представителей народа.

¹ Большевики и меньшевики // Программы главнейших русских партий. М., 1917. С. 8.

 $^{^2}$ Святицкий Н. В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание. Предисловие // Год русской революции, 1917—1918: сб. ст. М., 1918. С. 112.

³ Учредительное собрание, Россия, 1918: стенограмма и другие документы / Рос. открытый ун-т. М., 1991. С. 73.

⁴ *Чернов В. М.* Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 359–365.

Список сокращений

Аббревиатуры

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской

Академии наук

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской госу-

дарственной библиотеки

ОР РНБ
 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии

наук

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

(с июня 1992 г.; до этого — ЦГА Λ И)

РГИА — Российский государственный исторический архив

РНБ — Российская национальная библиотека

РО ИРЛИ (ПД) — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинско-

го Дома) Российской академии наук

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства

(1954 г. – июнь 1992 г.)

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии

(большевиков)

Сокращения слов

г. (кроме дат) — господин

гр. — граф кн. — князь см. — смотри т., тов. — товарищ цит. по — цитируется по

Именной указатель

- **Абаза** Александр Агеевич (1821–1895) министр финансов (1880–1881) 177
- Абаза Николай Саввич (1837—1901) начальник Главного управления по делам печати (1880—1881), сенатор, член Государственного совета (с 1890) 133
- Адарюков Владимир Яковлевич (1863— 1932) — историк искусства, библиограф и библиофил, музейный деятель 38
- Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) член Комитета по делам книгопечатания (1859–1860) и Главного управления цензуры (1860–1862), Военного совета и Государственного совета (1866), министр императорского двора и уделов (1870–1881) 40
- Азеф Евгений Филиппович (Евно Фешелевич) (1869–1818) один из лидеров партии эсеров и руководителей ее Боевой организации, секретный сотрудник департамента полиции 222, 223, 234
- Айзеншток Иеремия Яковлевич (1900— 1980) — литературовед, критик, переводчик 151
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) публицист, поэт, один из лидеров славянофильского движения, издатель журнала «Русская беседа», газет «Парус», «День», «Москва», «Москвич», «Русь», редактор «Московского сборника» (1852) 19, 27, 47, 56, 65, 69, 93–96, 130, 131, 137
- Аксаков Константин Сергеевич (1817– 1860) — публицист, поэт, литературный критик, историк и лингвист,

- один из лидеров славянофильского движения, издатель газеты «Молва» 19, 93, 94
- Аксаков Николай Петрович (1848—1909) богослов, историк и исследователь церковного права, поэт и публицист 168
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791— 1859) — писатель, литературный и театральный критик; отец К. С., И. С. и В. С. Аксаковых 8
- Аксакова Вера Сергеевна (1819–1864) организатор литературно-общественного салона, мемуаристка; сестра К. С. Аксакова и И. С. Аксакова 17
- Александр II (1818–1881) российский император (с 1855) 15–18, 21, 24, 26, 39, 49, 67, 71, 73, 87, 91–94, 125, 127, 133, 135, 139, 141–144, 147, 149, 155, 175, 178, 201
- Александр III (1845–1894) российский император (с 1881) 139–148, 153, 155, 159, 165, 169, 170, 184
- Александр Александрович, великий князь *см.* Александр III
- Александр Николаевич, император *см.* Александр II
- Алексеев Дмитрий Петрович (1880— 19??) — штурман торгового флота, прапорщик на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», назначен восставшими командиром корабля (1905) 247
- Алексей Александрович (1850–1908) великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, генерал-адмирал 142

- Альбурт Лев Осипович (род. 1945) советский, затем американский шахматист, международный гроссмейстер (1977) 7, 8
- Андреев (псевдоним) *см.* Чернышевский Н. Г.
- Андреев Леонид Николаевич (1871– 1919) — писатель 207
- Андреев Петр Николаевич (1818–1893) геодезист, профессор Института инженеров путей сообщения, редактор «Журнала Министерства путей сообщения», номинальный редактор газеты «Москвич» 131
- Андреевский Павел Аркадьевич (1849/1850–1890) — драматург, журналист, юрист, издатель-редактор газеты «Заря» 165
- Анненков Павел Васильевич (1812/1813— 1887) — литературный критик, историк литературы, мемуарист 148
- Анненский Николай Федорович (1843— 1912) — экономист, статистик, публицист, народник, переводчик и общественный деятель 18
- Аноприева Галина Сергеевна (род. 1941) историк, обществовед 221, 222
- Ансело Жак-Франсуа (Jacques-Arsène-François-Polycarpe Ancelot; 1794— 1854) — французский писатель, драматург; в 1826 г. посетил Российскую империю в свите маршала Огюста Фредерика Луи Мармона, описал путешествие в книге «Six mois en Russie» 38
- Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865—1927) епископ Нарвский, деятель обновленческого раскола; старший член С.-Петербургского духовно-цензурного комитета (1899), член Комиссии по выработке правил о свободе печати (1905) 188
- Антонович Максим Алексеевич (1835– 1918) — литературный критик, публицист, философ 59, 66, 122

- Анучин Дмитрий Николаевич (1843— 1923) — географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед, профессор Московского университета 176
- Аргиропуло Перикл Эммануилович (1839–1862) соавтор прокламации «Молодая Россия», в 1860–1861 гг. вместе с П. Г. Заичневским руководил студенческим кружком, занимавшимся литографированием и распространением запрещенной литературы 72
- Арко (псевдоним) (ок. 1912) журналист 194
- Арсеньев Илья Александрович (1820— 1887) — журналист, издатель-редактор журнала «Заноза», газет «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Новости» 102, 103
- Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) адвокат, литератор, редактор журнала «Вестник Европы» 21, 150, 175, 186, 188
- Арский Павел Александрович (наст. фамилия Афанасьев; 1886–1967) революционер-агитатор, поэт, прозаик 190
- Аршинов Петр Андреевич (Аршинов-Марин; 1887 ок. 1938) член РСДРП, затем анархист; соратник Нестора Махно 229, 230
- Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813— 1879) — писатель, журналист, историк, издатель журнала «Домашняя беседа для народного чтения», переименованного затем в «Домашнюю беседу» 98
- Астров Александр Иванович (1872— 1919) — инженер-гидравлик, профессор Московского технического училища, член Академического союза 212
- Ачкасов Алексей Николаевич (1870 после 1913) журналист, поэт, беллетрист 186
- **Бабель** Исаак Эммануилович (1894– 1940) — прозаик 237

- Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895–1934) поэт 181, 232, 235, 236
- Базилева Зинаида Петровна (1889–1965) историк, специалист по биографии и творчеству А. И. Герцена 28, 29
- Базунов Василий Иванович (17?? –18??) книготорговец, основатель династии московских и петербургских книготорговцев 106
- Базунов Иван Васильевич (1786–1866) книготорговец, сын и компаньон В. И. Базунова 106
- Баймаков Федор Петрович (1831/1834— 1907) — биржевой и банковский деятель, издатель журнала «Финансовое обозрение», газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 130
- Бакунин Михаил Александрович (1814— 1876) — революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества, издатель журналов «Народное дело», «Народная расправа» 224, 225
- Балицкий Всеволод Аполлонович (1892— 1937) — комиссар государственной безопасности 234, 235
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867— 1942) — поэт-символист, переводчик, эссеист 198
- Банов Николай Николаевич (1859–19??) капитан 2-го ранга, командир корабля «Псезуапе» 248
- Барков Иван Семенович (1732–1768) поэт, переводчик Академии наук 135
- Бекетов Владимир Николаевич (1809– 1883) — критик, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (1853–1863) 22
- Бекетов Николай Николаевич (1827— 1911) — физик, химик, профессор Харьковского университета (1859—1887), академик Академии наук (с 1886) 209

- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) литературный критик, публицист, фактический редактор журналов «Московский наблюдатель», «Отечественные записки» 7, 44, 104, 143
- Белоголовый Николай Андреевич (1834— 1895) — врач, общественный деятель, писатель, публицист, редактор газеты «Общее дело» 161, 180
- Бельгард Алексей Валерианович (1861–1942) эстляндский губернатор (1902–1905), начальник Главного управления по делам печати (1905–1912), председатель Санкт-Петербургской городской комиссии по просвещению (1908–1917) 191
- Беляев Александр журналист «Независимой газеты» 236
- Бенкендорф Александр Христофорович (Константин Александр Карл Вильгельм Христофор; 1781/1783–1844) шеф жандармов, начальник III Отделения (с 1826), член Государственного совета и Кабинета министров (с 1831) 38, 39
- Берви-Флеровский Василий Васильевич (наст. имя Вильгельм Вильгельмович Берви, псевдоним Н. Флеровский; 1829—1918) социолог, публицист, экономист и беллетрист, идеолог народничества 163
- Березовский Антон Иосифович (Antoni Berezowski; 1847—1916) — польский участник национально-освободительного движения; 25 мая (6 июня) 1867 г. в Париже совершил покушение на Александра II 71, 139
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941) 236
- Берте Александр Александрович (1809?— 1893) — чиновник Департамента народного просвещения, председатель

- Комитета для пересмотра цензурного устава (1860–1862) 16, 50–52, 77
- Бильбасов Василий Алексеевич (1821— 1904)— историк, публицист, редактор газеты «Голос» 156, 170, 171
- Биншток Владимир Львович (J.-Wladimir Bienstock; 1868–1933) — русско-французский журналист, писатель, переводчик, коллекционер 112
- Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen; 1815—1898) — первый канцлер Германской империи, реализовавший план объединения Германии 178
- Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880) публицист, литературный критик, издатель и редактор журналов «Русское слово» и «Дело» 44, 57, 163
- Блан Луи Жан Жозеф (Louis Jean Joseph Blanc; 1811–1882) — французский социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 г. 159
- Блок Александр Александрович (1880— 1921) — поэт, писатель, публицист, драматург, переводчик, литературный критик 140, 146, 181, 227, 229
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785— 1864) — министр внутренних дел (1832—1838), главноуправляющий II Отделением (1839—1861), председатель Государственного совета (с 1862) и Комитета министров (с 1861); возглавлял Петербургскую академию наук (с 1855) 20, 28, 82, 129
- Блудова Антонина Дмитриевна (1813— 1891) — писательница, хозяйка светского салона, камер-фрейлина, благотворительница 47, 56, 82, 84, 95
- Блюм Арлен Викторович (1933—2011) библиограф, историк книги и цензуры в России и СССР, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств 6, 232, 237

- Блюммер Леонид Петрович (1840/1841– 1888) — писатель, журналист, издатель журнала «Свободное слово», газет «Весть» и «Европеец» 37
- Блюхер Василий Константинович (1890– 1938) — военный, партийный деятель, маршал (1935) 236, 238
- Богданович Александра Викторовна (урожд. Бутовская; ок. 1835—1912) жена генерала Е. В. Богдановича, хозяйка светского салона, автор дневника 171
- Богданович Николай Модестович (1856—1903) начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции (1896), уфимский губернатор (1896—1903) 222
- Боград Владимир Эммануилович (1917— 1986) — литературовед, текстолог, библиограф 158
- Богров Дмитрий Григорьевич (наст. имя Мордко Гершкович; 1887–1911) анархист, секретный осведомитель охранного отделения, смертельно ранил П. А. Столыпина 207
- Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич (1860–1915) писатель, публицист, издатель, историк революционного движения в России, археограф, переводчик, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы» 148
- Бок Мария фон (урожд. Столыпина; 1885–1985) — старшая дочь П. А. Столыпина, мемуаристка 207
- Болгарин Игорь Яковлевич (род. 1929) писатель, киносценарист, режиссер, педагог 233
- Болдырев Алексей Васильевич (1780– 1842) — востоковед, ректор Московского университета (1832–1837), цензор Московского цензурного комитета (1833–1836) 8
- Бор К. [? Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920)] — правовед, философ, социолог 153

- Боровиковский Александр Львович (1844– 1905) — юрист, правовед, поэт 159
- Бородин Иван Парфеньевич (1847—1930) ботаник, физиолог, профессор Санкт-Петербургского университета, (с 1880), ординарный академик Академии наук (с 1902) 213
- Боткин Василий Петрович (1811–1869) художественный критик, переводчик, публицист 150
- Бракман Роман Яковлевич (Roman Brackman; род. 1931) американский журналист, историк 235
- Бржезовский Анатолий Петрович (1879— 1938) — меньшевик, представитель Одесского комитета РСДРП 246
- Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) дипломат, российский посол в Великобритании 33
- Брут Марк Юний (Marcus Junius Brutus; 85 до н. э. – 42 до н. э.) — римский политический деятель и военачальник, убийца Гая Юлия Цезаря 29, 33, 35
- Будберг Андрей Федорович (1817–1881) дипломат, российский посол в Берлине, Вене и Париже 27
- Будённый Семен Михайлович (1883— 1973) — военачальник, командующий Первой Конной армией в годы Гражданской войны, маршал 237, 238
- Будилович Антон Семенович (1846— 1908) — филолог, славист, публицист; ректор Варшавского (1890—1892) и Дерптского (1892—1901) университетов 209
- Будницкий Олег Витальевич (род. 1954) историк, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН 252
- Булгарин Фаддей Венедиктович (урожд. Ян Тадеуш Кшиштоф Булгарин; Jan Tadeusz Krzysztof Bułharyn; 1789– 1859) — писатель, журналист, критик, издатель журналов «Северный архив»,

- «Литературные листки», «Сын Отечества», газеты «Северная пчела» 77
- Булыгин Александр Григорьевич (1851– 1919) — министр внутренних дел (1905), член Государственного совета 188, 193, 202, 203
- Бунге Николай Христианович (Nikolai Karl Paul von Bunge; 1823–1895) экономист, академик, министр финансов (1882–1886), председатель Комитета министров и член Государственного совета (1887–1895) 143, 177
- Буренин Виктор Петрович (1841–1926) театральный и литературный критик, публицист, поэт-сатирик, драматург 106, 176, 177
- Бутков Владимир Петрович (1813–1881) статс-секретарь (с 1851), государственный секретарь (1854–1865) 29
- Быков Петр Васильевич (1844–1930) поэт, прозаик, переводчик, историк литературы, библиограф, мемуарист 16, 135
- **В. Б-н** (псевдоним) *см.* Буренин Виктор Петрович
- Вакуленчук Григорий Никитич (1877— 1905) — артиллерийский унтер-офицер Черноморского флота, активный участник восстания на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» (1905) 241, 242
- Валуев Петр Александрович (1815–1890) министр внутренних дел (1861–1868), член Государственного совета (с 1868) 15, 16, 19, 20, 30, 34, 43, 45–48, 50, 53, 54, 56, 60, 66, 67, 77, 80, 81, 83–87, 96, 98–109, 112, 114–116, 118–121, 123–127, 129, 130, 133, 134, 147, 148
- Варадинов Николай Васильевич (1817— 1886) — юрист, редактор «Журнала Министерства внутренних дел», газеты «Северная почта»; чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел (1862—1865), член

- Главного управления по делам печати (1865—1883) 103
- Василев Пано (1901–1933) болгарский анархист, оратор, полемист 225
- Вацуро Вадим Эразмович (1935–2000) литературовед, историк литературы 6. 31
- Ведров Владимир Максимович (1824— 1892)— преподаватель истории, цензор (1860–1892) 84
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855— 1920) — историк литературы, критик 47, 135, 137, 170
- Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фамилия Смидович; 1867–1945) — писатель, переводчик, литературовед 199
- Вернадский Владимир Иванович (1863— 1945) — геолог, минералог, биогеохимик, кристаллограф, историк науки, профессор Московского университета (1898—1911), ординарный академик Академии наук (с 1912) 216
- Вернадский Иван Васильевич (1821— 1884) — статистик и экономист, профессор Московского университета; чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел в Санкт-Петербурге (1856), издатель журналов «Экономист», «Биржевой указатель», еженедельника «Экономический указатель» 57
- Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) историк, теоретик литературы, фольклорист, ординарный академик Академии наук (с 1881) 209
- Веселовский Константин Степанович (1819—1901) экономист, непременный секретарь Академии наук (1857—1890), член Комиссии по составлению нового законоположения о печати (1862), редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» 53
- Винавер Максим Моисеевич (1863— 1926) — юрист, публицист, член «Союза освобождения», член ЦК партии

- кадетов (1905), редактор журнала «Вестник гражданского права», газеты «Последние новости» 213, 216
- Виноградов Павел Гаврилович (1854— 1925) — историк-медиевист, правовед 213
- Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) историк, профессор Московского государственного университета 175
- Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867—1918) юрист, сотрудник политического сыска, чиновник особых поручений при министре внутренних дел (1908), вице-директор Департамента полиции (1909—1910) 234
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915) министр путей сообщений (1892), финансов (с 1892), председатель Кабинета министров (с 1903), Совета министров (1905–1906) 142, 148, 206, 217, 222
- Владимир Александрович (1847—1909) великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, командующий войсками Гвардейского корпуса и Петербургского военного округа (1881), главнокомандующий (1884), член Комитета министров, Государственного совета (1872) 142, 146
- Волин Всеволод Михайлович *см.* Эйхенбаум Всеволод Михайлович
- Вольперт Лариса Ильинична (род. 1926) филолог, профессор (с 1993 профессор-эмеритус) Тартуского университета, международный гроссмейстер по шахматам среди женщин (1978) 7, 9, 10, 13
- Ворошилов Климент Ефремович (1881– 1969) — военачальник, участник Гражданской войны, маршал 236–238
- Врангель Петр Николаевич (1878—1928) военачальник, один из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, главнокомандующий Русской армии в Крыму и Польше (1920) 230, 231

- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831— 1895) — ученый-механик и государственный деятель, министр финансов (1887—1892) 144
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) поэт, литературный критик, мемуарист; товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры (1855–1858), сенатор (1855), член Государственного совета (с 1866) 26, 41, 43
- Гагарин Павел Павлович (1789—1872) председатель Комитета министров (1864—1872), председатель Верховного уголовного суда по делу Каракозова (1866) 126
- Гайдн Франц Йозеф (Franz Joseph Haydn; 1732–1809) — австрийский композитор, представитель венской классической школы 27
- Галилей Галилео (Galileo Galilei; 1564— 1642) итальянский физик, механик, астроном, философ и математик, сторонник гелиоцентрической системы мира 136
- Гамбаров Юрий (Георгий) Степанович (1850–1926) — юрист-правовед, профессор Московского университета 213
- Гамбетта Леон (Léon Gambetta; 1838– 1882) — французский политик-республиканец, премьер-министр и министр иностранных дел Франции (1881– 1882) 159
- Ганелин Рафаил Шоломович (1926—2014) историк, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН 186
- Ганфман (Ипполитов) Максим Ипполитович (1872–1934) журналист, юрист; издатель журнала «Современная иллюстрация» и газеты «Современное слово», редактор газеты «Наша жизнь»,

- еженедельника «Неделя "Современного слова"», рижской газеты «Сегодня» 187
- Гаршин Всеволод Михайлович (1855— 1888) — писатель, поэт, художественный критик 173
- Гатцук Алексей Алексеевич (1832–1891) археолог, публицист, писатель, издатель «Газеты Гатцука» 154, 166
- Георгиевский Александр Иванович (1830—1911) — журналист, председатель ученого комитета и член совета министра народного просвещения, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» 127
- Гергард Вольфганг (Wolfgang Gerhardt; ок. 1858–1880) немецкий издатель журнала «Правдолюбивый» (Лейпциг) 37
- Гершуни Григорий Андреевич (наст. имя Герш Исаак Ицкович; 1870–1908) глава Боевой организации эсеров (1901–1903) 222
- Герцен Александр Иванович (1812—
 1870) публицист, основатель Вольной русской типографии (Лондон), книгоиздатель, издатель (совместно с Н. П. Огарёвым) альманаха «Полярная звезда», сборников «Голоса из России», газеты «Колокол», листка «Под суд!» 28–37, 48, 67, 71, 73–76, 78–80, 87–89, 93, 97, 101, 105, 108, 200, 215, 219
- Гёте Иоганн Вольфганг фон (Johann Wolfgang von Goethe; 1749–1832) немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель, естествоиспытатель 25
- Гиллельсон Максим Исаакович (1915— 1987) — литературовед, историк литературы 6, 31
- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887) — публицист, богослов, философ, литературный критик, цензор Московского цензурного комитета

- (1856-1862), издатель газеты «Современные известия», редактор журнала «Радуга» 147
- Гиляровский Владимир Алексеевич (1855–1935) — писатель, журналист, бытописатель Москвы 154, 170
- Гирс Алексей Федорович (1871–1958) киевский (1908–1911), минский (1912– 1915) и нижегородский (1915–1918) губернатор 207
- Гирс Николай Карлович (1820–1895) дипломат, министр иностранных дел (1882–1895), статс-секретарь (1879) 143, 177
- Глазов Владимир Гаврилович (1848— 1920?) — министр народного просвещения (1904—1905), генерал, член Военного совета (1909—1918) 212
- Гловиньский Михал (Michał Głowiński; род. 1934) — польский литературовед, писатель 196
- Гоголь (Гоголь-Яновский) Николай Васильевич (1809—1852)— прозаик, драматург, поэт, критик, публицист 44, 104
- Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, прозаик, публицист, почетный академик (1900), действительный член Академии наук (1905) 188
- Голиков Евгений Николаевич (1854— 1905) — капитан 1-го ранга, командир броненосца «Князь Потёмкин-Таврический», убит во время восстания на корабле 247
- Головин Иван Гаврилович (1816–1890) публицист, автор ряда сочинений о России на французском и немецком языках, издатель журналов «Стрела», «Благонамеренный» 37
- Головин Федор Александрович (1867— 1937) — земский деятель, председатель Второй Государственной думы, один из основателей и член ЦК партии кадетов 216, 218

- Головнин Александр Васильевич (1826—1886) министр народного просвещения (1861—1886) 16, 19, 30—32, 35, 36, 40, 50—54, 56, 60, 66, 67, 76, 77, 81, 82, 84—87, 95, 96, 98—100, 102, 107, 109, 110, 112—116, 119, 122, 126, 150
- Голостенов Марк Евгеньевич историк, архивист 184
- Гольцев Виктор Александрович (1850— 1906) — публицист, литературный критик, доцент Московского университета, редактор журналов «Юридический вестник», «Русская мысль», редактор газеты «Русский курьер» 154, 164, 175, 176
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891) писатель и литературный критик, цензор (1856), член Совета по делам книгопечатания (1863), Совета Главного управления по делам печати (1865—1867), редактор газеты «Северная почта» 8, 41, 48, 88, 103
- Горев Борис Исаакович (Гольдман; 1874–1937/1938?) — политик, публицист, литературный критик 151
- Горемыкин Иван Логгинович (1839— 1917) — председатель Совета министров (1906 и 1914—1916), министр внутренних дел (1895—1899), член Государственного совета (с 1899) 203
- Городницкий Роман Александрович (род. 1967) историк 222
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — министр иностранных дел (1856–1882), канцлер, член Государственного совета 16, 27, 29, 40, 42, 82, 87
- Горький Максим (наст. имя Пешков Алексей Максимович; 1868—1936) писатель, прозаик, драматург; возглавлял издательства «Знание», «Парус», «Всемирная литература» (1902—1921), издатель журналов «Летопись», «Беседа», редактор журналов «Северное сияние», «Литературная учеба», «Наши достижения», «За рубежом», «СССР

- на стройке», газет «Звезда», «Правда», «Новая жизнь» и др. 138, 175
- Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) профессор права, публицист, редактор газеты «Харьковские губернские ведомости» 195
- Грачёв Виктор Иванович (1840—1906) купец 1-й гильдии, глава торгового дома «В. И. Грачёв и К°», типограф (ок. 1859—1876) 135
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941) историк, медиевист, педагог, краевед 214
- Грибоедов Александр Сергеевич (1791– 1829) — дипломат, поэт, драматург, композитор 89
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета, член Совета министра внутренних дел (с 1868), начальник Главного управления по делам печати (1874—1880), издатель журнала «Северное обозрение», редактор газеты «Правительственный вестник» 67, 138
- Громека Степан Степанович (1823— 1877) — писатель, публицист, жандармский офицер, затем начальник отделения Министерства внутренних дел, редактор газеты «Листок» Русского общества пароходства и торговли в Одессе 41, 47, 64
- Громова Людмила Петровна (род. 1952) историк журналистики, профессор Санкт-Петербургского государственного университета 35, 37
- Гудзий Николай Каллиникович (1887— 1965) — литературовед, историк литературы 170
- Гуль Роман Борисович (1896—1986) писатель, эмигрант, публицист, историк, критик, мемуарист 236—239
- Гурлянд Илья Яковлевич (1868–1921) публицист, историк, поэт, драматург,

- чиновник Министерства внутренних дел (1904–1917), редактор газеты «Россия» 206
- Гюго Виктор Мари (Victor Marie Hugo; 1802–1885) французский писатель, поэт, драматург 63, 100, 171
- **Давыдов** Юрий Владимирович (1924— 2002) писатель 140
- Дамье Вадим Валерьевич (род. 1959) историк, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН 225–227
- Дараган Петр Михайлович (1800–1875) тульский военный и гражданский губернатор (1850–1865) 82
- Дарвин Чарлз Роберт (Charles Robert Darwin; 1809–1882) английский натуралист и путешественник, основоположник эволюционного учения 135–137
- Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) поэт, издатель «Литературной газеты», альманахов «Северные цветы», «Подснежник» 31
- Делянов Иван Давидович (1817/1818— 1897) — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1858—1861), член Совета Главного управления цензуры (1860), товарищ министра народного просвещения (с 1866), затем министр (с 1882), директор Императорской Публичной библиотеки (1861—1882) 44, 143, 144, 174
- Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986) историк журналистики, критик, редактор 165
- Деникин Антон Иванович (1872–1947) военный деятель, генерал-лейтенант (1916), главнокомандующий Добровольческой армией (1918–1919) и Вооруженными силами Юга России (1919) 230, 231, 239, 249
- Денисенко Денис журналист «Независимой газеты» 236

- Дервиз Павел Григорьевич фон (1826— 1881) — концессионер, строитель железных дорог, меценат 146
- Дионео (псевдоним) *см.* Шкловский Исаак Владимирович
- Добровольский Лев Михайлович (1900— 1963) историк, архивист, библиограф 169–171
- Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) — литературный критик, поэт, публицист 7, 21, 23, 35, 43, 44, 70, 172, 175
- Долгоруков Василий Андреевич (1804— 1868) — военный министр (1853–1856), начальник III Отделения (1856–1866) 19, 35, 44, 48, 96, 126
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810— 1891) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор (1865—1891) 153
- Долгоруков Петр Владимирович (1816— 1868) — историк и публицист, специалист по русской генеалогии, издатель газет «Будущность», «Будильник», «Le Véridique», «Правдолюбивый», «Листок» 37
- Долгоруков Петр Дмитриевич (1866— 1951) земский деятель, член «Союза земцев-конституционалистов» (1903), «Союза освобождения» (1904), ЦК партии кадетов, издатель журнала «Освобождение» 216
- Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) писатель, переводчик, драматург; издатель журналов «Время» и «Эпоха» 57, 65
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) писатель, публицист, издатель журналов «Время» и «Эпоха», редактор газеты-журнала «Гражданин», издатель «Дневника писателя» 57, 65, 75, 91, 92, 178
- Дризен Николай Васильевич (1858– 1935) — историк театра, цензор драма-

- тических сочинений, редактор «Ежегодника Императорских театров» 6
- Дубасов Федор Васильевич (1845—1912) военный моряк, адмирал (1906), московский генерал-губернатор (1905—1906) 222
- Дубинский-Мухадзе Илья Моисеевич (1911–1986) — писатель-биограф 234
- Дудышкин Степан Семенович (1820— 1866) — журналист, литературный критик; редактор журнала «Отечественные записки» 57
- Дурново Иван Николаевич (1834—1903) министр внутренних дел (1889—1895), председатель Комитета министров (1895—1903) 166, 167, 170, 171, 174, 176, 178
- Дурново Иван Сергеевич (1886–1888) публицист, издатель журнала «Дело» 163
- Дурново Николай Николаевич (1842— 1919)— издатель, публицист, издатель-редактор газеты «Восток» 163
- Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) политик, военный, 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР, командарм 2-го ранга (1935) 231
- Евгеньев-Максимов (Максимов) Владислав Евгеньевич (1883—1955) — литературовед, профессор Ленинградского государственного университета; специалист по жизни и творчеству Н. А. Некрасова и истории русской журналистики 21, 23, 70, 122, 126
- Екатерина II (Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796) российская императрица (1762–1796) 44, 170, 171
- Елена Павловна (урожд. Friederike Charlotte Marie Prinzessin von Württemberg; 1806–1807) великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича 138

- Елисеев Григорий Захарович (1821— 1891) — публицист, редактор журнала «Отечественные записки», газет «Век» и «Очерки» 54, 157, 160
- Ермаченко Игорь Олегович (род. 1961) историк 199, 200
- Ерофеев Николай Дмитриевич (1939— 2017) — историк, профессор Московского государственного университета 221, 222
- Желябов Андрей Иванович (1851–1881) народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II 157
- Жирков Геннадий Васильевич (род. 1936) историк журналистики, Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета 17, 30, 131, 133, 185, 187, 193, 194
- Заичневский (Зайчневский) Петр Григорьевич (1842—1896) народник, соавтор прокламации «Молодая Россия» 72, 176
- Зайончковский Петр Андреевич (1904— 1983) — историк, источниковед, археограф, библиограф 20, 89, 145–147, 150, 155, 156, 159, 160, 164, 165–168, 170, 171, 173–177
- Закревский Арсений Андреевич (1783— 1865) — генерал-губернатор Финляндии (1823—1831), министр внутренних дел (1828—1831), московский генералгубернатор (1848—1859) 19
- Залеман Карл Германович [Генрихович] (Carl Gustaf Hermann Salemann; 1849–1916) филолог-иранист, ординарный академик Петербургской Академии наук (с 1896) 213
- Заленский Владимир Владимирович (1847—1918) зоолог, эмбриолог, директор Зоологического музея

- Академии наук (с 1897) и Севастопольской биологической станции (с 1901), ординарный академик (с 1897) 213
- Западов Александр Васильевич (1907— 1998) — историк журналистики, писатель 165
- Зарин Ефим (Ефимий) Федорович (1829— 1892) — переводчик, литературный критик, чиновник Министерства путей сообщения 117
- Зельдич Юрий Владимирович (род. 1928) автор исторических эссе 107, 134
- Зиновьев Василий Павлович (род. 1949) историк, профессор Томского государственного университета 205
- Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия Радомысльский; 1883—1936) политический и государственный деятель, редактор газет «Социал-демократ», «Вперед», «Пролетарий», «Правда» 252
- Златовратский Александр Петрович (?–1863) — однокурсник Н. А. Добролюбова, преподаватель географии в рязанской гимназии 43
- Змиев-Младенцев Михаил (псевдоним) cм. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович
- Зубкова Елена Юрьевна (род. 1959) историк, научный сотрудник Института истории РАН 243–248
- **И-р** (псевдоним) *см.* Герцен Александр Иванович
- Ибсен Генрик Юхан (Henrik Johan Ibsen; 1828–1906) — норвежский драматург, поэт, публицист 171
- Иванов Анатолий Евгеньевич (род. 1936) историк, главный научный сотрудник Института российской истории РАН 209, 212, 213
- Иванов Иван Иванович (?–1869) студент Петровской (земледелия и лесно-

- го хозяйства) академии, член революционной организации «Народная расправа» 91
- Ивич М. (псевдоним?) (ок. 1914) эсер 222
- И-вичъ С. (псевдоним) *см.* Уманец Сергей Игнатьевич
- Игнатьев Николай Павлович (1832— 1908) — министр внутренних дел (1881—1882), член Государственного совета 149, 180
- Ильф Илья Арнольдович (наст. имя Иехиел-Лейб Арьевич Файнзильберг; 1897—1937) писатель, журналист, сценарист, редактор журнала «Синдетикон» 249
- Исаков Николай Васильевич (1821—
 1891) попечитель Московского
 учебного округа (1859—1863); главный
 начальник военно-учебных заведений
 России (1863—1881), председатель
 Московского цензурного комитета
 (1859—1860) 28, 45
- Искандер (псевдоним) *см.* Герцен Александр Иванович
- Искандер Фазиль Абдулович (1929– 2016) — писатель, поэт 234
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818– 1885) — историк, правовед, психолог, социолог, публицист 75
- Каляев Иван Платонович (1877—1905) член Боевой организации эсеров; участвовал в покушении на министра внутренних дел В. К. Плеве (1904), убийца великого князя Сергея Александровича (1905) 221
- Каменев Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд; 1883—1936) — партийный и государственный деятель, редактор газет «Правда», «Пролетарий» 252
- Каменский Дмитрий Иванович (1818– 1880) — журналист, переводчик, цензор, член Главного управления по

- делам печати (1868–1880), редактор газеты «Северная почта» 103
- Камков Борис Давидович (наст. фамилия Кац; 1885–1938) — член Боевой организации эсеров, один из создателей партии левых эсеров 224
- Камо *см.* Тер-Петросян Симон Аршакович
- Каптан Николай Николаевич (род. 1964) украинский кинорежиссер 233
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич (род. 1939) — социолог, политолог, публицист 217
- Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) — революционер, совершил 4 апреля 1866 г. покушение на императора Александра II 67, 71, 122, 125, 126, 130, 131, 139, 144
- Кардашев Юрий Павлович (род. 1931) морской офицер, историк, сотрудник военно-исторического архива (РГВИА) 242, 245
- Кареев Николай Иванович (1850— 1931) — историк, социолог, членкорреспондент Петербургской академии наук (с 1910); депутат Первой Государственной думы, мемуарист, редактор сборника Исторического общества при Санкт-Петербургском университете «Историческое обозрение» 213
- Кармелюк (Кармалюк) Устим Якимович (1787–1835) украинский крестьянин, предводитель крестьянского движения (1813–1835) 228
- Кассий (Гай Кассий Лонгин; Gaius Cassius Longinus; до 85 42 гг. до н. э.) древнеримский государственный деятель, один из убийц Гая Юлия Цезаря 29, 33, 35
- Катков Михаил Никифорович (1818— 1887) — профессор философии в Московском университете, издатель-редактор газеты «Московские ведомости»,

- журнала «Русский вестник», еженедельника «Современная летопись» 15, 18, 19, 35, 36, 41, 54, 62–64, 67, 76–87, 97, 103, 113, 114, 123–128, 130, 134, 137, 140, 142–144, 146, 150, 151, 156, 157, 159, 161, 165, 166, 176–178
- Каханов (Коханов) Иван Васильевич (1845 – после 1906) — генерал-лейтенант (с 1901), командующий Одесским военным округом (1904—1905) 244
- Кеворков Степан Агабекович (наст. фамилия Геворкянц; 1903–1991) — актер, кинорежиссер 233
- Кельнер Виктор Ефимович (род. 1945) историк, книговед, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Европейского университета в Санкт-Петербурге 175
- Керенский Александр Федорович (1881—1970) юрист, политик, министр юстиции, военный министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917), редактор газеты «Дни» 223, 224
- Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) историк, публицист, политический деятель, один из редакторов журнала «Русская мысль» 208
- Киреевский Иван Васильевич (1806— 1856) — философ, литературный критик, публицист, теоретик славянофильства, издатель журнала «Европеец», редактор журнала «Москвитянин» 93
- Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872) член Государственного совета (1834), министр государственных имуществ (1837–1856), российский посол во Франции (1856–1862) 38
- Ключевский Василий Осипович (1841— 1911) — историк, профессор Московской духовной академии и Московского университета, ординарный академик (с 1900), почетный академик (с 1908) 175, 188, 209

- Клюшников Виктор Петрович (1841— 1892) — писатель, издатель журнала «Кругозор», редактор журналов «Нива», «Русский вестник» 88
- Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) историк, библиограф, директор Императорской Публичной библиотеки (1902–1918), председатель Особого совещания для составления нового устава о печати (1905) 187, 188
- Ковалевский Евграф Петрович (1790— 1867) — попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета, министр народного просвещения (1858—1861) 15, 16, 25, 27, 39, 40, 42—45, 49, 95
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) историк, юрист, социолог, академик Петербургской академии наук (1914), член Первой Государственной думы и Государственного совета, издатель журналов «Критическое обозрение», «Вестник Европы», газеты «Страна» 213, 215
- Кокорев Василий Александрович (1817— 1889) — предприниматель, меценат, коммерции советник (1851), видный общественный деятель и публицист 19
- Кокошкин Федор Федорович (1871— 1918) — правовед, один из основателей партии кадетов, депутат Первой Государственной думы (1906), 201
- Колбасин Елисей Яковлевич (1831–1885) писатель, критик, историк литературы 23
- Колпенский Владимир Васильевич (1871–19??) историк 162
- Кольцов Анатолий Васильевич (1927—2000) историк, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (с 1967) 213

- Комаров Виссарион Виссарионович (1838—1907) участник Русско-турецкой войны (1877—1878), полковник; журналист, издатель журналов «Звезда», «Славянские известия», «Русский вестник», газет «Русский мир», «Свет», редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 147
- Комин Владимир Васильевич (1920— 1997) — историк, профессор, затем ректор Тверского (Калининского) педагогического института 231
- Комков Геннадий Данилович (род. 1925) историк, директор издательства «Наука» (1970–1986) 213
- Кони Анатолий Федорович (1844—1927) юрист, судебный оратор, литератор, член Государственного совета (1907—1917), профессор Петроградского университета (1918—1922) 188
- Константин Константинович (1858— 1915) великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, президент Петербургской Академии наук (с 1889), главный начальник (1900), затем генерал-инспектор (1910) военно-учебных заведений 142, 212, 213
- Константин Николаевич (1827—1892) великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, управлял Морским министерством (с 1852), наместник в Царстве Польском (1862—1863), член (с 1850), затем председатель (1865) Государственного совета 19, 20, 25, 45, 80, 119, 141, 142
- Конт Огюст (Isidore Marie Auguste François Xavier Comte; 1798–1857) французский философ, родоначальник позитивизма 134
- Коперник Николай (Mikołaj Kopernik; 1473–1543) — польский астроном, математик, механик, экономист, каноник эпохи Возрождения; автор гелиоцентрической системы мира 136

- Корелин Авенир Павлович (род. 1933) историк, сотрудник Института истории РАН 205
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) военный разведчик, дипломат, путешественник-исследователь; Верховный главнокомандующий Русской армии (1917) 219
- Корогодский Зиновий Яковлевич (1926–2004) театральный режиссер, педагог 249
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) писатель, публицист, издатель-редактор журнала «Русское богатство» 173, 175
- Короленко С. А. журналист 199
- Корф Модест Андреевич (1800–1876) историк, директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861), председатель «Комитета 2-го апреля 1848 года», главноуправляющий II Отделением (1861–1864) 20, 29, 30, 42, 43, 48, 118–120
- Корф Николай Александрович (1834— 1883) — педагог, организатор земских школ, публицист 122
- Корчной Виктор Львович (1931–2016) советский, затем швейцарский шахматист, гроссмейстер (1956) 7
- Корш Валентин Федорович (1828–1883) публицист, историк литературы, переводчик, издатель журнала «Заграничный вестник», редактор газет «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северный вестник» 67, 107, 122, 128–130
- Косиор Станислав Викентьевич (1889—1939) партийный и государственный деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Украины (1928—1938) 235
- Костомаров Николай Иванович (1817— 1885) — историк, писатель, один из руководителей Кирилло-Мефодиев-

- ского общества, соиздатель журнала «Вестник Европы» 44
- Котовский Григорий Григорьевич (1923— 2001) — востоковед-индолог, историк, сын Г. И. Котовского 236
- Котовский Григорий Иванович (1881— 1925) — военный и политический деятель, участник Гражданской войны 181, 197, 228, 235—240
- Кошелев Александр Иванович (1806— 1883) — публицист, славянофил, издатель-редактор журналов «Русская беседа», «Сельское благоустройство» 19, 93
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889) соиздатель журнала «Современник» (1837), издатель журнала «Отечественные записки», газеты «Голос», редактор «Журнала Министерства народного просвещения», газет «Русский инвалид», «Литературные прибавления к "Русскому инвалиду"», «Литературная газета», «Санкт-Петербургские ведомости» 57, 64, 107, 128, 133, 147, 156, 157, 159, 160
- Краснов Петр Николаевич (1869–1947) военный корреспондент, затем генерал, атаман Всевеликого Войска Донского, писатель 225
- Крестовский Всеволод Владимирович (1840–1895) поэт, прозаик, журналист, военный корреспондент, редактор газет «Военно-летучий листок», «Варшавский дневник» 88
- Кривенко Сергей Николаевич (1847— 1906) — публицист, народник, редактор журналов «Русское богатство», «Новое слово» 157, 160
- Криворучко Николай Николаевич (1887— 1938) — командир Красной армии, соратник Г. И. Котовского 237
- Кригер Александр Христианович (1848— 1918?) — адмирал, временно исполнял обязанности главного командира Севастопольского порта (1903—1905),

- главный командир Черноморского флота (с 1905) 244
- Кромвель Оливер (Oliver Cromwell; 1599— 1658)— английский государственный деятель, полководец, руководитель Английской революции 217
- Кропоткин Петр Алексеевич (1842— 1921) — географ, геоморфолог, историк, публицист; теоретик анархизма 225, 226, 230
- Крузе Николай Федорович, фон (1823– 1901) — писатель, цензор Московского цензурного комитета (1855–1859) 19
- Кузминский Александр Михайлович (1844—1917) юрист, сенатор, муж Т. А. Берс (1846—1925), младшей сестры С. А. Толстой 170
- Кузьменко Галина Андреевна (1892— 1978) — учительница, мемуаристка, жена Н. И. Махно 229
- Кулишер Михаил Игнатьевич (1847— 1919) — адвокат, публицист, этнограф, издатель-редактор журнала «Рассвет», редактор газет «Правда» (1880), «Заря» 165
- Кулябко Николай Николаевич (1873— 1920) — жандармский офицер, начальник Киевского охранного отделения (1907—1911) 207
- Куприн Александр Иванович (1870— 1938) — писатель, редактор газет «Свободная Россия», «Вольность», «Петроградский листок», «Приневский край» 198
- Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) генерал, военный министр (1898—1904); в Русско-японскую войну командовал русскими войсками в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене 198
- Курочкин Василий Степанович (1831— 1875) — поэт, переводчик, издательредактор журнала «Искра», редактор журнала «Азиатский вестник» 98

- Курочкин Николай Степанович (1830— 1884) — поэт, переводчик, публицист, соредактор журнала «Искра», редактор журналов «Иллюстрация», «Книжный вестник», альманаха «Невский сборник» 98
- Кушелёв-Безбородко Григорий Александрович (1832–1870) — прозаик, меценат; издатель журнала «Русское слово» 44, 57, 59
- Кэре Г. К. см. Кэри Генри Чарльз
- Кэри Генри Чарльз (Henry Charles Carey; 1793–1879) — американский экономист, советник президента Авраама Линкольна по экономике 90
- **Лавров** Петр Лаврович (1823—1900) социолог, философ, публицист и революционер-народник, историк, издательредактор журнала «Вперед!», редактор журнала «Вестник "Народной воли"» 163, 176, 179
- Ламсдорф Владимир Николаевич (1844— 1907) — дипломат, министр иностранных дел (1900–1906) 248
- Ланской Сергей Степанович (1797–1862) министр внутренних дел (1855–1861) 30, 45
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) историк, ординарный академик (с 1905) 209
- Лафонтен Жан де (Jean de La Fontaine; 1621–1695) — французский баснописец 29
- Левшин Борис Венедиктович (1926— 2012) — историк, архивист, источниковед, директор архива Академии наук (1963–2003) 213
- Лемке Михаил Константинович (1872— 1923) — историк русской журналистики, цензуры и революционного движения; заведующий историческим отделом издательства М. В. Пирожкова (1903—1904); военный цензор

- (1915–1916); председатель правления треста «Петропечать» (1922–1923), редактор журналов «Книга», «Книга и революция», газет «Орловский вестник», «Приднепровский край» 6, 18–28, 30–32, 39–46, 48, 50–55, 57, 59, 66, 70, 72, 77, 82, 87, 93, 95, 100, 101, 105, 107, 109–116, 120, 194, 195
- Ленин Владимир Ильич (наст. фамилия Ульянов; 1870–1924) политический и государственный деятель, создатель РСДРП, один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России, редактор газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Социал-демократ», «Рабочая газета», «Правда» и др. 78, 88–90, 179, 180, 182, 200, 219, 230, 233, 252, 253
- Леонов Михаил Иванович (род. 1940) историк, профессор Самарского государственного университета 223
- Леонтьев Владимир Николаевич (182?— 1873) — публицист, писатель, редактор журналов «Искра», «Современное слово», газеты «Русский инвалид» 97, 98
- Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) публицист, литературный критик, писатель, философ, цензор Московского цензурного комитета (1880—1887), редактор газеты «Варшавский дневник» 97, 163
- Леонтьев Павел Михайлович (1822— 1875) — журналист, филолог, профессор Московского университета, соиздатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» 80, 81, 87, 125, 134, 137
- Леотар Жюль (Jules Leotard; 1838/1842– 1870) — французский спортсмен и изобретатель 45
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814– 1841) — поэт 45, 181, 198, 228, 229
- Аесков Николай Семенович (1831–1895) писатель, член учебного отдела

- Ученого комитета Министерства народного просвещения (1874–1883) 75, 88, 165, 170
- Летенков Эдуард Васильевич (род. 1946) историк, профессор Санкт-Петербургского государственного университета 191
- Лисовский Николай Михайлович (1854—1920) библиограф, книговед, педагог, издатель-редактор журнала «Библиограф», редактор журнала «Российская библиография» 184
- Литке Федор Петрович (1797–1882) мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал (1855), президент Академии наук (1864–1882) 48
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823— 1875) — писатель, поэт, мемуарист, библиограф, историк литературы, начальник Главного управления по делам печати (1871—1874) 67, 135—138
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1824/1825–1888) генерал, астраханский, саратовский и самарский, затем харьковский генерал-губернатор, министр внутренних дел (1880–1881) 144
- Аучицкий Иван Васильевич (1845—1918) историк, социолог, публицист, профессор Киевского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1908) 213
- Аьвов-Рогачевский Василий Аьвович (наст. фамилия Рогачевский; 1874—1930) литературовед, критик 195
- Аюбимов Николай Алексеевич (1830— 1897) — публицист, физик, математик, профессор Московского университета, фактический редактор журнала «Русский вестник» 124, 125, 160
- Аяпунов Александр Михайлович (1857— 1918) — математик, механик, профессор Харьковского университета, ординарный академик (с 1901) 213

- Макаров Степан Осипович (1848/1849—1904) океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал (1896); командующий Тихоокеанской эскадрой (1904) 198
- Макдональд Джеймс Рамсей (James Ramsay MacDonald; 1866–1937) премьер-министр Великобритании (1924, 1929–1931, 1931–1935), один из лидеров и основателей лейбористской партии 238
- Маклаков Николай Алексеевич (1871– 1918) — министр внутренних дел (1913–1915), член Государственного совета 194
- Маков Лев Саввич (1830—1883) министр внутренних дел (1878—1880), министр почт и телеграфов, директор Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий (1880—1881), член Государственного совета 180
- Макшеев Валериан Платонович (18??-?) окружной интендант Финляндского военного округа (1869–1870), окружной интендант Рущукского отряда действующей армии в Русско-турецкой войне, издатель газеты «Эхо» 164
- Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852—1912) писатель-прозаик, драматург 175
- Манасеин (Манассеин) Николай Авксентьевич (1834—1895) министр юстиции и одновременно генералпрокурор Правительствующего Сената (1885—1894), член Государственного совета 143
- Мансуров Николай Павлович (1830— 1911) — цензор при Министерстве внутренних дел (с 1861), председатель Московского цензурного комитета (с 1865), директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (с 1866) 138
- Манье Виктор (Victor Magnier) французский офицер 38

- Мария Александровна (урожд. Maximiliane Wilhelmine Auguste Sophie Marie von Hessen und bei Rhein; 1824–1880) российская императрица (1855–1880), супруга императора Александра II, мать императора Александра III 136
- Мария Федоровна (урожд. Marie Sophie Frederikke Dagmar; 1847–1928) — российская императрица, супруга Александра III (с 1866), мать императора Николая II 142
- Маркевич Болеслав Михайлович (1822– 1884)— писатель, публицист 88, 157, 158
- Марков Андрей Андреевич (1856–1922) математик, ординарный академик (с 1896) 209
- Маркс Адольф Федорович (1838–1904) книгоиздатель, издатель журнала «Нива», журнала-приложения «Парижские моды» 135, 137, 185
- Маркс Карл (Karl Heinrich Marx; 1818— 1883) — немецкий философ, социолог, экономист, публицист, редактор газет «Rheinische Zeitung», «Neue Rheinische Zeitung» 171
- Маслов Семен Леонтьевич (1874–1938) ученый-экономист, эсер, министр земледелия Временного правительства (1917) 224
- Матюшенко Афанасий Николаевич (1879— 1907) — матрос Черноморского флота, один из руководителей восстания на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» (1905) 241, 242, 247—249
- Махно Нестор Иванович (1884—1934) анархист, организатор и руководитель революционного и освободительного движения на юге Украины в годы Гражданской войны 181, 197, 228—233, 235, 237, 239, 240
- Мачабели Иван (Вано) Георгиевич (1854— 1898) — грузинский писатель, переводчик, публицист, редактор журнала «Иверия», газеты «Дроэба» 165

- Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) поэт, художник, драматург, киносценарист, редактор журналов «ЛЕФ», «Новый ЛЕФ» 219, 224
- Медушевский Андрей Николаевич (род. 1960) историк, социолог, философ 201, 203
- Мельгунов Борис Владимирович (1939— 2006) — литературовед, некрасовед, основатель и редактор историко-литературного сборника научных статей «Карабиха», редактор «Некрасовского сборника» ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) 23
- Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) писатель, публицист, переводчик, музыкальный критик 62
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) биолог, физиолог; лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908) 213
- Мещерская Мария Элимовна (1844— 1868) — княжна (в замужестве Демидова, княгиня Сан-Донато), фрейлина императрицы Марии Александровны 146
- Мещерский Владимир Петрович (1834—1914) публицист, романист, мемуарист, издатель-редактор журналов «Добро», «Добряк», газеты-журнала «Гражданин», газет «Дружеские речи», «Русь» 140–142, 146, 147, 177, 178, 188
- Мильтон Джон (John Milton; 1608–1674) английский поэт, публицист, политический деятель 30
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943) историк, публицист, лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства (1917), редактор журналов «Русские записки», «The New Russia», газет «Речь», «Последние новости» 216—220
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816– 1912) — военный историк и теоретик,

- военный министр (1861–1881), мемуарист 87, 150
- Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835— 1889) — поэт-сатирик, журналист, переводчик, критик, редактор журнала «Гудок» 154, 177
- Михаил Николаевич (1832–1909) великий князь, четвертый сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны 142
- Михайлов М. И. cм. Михайлов Михаил Ларионович
- Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович) (1829—1865)— поэт, переводчик, автор революционных прокламаций 43,72
- Михайловский Николай Константинович (1842–1904) публицист, социолог, литературный критик, литературовед, переводчик; редактор журналов «Отечественные записки», «Русское богатство», «Северный вестник» 157, 159–161, 172, 175, 176
- Михневич Владимир Осипович (1841— 1899) — журналист, писатель, историк быта, краевед 150, 151, 156
- Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) писатель, историк, редактор «Журнала Министерства путей сообщения», неофициальной части газеты «Саратовские губернские ведомости» 44
- Муравьёв (Муравьёв-Виленский) Михаил Николаевич (1796—1866) генерал от инфантерии, министр государственных имуществ (1857—1862), гродненский, минский и виленский генералгубернатор (1863—1865); руководитель подавления восстаний в Северо-Западном крае, председатель комиссии по делу Д. В. Каракозова 29, 80, 81, 124
- Муромцев Сергей Андреевич (1850— 1910) — юрист, правовед, профессор Московского университета, член «Союза земцев-конституционалистов»,

- член ЦК партии кадетов (1905), редактор журнала «Юридический вестник» 201. 216
- Мустафин Владимир Андреевич (1867– 1933) — градоначальник и генерал-губернатор Одессы (1918) 81
- Муханов Николай Алексеевич (1802— 1871) — товарищ министра народного просвещения (1858—1861), товарищ министра иностранных дел (1861— 1866) 40, 50
- Мюрат Иоахим (Joachim Murat; 1767— 1815) — маршал наполеоновских войск, король Неаполитанского королевства (1808–1815) 237
- **Н. М-ъ** (псевдоним) (ок. 1906) литератор 191, 192
- Н-ен (псевдоним) *см.* Тиблен Николай Львович
- Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) юрист, публицист, один из организаторов и лидеров партии кадетов, издатель журнала «The New Russia», газеты «Руль», редактор журнала «Вестник права», газеты «Право» 188
- Набоков Дмитрий Николаевич (1827— 1904) — министр юстиции (1878—1885), сенатор, член Государственного совета, отец В. Д. Набокова 143, 177
- Назаревский Владимир Владимирович (1851?–1919) историк, цензор Московского цензурного комитета (1881–1909) 170
- Наполеон см. Наполеон I Бонапарт
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821) — военный, политик, император французов (1804–1815) 75
- Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт; Charles Louis Napoléon Bonaparte; 1808–1873) — первый президент Французской республики (1848–1852), провозгласивший себя императором французов (1852–1870); последний

- французский император 43, 48, 65, 68
- Натансон Марк Андреевич (1850–1919) народник, эсер, инициатор создания партии левых эсеров 223
- Неведенский С. (псевдоним) cм. Щегловитов Семен Григорьевич
- Незнакомец (псевдоним) *см.* Суворин Алексей Сергеевич
- Нейдгардт Дмитрий Борисович (1861— 1942) — сенатор, гофмейстер, полоцкий губернатор (1902), одесский градоначальник (1903—1905) 244
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) поэт, издатель сборников «Статейки в стихах без картинок», «Физиология Петербурга», «1 апреля», «Петербургский сборник», издатель и фактический редактор журнала «Современник», редактор журнала «Отечественные записки» 15, 16, 21–23, 31, 105, 118, 122, 157, 158, 160
- Некрасов С. (псевдоним) *см.* Рубакин Николай Александрович
- Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт фон Нессельроде-Эресгофен; 1780–1862) — министр иностранных дел (1822–1856), государственный канцлер (с 1845) 38
- Неупокоев Леонид Константинович (1875—1905) лейтенант флота, старший артиллерийский офицер броненосца «Князь Потёмкин-Таврический»; убит во время восстания на корабле 247
- Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882) революционер, лидер террористического «Общества народной расправы», издатель журнала «Народная расправа» 67, 71, 89—92
- Нечкина Милица Васильевна (1901– 1985) — историк, специалист по истории декабристов, академик АН СССР и АПН СССР 89

- Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) историк литературы, журналист, критик, цензор (с 1833), член Главного управления цензуры (1860–1862), член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (1862–1865), мемуарист, редактор журналов «Сын Отечества», «Современник», «Журнал Министерства народного просвещения», газеты «Северная почта» 15, 17, 18, 23, 25–29, 39–41, 43–45, 48–50, 74, 75, 85, 93, 101–105, 113, 121–124, 126–128, 130, 133–135, 137, 138
- Николадзе Нико (Николай) Яковлевич (1843—1928) публицист, литературный критик, издатель журналов «Подпольное слово», «Современность», издатель-редактор газеты «Обзор» 159
- Николаи Александр Павлович (1821— 1899) — попечитель Кавказского учебного округа (1852—1861), затем Киевского учебного округа (1861), товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры (с 1861), министр народного просвещения (1881—1882) 67, 112, 113, 143, 177
- Николай I (1796–1855) российский император (с 1825) 15–17, 22, 23, 29, 38, 44, 47, 93, 96, 139, 141, 170
- Николай II (1868–1918) последний российский император (с 1894) 145, 181, 182, 185–190, 199, 202, 206, 208, 236, 244, 250
- Николай Александрович (1843–1865) старший сын императора Александра II, цесаревич, наследник престола 141
- Николай Александрович (император) *см.* Николай II
- Николай Михайлович (1859—1919) великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, генерал, председатель Императорского Русского геогра-

- фического общества (1892), Императорского Русского исторического общества (1910), Общества защиты и сохранения в России памятников истории и старины (1910) 142
- Новико́в Николай Иванович (1744— 1818) — публицист, книгоиздатель, масон, издатель журналов «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», «Древняя российская вифлиофика» и др. 135
- Ноги Маресукэ (1849—1912) японский генерал, генерал-губернатор Тайваня, во время Русско-японской войны командующий 3-й армией 198
- Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) товарищ министра народного просвещения (1850–1854), министр (1854–1859) 15, 17, 18, 20–24, 26, 27
- Носарь Георгий Степанович (псевдонимы «Хрусталёв-Носарь», «Хрусталёв Петр Алексеевич»; 1877—1918) юрист, политический и общественный деятель, первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов (1905), издатель газеты «Парижский вестник» 226
- Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881) председатель Комиссии по выработке нового закона о печати (1862), временно исполнял обязанности министра финансов (1867), товарищ министра государственных имуществ (1870), член Государственного совета 16, 53, 54, 61, 67, 69, 70, 110, 112, 113, 115—117
- Оболенский Иван Михайлович (1853— 1910) — генерал-адъютант, губернатор харьковский и херсонский, финляндский генерал-губернатор (1904—1905) 222
- Обручев Владимир Александрович (1836–1912) — генерал-майор, член тайного общества, публицист, мемуарист 43,72

- Огарёв Николай Платонович (1813— 1877) — публицист, философ, поэт, друг и соратник А. И. Герцена, соиздатель газеты «Колокол», альманаха «Полярная звезда», листка «Общее вече» 29, 31, 105
- Огарёва Мария Львовна (урожд. Рославлева; 1815—1853)— жена Н. П. Огарёва 105
- Одоевский Владимир Федорович (1804—
 1869) писатель, музыковед, изобретатель, родоначальник русской органной музыки и русского утопического романа, сенатор (с 1861), соиздатель альманахов «Мнемозина», «Детская книжка для воскресных дней», «Сельское чтение», журнала «Современник», соредактор газеты «Литературные прибавления к "Русскому инвалиду"», редактор журналов «Журнал Министерства внутренних дел», «Сельское обозрение» 30, 31
- Ольденбург Сергей Федорович (1963— 1934) — востоковед-индолог, адъюнкт (с 1900), ординарный академик (с 1908); один из лидеров партии кадетов, член Государственного совета (1912—1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917) 209
- Ольминский Михаил Степанович (наст. фамилия Александров; 1863—1933) деятель революционного движения, публицист, историк, литературный критик, литературовед, редактор журналов «Просвещение», «Голос печатного труда», «На литературном посту», газет «Новая жизнь», «Волна», «Казарма», «Звезда», «Правда», «Наша газета», «Социал-демократ» 195
- Оржевский Петр Васильевич (1839— 1897) — товарищ министра внутренних дел (1882—1887), заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов, виленский, ковенский и гродненский генералгубернатор (1893—1897) 160

- Орлов Александр Михайлович (наст. имя Лев (Лейб) Лазаревич Фельдбин; 1895—1973) разведчик, майор государственной безопасности, нелегальный резидент во Франции, Австрии, Италии (1933—1937), резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании (1937—1938); невозвращенец (с 1938) 235
- Орлов Алексей Федорович (1786–1861) генерал от кавалерии (1833), участник Отечественной войны 1812 г., шеф жандармов и главный начальник III Отделения (1844–1856), председатель Главного комитета по крестьянскому вопросу (1858) 40
- Остриков Иван А. (ок. 1865) студент, журналист 133
- Островский Александр Николаевич (1823–1886) — драматург, член-корреспондент Петербургской академии наук 228
- Островский Михаил Николаевич (1827–1901) — министр государственных имуществ (1881–1893), член Государственного совета 144
- Павлов Николай Филиппович (1805— 1864) — писатель, журналист, издатель-редактор газет «Наше время», «Русские ведомости» 19, 62, 104–107, 176
- Пазухин Алексей Дмитриевич (1845— 1891) — публицист, правитель канцелярии Министерства внутренних дел (1885) 143, 144
- Панаев Иван Иванович (1812–1862) писатель, литературный и театральный критик, издатель-редактор журнала «Современник» 22, 105, 106
- Панаева (урожд. Брянская, во втором браке Головачёва) Авдотья (Евдокия) Яковлевна (1820–1893) писательница, мемуаристка, гражданская жена Н. А. Некрасова 105

- Панин Виктор Никитич (1801–1874) министр юстиции (1841–1862), главноуправляющий II Отделением (1864– 1867), член Верховного уголовного суда по делу Д. В. Каракозова (1866) 23, 27, 29, 42–44, 120
- Пановский Николай Михайлович (1797/1802–1872) писатель, журналист, редактор газеты «Tygodnik Peterburgski» 34
- Парсамов Вадим Суренович (род. 1960) историк, профессор НИУ «Высшая школа экономики» 9
- Паскевич (Паскевич-Эриванский) Иван Федорович (1782–1856) полководец и государственный деятель, участник Русско-турецкой войны (1806–1812), Отечественной войны 1812 года, взятия Парижа (1814); командующий войсками в подавлении Польского восстания (1831), подавлении Венгерского восстания (1849); наместник Царства Польского (1832–1856) 38
- Пастернак Борис Леонидович (1890– 1960) — поэт, писатель, переводчик 249
- Патрушева Наталья Генриховна (род. 1961) историк, специалист по истории книги и цензуры в России XIX начала XX в. 133, 152
- Пекарский Петр Петрович (1827–1872) исследователь русской литературы и истории, библиограф, академик Петербургской академии наук (1864) 37
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899) государственный секретарь (1878–1882), член Государственного совета 148
- Персиньи Жан-Жильбер Виктор Фьялен, де (Jean-Gilbert Victor Fialin, duc de Persigny; 1808–1872) государственный деятель эпохи Второй империи; ввел новый режим для печати декретом 17 февраля 1852 г. 47, 68
- Петерсон Карл Александрович (1811— 1890) — поэт, литературный критик, переводчик 78

- Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) украинский военный и политический деятель, глава Директории Украинской Народной Республики (1919—1920), Главный атаман войска и флота 230. 239
- Петр I (1672–1725) царь (с 1682), первый российский император (с 1721) 37, 38, 44
- Петр Великий см. Петр I
- Петров Александр Григорьевич (1802— 1887) — цензор Московского цензурного комитета (с 1860), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (с 1865), член Совета Главного управления по делам печати (1884—1887) 83
- Петров Евгений Петрович (наст. имя Евгений Петрович Катаев; 1902–1942) писатель, журналист, сценарист, редактор журнала «Огонек» 249
- Пильщиков Игорь Алексеевич (род. 1967) филолог, главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», научный редактор Русской виртуальной библиотеки 9
- Писарев Дмитрий Иванович (1840— 1868) — публицист, литературный критик, демократ 34, 67–69, 72, 74, 93, 134, 163, 172
- Писаревский Николай Григорьевич (1821—1895) инженер, топограф, публицист, организатор просветительского издательского товарищества «Общественная польза» (1860), редактор газет «Русский инвалид», «Современное слово» 57, 96, 97, 99, 100
- Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881) писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения» 88, 117
- Плеве (фон Плеве) Вячеслав Константинович (1846–1904) сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действитель-

- ный тайный советник (1899), министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов (1902–1904) 159–161, 186, 199, 222
- Плетнёв Петр Александрович (1790— 1865) — критик, поэт, профессор и ректор (1840—1861) Санкт-Петербургского университета, издатель-редактор журнала «Современник», редактор журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» 41, 49
- Плещеев Алексей Николаевич (1825— 1893) — писатель, поэт, переводчик, литературный и театральный критик, редактор газеты «Московский вестник» 127
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) правовед, писатель, переводчик, историк церкви, обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905), член Государственного совета (с 1872) 46, 140, 142–146, 148, 150, 151, 154, 156, 159, 161, 163, 169
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875) историк, писатель, публицист, преподаватель Московского университета, издатель журналов «Московский вестник», «Москвитянин», «Русский зритель», «Русский исторический сборник», редактор газеты «Ведомость о состоянии города Москвы» 19, 43, 94, 95
- Подлигайлов Павел Никитич (Никитович) (ок. 1856–?) врач, юрист, журналист, издатель-редактор журнала «Правда», преобразованного затем в одноименную газету, газет «Свобода», «Здоровье» 164
- Пожигайло Павел Анатольевич (род. 1963) историк, политик, бизнесмен 204
- Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) историк, политический деятель, академик (1929) 245, 254
- Полетика Василий Аполлонович (1822–1888) инженер, промышленник,

- журналист, издатель газет «Биржевые ведомости», «Молва» 147
- Половцов (Половцев) Александр Александрович (1832—1909) сенатор, промышленник, меценат, государственный секретарь (1883—1892), член Государственного совета (с 1892) 141, 144, 178
- Полонский Леонид Александрович (1833–1913) — журналист, писатель, издатель газеты «Страна» 155
- Полянская Лидия Ивановна (1892–1973) архивист 206
- Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) писатель 172
- Постников Александр Артемьевич (1821?— 1883) — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (1862–1865) 112
- Постышев Павел Петрович (1887–1939) государственный и партийный деятель, пропагандист, публицист 235
- Потапов Александр Львович (1829– 1886) — генерал от кавалерии (1874), шеф жандармов и главноуправляющий III Отделением (1871–1876) 128, 138
- Похвиснев Михаил Николаевич (1814— 1882) — цензор Московского цензурного комитета (1852—1854), начальник Главного управления по делам печати (1866—1870) 134
- Предтеченский Анатолий Васильевич (1893—1966) историк, профессор Ленинградского государственного университета 213
- Пржеславский Осип Антонович (1799– 1879) — журналист, цензор, издатель газеты «Tygodnik Peterburgski» 86
- Прийма Федор Яковлевич (1909–1993) филолог, историк литературы, текстолог 105
- Протопопов Михаил Алексеевич (1848– 1915) — литературный критик, публицист, народник 160

- Прохорова Ирина Дмитриевна (род. 1956) литературовед, политик, главный редактор журнала «Новое литературное обозрение», глава одно-именного издательского дома 196
- Прудон Пьер-Жозеф (Pierre-Joseph Proudhon; 1809–1865) французский политик, публицист, экономист, философ, социолог, анархист 225
- Прыжов Иван Гаврилович (1827–1885) публицист, революционер, историк, этнограф, член революционной организации «Народная расправа» 98
- Путачёв Емельян Иванович (1742–1775) донской казак, предводитель Крестьянской войны (1773–1775) 228
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) литератор, оратор, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел (1904—1906), затем Главного управления по делам печати; один из лидеров черносотенной организации «Союз русского народа», председатель «Союза Михаила Архангела», издатель журналов «Прямой путь», «Благовест», газеты «В Москву!», сборника «Книга русской скорби» 195
- Путятин Евфимий Васильевич (1803— 1883) — адмирал, министр народного просвещения (1861) — 16, 30, 48–50, 54
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) поэт, прозаик, драматург, литературный критик, публицист, издатель альманаха «Северные цветы», журнала «Современник», редактор «Литературной газеты» 38, 89, 170, 171, 181, 200, 228
- Пыпин Александр Николаевич (1833— 1904) —литературовед, этнограф, вице-президент Академии наук (1904), редактор журнала «Современник» 59
- **Рагодин** И. П. (псевдоним) *см.* Писарев Дмитрий Иванович

- Радлов Эрнест Львович (1854—1928) философ, директор Публичной библиотеки (1917—1924), член-корреспондент Академии наук (1920), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» 188
- Разин Алексей Егорович (1823—1875) журналист, детский писатель, редактор журналов «Журнал для детей», «Вокруг света», «Труды Вольного экономического общества» 65
- Разин Степан Тимофеевич (1630–1671) донской казак, предводитель крестьянского восстания (1670–1671) 228, 238
- Раевский Михаил Федорович (1811— 1884) — церковный деятель и писатель, священник русской церкви в Стокгольме, потом русской посольской церкви в Вене 96
- Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892—1939) военный и государственный деятель, дипломат; депутат Учредительного собрания (1918), член Реввоенсовета советской республики (1918); с 1938 г. невозвращенец 43, 71, 74
- Рахманинов Федор Иванович (1825/1832?–1880) юрист, цензор Санкт-Петербургского (с 1860), затем Московского (1862–1880) цензурных комитетов, член Московского комитета грамотности 96
- Редигер Александр Федорович (1854— 1920) — генерал, военный министр (1905–1909) 244
- Рейфман Павел Семенович (1923—2012) филолог, профессор (с 1993 профессор-эмеритус) Тартуского университета; исследователь истории русской литературы, журналистики, цензуры, критики 5–9, 36, 61–64, 66, 78, 80–86, 94, 96–100, 122, 123, 125, 126, 128–130, 178
- Ренан Эрнест (Joseph Ernest Renan; 1823–1892) французский философ,

- писатель, историк религии, семитолог; член Французской академии (1878) 171
- Решетников Федор Михайлович (1841– 1871) — писатель 172
- Ржевский Владимир Константинович (1811–1885) публицист, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел и финансов, сенатор 103
- Ровенский Павел (Фейфель) Владимирович (1858 после 1934) эсер, мемуарист, издатель-редактор газет «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений», «Маньчжурия», «Молодая Россия» 193
- Родзевич Игнатий Игнатьевич (1850— 1903) — владелец типографии, издатель-редактор газеты «Московский телеграф», фактический редактор журнала «Светоч» 154, 164
- Розенберг Владимир Александрович (1860–1932) общественный деятель, публицист, историк издательского дела и журналистики, экономист, редактор газет «Русские ведомости», «Народное дело» 152–157, 163, 167, 176, 195
- Романовы царская (с 1613), императорская (1721–1917) династия в России 34, 142, 234
- Рошфор см. Рошфор-Люсе Анри де
- Рошфор-Люсе Анри де (Henri de Rochefort-Luçay; 1831—1913) — французский политик, журналист 159
- Р. Р. cм. Благосветлов Г. Е.
- Рубакин Николай Александрович (1862–1946) — книговед, библиограф, популяризатор науки, писатель 195
- Рудницкая Евгения Львовна (род. 1920) историк, специалист по истории русского общественного движения и общественной мысли середины XIX в. 72–74

- Русский (псевдоним) *см.* Петерсон Карл Александрович, Страхов Николай Николаевич
- Русский человек (псевдоним) автор «Письма из провинции» в газету «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, опубликованного 1 марта 1860 г. Точное авторство не установлено до сих пор (предположения: Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.) 73, 200
- Рюмин Г. И. издатель «La Gazette du Nord» 37
- **С. А. К.** (псевдоним) *см.* Короленко С. А.
- Савинков Борис Викторович (1879— 1925) — один из лидеров партии эсеров, руководитель ее Боевой организации, участник Белого движения, писатель, публицист, мемуарист, издатель газеты «За свободу» 221–223
- Савич Сергей Евгеньевич (1864–1936) математик, преподаватель Высших женских «Бестужевских» курсов (1900–1918) 214
- Сазонов Николай Иванович (1815–1862) публицист, издатель «La Gazette du Nord» 37
- Салтыков *см.* Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (наст. фамилия Салтыков, псевдоним Николай Щедрин; 1826—1889) писатель, публицист, критик, редактор журналов «Современник», «Отечественные записки» 6, 64, 67, 70, 71, 75, 78, 87, 88, 100, 114, 127, 140, 147, 148, 150, 157—162, 164, 168, 169, 176, 178—180
- Самарин Юрий Федорович (1819–1876) публицист, философ, славянофил, автор и издатель многотомного исследования «Окраины России», номинальный редактор газеты «День» 19, 96

- Свердлов Яков Михайлович (1885–1919) политический и государственный деятель, большевик, председатель ВЦИК (1917–1919) 230, 253
- Святицкий Николай Владимирович (1886–1937) юрист, эсер, участник заседания Учредительного собрания (1918), редактор журнала «Партийные известия» 253
- Святополк-Мирская Екатерина Алексеевна (урожд. Бобринская; 1864–1926) благотворительница, мемуаристка, жена П. Д. Святополк-Мирского 186
- Святополк-Мирский Петр Данилович (1857–1914) товарищ министра внутренних дел (1900–1902), министр внутренних дел (1904–1905) 181, 186, 188, 199
- Селезнёв Владимир Николаевич основатель и редактор газеты «Русский курьер» 166
- Семевский Михаил Иванович (1837— 1892) — историк, журналист, издатель и фактический редактор журнала «Русская старина» 174
- Семёнов Лев Константинович (род. 1928) — историк, экономист, начальник Главного управления кадров Академии наук 213
- Сергей Александрович (1857–1905) великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, московский генералгубернатор (1891), командующий войсками Московского военного округа (1896), член Государственного совета (1894) 142, 145, 222
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866) публицист, книгоиздатель, книгопродавец, владелец книжного магазина и библиотекичитальни, один из организаторов революционной организации «Земля и воля» 74
- Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978) искусствовед, библиофил

- и коллекционер, специалист по книговедению и истории рисунка, член-корреспондент АН СССР 38
- Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853— 1902) — министр внутренних дел (1900–1902) 222
- Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) литературный критик, историк русской литературы и цензуры, мемуарист, редактор газеты «Рыбинский листок» 6, 48, 158, 175
- Скарятин Владимир Дмитриевич (1825— 1900) — промышленник, писатель, публицист, редактор газет «Русский листок». «Весть» 69
- Скобельцына Юлия Дмитриевна (урожд. Устругова; 1870–1920) — очеркист, жена профессора-физика Петербургского университета В. В. Скобельцына 195
- Скоропадский Павел Петрович (1873— 1945) — украинский военный и политический деятель, гетман Украины (1918) 230
- Смирнов Андрей Иванович (1812–1883) чиновник особых поручений в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания (с 1862), цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (1865–1881) 130
- Смирнов Виктор Васильевич (род. 1933) писатель, сценарист 233
- Смирнов Сергей Васильевич (1956— 1998) — историк журналистики, профессор Ленинградского государственного университета 185
- Соболев Владимир Семенович (род. 1948) — директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (1986–2001) 213
- Соболевский Василий Михайлович (1846— 1913) — юрист, публицист, издательредактор газеты «Русские ведомости», редактор журнала «Русское богатство» 150, 164, 176

- Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) библиофил, библиограф, поэт 31
- Созонов (Сазонов) Егор Сергеевич (1879–1910) эсер, террорист 221
- Солдатенков (Солдатёнков) Козьма Терентьевич (1818—1901) предприниматель, книгоиздатель, коллекционер картин, скульптур и книжных изданий 43
- Соловьёв Владимир Сергеевич (1853— 1900) — религиозный мыслитель, поэт, публицист, литературный критик; почетный академик Петербургской Академии наук (1900) 175
- Сонин Николай Яковлевич (1849—1915) математик, академик Петербургской Академии наук (1893), попечитель Петербургского учебного округа (1899—1901), председатель ученого комитета Министерства народного просвещения и член Совета министров (1901—1915) 188, 212
- Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) лидер партии левых эсеров, член Боевой организации эсеров, редактор журнала «Наш путь» 224
- Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фамилия Джугашвили; 1878—1953) политический, государственный, военный и партийный деятель, редактор газет «Бакинский пролетарий», «Звезда», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Светоч» и др. 181, 197, 233–235
- Станюкович Константин Михайлович (1843–1903) писатель-маринист, редактор журналов «Дело», «Русское богатство» 163
- Старчевский Альберт Викентьевич (1818—1901) журналист, полиглот, издатель-редактор газет «Сын Отечества», «Современность», «Улей», «Эхо», «Родина», редактор журнала «Библиотека для чтения» 107, 164

- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826— 1911) — историк, книгоиздатель, издатель журнала «Вестник Европы», газеты «Порядок» 147, 154, 175, 188
- Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (наст. фамилия Кравчинский, псевдоним С. Степняк; 1851–1895) народник, террорист, публицист, писатель, переводчик, редактор журнала «Free Russia», газеты «Земля и воля» 163
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) министр внутренних дел (с 1906), председатель Совета министров, член Государственного совета (с 1907) 181, 194, 203–207, 223, 230
- Столыпина Наталья Петровна (1889– 1949)— вторая дочь П. А. Столыпина 206
- Стороженко Николай Ильич (1836— 1906) — литературовед, шекспировед, профессор Московского университета 175
- Страхов Николай Николаевич (1828— 1896) — философ, публицист, литературный критик, редактор журналов «Заря», «Журнал Министерства народного просвещения» 78
- Строганов Сергей Григорьевич (1794— 1882) — археолог, меценат, коллекционер, московский генерал-губернатор (1859), попечитель Московского учебного округа (1835—1847) 44, 45, 82, 148
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) публицист, театральный критик, писатель, книгоиздатель, издатель газеты «Новое время», журнала «Исторический вестник» и др. 122, 128, 147, 178, 179, 185, 188
- Сумароков Александр Петрович (1717— 1777) — поэт, драматург, литературный критик, первый директор Российского театра (1756—1761), издатель журнала «Трудолюбивая пчела» 230

- Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1933) журналист, писатель, редактор газеты «Россия» 206
- Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) книгоиздатель, издатель энциклопедий, журналов «Вокруг света», «Искры», «Книговедение», «Хирургия», «Друг детей», «Нива», газеты «Русское слово» и др. 185
- **Т-н** (псевдоним) *см.* Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович
- Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) дипломат, историк, биограф, публицист; чиновник особых поручений при министрах внутренних дел (1881–1883) 93, 127, 141
- Твардовская Валентина Александровна (род. 1931) историк общественного движения и журналистики 82
- Теплинский Марк Вениаминович (1924—2012) литературовед, исследователь творчества А. П. Чехова, Н. А. Некрасова 158, 161
- Тер-Петросян Симон Аршакович (1882– 1922) — революционер, партийная кличка «Камо» 181, 197, 233, 234, 240
- Тиблен Николай Львович (1834–1888) российский издатель, впоследствии английский и американский журналист 69
- Тизенгаузен Герман Федорович (1910– 1942) — литературовед 122, 126
- Тимашев Александр Егорович (1818— 1893) — начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением, министр внутренних дел (1868—1877) 40, 126, 180
- Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) народоволец, издатель журнала «Вестник "Народной воли"»; в 1888 г. отрекся от революционных идей, вернулся в Россию и стал монархистом; редактор газеты «Московские ведомости» (1909—1913) 163, 179

- Ткачёв Петр Никитич (1844–1886) литературный критик и публицист, народник, издатель журнала «Набат» 163
- Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс; 1844–1919) — жена Л. Н. Толстого 170
- Толстой Алексей Константинович (1817— 1875)— писатель, поэт, драматург 46, 47, 135—137
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823— 1889) — обер-прокурор Святейшего Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882—1889), член Государственного совета 67, 81, 124, 126, 127, 134, 137, 138, 140, 142—145, 149—152, 154—156, 158—161, 165, 168
- Толстой Иван Николаевич (1792–1854) сенатор, участник Отечественной войны 1812 года, младший брат Я. Н. Толстого 38
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) писатель, философ, просветитель, публицист, издатель журнала «Ясная Поляна» 75, 151, 169, 170, 173, 204, 207
- Толстой Яков Николаевич (1791—1867) поэт, театральный критик, председатель общества «Зеленая лампа» (1819—1820), член Союза благоденствия, затем агент III Отделения во Франции 38, 39
- Тольц Владимир Соломонович (род. 1944) историк, журналист, ответственный редактор тематических программ русской службы радио «Свобода» 243
- Торквемада (Торкемада) Томас де (Tomás de Torquemada; 1420–1498) основатель испанской инквизиции, отличавшийся особой жестокостью 95
- Трепов Дмитрий Федорович (1855— 1906) — генерал-майор (1900), санктпетербургский генерал-губернатор (1905) 190, 248

- Трозинер Федор Федорович (18??–1919) юрист, публицист, редактор журналов «Пантеон литературы», «Колосья», газеты «Эхо» 164
- Тройницкий Александр Григорьевич (1807–1871) цензор и секретарь Одесского цензурного комитета (1831–1832), член Главного управления цензуры (1857–1861), товарищ министра внутренних дел (с 1861), председатель Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (1863–1865) 43, 102, 115
- Троцкий Лев Давидович (наст. имя Лейба Давидович Бронштейн; 1879–1940) революционер, один из создателей Красной армии, идеолог и один из основателей Коминтерна, редактор газет «Искра», «Известия», «Правда» 240, 252
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) философ, правовед, публицист, профессор Московского университета, издатель журнала «Московский еженедельник» 215
- Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) философ, публицист, общественный деятель; ординарный профессор кафедры философии историко-филологического факультета Московского университета (с 1902), ректор университета (1905), соредактор журнала «Вопросы философии и психологии» (1900–1905) 208
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) писатель, поэт, публицист, драматург, переводчик 6, 22, 23, 35, 40, 41, 75, 79, 88, 105, 150
- Тухачевский Михаил Николаевич (1893— 1937) — военачальник Красной армии в годы Гражданской войны, военный теоретик, маршал (1935) 236
- Тхоржевский Станислав (Stanisław Tchorzewsky; 18??–18??) польский эмигрант (с 1845) в Лондоне, участник революции в Германии (1848–1849),

- владелец книжной лавки, друг Герцена и его агент по изданиям Вольной русской типографии и распространению русской заграничной литературы 97
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873) поэт, чиновник особых поручений при министре иностранных дел (с 1846), чиновник особых поручений и старший цензор при Особой канцелярии Министерства иностранных дел (с 1848), председатель Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге (1858–1873) 8, 15–17, 27, 30, 41, 76, 123, 131, 137
- Тютчева Эрнестина (урожд. фон Пфеффель; Ernestine von Pfeffel; 1810—1894) вторая жена Ф. И. Тютчева 27,76
- Уваров Сергей Семенович (1786–1855) министр народного просвещения (1833–1849), президент Академии наук; участвовал в разработке цензурного устава 1828 г. 39, 100, 141
- Уманец Сергей Игнатьевич (1857—19??) чиновник особых поручений при Главном управлении по делам печати, старший цензор русского и европейского языков Кавказского цензурного комитета (1899—1903), цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (1906—1907) 192
- Усов Павел Степанович (1828–1888) публицист, мемуарист, издатель газет «Северная пчела», «Биржа», редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 99, 107, 108
- Успенский Глеб Иванович (1843–1902) писатель 175, 176
- Фатенко Юрий Петрович (род. 1964) публицист, политический деятель 217, 220
- Фёдоров Борис Михайлович (1794–1875) драматург, поэт, детский писатель, из-

- датель альманаха «Кабинет Аспазии», журналов «Санкт-Петербургский зритель», «Новая детская библиотека» и др. 31
- Фёдоров Михаил Павлович (1845—1925) публицист, военный корреспондент, предприниматель, член Второй Государственной думы, редактор журнала «Городское дело» 208
- Фёдорова Наталья Александровна историк, сотрудник аппарата Государственной думы Федерального собрания РФ 204, 205
- Фельдман Константин Исидорович (Израилевич; 1887–1968) участник восстания на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», драматург, прозаик, переводчик 246, 247, 249
- Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898) писатель, журналист, мемуарист, член Комиссии для пересмотра постановлений по делам книгопечатания (1863), начальник Главного управления по делам печати, сенатор (1896—1898), редактор журналов «Русская речь», «Журнал Министерства народного просвещения» 54, 84, 127, 140—143, 146, 150, 151, 154—161, 169—171, 174, 176, 177
- Феоктистова Софья Александровна (урожд. Беклемишева; 1842–19??) жена Е. М. Феоктистова 158
- Феретти Мария (Maria Ferretti; род. 1958) — итальянский историк, специалист по истории СССР 197, 200, 251
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782–1867)— митрополит Московский и Коломенский 49
- Фингерит Ефим Маркович (1890–после 1972) — журналист, историк журналистики 183, 184
- Фиркс Федор Иванович (1812–1872) публицист, издатель брошюр 15, 31–34, 36, 74, 85, 93

- Флейтман Анатолий Давыдович (род. 1930) поэт 181
- Флоринский Василий Маркович (1834— 1899) — врач, писатель, археолог, один из инициаторов открытия Сибирского университета в Томске, попечитель Западно-Сибирского учебного округа, редактор журнала «Труды Общества русских врачей в Санкт-Петербурге» 166
- Фойницкий В. Н. (ок. 1969–1999) литературовед 169
- Фондаминский (Фундаминский) Илья Исидорович (1880–1942) один из руководителей Московского городского комитета партии эсеров (с 1904), издатель журналов «Почин», «Новый град», редактор журналов «Призыв», «Современные записки» 223
- Фонтен Леон (Léon Fontaine) брюссельский издатель 37
- Франк А. (Franck A.) парижский издатель «Русского заграничного сборника» 37
- Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) военачальник Красной армии, военный теоретик, председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам 240
- Фукс Виктор Яковлевич (1829—1891) чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, входил в состав комиссий для пересмотра цензурного устава и постановлений по цензуре (1861, 1863, 1869), член Главного управления по делам печати (1865) 16, 50, 52, 122
- Фурманов Дмитрий Андреевич (1891— 1926) — писатель, военный и политический деятель, редактор журнала «Военная наука и революция», политредактор Госиздата 227
- Фут Ирвин Пол (Irwin Paul Foote; 1926– 2011) — английский историк русской литературы и цензуры 152, 169

- Хомяков Алексей Степанович (1804— 1860) — поэт, художник, публицист, богослов, философ, основоположник славянофильства 19, 93, 94
- Хрусталёв Петр Алексеевич (псевдоним) *см.* Носарь Георгий Степанович
- Хрусталёв-Носарь Георгий Степанович см. Носарь Георгий Степанович
- Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971) советский государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964) 182, 235
- **Цезарь** (Гай Юлий Цезарь; Gaius Iulius Caesar; 100 до н. э. 44 до н. э.) древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель 35
- Цертелев Дмитрий Николаевич (1852— 1911) — поэт, публицист, философ, редактор журналов «Дело», «Русский вестник», «Русское обозрение» 195
- Цеэ Василий Андреевич (1820–1906) директор канцелярии Государственного контроля (с 1858), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (с 1862), член Комиссии для пересмотра постановлений по делам книгопечатания (1862–1863) 31, 53, 100
- Цимбаев Николай Иванович (род. 1946) историк, профессор Московского государственного университета 95
- **Чаадаев** Петр Яковлевич (1794–1856) философ, публицист 8
- Чевкин Константин Владимирович (1803— 1875) — генерал, главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями (1856—1862), член Государственного совета (с 1862) 27, 42, 43
- Черепахов Матвей Самойлович (1909— 1987) —журналист, литературовед 165, 183, 184

- Черкасский Владимир Александрович (1824–1878) юрист, общественный деятель, славянофил, московский городской голова (1869–1871) 93
- Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) один из основателей партии эсеров, ее теоретик, министр земледелия Временного правительства (1917), глава Учредительного собрания (1918), основатель журнала «Заветы», редактор журнала «За свободу», газеты «Революционная Россия» 221, 223, 224, 253
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) публицист, писатель, литературный критик, редактор журналов «Военный сборник», «Современник» 7, 15, 18, 21–23, 31, 35, 46, 54, 67, 69, 70, 74, 75, 88–93, 155, 175
- Черняк София Яковлевна (19??-?) украинская писательница, журналистка 235
- Чехов Антон Павлович (1860–1904) врач, писатель, прозаик, драматург; почетный академик Петербургской Академии наук (1900–1902) 175, 179
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) правовед, философ, историк, публицист, мемуарист, профессор Московского университета 82, 104–107, 144, 149
- Чубенко Алексей Васильевич (1889–19??) анархо-коммунист, член Реввоенсовета Повстанческой армии Украины (1919), адъютант Махно, армейский казначей 231
- Чудновцев Мирон Исаакович (?–19??) историк, религиовед 172
- Чулков Георгий Иванович (1879–1939) поэт, прозаик, переводчик, литературный критик 131
- Чухнин Григорий Павлович (1848—1906) вице-адмирал (с 1903), командующий Черноморским флотом 244, 245, 249, 250

- Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) экономист, писатель, публицист; издатель «Московского сборника» (1887), издатель-редактор журналов «Пахарь», «Свидетель», газет «Русский труд», «Русское дело» 168
- Шатров Илья Алексеевич (1879/1885– 1952) — военный музыкант, капельмейстер, композитор 198
- Шатуновская Ольга Григорьевна (1901—1990) политический деятель, член комитета партийного контроля при ЦК КПСС 235
- Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) филолог, лингвист и историк, член Правления Академии наук (с 1898), ординарный академик (с 1899), профессор Петербургского университета (с 1910); член Государственного совета от академической курии (с 1906) 209
- Шашков Серафим Серафимович (1841– 1882) — публицист, этнограф, историк 98
- Швейцер Карл Фердинандович (?–1847) литератор, журналист, агент III Отделения за границей (1832–1845) 38
- Шебуев Николай Георгиевич (1874— 1937) — публицист, писатель, издатель-редактор журналов «Пулемет», «Весна», «Газеты Шебуева», редактор журнала «Всемирная панорама» и др. 190
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814— 1861) — украинский поэт, художник, прозаик, этнограф 98
- Шевырёв Степан Петрович (1806–1864) литературный критик, историк литературы, поэт, академик Петербургской Академии наук (1847), издатель-редактор журнала «Москвитянин», редактор журнала «Московский вестник», альманаха «Урания» 43
- Шедо-Ферроти (Schédo-Ferroti D. К., псевдоним) — *см.* Фиркс Ф. И.

- Шелгунов Николай Васильевич (1824—
 1891) публицист, литературный критик, автор прокламаций, редактор журнала «Дело», газеты «Газета лесоводства и охоты» 18, 43, 72, 163, 175
- Шелохаев Валентин Валентинович (род. 1941) историк, главный научный сотрудник Института российской истории РАН 215, 216
- Шидловский Михаил Романович (1826— 1880) — военный деятель, начальник Главного управления по делам печати (1870–1871), товарищ министра внутренних дел (1871–1874) 67, 134, 135
- Шкловский Исаак Владимирович (Вульфович) (1864—1935) публицист, этнограф и беллетрист 195
- Шкуро Андрей Григорьевич (1887—1947) военный деятель, кубанский казак, участник Первой мировой и Гражданской войн 237
- Шмидт Петр Петрович (1867–1906) военный моряк, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. 181, 197, 249, 250
- Шпилевский Сергей Михайлович (1833—1907) юрист, краевед, археолог, редактор журнала «Юридическая библиография», газеты «Молва», неофициальной части газеты «Казанские губернские ведомости», научного сборника «Временник Демидовского юридического лицея» 93
- Штейн Исаак Вульфович (1904–1936) майор государственной безопасности 234. 235
- Штырбул Анатолий Алексеевич (род. 1958) историк, профессор Омского государственного педагогического университета 251, 252
- Штюрмер Людвиг Людвигович (1809— 1886) — военный цензор, член Комиссии для пересмотра постановлений по делам книгопечатания (1862–1863) 53

- Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) шеф жандармов и начальник III Отделения (1861–1864, 1866–1874) 126, 134
- Шумахер Александр Данилович (1820— 1898) — директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (1861–1879), сенатор (1879) 45
- Щапов Афанасий Прокопьевич (1831— 1876) — философ, историк освоения Сибири, публицист, писатель 163
- Щебальский Петр Карлович (1815–1886) историк, журналист, редактор газеты «Варшавский дневник» 41,53
- Щеглов Дмитрий Федорович (1830— 1902) — археолог, публицист, экономист, педагог 112
- Щегловитов Семен Григорьевич (1818— 1887) — юрист, вице-директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, один из первых биографов М. Н. Каткова 83
- Щёголев Павел Елисеевич (1877—1931) историк литературы и общественного движения, пушкинист; издатель журналов «Былое», «Минувшие годы», редактор серии «Библиотека мемуаров» 148
- Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) актер, один из основателей русской актерской школы 19
- Щербина Николай Федорович (1821— 1869) — поэт-сатирик, чиновник особых поручений в Министерстве народного просвещения (с 1854), затем при Главном управлении по делам печати 176
- Щербинин Михаил Павлович (1807—1881) член Главного управления цензуры и председатель Московского цензурного комитета (1860—1865), начальник Главного управления по делам печати (1865—1866), сенатор 80, 84, 130

- **Эдельман** Ольга Валериановна историк, архивист 243—248
- Эйдельман Натан Яковлевич (1930— 1989) — историк, писатель, литературовед, исследователь творчества А. И. Герцена 37
- Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) — режиссер театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства, педагог 240, 242, 243, 249
- Эйхенбаум Всеволод Михайлович (1882–1945) — революционер, анархокоммунист 226, 227, 233
- Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942) писатель, поэт, публицист, литературный критик 186
- Эртель Александр Иванович (1855— 1908) — писатель 157, 160, 176
- Юденич Николай Николаевич (1862— 1933) — военный деятель, генерал от инфантерии, главнокомандующий Северо-Западной армией (1919) 239
- Юнгер Александр Александрович (1883–1948) — художник, архитектор, педагог, театральный деятель 206
- Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) критик, переводчик, литературнотеатральный деятель, издатель-редактор журналов «Беседа», «Русская мысль» 174
- Юсупов Николай Борисович (1827– 1891) — гофмейстер, помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1862–1868), меценат, композитор-любитель 29
- Ягода Генрих Григорьевич (наст. имя Енох Гершевич Иегуда; 1891–1938) руководитель органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР (1934–1936) 234
- Языков Н. журналист, сотрудник «Летописи войны с Японией» 199

- Якир Иона Эммануилович (1896–1937) командарм, военачальник времен Гражданской войны, командующий войсками Киевского военного округа (1935–1937) 235
- Яковлев-Богучарский В. Я. *см.* Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич
- Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856—1912) историк, публицист, исследователь русской истории и истории русской литературы, редактор газеты «Народное дело» 153—157, 163, 167, 195
- Ямпольский Исаак Григорьевич (1902/1903–1992) литературовед, специалист по русской литературе и журналистике XIX–XX вв., библиограф, профессор Ленинградского государственного университета, сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) 177
- Янжул Иван Иванович (1846—1914) экономист, юрист, историк, публицист, профессор Московского университета, ординарный академик (с 1895) 209
- Янкевич Прохор Иванович (1818?-?) правитель дел канцелярии Главного управления цензуры (1860), член Комитета для пересмотра цензурного устава (1861), затем в канцелярии министра народного просвещения (1862) 50, 77
- Ярмонкин Валентин Васильевич (1847/1848–19??) журналист, книго-издатель, издатель газеты «Светоч», редактор «Вестника Русского Собрания» 164
- **А.-V.** (псевдоним) публицист 124
- Ancelot Jacques Arsène Polycarpe François см. Ансело Жак-Франсуа
- Behr Bernhard (18??–19??) немецкий книготорговец, основатель издательской фирмы «Behr's Verlag» (1835) 33

Bock Emil (18??–19??) — немецкий книготорговец, сотрудник (с 1840), затем фактический руководитель (с 1856) издательской фирмы «Behr's Verlag» 33

Herzen — *см.* Герцен Александр Иванович

Magnier Victor — см. Манье Виктор

Orlov А. — *см.* Орлов Александр Михайлович

Saintine Xavier Boniface de (наст. имя Joseph-Xavier Boniface; 1798–1865) — французский драматург, романист 38

Schédo-Ferroti D. K. — см. Фиркс Федор Иванович

Tolstoy Comte de — *см.* Толстой Яков Николаевич

Vassilev P. — см. Василев Пано

 ${f Z}$ (псевдоним) — *см.* Буренин Виктор Петрович

Азиатский вестник

269

Указатель периодических изданий

251 Альтернативы Атеней 19 **Б**акинский пролетарий 281 Беседа 262, 288 Библиограф 271 Библиотека для чтения 112, 117, 277, 281 Биржа 284 Биржевой указатель 260 Биржевые ведомости 278 Благовест 278 Благонамеренный 37, 267 Будильник 264 Будущность 37, 264 Былое 192, 193, 258, 287 В Москву! 278 Варшавский дневник 269, 270, 287 Ведомость о состоянии города Москвы 2.77 Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства 189 Век 265 Весна 286 Вестник 235 Вестник АН СССР 213 Вестник гражданского права Вестник Европы 45, 99, 107, 108, 130, 150, 155, 175, 188, 256, 267, 269, 282 Вестник Ленинградского университета Вестник «Народной воли» 179, 270, 282 Вестник партии народной свободы Вестник политехнического общества, сос-

тоящего при Императорском техни-

209, 212

ческом училище

273 Вестник права Вестник Русского Собрания Весть (Берлин) 37, 258 Весть (Санкт-Петербург) 87, 133, 281 Военная наука и революция Военно-летучий листок Военный сборник 286 Вокруг света 279, 282 Волна 275 Вольность 269 Вопросы философии и психологии 283 Восток 154, 163, 264 Вперед (газета) 265, 270 Вперед! (журнал) 270 Время 54, 57, 65, 66, 78, 264 Всемирная панорама 286 Всемирный вестник 209 Вятские губернские ведомости

Газета Гатцука — см. Газета А. Гатцука
Газета А. Гатцука 154, 165, 166, 261
Газета лесоводства и охоты 287
Газета Шебуева 286
Гласность 147
Голос 97, 98, 124, 128, 133, 151, 154, 156–158, 174, 258, 261, 269
Голос печатного труда 275
Городское дело 284
Гражданин 146, 147, 178, 188, 264, 272
Гудок 70, 71, 273

Дело 163, 172, 258, 264, 281, 285, 287 Дело народа 223 День 65, 78, 93, 95, 96, 133, 255, 280 Детская книжка для воскресных дней Дни 267
Добро 272
Добряк 272
Домашняя беседа 77, 256
Древняя российская вифлиофика 275
Друг детей 282
Дружеские речи 272

Европеец 37, 258, 267

Ежегодник Императорских театров 264

Живописец 275 Журнал для детей 279 Журнал Министерства внутренних дел 259, 275

Журнал Министерства государственных имуществ 260

Журнал Министерства народного просвещения 188, 261, 269, 274, 279, 282, 284

Журнал Министерства путей сообщения 256, 273

Журналист 194

За рубежом 262 За свободу 280, 286 Заветы 286 Заграничный вестник 268 Заноза 256 Заря 154, 165, 166, 256, 269, 282 Звезда (газета) 263, 275, 281 Звезда (журнал) 268 Здоровье 153, 164, 277 Земля и воля 223, 282 Земская школа 147

Иверия 272 Известия 283 Иллюстрация 270

Земство 147

Знамя 172

Искра (газета) 183, 270, 283 Искра (журнал) 45, 70, 71, 98, 106, 269, 270 Искры 282 Исторические записки 186 Исторический вестник 179, 282

Кабинет Аспазии284Казанские губернские ведомости287Казарма275Книга270Книга и революция270Книговедение282Книжный вестник192, 270Колокол23, 28–37, 48, 73–78, 88, 96, 109, 200, 261, 275, 280

Колосья 283 Коммунист (Харьков) 235 Кошелек 275 Красный архив 207 Критическое обозрение 26

Кругозор 267

 Λ етопись 262 Летопись войны с Японией 199, 288 ΛЕΦ 272 Листок (Брюссель) 37 Листок (Одесса) 263 Листок Народной воли 162 Литературная газета 263, 269, 278 Литературная учеба 262 Литературное наследство 151, 154, 206 Литературные листки 259 Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 269, 275

 Маньчжурия
 279

 Минувшие годы
 258, 287

 Мнемозина
 275

 Молва
 93, 94, 255, 278, 287

 Молодая Россия
 279

 Морской сборник
 23

Москва 67, 130, 131, 255 Москвитянин 267, 277, 286 Москвич 131, 255, 256 Московские ведомости 19, 35, 36, 41, 78-87, 123-128, 133, 143, 144, 166, 177, 266-268, 270, 282 Московский вестник 277, 286 Московский еженедельник Московский листок 179 Московский наблюдатель 257 Московский телеграф 38, 151, 153–155, 164, 174, 279 На литературном посту 275 Набат 283 Наблюдатель 174 Народная воля 161, 162 Народная расправа 257, 274 257, 279, 288 Народное дело Народное слово 223 Народный вестник 223 Наш путь 281 Наша газета 275 188, 209, 261 Наша жизнь Наша старина 192 Наше время 62, 63, 67, 77, 104–107, 276 Наши дни 208-211 Наши достижения Невский сборник 270 Неделя 153 Неделя «Современного слова» 236, 257, 263 Независимая газета Неприкосновенный запас 196, 197, 199-201, 203, 209, 212, 213, 225-227, 251, 252 Нива 267, 272, 282 Новая газета 217 Новая детская библиотека 284 Новая жизнь 263, 270, 275 178, 179, 187, 188, 282 Новое время Новое литературное обозрение 197, 278

Новое обозрение

Новое слово 269 Новости 256 Новый град 285 Новый ЛЕФ 272 Новый сатирикон 195

Обзор 274

 Π антеон литературы

Общее вече 275
Общее дело 161, 179, 257
Огонек 277
Одесский листок 147
Орловский вестник 270
Освобождение 153, 264
Отечественные записки 5, 54, 57, 64, 107, 133, 140, 148, 153, 157–162, 168, 172, 174, 175, 257, 264, 265, 269, 273, 274, 280
Очерки 265

283

Парижские моды 272 Парижский вестник 275 Партийные известия Парус 94, 95, 255, 262 Пахарь 286 Петербургская газета 179, 256 Петербургский листок 179, 256 Петроградский листок 269 Под суд! 261 274 Подпольное слово Подснежник 263 Полярная звезда (альманах) 28, 29, 261, Полярная звезда (журнал) 216 Порядок 147, 154, 175, 282 Последние новости 260, 272 Почин 285 Правда (Одесса) 165, 269 Правда (Санкт-Петербург, с 1912) 183, 263, 265, 266, 270, 275, 283 Правда (Санкт-Петербург, 1888–1894) 277 Правдивый 37

Русский листок

281

Правдолюбивый 37, 261, 264 Русский мир 268 Правительственный вестник 91, 101, 103, Русский труд 286 161, 187, 192, 206, 214, 263 Русское богатство 18, 268, 269, 273, 281 Право 214, 273 Русское дело 154, 168, 286 Приднепровский край 270 135-137, 285 Русское обозрение Призыв 285 Русское слово 44, 49, 54, 57, 64, 67, 68, 70, Приневский край 269 78, 93, 98, 117, 118, 126, 134, 163, 172, Пролетарий 265, 266, 270, 281 258, 270, 282 Просвещение 275 Русь 192, 193, 209, 213, 255, 272 278 Рыбинский листок 281 Прямой путь Пулемет 190, 286 Пустомеля 275 Санкт-Петербургские ведомости 54, 61, 67, 69, 107, 122, 128-130, 257, 268, 269, 284 **Р**абочая газета 162, 270 Санкт-Петербургский зритель Рабочий и солдат 281 Саратовские губернские ведомости 273 Радуга 262 206 Сатирикон Рассвет 269 Свет 268 Революционная Россия 221, 286 154, 163, 164, 279, 281, 288 Светоч Речь 216, 272 Свидетель 286 Родина 281 Свисток 70 Российская библиография 271 277 Свобода Россия 206, 263, 282 Свободная Россия 223, 269 Руль 273 Свободное слово 37, 258 Русская беседа 93, 255, 269 Русская литература 169 Свободный народ 215, 216 Русская мысль 147, 154, 172, 175, 262, Северная почта 30, 67, 77, 87, 101–103, 267, 288 105, 110, 122, 123, 125, 259, 262, 266, 274 Русская речь 150, 284 34, 35, 75-77, 107, 259, Северная пчела 284 Русская старина 44, 47, 81, 112, 122, 280 Северное обозрение 263 Русские ведомости 107, 152, 153, 176, 276, 279, 281 262 Северное сияние Русские записки 272 263, 278 Северные цветы Русский архив 16, 31 Северный архив 259 Русский вестник 19, 23, 35, 41, 54, 64, Северный вестник 268, 273 76-79, 80, 84, 98, 107, 113, 114, 143, 150, Сегодня (Рига) 261 199, 267, 268, 270, 271, 285 Сельское благоустройство 269 277 Русский зритель Сельское обозрение 275 Русский инвалид 57, 96, 98, 99, 150, 269, Сельское чтение 2.75 270, 277 Сибирская газета 154, 166 Русский исторический сборник 277 Синдетикон 266 Русский курьер 151, 152, 154, 155, 166, Славянские известия 268 167, 262, 280

Слово

172

Современная иллюстрация 261 Современная летопись 34, 35, 62, 63,

77, 79, 192, 267

сь 34, 35, 62, 63, 76,

Современник 21–23, 54, 57–59, 64, 66–70, 78, 84, 87, 90, 93, 98, 105, 114, 118, 122, 126, 128, 157, 172, 269, 274–278, 280, 281, 286

Современное слово 61–64, 66, 67, 78, 83, 96–100, 261, 270, 277

Современность 274, 281

Современные записки 285

Современные известия 152, 262

Соревнователь просвещения и благотворения 277

Социал-демократ 179, 265, 270, 275

Социалист-революционер 223

СССР на стройке 262, 263

Страна 147, 154, 155, 174, 267, 278

Стрела 37, 262

Сын Отечества 38, 77, 107, 223, 259, 274, 281

Телеграф — *см.* Московский телеграф

Телескоп 104

Труд 223

Трудовой народ 223

Трудолюбивая пчела 282

Труды Вольного экономического общества 279

Труды Общества русских врачей в Санкт-Петербурге 285

Труды по русской и славянской филологии (см. также Ученые записки Тартуского государственного университета) 36, 61–64, 66, 80–86, 94, 96–100, 122, 123, 125, 126, 128, 178

Трутень 275

Улей 147, 281

Урания 286

Устои 172

Утро России 194

Ученые записки Тартуского государственного университета (*см. также* Труды

по русской и славянской филологии) 36, 78, 94, 98, 100, 122, 178

Фаланга 154

Финансовое обозрение 257

Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений 193, 279

Харьковские губернские ведомости 263 Хирургия 282

Экономист 57, 260

Экономический указатель 260

Эпоха 264

Эхо 154, 164, 165, 271, 281, 283

Эхо газет 164

Юридическая библиография 287

Юридический вестник 262, 273

Ясная Поляна 283

Echo de Bruxelles 33

Echo de Paris 246

La Cloche 37

Free Russia 282

La **G**azette du Nord 37, 280

Neue Freie Presse 212

Neue Rheinische Zeitung 272

The New Russia 272, 273

Le Nord 33

L'Opinion Nationale 33

Perseveranza 33

Rheinische Zeitung 272

The **T**imes 63, 108

Tygodnik Peterburgski 276, 278

Le **V**éridique 37, 264

Список литературы по истории цензуры в России XIX – начала XX в.

Избранные труды П. С. Рейфмана

- Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 4. Тарту, 1961. С. 105–129. (Учен. зап. Тартуского гос. унта; Вып. 104).
- Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту, 1962. 115 с. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 121).
- Рейфман П. С. Иностранная цензура в Тарту в 1860-х годах // Труды по русской и славянской филологии. IX: Литературоведение. Тарту, 1966. С. 86–88. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 184).
- Рейфман П. С. Запрещенная книга А. С. Суворина: (Из истории литературнообщественной борьбы 1860-х годов) // Труды по русской и славянской филологии. XV: Литературоведение. Тарту, 1970. С. 350–356. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 251).
- Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. Т. 24: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 3–27. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 358).
- Рейфман П. С. К проблеме эволюции либеральной журналистики в 1860-е годы: («Санкт-Петербургские ведомости», 1863—1874. Время издания и редактирования газеты В. Ф. Коршем) // Труды по русской и славянской филологии. Т. 26: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 68–85. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 369).
- Рейфман П. С. К истории славянофильской журналистики 1840—1850 гг.: Статья шестая // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1985. С. 133—144. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 645).
- Рейфман П. С. Цензура литературная // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 7. СПб., 2009. С. 660–667.
- Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: курс лекций: в 2 т. Т. 1: Цензура в дореволюционной России. Вып. 1: Допетровская Россия первая треть XIX в. / под ред. Г. Г. Суперфина; предисл. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2015. 232 с.

Мемуары, дневники, переписка

- Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В. Г. Чернухи. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2001. 399 с. (Гос. деятели России глазами современников).
- Александр III: Pro et contra: личность и деяния императора Александра III в оценках отечественных мыслителей и исследователей / Рус. христиан. гуманит. акад.; [сост.: И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха]. СПб.: Центр содействия образованию, 2013. 941 с. (Русский путь: pro et contra).
- Бельгард А. В. Воспоминания / вступ. ст., подг. текста Е. Н. Андреевой; коммент. Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор, Н. Г. Патрушевой. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 684 с.
- *Валуев* П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / ред., введ., биогр. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Великий князь Александр Александрович: сб. док. / редкол.: А. Л. Налепин (гл. ред.) и др. М.: Рос. фонд культуры: Студия «ТРИТЭ»: Рос. Архив: Рос. гос. ист. архив, 2002. 720 с. (Рос. архив).
- Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. (Рус. ист. б-ка).
- *Кауфман А. Е.* За кулисами печати: (из воспоминаний старого журналиста) / [предисл., коммент., сост. В. Е. Кельнер]. СПб.: Рос. нац. 6-ка, 2011. 222 с.
- Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. (Биографии и мемуары).
- *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1: [1865-1882] / с предисл. М. Н. Покровского. М.: Новая Москва, 1925. XVI, 448 с.
- Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III: с прилож. писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. Т. 2: [1883–1894]. М.: Новая Москва, 1926. 384 с.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. Т. 1: Novum regnum. Полутом 1–2 / с предисл. М. Н. Покровского. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. (Труды гос. Румянцевского музея).
- Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. 2-е изд. М.: Центрполиграф, 2005. (Мемуары и дневники).
- Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 431 с. (Литературные воспоминания).
- Усов П. С. Из моих воспоминаний / [сост.: Б. И. Есин, Л. А. Ключковская]. М.: Фак. журналистики МГУ, 2009. 321, [3] с. (История российской печати / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. журналистики).
- Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы, 1848-1896: [воспоминания / вступ. ст. А. Е. Преснякова, Ю. Г. Оксмана]. М.: Новости, [1991]. 458, [3] с. (Голоса истории).
- Цензура в России в конце XIX начале XX века: сб. воспоминаний / сост., авт. вступ. ст., прим. и указ.: Н. Г. Патрушева; ред.: М. А. Бенина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 366 с.

Шевченко М. М. Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268 с.

Исследования 2000-х гг. и репринты

- Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории: очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003. 440 с.
- *Блохин В. Ф.* Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е 1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. 383 с.
- Блюм А. В. От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по литературным и архивным источникам. СПб.: Издво им. Н. И. Новикова, 2009. 272 с.
- *Блюм А. В.* Русские писатели о цензуре и цензорах: от Радищева до наших дней, 1790–1990: опыт комментир. антологии. СПб.: ООО «Полиграф», 2011. 608 с.
- Власов Д. В. Эсперанто: полвека цензуры: развитие эсперанто-движения и его журналистики в условиях цензуры в Российской империи и СССР (1887—1938 гг.). М.: Импэто, 2011. 181 с. (Волна эсперанто).
- *Горбачев И. Г., Печников В. Н.* Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX веков: (историко-правовое исследование). 2-е изд., доп. Казань: Юниверсум, 2010. 205 с.
- *Градовский А. Д.* О свободе русской печати. Изд. 2-е. М.: URSS: Ленанд, [2015]. VII, 168, [1] с. (Из наследия мировой политологии; № 57).
- Григорьев С. И. Придворная цензура и образ верховной власти, 1831—1917 / Рос. акад. наук. С.-Петерб. ин-т истории; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. СПб.: Алетейя: Историч. книга, 2007. 476, [3] с. (Левиафан: государство. Общество. Личность).
- *Гусман Л. Ю.* История несостоявшейся реформы: проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). М.: Вузовская книга, 2001. 208 с.
- *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. Т. 1–2. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. (Университет. б-ка Александра Погорельского).
- Дризен Н. В. Материалы к истории русского театра: любительский театр, театральная цензура, к биографиям писателей и артистов, мелочи театральной старины, народный театр. Репринт. изд. М.: URSS, 2015. 311 с.
- Жирков Г. В. Л. Н. Толстой и цензура. СПб.: Роза мира, 2009. 319 с.
- *Измозик В. С.* «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации, XVIII начало XX века. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 696 с. (Historia Rossica).

- История книги и цензуры в России: материалы [I–III] междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма / Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; науч. ред. М. В. Зеленов. СПб., 2013–2015.
- Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828—1917: документы и материалы / Рос. нац. б-ка; сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева; ред. Л. С. Гейро. СПб., 2006. 264 с.
- Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России / под ред. Г. Н. Комковой. М.: Проспект, 2016. 253 с.
- *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Изд. 2-е, испр. М.: URSS: Либроком, 2011. 432 с. (Академия фундаментальных исследований: АФИ. История).
- *Макушин Л. М.* Цензурный режим и журналистика: от «чугунного устава» 1826 г. до закона о печати 1865 г.: в 2 кн. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
- *Мандрика Ю. Л.* Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX начала XX века в жанре patchword. Ч. 1. Тюмень: Мандр и Ka, 2013. 299 с.
- Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011. 267 с.
- Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
- *Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / Рос. нац. б-ка; науч. ред. Д. И. Раскин; ред. Г. А. Мамонтова. СПб., 2016. 722 с.
- Розенберг В. А., Якушкин В. Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем: статьи. 2-е изд. М.: URSS: Ленанд, 2016. 250 с. (Из наследия мировой политологии; № 65).
- Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879—1881 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 376 с.
- Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры, 1700—1863. Изд. 2-е. М.: URSS: Либроком, [2012]. 499 с. (Академия фундаментальных исследований: $A\Phi И$. История).
- Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М.: Юрид. центр Пресс, 2008. 315 с. (Теория и история государства и права).
- *Старкова Л. К.* Цензурный террор, 1848–1855 гг. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 2000. 27 с.
- У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 260 с.
- Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 1-8 / Рос. нац. б-ка. СПб., 2001-2017.
- Цензура и доступ к информации: история и современность / Рос. нац. б-ка; отв. ред. М. Б. Конашев. СПб., 2005. 126 с.

- Цензура как социокультурный феномен: [сб. ст.] / отв. ред. И. Ю. Иванюшина. Саратов: Вольный ветер, 2007. 371 с.
- Цензурный режим переходных эпох: к 200-летию со дня рождения председателя Комитета цензуры иностранной Ф. И. Тютчева: материалы Всерос. науч. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2004. 133 с.
- *Чолдин М. Т.* Империя за забором: история цензуры в царской России / пер. с англ. М. Галушкиной. М.: Центр книги Рудомино, 2002. 310 с.

Статьи 2000-х гг.

- Антонов-Овсеенко А. А. Реабилитация военной цензуры и другие итоги июльского выступления 1917 г. в Петрограде // Вестник Российского ун-та дружбы народов. 2012. № 3. С. 63–70. (Сер.: Литературоведение, журналистика).
- Асташов А. Б., Симмонс П. Военная цензура и настроения солдат в русской армии накануне Февральской революции // Русский сборник: исследования по истории России: Т. 18. М., 2016. С. 423–442.
- Бадалян Д. А. «Считаю всякое личное сближение с верховной властью опасным для своей независимости»: И. С. Аксаков, газета «Русь» и цензура // Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х первой половины 1880-х годов. СПб., 2016. С. 123–197.
- *Белоусов С. В.* Первая мировая война через призму военной цензуры // Исторические записки: межвуз. сб. науч. тр. / Пензен. пед. ун-т. Вып. 8. Пенза, 2004. С. 151–166.
- *Блохин В. Ф.* Всевидящим ли было «цензурное око» государево?: (система государственного управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России) // Гражданогенез в России. Кн. 1 / [под общ. ред. В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина]. Брянск, 2009. С. 85–112.
- Воробьев А. М. Катенины и система цензуры во время Первой мировой войны // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24–26 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2015. С. 177–182.
- *Греков В. Н.* «Тучи собираются: быть грозе...» («Московский сборник» 1852 года и русская цензура) // Аксаковский сборник. Вып. 6. Уфа, 2013. С. 103–110.
- *Гринченко Н. А.* Цензор в системе государственной службы Российской империи второй половины XIX начала XX в. // Книга. Исследования и материалы. C6. 96/97. М., 2012. С. 153–157.
- Гусман Л. Ю. Дискуссии о реформе цензуры иностранных изданий в кругах русской высшей бюрократии (вторая половина XIX начало XX в.) // Триста лет печати Санкт-Петербурга: материалы междунар. науч. конф. / Гос. музей истории Санкт-Петербурга; отв. ред. В. И. Демидова. СПб., 2011. С. 125—129.
- Динерштейн Е. А. Цензура как государственный институт // Книга. Исследования и материалы. Сб. 102. М., 2015. С. 192–195.

- Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: исследования, материалы, постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 158–183.
- Жеглов А. В. Цензура как механизм формирования культурной границы в России 1830-х начала 1850-х годов // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (2). М., 2006. С. 33–38.
- Жирков Г. В. Ф. И. Тютчев и Комитет цензуры иностранной в штате Министерства внутренних дел // Мурановские чтения 2014: материалы науч. конф. М., 2015. С. 35–46.
- Зохраб И. Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени: постановка проблемы // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб., 2013. С. 143–169.
- Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в.: (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210–250.
- Кибардина Т. А. Общественно-культурный статус цензуры в отечественной мемуаристике (1783—1865 гг.) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965—2005). Т. 2 / Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 323—344.
- *Конашев М. Б.* Эволюционная теория и цензура в России // Наука о книге. Традиции и инновации. Ч. 1. М.: Наука, 2009. С. 253–255.
- Косарев С. И. Актуальные проблемы изучения института цензуры в России // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства: (XVIII–XX вв.). Брянск, 2010. С. 375–380.
- *Курмаев М. В.* Внутренняя цензура иноязычных книг в Российской империи (вторая половина XIX начало XX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 377—382.
- Аихоманов А. В. Медицинская цензура в России в начале XX в. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: сб. науч. тр. к 10-летию кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах СПбГУ. СПб., 2008. С. 125–131.
- *Макушин Л. М.* Бессильное Bureau de la presse и несостоявшееся «министерство цензуры» // Известия Уральского гос. ун-та. 2008. № 56. С. 267–277. (Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры; Вып. 23).
- Перевалова Е. В. «Истина не должна бояться гласности...»: (Журнал «Русский вестник» и цензура в первые годы реформ Александра II) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 21–31.
- Патрушева Н. Г. Цензура изображений в дореволюционной России // Газетная и журнальная иллюстрация: материалы науч. конф. / Гос. музей истории Санкт-Петербурга. СПб., 2014. С. 176–182.

- *Сапожников А. И.* Из истории военной цензуры в России: деятельность Военноцензурного комитета (1835–1858 гг.) // Клио. 2002. № 4. С. 54–58.
- *Северюхин Д. Я.* Цензура художественная // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 7. СПб., 2009. С. 667–671.
- Старкова Л. К. Правительственные и общественные инициативы в вопросах регламентации российской цензуры в начале XIX века // Известия Саратовского ун-та. 2011. Т. 11, Вып. 2 (Ч. 1). С. 3–11. (Новая сер.; Сер. История. Международные отношения).
- Строева А. А. «Печать и торговля произведениями печати свободны»: военная цензура в регионах Центрального Черноземья России в феврале октябре 1917 года // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 59–62.
- Тимашова О. В. А. Ф. Писемский и журнал «Отечественные записки» о проблемах цензуры // Известия Саратовского ун-та. 2014. Т. 14, Вып. 1. С. 68–71. (Новая сер.; Сер. Филология. Журналистика).
- Федяхина Е. Г. История драматической цензуры на материале фонда «Драматическая цензура» в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке // Театральная пьеса. Создание и бытование: доклады Седьмых науч. чтений «Театральная книга между прошлым и будущим» (2006 г.) / Рос. гос. б-ка по искусству. М., 2008. С. 70–78.
- Федяхина Е. Г. Цензура драматическая // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 7. СПб., 2009. С. 656–660.
- *Чубаров И. М.* Власть, знание и цензура (Россия, XIX в.) // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 117–124.
- *Шомракова И. А., Эльяшевич Д. А.* Исследования истории цензуры в Российской национальной библиотеке // Библиография. 2012. № 6. С. 84–89.
- Эльяшевич Д. А. Правительственная цензура еврейских изданий в Российской империи // История еврейского народа в России. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772—1917. М.: Иерусалим, 2012. С. 86—98.

Учебные пособия

- *Бик-Булатов А. Ш.* Русская журналистика 1860–1870-х годов (нигилистический дискурс): учеб пособие. Казань: [Казан. гос. ун-т], 2006. 202 с.
- Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Аспект-Пресс, 2001. 368 с.
- История русской журналистики XVIII—XIX веков: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Л. П. Громовой. 3-е изд. СПб.: изд-во С.-Петерб. гос. унта, 2013. 528 с.
- Русская журналистика в документах: история надзора: учеб. пособие / под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского; сост. О. Д. Минаева. М.: Аспект-Пресс, 2003. 397 с.

Справочные и библиографические пособия

- *Грабельников А. А., Минаева О. Д.* История русской периодической печати (1703–2003): библиогр. справ.: в 2 т. М.: РИП-холдинг, 2004.
- Добровольский Л. М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды БАН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1961. Т. 5. С. 245—252.
- Зеленов М. В., Дьюхерст М. Работы российских авторов по истории досоветской и советской цензуры, опубликованные в 1988—1995 годах // Открытый текст: электронное периодич. изд. / Нижегород. отд-ние Рос. о-ва историков-архивистов. 2006. 31 марта. Реж. доступа: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/bibliography/?id=895 (дата обращения: 01.03.2017).
- Известная и неизвестная эстрада конца XIX начала XX веков: каталог фонда цензуры произведений для эстрады Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, 1846—1917 / сост. Лопатин А. А.; ред. Котова Т. В. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 367 с.
- Мамонтова Г. А. Роспись содержания сборника научных трудов «Цензура в России: история и современность». Вып. 1–5, 2001–2011 // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 5 / Рос. нац. б-ка. СПб., 2011. С. 414–423.
- *Мезьер А. В.* Словарь русских цензоров: материалы к библиографии по истории русской цензуры / [предисл., примеч. Т. Г. Паршина и др.]. М.: ГПИБ, 2000. 144 с.
- Патрушева Н. Г. Изучение истории цензуры второй половины XIX начала XX века в 1960–1990-е гг.: библиогр. обзор // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 425–438.
- Патрушева Н. Г. Исследования по истории дореволюционной цензуры в России; опубликованные в 1999–2009 гг.: библиогр. обзор // Цензура в России: История и современность: сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка; С.-Петерб. фил. Инта истории естествознания и техники РАН; сост. и науч. ред. М. А. Бенина, М. Б. Конашев, Н. Г. Патрушева. СПб., 2011. Вып. 5. С. 358–376.
- Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг.: Система административных взысканий: справочное издание / Рос. нац. б-ка; сост. и автор вступ. ст. Н. Г. Патрушева. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.
- Цензоры Российской империи: конец XVIII— начало XX века: биобиблиогр. справ. / Рос. нац. б-ка; [сост. О. Ю. Абакумов и др.]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2013. 480 с.

Авторефераты диссертаций 2004-2016 гг.

- *Агапова Е. А.* Философия цензуры: социокультурный и диахронический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д., 2013. 36 с.
- Амбросьев А. В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. управления МВД России. М., 2012. 24 с.
- *Белобородова А. А.* Становление и развитие цензурных учреждений в Курской губернии во второй половине XIX начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Кур. гос. ун-т. Курск, 2007. 25 с.
- Бондарь В. О. Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сев.-Осетин. гос. ун-т. Владикавказ, 2012. 28 с.
- *Бурлакова Р. И.* Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рос. акад. правосудия. М., 2004. 26 с.
- Верхова Н. Б. Законодательная охрана литературных и издательских прав в дореволюционной России / Нижегород. правовая акад.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 26 с.
- Константинов К. Б. Регулирование книгоиздательской деятельности в контексте политико-правовой эволюции России (конец XVII начало XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2006. 22 с.
- Кумачева С. В. Система административного преследования «бесцензурной» печати в России: 1872–1882 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. гуманит. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2008. 27 с.
- Майорова О. В. Литературная цензура и проблема становления «русской идеи» в художественно-публицистическом процессе XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2006. 22 с.
- *Макушин Л. М.* Цензурный режим и система русской периодической печати в эпоху великих реформ Александра II: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2010. 48 с.
- Матвеева М. В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2004. 26 с.
- Махотина Н. В. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках: базовые аспекты функционирования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН. Новосибирск, 2011. 22 с.
- Осташевский А. А. Цензурные уставы XIX века и их влияние на формирование системы российской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2009. 20 с.

- *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Рос. нац. б-ка. СПб., 2014. 55 с.
- Пушкарев Е. Ю. Нормативно-правовые основы цензуры в России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД РФ. М., 2010. 21 с.
- *Пшеничная М. А.* Государственная политика в области цензуры печати в России XIX начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ставропол. гос. ун-т. Ставрополь, 2002. 26 с.
- Ромащенко В. А. Система цензурных предостережений в отношении периодической печати в контексте российской государственной политики конца 1878—1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2016. 26 с.
- Солодовников М. В. Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 29 с.
- Ячевский С. И. Цензурная политика царского правительства в пореформенный период: Вторая половина XIX начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гос. ун-т управления. М., 2002. 16 с.

Оглавление

Предисловие	5
От редакции	9
Благодарность Ларисы Ильиничны Вольперт	10
Глава шестая «ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»	
Часть первая. (Шаг вперед, но)	15
Часть вторая. (И два шага назад)	67
Глава седьмая «ГЛУХАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА»	140
Глава восьмая «НО В ОКТЯБРЕ ЕГО НЕМНОЖЕЧКО ТОГО»	181
Список сокращений	254
Именной указатель	255
Указатель периодических изданий	290
Список литературы	295

Для заметок

Для заметок

Рейфман Павел Семенович

ЦЕНЗУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Том 1 Цензура в дореволюционной России

> Выпуск 3 1855–1917 гг.

Верстка: М. А. Серебренников, К. Е. Струков Корректоры: Е. Ф. Любомирова, Н. Л. Витько Оформление обложки: Л. О. Зайонц

Подписано в печать 10.05.2017 Формат 60×90/16. Объем 19,25 усл. печ. л. Печать офсетная. Тираж 350 экз.

ISBN 978-5-98604-621-1

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000» тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru